

КИВА А.В.

Реформы в Китае и России: сравнительный анализ

Москва

Центр стратегической конъюнктуры

2015

УДК 316.7
ББК 65.88(2Р+5)
К38

РЕДАКТОР
Каратеева Вера Дмитриевна

КИВА А.В.

К38 Реформы в Китае и России: сравнительный анализ / Институт востоковедения РАН. — М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. — 304 с.

ISBN 978–5–9906069–6–8

Монография посвящена сравнительному анализу реформ и их результатов в Китае и России. Обе страны прошли через этап «государственного социализма», но потом их развитие пошло по разным моделям. В результате Китай стал второй экономикой в мире, в то время как Россия по объему ВВП только в 2007 г. вышла на дореформенный уровень, потеряв при этом многое из того, что было достигнуто в советские годы. В работе дается обстоятельный анализ причин таких разных результатов. Автор показывает реальную картину в обеих странах, не пытаясь ничего приукрашивать или чернить. При этом он приводит точки зрения как российских, так и зарубежных авторов на реформы в двух странах и перспективы их дальнейшего развития. Монография представляет интерес как в теоретическом, так и в практическом плане. Несмотря на то, что две страны пошли по разным траекториям, из китайского опыта мы могли бы многое позаимствовать. Книга написана «живым языком», читается легко и представляет интерес как для ученых и специалистов, так и широкого читателя, при том, что она богата фактическим материалом.

© Кива А.В., 2015

ISBN 978–5–9906069–6–8

© Воробьев А.В. & Центр СК, оформление, 2015

Научное издание

Подписано в печать 20.02.2015. Формат 60х88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 21,93. Тираж 300 экз.

Центр стратегической конъюнктуры. centerconjunction@gmail.com
141202, МО, г. Пушкино, ул. Набережная, д. 35, корп. 6. +7(906) 075–00–22

Научно-издательский отдел ИВ РАН. Зав. отделом А.В. Сарабьев. E-mail: izd@ivran.ru

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД № 0059

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
РАЗДЕЛ I. Китай и Россия: сходство и различия	14
ГЛАВА 1. Мы принадлежим к разным цивилизациям	14
ГЛАВА 2. Не только отличия, но и сходство.....	18
В чем живучесть китайской цивилизации?.....	23
Специфика китайского общества	24
ГЛАВА 3. Факторы, способствующие росту Китая и тормозящие развитие России.....	26
РАЗДЕЛ II. Китайский путь развития	43
ГЛАВА 4. Предыстория слагаемых Великих Перемен.....	43
Великими реформаторами не рождаются, ими становятся	52
ГЛАВА 5. Что способствовало смене вектора общественного развития .	57
Существовала ли в годы правления Дэн Сяопина угроза срыва реформ? ..	62
ГЛАВА 6. Принципы китайской модели реформ	66
ГЛАВА 7. Приоритеты китайских реформ.....	70
Сельское хозяйство как ключевое звено первого этапа реформ	70
Политика «открытости» как стратегия создания новой экономики	76
ВТО как инструмент торговой экспансии Китая	77
«Кровеносные сосуды» китайской экономики и социальной сферы	82
РАЗДЕЛ III. Социально-экономические преобразования в России	92
ГЛАВА 8. Реформы 1990-х годов	92
ГЛАВА 9. Особенности реформ нулевых годов	98
ГЛАВА 10. Приоритеты российских реформаторов	101
Передел собственности	101
Решение продовольственной проблемы.....	103
На основании каких законов начинались и проводились реформы в аграрном секторе?	105
Состояние аграрного сектора.....	107

Транспорт — больное место России	108
Дороги как визитная карточка России	113
Потери реального сектора экономики и инфраструктуры	120
ГЛАВА 11. Экономическая стратегия: насколько реальны задачи?..	123
Запоздавая модернизация	133
Итоги двадцати лет реформ	136
РАЗДЕЛ IV. Политические реформы в Китае и России	142
ГЛАВА 12. Особенности политических реформ в Китае	142
Политические реформы как важнейшее условие быстрого развития Китая ..	143
Мао Цзэдун остается великим государственным деятелем.....	143
Компартия превращается в проводника рыночных реформ.....	148
«Социализм с китайской спецификой»: новая реальность?	151
Политические реформы в Китае уже имеют историю	154
О характере китайского режима и судьбе компартии.....	163
ГЛАВА 13. Развитие политической системы в постсоветской России ..	171
Небольшой экскурс в историю	171
Экономика и политика: их взаимодействие.....	178
Рождение новых форм государственного управления.....	182
Трудности становления новых форм жизни	185
Тандем: исключение или новая модель руководства государством?	191
Демократия или развитие: что первично?.....	193
РАЗДЕЛ V. Крупные проекты и научно-технический прогресс....	199
ГЛАВА 14. Китай поражает мир	201
Китайские «кремниевые долины» как «мегапроекты»	215
ГЛАВА 15. Россия ищет свои пути технического прогресса	220
Образование и наука	220
Наиболее известные российские проекты	227
РАЗДЕЛ VI. Китай и мир	240
ГЛАВА 16. Что думают в России о Китае и его модели реформ	240
ГЛАВА 17. Что думают о быстром росте Китая на Западе	259
Резюме	299
Summary.....	302

Введение

О Китайской Народной Республике в последние годы написано немало как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Что и неудивительно, поскольку Китай является не просто великой страной, членом Совета безопасности ООН, но и самым большим по населению государством мира и второй экономикой после США. А еще страной, которая реализует одну из самых успешных в мире моделей реформ, называемой «реформа и открытость». А для России Китай — это еще и сосед, граница с которым растянулась на четыре тысячи километров. Между прочим, это вторая по протяженности (после казахстанской) российская сухопутная граница. При этом на разных отрезках истории отношения между странами складывались по-разному — от дружественных, когда мы называли друг друга «братьями навек», до враждебных, когда дело доходило до вооруженных столкновений.

Однако работ, построенных в парадигме сравнения реформирования двух стран — Китая после прихода к власти Дэн Сяопина и России после распада СССР и краха коммунистического режима — нет или почти нет. Китаисты, за редким исключением, пишут только о КНР, а специалисты по России затрагивают китайские реформы преимущественно по касательной и в зависимости от мировоззренческой позиции то восторгаются их результатами, то делают акцент на их негативных последствиях, а то и предрекают их скорый провал.

Вместе с тем автор не занимается китаеведением и в его задачу не входит анализ и даже обзор литературы по Китаю, его интерес лежит в плоскости сравнительного анализа реформ в Китае и России. Соответственно, он будет указывать на ту литературу, которую он так или иначе использовал в ходе работы над рукописью данной книги, и на тех авторов, на которых он ссылается и/или которые оказали влияние на его понимание сложных процессов реформирования в странах переходного периода. И, разумеется, акцент сделан не на России, поскольку россияне знают несравнимо больше о реформировании своей страны, а на Китае.

Но уже в предисловии я хотел бы назвать тех авторов, которые оказали наиболее сильное влияние на мое понимание процессов в странах переходного периода, особенностей менталитета и духовной жизни восточных народов и прежде всего китайцев. Начну с патриарха отечественной синологии, академика РАН, дипломата С.Л. Тихвинского, много лет проработавшего в Китае. Его работы помогают многое понять в богатой китайской истории, в том числе как составляющие взлетов Поднебесной, так и причины ее падений. Также это еще недавно работавший в ИВ РАН академик РАН, историк, востоковед, китаист В.С. Мясников, глубоко знающий историю Китая. В частно-

сти, он поведал не только широкому читателю, но и китаистам, занимающимся современным Китаем, о роли стратагем¹ в политике Поднебесной.

Это директор Института Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН) академик РАН М.Л. Титаренко, много лет проводивший в Китае как студент и как работник дипломатической службы. Он следит за ходом китайских реформ и в своих статьях и выступлениях дает им серьезный анализ, а нередко и сопоставляет их с реформами, проводимыми в России. Об особом чувстве китайцев к своей родине говорят многие, но М. Титаренко приводит такие примеры, которые наталкивают на мысль: китайский патриотизм стал составной частью успеха начатых Дэн Сяопином реформ. Это и другие крупные специалисты по Китаю, такие как заместители директора ИДВ РАН С.Г. Лузянин, А.В. Островский, В.Я. Портяков.

Это специалист по истории, философии, культуре и религии стран Дальнего Востока, востоковед, доктор исторических наук, профессор, работавший в МГУ и Институте Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН), читавший лекции во многих странах мира, а ныне живущий и работающий на Тайване В.В. Малявин. Именно благодаря этому автору я расширил свои представления о духовной жизни китайского народа, о ценностях, которые далеко не всегда совпадают с ценностями европейского общества. (Отвечая на вопрос, какой интерес движет им в его научных исследованиях, он сказал так: «Китайская мудрость. Вот и все. Что таится в самой глубине китайской души, каким образом китайцы отвечают на эти фундаментальные вопросы жизни — смысл жизни, зачем человек живет, как он должен жить — вот так. Ни больше, ни меньше...»²)

Хочу назвать и китаистов, работающих в Институте востоковедения РАН. Это, в частности А.А. Бокщанин, А.И. Кобзев, Э.С. Кульпин, О.Е. Непомнин, Ю.В. Чудодеев, которые в той или иной мере соприкасаются с современностью. Это также те ученые ИВ РАН, труды которых непосредственно не касаются (или редко касаются) китайской проблематики, но помогают анализу в парадигме компаративистики. Это И.Ю. Авдаков, В.А. Акимов, Ю.Г. Александров, В.Я. Белокриницкий, М.И. Крупянко, Э.В. Молодякова, Р.Г. Ланда, В.В. Наумкин, С.А. Панарин, В.Г. Растянный, Т.Л. Шаумян, Н.Н. Цветкова и др.

Это, безусловно, работающие (или работавшие) вне ИВ РАН китаеведы, такие как Л.С. Васильев, Я.М. Бергер, Э.О. Берзин, Ю.М. Галенович, В.Г. Гельбрас, Л.П. Делюсин, В.В. Карлусов, А.А. Маслов, А.В. Меликсетов, В.А. Мельянцева, В.В. Михеев, А.Г. Ларин, А.Е. Лукьянов, А.И. Салицкий, И.С. Смирнов, востоковед, писатель и журналист В.В. Овчинников, заместитель директора Института политического и военного анализа А.А. Храмчихин и ряд других авторов. (Кстати сказать, А. Храмчихин весьма мрачно смотрит на перспективы сотрудничества и будущих взаимоотношений между РФ и КНР³.)

Специально я бы выделил китаиста В.П. Невейкина, питомца ИВ РАН, который поехал в КНР совершенствовать свои знания в китайском языке, но состоялся там как преуспевающий бизнесмен. В своих публикациях в рос-

сийской прессе он дает много ценного материала о китайских реформах, в том числе об успешных методах борьбы с коррупцией и произволом бюрократии, создании благоприятного инвестиционного климата, что, при желании, могло бы быть использовано и российскими властями. При этом, работая и живя там, он понимает острее, чем многие из нас, живущих и работающих здесь, характер и пределы сотрудничества России с Китаем, для которого, как он подчеркивает, «нужен прямой доступ к опыту передовых стран планеты, к их знаниям и технологиям, умениям и инновациям, не говоря уже о рынках сбыта»⁴.

В этот же ряд можно поставить и Игоря Путилова. Он родился в деревне недалеко от Благовещенска на берегу Амура, по другую сторону которого расположен китайский город Хэйхэ. Начиная с раннего возраста, Путилов интересовался жизнью китайцев, изучил китайский язык и обосновался в Хэйхэ. Начав работать в международной фирме, он объехал чуть ли не весь Китай и пытливым оком многое увидел. О себе он говорит так: «Может быть, я не столь много знаю об истории, культуре и политике Китая, но могу вам немало рассказать о китайском менталитете, об их образе мышления, отношении жителей Хэйхэ, ставшего фактически “своим” для многих амурчан городом, к соседям — России и русским»⁵.

При сопоставлении реформ в России и Китае незримо присутствовал и опыт реформ в Индии, которым я не перестаю интересоваться, при том что в этой стране я не раз бывал, том числе в научной командировке⁶.

Большую ценность для понимания сути и перспектив китайских реформ имеют высказывания о них работавших в КНР российских дипломатов, в частности, бывшего Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Китае И.А. Рогачева (ныне уже ушедшего из жизни в качестве члена Совета Федерации) и бывшего советника посла СССР в КНР Китаиста Е.П. Бажанова, ныне крупного ученого, ректора Дипломатической академии МИД РФ. Очень помогали с точки зрения как фактического материала, так и понимания происходящих в КНР процессов и тенденций западные, и прежде всего американские авторы, особенно те, которые подолгу жили или поныне живут в Китае и видят эту страну как бы изнутри. Они будут названы в соответствующих разделах монографии, не исключая и тех, кто остро критически настроен против китайских реформ и китайского режима.

Большую помощь в подготовке монографии оказывали не только фундаментальные работы российских и отчасти зарубежных сиологов, но и материалы периодических изданий, в первую очередь журналы «Проблемы Дальнего Востока» ИДВ РАН и «Восток. Афро-азиатские общества: история и современность» ИВ РАН. Но и без помощи размещенных в Интернете научных материалов и информации трудно было бы подготовить большую работу компаративистского характера.

Лучшему пониманию феномена «реформа и открытость» помогали материалы съездов и пленумов Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК), выступления китайских руководителей, документы

Народного политического консультативного совета Китая, а также публикации Академии наук КНР, Академии общественных наук при ЦК КПК.

Из китайских ученых, труды которых помогали мне при работе по китайской проблематике, я бы назвал Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу — авторов книги «Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа»⁷, директора Института экономики Шанхайской академии общественных наук Цзо Сюэцзиня⁸, а также Чэнь Чэнмина, Се Пейлин⁹ и Ли Синь¹⁰.

Скажу и о собственном опыте. Я дважды был в Китае, в двух моих последних монографиях «Российские реформы в контексте мирового опыта. Вопросы теории и политической практики» (2006) и «Реформы команды В. Путина в историческом контексте. Сравнительный анализ» (2011) Китаю были посвящены целые разделы. Это не считая научно-популярных статей в общественных журналах и газетах и научных статей, которые открыла статья «Китайская модель реформ» в журнале «Вопросы истории» (2002, № 5).

Я бы выделил несколько блоков вопросов, вокруг которых наиболее часто идут споры исследователей как отечественных, так и зарубежных. *Первое.* Какая социальная система формируется в результате осуществления стратегии «реформа и открытость»? Некоторые российские авторы, такие как главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Л.И. Кондрашова, до сих пор считают Китай социалистической страной, а главный научный сотрудник Института экономики РАН Л.П. Делюсин (ныне покойный), напротив, давно заявил, что «социализм в Китае уже проиграл»¹¹. Деятели КПРФ тоже говорят о Китае как о социалистической стране. Но это тот вопрос, о котором будет обстоятельный разговор в одной из глав этой работы.

Второе Что представляет собой китайская модель реформ и настолько она долговечна? Многие аналитики, особенно западные, давно предрекали ей скорый крах, однако этого не случилось, и причины этого пока не просматриваются. Директор Института экономики Шанхайской академии международных исследований доктор экономических наук Ли Синь, отмечая негативные стороны китайских реформ, как, например, высокая социальная и экологическая их цена и непомерно большая доля ВВП в инвестициях (49,5% в 2007), в то же время подчеркивает: из всех существующих моделей — латиноамериканской, советской, постсоветской — китайская наиболее удачная и перспективная. Ее реализация обеспечила Китаю чрезвычайно быстрый рост, она жизнеспособна, не носит имитационного характера, ибо выросла на национальной почве, и может быть альтернативой «европейско-американской модели»¹².

Велика вероятность того, что Китай как минимум лет десять, а то и больше, сможет избегать затухания роста, как это произошло в Японии, хотя уже и не в двухзначных числах. Например, экономист Всемирного банка Джастин Лин допускает, что Китай в течение 20 лет может ежегодно наращивать ВВП на 8%, и тогда он к 2030 г. станет крупнейшей экономикой мира¹³. Однако, по данным международного валютного Фонда (МВФ), КНР может обогнать США по объему ВВП уже в ближайшие годы, правда, только по паритету покупательной способности (ППС)¹⁴.

Как считает лауреат Нобелевской премии по экономике американец Пол Кругман, одной из причин затухания японского роста стали узкий внутренний рынок и низкий уровень инфляции, побуждающий бережливых японцев не покупать товары, а хранить деньги на черный день¹⁵. Китаю в ближайшие годы не грозит перепроизводство. С одной стороны, благодаря развитию высоких технологий количественный рост все больше уступает место качественному росту, а с другой стороны, у Китая огромный внутренний рынок. Он в рамках собственной страны может передавать производства и технологии по цепочке: от высокоразвитых регионов среднеразвитым, а те, в свою очередь — наименее развитым. Как это делали Япония, а позже Южная Корея, передавая трудоемкие, материалоемкие и «грязные» производства менее развитым соседним странам. Притом с наступлением в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса и ростом безработицы западные аналитики стали задаваться вопросом: правильно ли было для европейских стран и США переносить промышленное производство в другие государства, и прежде всего в Китай. И в самом деле, меньше всего от мирового финансово-экономического кризиса пострадали страны с высокоразвитой промышленностью, как Германия, Швеция, Швейцария и др., с одной стороны, и страны с емким внутренним рынком, как Индия и тот же Китай.

Но по мере углубления финансово-экономического кризиса в странах Евросоюза многими аналитиками ставился и другой вопрос: верна ли неолиберальная экономическая теория, следуя которой государство, по сути, устранилось от регулирования не только экономического процесса, но и финансовых операций, что позволило финансистам (включая финансовых спекулянтов) выйти на первые роли в экономическом развитии, проводить сомнительные акции, утаивать реальное положение дел банков, с помощью разного рода лазеек не выплачивать сполна налоги, что в итоге вызвало острейший финансовый кризис. Выдающийся американский экономист, лауреат Нобелевской премии Пол Самуэльсон, соединивший идеи неоклассицизма с кейнсианством и многие годы дискутировавший с другим лауреатом Нобелевской премии, классиком неолиберализма Милтоном Фридменом, ушедшим из жизни в 2006 г., незадолго до своей смерти (декабрь 2009 г.), в интервью немецкой газете *Die Welt* подчеркивал, что проповедуемый его оппонентом либеральный фундаментализм нанес большой вред тем странам, которые пытались взять его на вооружение¹⁶.

И что совсем удивительно, лечить острейший финансовый кризис в странах с высокими суверенными долгами (Греция, Испания, Португалия, Италия и др.), падающим производством и стремительным увеличением безработицы ведущая страна ЕС Германия устами канцлера Ангелы Меркель упорно и последовательно предлагала резким сокращением их государственных расходов, упуская из виду необходимость создания условий для возобновления экономического роста. И это типичные рецепты в духе идей М. Фридмена. США вышли из рецессии раньше европейских стран во многом потому, что с наступлением кризиса согласно теории государствен-

ного регулирования вложили огромные средства в модернизацию промышленности (сделав ее продукцией, в частности автопрома, более конкурентоспособной) и оздоровление финансовой системы. И поскольку в глобальной экономике все страны в той или иной мере зависят друг от друга, то от экономического спада в странах ЕС несут потери и крупнейшие экономики мира, как китайская и индийская, да и та же германская. Вопрос только в том, насколько масштабны эти потери. Например, имеющий огромные валютные резервы Китай стал скупать долги оказавшихся в трудном финансовом положении европейских стран и акции терпящих убытки перспективных производств. Со своей стороны президент США Барак Обама начал призывать лидеров европейских стран не столько сокращать государственные расходы, сколько принимать меры к стимулированию роста их экономик. (Очевидно, Обама хорошо знает, что политика президента-республиканца Герберта Гувера, который с наступлением мирового кризиса в 1929 г. решительно настаивал на сокращении государственных расходов, как раз и привела США к Великой депрессии, из которой ее вытаскивал президент-демократ Ф.Д. Рузвельт, который был хорошо знаком с теорией государственного регулирования выдающегося английского экономиста Джона Кейнса.)

Третье. Это вопросы о демократизации Китая, которые часто поднимают западные и российские либералы. В частности, российские либералы считают, что без демократических институтов в Китае не построить инновационную экономику. Но этими же вопросами задаются и исследователи, не стоящие на позиции неолиберализма. Например, на одном из крупных форумов ветеран синологии Л.П. Делюсин заявил, что перед китайским руководством стала актуальной задача перевода страны на позиции демократии. С чем большинство участников форума решительно не согласились. Причины? Если говорить коротко, то, во-первых, Китай, несмотря на фантастически быстрый рост в последние десятилетия, все еще является бедной страной в пересчете ВВП на душу населения. Причем крестьянство все еще составляет примерно половину населения страны, которое в массе своей не отличается политической и даже общей грамотностью. Это не лучшая среда для произрастания представительной демократии. Есть, правда, пример Индии, но это особый случай, и демократия там имеет свои особенности, однако это не предмет моего рассмотрения в данной работе.

Во-вторых, демократия в ее универсальном или, если хотите, англо-саксонском понимании в Китае далеко еще не стала приоритетной ценностью. Да и станет ли вообще? Как говорит В. Малявин, «ядро китайской культуры, ее жизненный нерв часто определяют как приверженность идее совместной и гармоничной жизни людей. Любой китаец на вопрос о том, что для китайцев есть высшая ценность, не задумываясь ответит: согласие, или гармония (хэ) между людьми... китайцы приучены не ставить свое “Я” на первое место и открыто заявлять о своих личных интересах и желаниях»¹⁷.

В-третьих, политическая система практически всех «новых индустриальных стран» на переходном этапе носила авторитарный характер, что по-

зволило им мобилизовать все ресурсы для быстрого развития. Да и в большинстве ныне развитых стран на сходном этапе развития политическая система не была результатом волеизъявления большинства, даже в Британии, на родине парламентаризма, многие годы правом голоса пользовалось лишь незначительное меньшинство. Стало быть, это была «демократия меньшинства», что отрицает изначальное понимание демократии как правления народа, то есть большинства (по-гречески «демос» — «народ» и «кратия» — «власть»).

В то же время нет основания считать, как многие полагают, что страны конфуцианской культуры чужды демократии в ее универсальном понимании. Об этом говорит пример Тайваня и Южной Кореи. Другое дело, что положение указанных стран, тесно связанных с Западом, не имеет прямой корреляции с материковым Китаем, цивилизация которого насчитывает более пяти тысяч лет. Можно предположить, что когда Поднебесная станет сверхдержавой, то она тем более не будет прислушиваться к поучениям по части демократии страны без исторических корней, то есть США. И уж точно китайская демократия не будет калькой американской или британской демократии.

Четвертое. Это проблемы, связанные с ростом социальной напряженности в Китае, вытекающие по большому счету из чрезвычайно быстрого его роста, неизбежно рождающего те или иные коллизии. Ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН А.Г. Ларин указывает на следующие крупные противоречия в китайском обществе: «Это растущее социальное расслоение при сохранении бедности многомиллионных масс; дисбаланс между уровнем жизни приморских и внутренних районов, города и деревни; ухудшение окружающей среды; дефицит природных ресурсов, в том числе воды... Каждый год в Китае регистрируются десятки тысяч волнений, вызванных отчуждением у крестьян земельных участков»¹⁸.

В свою очередь Л. Синь пишет о том, что в Китае децильный коэффициент (разница в доходах 10% верхних и нижних слоев населения) выросла с 7,3 раз в 1988 г. до 23 раз в 2007 г.¹⁹.

Признавая бесспорный факт трудностей, перед которыми стоит Китай, включая рост социальной напряженности, надо учитывать и другое: за годы реформ благосостояние китайцев, по данным исследователей ИДВ РАН, выросло в 10 раз, при том, что в 15 раз сократилось число людей, живущих ниже черты бедности²⁰. К тому же у китайцев есть объединяющая идея, есть цель, к которой они стремятся, и есть нескрываемое чувство гордости за достижения страны в последние десятилетия (но об этом будет отдельный разговор). Поэтому глубоко заблуждались те, кто ждал в Китае вначале «цветной революции», а затем революции по «арабскому сценарию».

Пятое. Это, конечно же, проблема российско-китайских отношений. Одни китаисты — но таких меньшинство — пессимистически смотрят на российско-китайские отношения в исторической перспективе. В их числе и доктор исторических наук профессор Института стран Азии и Африки при

МГУ китаист с большим стажем В.Г. Гельбрас. Другие же китаисты (которых большинство) указывают на слабые стороны постсоветской России на нашем Востоке, однако обходятся без алармических заключений. А. Ларин, говоря о так называемом «захвате китайцами Сибири», указывает на причины страхов среди некоторой части граждан на Дальнем Востоке. Это, прежде всего, малочисленность российского населения, в десятки раз превышающее его население пограничных китайских провинций и несопоставимая экономическая мощь Китая и России. Вместе с тем он заключает, что Китай нуждается в России как в политическом и экономическом партнере, и эта заинтересованность обоюдная²¹.

И в то же время прогнозировать то, как поведет себя Китай, когда он станет второй сверхдержавой и первой по мощи экономикой мира, я бы не решился. Этого не знает и знать не может никто, включая самих нынешних китайских руководителей. Причем проблемой может стать не столько сила Китая, сколько слабость России вообще и, в частности, ее неспособность освоить районы нашего Востока, на которые когда-то распространялось влияние Цинской империи и претендовал в последние годы жизни Мао Цзэдун.

Что же касается российских реформ, то поскольку их результаты у нас перед глазами, я назову только тех авторов, которые указывали и/или указывают на несоответствие национальным интересам России нынешней модели реформ и дают научно обоснованную картину будущего страны, если сохранится инерционный сценарий ее развития. Это, прежде всего, ученые Российской академии наук: Л.И. Абалкин (недавно ушедший из жизни), А.Г. Аганбегян, О.Т. Богомоллов, Е.П. Велихов, С.Ю. Глазьев, А.А. Дынкин, Т.И. Заславская, В.Е. Захаров, В.В. Ивантер, А.А. Макаров, В.Л. Макаров, А.Д. Некипелов, Р.И. Нигматулин, Ю.А. Осипян, Н.Я. Петраков, В.М. Полтерович, У.М. Примаков, С.М. Рогов, В.Е. Фортов; члены-корреспонденты РАН Р.С. Гринберг, Б.Н. Кузык, С.П. Курдюмов, Н.М. Римашевская, Ж.Т. Тощенко; доктора наук Н.В. Злобин, О.В. Крыштановская, Г.Г. Малинецкий и др.

Но это также ученые и специалисты за рамками РАН, такие как В.Л. Иноземцев, Н.А. Кричевский, А.Н. Привалов, М.Л. Хазин и др. Депутаты Государственной думы: О.Г. Дмитриева, С.А. Петров и др. Предприниматели: Р.К. Варданян, М.Д. Прохоров и др. Генералы в отставке: член Совета Федерации А.А. Аслаханов, В.С. Овчинский и др.

Большое значение для понимания состояния нашей экономики, как, впрочем, и науки имеет обмен мнениями известных российских ученых по вопросам модернизации в ходе работы Научной сессии Общего собрания РАН 16 и 17.12. 2008 г.

Пониманию происходящих в нынешней России процессов помогали работы выдающихся российских мыслителей, и прежде всего Н.И. Бердяева, Г.П. Федотова, П.Я. Чаадаева, историка В.О. Ключевского, классиков русской литературы Н.В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А.П. Чехова, а также современных деятелей культуры, таких как М.О. Веллер, А.Д. Дементьев, Д.С. Лихачев, В.И. Хотиненко и др.

Ценную информацию по вопросам общественных процессов в России (как, впрочем, и в Китае) давала периодическая научная литература и Интернет. Это академические журналы «Вопросы истории», «Мир перемен», «Мировая экономика и международные отношения», «Россия и современный мир», «Общественные науки и современность», «Социологические исследования», журнал МИД РФ «Международные отношения» и др.

¹ Стратегема — стратегический план, в котором для противника заготовлена какая-то ловушка, о которой он не догадывается и в которую в итоге попадает. Всего насчитывается 36 стратегем.

² *Малявин В.В.* Основные черты китайской культуры // www.krmasters.ru/stay/bookof-month/kitayupravlaemy.php?ELEMET_ID=61.

³ *Храмчихин А.* Вызов «Поднебесной» // Свободная мысль. 2007. № 9. С. 66.

⁴ *Невейкин В.* К вопросу российско-китайского евразийского союза // www.snob.ru/profile/10497/blog/42293.

⁵ Блог Игоря Путилова: Хэйхэ: Китай или Россия? // blogs.amur.info/putilov/111.html.

⁶ См. в частности: *Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л.* Индия — Россия. Стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009.

⁷ *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжэю.* Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа. М., 2001.

⁸ *Цзо Сюэцзинь.* Экономическая глобализация и современный Китай // Свободная мысль. 2004. № 8. С. 3–11.

⁹ *Чэнь Чэнмин, Се Пейлин.* Развитие экономической теории в Китае // Мир перемен. 2005. № 2. С. 38–46.

¹⁰ *Ли Синь.* К вопросу о «китайской модели» // Мир перемен. 2011. № 1. С. 75–87.

¹¹ *Делюсин Л.* Социализм в Китае уже проиграл // Мир перемен. 2005. № 4. С. 79.

¹² *Ли Синь.* К вопросу о «китайской модели» // Мир перемен. 2011. № 1. С. 84–85, 87.

¹³ *Джастин Лин.* К 2030 году китайская экономика может обогнать американскую // www.fifact.ru/20100-83-00-73-63-8/86-razvitie-economiki-kitaya-k-2030-godu.

¹⁴ РБК daily // www.rbcdaily.ru/2011/04/27/world/562949980154380.

¹⁵ *Бушув К.* Японская ловушка: что это такое // fincake.ru/d/magazines/95/articles/2942.

¹⁶ *Самуэльсон П.* Оживления не будет до 2012 г. // Мир перемен. 2009. № 1. С. 9.

¹⁷ *Малявин В.* Китай управляемый. Старый, добрый менеджмент // www.krmasters.ru/staty/bookof-month/kitayupravlaemy.php?ELEMET_ID=61.

¹⁸ *Ларин А.* Китайские подсказки по части модернизации. Опыт соседней страны полезен для России // Независимая газета. 17.10. 2011.

¹⁹ *Ли Синь.* К вопросу о «китайской модели» // Мир перемен. 2011. № 1. С. 86.

²⁰ См., в частности: *Михайлов И.А.* Россия—Китай в XXI веке (Беседа ученых и специалистов // Парламентской газете [www.rikmosgu.ru/publications/3559/4442/]

²¹ *Ларин А.* Пресс-конференция // lenta.ru/conf/larin.

РАЗДЕЛ I

Китай и Россия: сходство и различия

Когда сравнивается развитие двух стран, то всегда возникает вопрос о его корректности. В рассуждениях на бытовом уровне, да и не только на бытовом, нередко можно услышать примерно следующее. России нечего равняться на Китай и нечего у него заимствовать: чтобы у нас реформы были так успешны, как у них, нам, россиянам, надо стать китайцами. Сказать, что такой подход абсурден, нельзя: он односторонний. Наверное, для анализа китайского общества вполне уместен подход Николая Бердяева к анализу российского общества, подход в парадигме антиномии. То есть с равным успехом логически можно доказывать, казалось бы, взаимоисключающие утверждения.

ГЛАВА 1

Мы принадлежим к разным цивилизациям

Китайская цивилизация — одна из сохранившихся древних цивилизаций, в то время как российская цивилизация сравнительно молодая. Причем, как утверждал Николай Бердяев, «в русской истории, вопреки мнению славянофилов, нельзя найти органического единства... В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую, советскую Россию»¹. Китайская же цивилизация, согласно китайским историкам, насчитывает более пяти тысячелетий. Но поскольку Китаем правили около сорока династий, к тому же его завоевывали монголы и маньчжуры, то в его истории тоже было немало «разных Китаев».

И все же... В Китае письменность появилась к 2000 году до н.э. На Руси — после крещения в 988 г. Всемирно известный философ Конфуций (Кун-цзы) творил почти 2500 лет назад (551–479 гг. до н.э.). Лао-Цзы, основатель философии даосизма, важнейшей составляющей китайской культуры, жил в конце VI — начале V века до н.э. Последователь Конфуция философ Мэн-

Цзы (372–289 гг. до н.э.) дополнил положение своего учителя о «Небесном Мандате» правителя положением об «Изменении Небесного Мандата». То есть об отказе «Неба» легитимизировать правление императора-тирана или императора-негодяя, заботящегося больше о себе и своих близких, чем о народе. Иначе говоря, Мэн-Цзы, который по степени влияния на китайское общество считается вторым после Конфуция философом, обосновал право народа на революцию. Что, между прочим, нередко и случалось в Китае, когда восставшие крестьяне прогоняли нерадивого правителя. Можно было бы называть и многих других выдающихся китайских мыслителей древности.

Но, пожалуй, куда важнее следующее утверждение Бердяева: «Русский народ, — писал он, — по своей душевной структуре народ восточный. Россия — христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи»². Эту мысль Бердяев будет повторять не раз. «В душе русского народа, — подчеркивал он, — происходила борьба Востока и Запада... Русский коммунизм есть коммунизм восточный. Влияние Запада в течение двух столетий не овладело русским народом. Мы увидим, что русская интеллигенция совсем не была западной по своему типу, сколько бы она ни клялась западными теориями». И назовет он Россию, находящуюся на стыке Востока и Запада, «Востоко-Западом». Или, в нынешних терминах, евразийским государством.

В России после реформ Петра Великого произошел раскол национального самосознания, что выразилось в появлении, а потом (после первого «Философического письма» Петра Чаадаева от 1829 г.³) и в оформлении двух идейных течений общественной мысли — западничества и славянофильства. (К слову, Чаадаев первым высказал мысль, что духовное развитие нашего общества, имея в виду его образованные и прежде всего высшие слои, не носит эндогенного характера из-за заимствования чужой, то есть европейской, культуры.) С тех пор и вплоть до наших дней западники будут перенимать возникающие на Западе идеи и ценности и ориентироваться на западную (англо-саксонскую) модель общественного развития, а славянофилы (они же почвенники) будут утверждать о самобытном характере общественного развития России, о приоритете традиционных ценностей, сильного государства и великодержавия над ценностями либерализма и демократии. Многим из нас представлялось, что жернова большевизма перемололи и тех и других, но, как оказалось, мы ошибались.

Дуализм национального самосознания — это вопрос не только и, возможно, не столько теории. Это вопрос политической практики, а говоря шире, исторической судьбы России. Более образованные и социально активные западники в периоды глубоких общественных кризисов выходят на передние рубежи борьбы и нередко побеждают. Но, будучи меньшинством среди народа, они вскоре теряют свою победу. Так произошло вскоре после Октябрьской революции 1917 г., когда большевики-интернационалисты «ленинского набора» были оттеснены большевиками-великодержавниками

от власти. (А потом многие из них были и репрессированы.) Та же тенденция наметилась и после антикоммунистической революции конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда во власть пришло много людей из силовых структур. И вина за это в немалой степени ложится на самих же западников, которые — на удивление нередко! — не понимают душу народа и даже порой не чувствуют общественных настроений. Приснопамятный телеклип о летящих в частном самолете лидерах «Союза правых сил» (Б. Немцов, А. Чубайс, И. Хакамада) в ходе предвыборной кампании в Государственную думу 2005 г. как демонстрация преуспевания правых в стране полунищего большинства может служить здесь хрестоматийным примером. Они, наверное, исходили из того, что 10–15% россиян однозначно выиграли от либеральных реформ и, видя, как прекрасно живут лидеры правых, они за них и проголосуют. Но они не учли, что значительная часть состоятельных россиян связана с властью, ей во многом обязана своим преуспеванием и, соответственно, будет голосовать за партию власти. С другой стороны, немалая часть образованных слоев общества, которая в политически развитых и благополучных странах исповедует либеральные ценности, в России из-за шоковых реформ оказалась в бедственном положении и скорее готова голосовать за левых, чем за правых.

В Китае же ситуация обстоит совсем по-другому. Некоторые авторы считают, что Китай никто не смог завоевать в точном смысле слова, поскольку сами завоеватели рано или поздно становились «завоеванными» несравнимо более развитой китайской цивилизацией, перенимая китайский язык и культуру и подвергаясь ассимиляции. Так, китаист Андрей Исаев пишет: «...История учит, что все переселенцы и завоеватели, приходившие в эту страну, рано или поздно превращались в китайцев»⁴. И далее он утверждает, что в сфере духовной жизни Китай ничего не заимствовал извне, «единственное, что воспринял извне Китай из мира идей, — это буддизм. Да и то учение это долгое время воспринималось как ответвление своего, китайского, даосизма. Когда же окончательно стало ясно, что это не так, придумали незатейливую легенду: первый учитель даосов Лао-Цзы в своем странствии на запад встретил как-то мать будущего принца Сидхартхи Гаутамы... В общем, Будда — тоже китаец. Пусть и наполовину. Кстати, буддийские храмы по архитектуре и внутреннему убранству ничем не отличаются от отечественных конфуцианских и даосских. Они — китайские»⁵.

Следуя принципу антиномии, примем все это на веру. Хотя другие авторы говорят, что монголы, создавшие императорскую династию Юань (1271) и правившие Китаем без малого сто лет, и не исчезли бесследно, а были изгнаны из страны в результате вооруженной борьбы в основном китайских крестьян, после чего была создана новая династия Мин (1368). Конечно, какая-то часть монголов ассимилировалась. Да и в самом их войске к тому времени было уже немало этнических китайцев. А завоевавшие Китай маньчжуры (которых, кстати говоря, сами китайские власти пригласили в страну, чтобы помочь справиться с восстанием крестьян), основавшие но-

вую правящую династию Цин (1644–1912), в основном, наверное, действительно растворились в китайской массе, хотя многие этнические китайцы (хань), тем не менее, выражали недовольство засильем этнических маньчжуров во власти. Только тут можно возразить: и многие русские были не в восторге от засилья немцев во власти при Петре I и Екатерине II. (А если говорить о правлении Романовых, то у них были тесные династические связи с немецкими родами.)

Существует мнение, что мы склонны подражать едва ли не во всем Западу, в то время как китайцы, перенимая максимум возможного из области научного знания, техники, технологий, менеджмента, свято оберегают свою культуру, традиции, а многие заимствования из других областей «китаизируют». Только всегда ли так было? И все ли так уж однозначно? Об этом речь пойдет ниже.

Многие аналитики указывают на еще одно чрезвычайно важное отличие россиян от китайцев. Как страна, отставшая в своем развитии, мы взяли на вооружение формулу «догоняющего развития», как и большинство других стран в сходной ситуации. *Китай же, утверждают эти аналитики, никого не догоняет — он стремится восстановить свое бывшее могущество. (Так ли это на самом деле, мы тоже рассмотрим чуть ниже.)* Жители Китая многие века полагали, что их страна расположена в центре мира, поэтому и называли ее Чжунго — «Срединное государство». Они считали себя представителями единственной на земле высокоразвитой цивилизации, остальные страны для них были варварскими. Притом что Китай на протяжении большей части своей истории и на деле был наиболее развитым, могущественным государством. Еще в начале XIX века он производил треть мирового ВВП⁶. И вдруг... страна к середине века оказалась на грани национальной катастрофы. Затянувшаяся гражданская война, «опиумные» войны, англо-французская интервенция, поддержанная США, навязанные «победителями» унижительные договоры и т.д.

Как считают историки, во многом все это стало следствием высокомерной многовековой изоляции Поднебесной от остального мира и автаркии. (Когда, например, в 1793 г. посол Англии, в которой уже развернулась промышленная революция, обратился к китайскому императору Цянь-лун с предложением установить торговые отношения между двумя странами, в ответ он услышал примерно следующее. Китай устойчиво стоит на своих ногах, все производит, что ему надо, и в заграничных товарах не нуждается. В то время заграничным судам разрешен был заход только в один порт — Гуанчжоу, деятельность иностранных предпринимателей была резко ограничена⁷.) Что и привело к прогрессирующему отставанию Поднебесной от ведущих стран Запада, которые вслед за Англией в конце XVIII — начале XIX века немало преуспели в научно-техническом прогрессе и одна за другой становились на путь промышленного развития.

В. Невейкин пишет, что «длинная и полная великих событий история Китая создала у его народа устойчивое преклонение перед ее „деяниями“ и

своими “предками”. Все, как отмечал тайваньский историк и публицист Бо Ян, воспринималось через “прошлые события”. Люди перестали искать “новые пути”, силы познания были направлены на изучение “опыта предыдущих поколений” и воплощения его в сегодняшнем дне. Китай, по меткому выражению Лао Шэ (известный китайский драматург и писатель. — *А.К.*), шел “вперед спиной”, постоянно “вглядываясь назад”. Стандартным ответом на нечто новое было: “Это уже знали наши предки, надо посмотреть ответ у них”. Само “посмотреть” могло занять много времени, и “новое” становилось, как бы сейчас сказали, “неактуальным”⁸. Но Невейкин признает, что выстраиваемый по одной и той же модели социум «император (царь) — вассалы (уездные князья) — придворные (знать) — народ (он же чернь или богоносец в зависимости от настроений Суверена)» создавал устойчивость обществу. Так, может быть, это и способствовало тому, что Китай, по сути, является единственной (возможно, за исключением Индии) сохранившейся древнейшей цивилизацией?

ГЛАВА 2

Не только отличия, но и сходство

И в то же время у Китая и России немало общего. И вытекает это отнюдь не из родственности культур⁹, а из того, что это крупные страны, каждая из которых в разные исторические эпохи оказывала огромное влияние на окружающий мир. Россия до революции, как известно, была крестьянской страной, а в Китае еще недавно преобладающим большинством населения были крестьяне. (По утверждению китайских социологов, уже через несколько лет большинством населения станут горожане¹⁰.) Отсюда идет сильное влияние на общественную жизнь традиционализма. И поскольку в обеих странах существовали тиранические режимы, в них, особенно в Китае, нередко случались крестьянские восстания, не приводившие, однако, к ликвидации тирании. Выведена даже формула: исчерпав свой ресурс, тиранический режим свертывается или сам разваливается, начинается хаос вплоть до распада государства, он прекращается с приходом к власти сил, которые железной рукой наводят порядок, начинается здоровое развитие страны, которое сменяется застоєм, ужесточением режима, который в конечном итоге терпит крах, и снова начинается хаос...

У двух стран были тяжелые периоды в истории, когда они теряли национальный суверенитет. Но не следует забывать и о том, что Россия и Китай — соседи, которые по крайней мере в Новое и Новейшее время активно взаимодействовали, шло взаимовлияние культур. То, каким влиянием в китай-

ском обществе пользовалась русско-советская литература, музыка, театр и пр., хорошо известно. Фактом является и то, что в нашей стране давно известны творения крупнейших китайских философов, и прежде всего Конфуция, переводились и переводятся книги многих выдающихся китайских писателей, таких, например, как Лао Шэ, Лу Синь и др. Исследователи отмечали влияние Китая на русскую архитектуру и искусство¹¹. Не гаснет интерес к китайской культуре поддержания здоровья человека без применения медикаментозных средств, к зародившейся в Поднебесной школе восточных единоборств¹².

То, что СССР активно помогал китайским революционерам в борьбе против иностранных захватчиков и местных выразителей интересов феодально-бюрократической верхушки, а потом содействовал КНР в деле развития национальной экономики, техники и науки, полагаю, хорошо известно. Более того, без советской помощи победа китайских революционеров была бы проблематичной¹³. Известно и то, что в советско-китайских отношениях был и тяжелый период, в том числе по вине советского руководства. Однако в чем же проявляется общее?

Во-первых, только две из крупных стран мира взяли на вооружение возникший в Европе марксизм. Это Россия и Китай. И та и другая страна по уровню развития, грубо говоря, не дотягивали до того, чтобы реализовать на практике марксистскую теорию, изначально предназначенную для наиболее развитых стран. Но это учение было в одном случае «русифицировано», в другом — «китаизировано». Иначе говоря, было упрощено, адаптировано к местным условиям. Марксизм был использован не только как теория построения социализма, но и для решения поставленных историей задач перед той и другой страной. В России — для осуществления модернизации в кратчайшие исторические сроки и превращения страны в могучую державу, в Китае — как средство мобилизации широких слоев населения для борьбы с японскими оккупантами, режимом Чан Кайши и за объединение и укрепление страны, которая многие десятилетия страдала от распри и междоусобиц. А потом — примерно так же, как и в СССР: для ускоренной модернизации страны. *Это к вопросу о том, что китайцы, кроме буддизма, якобы ничего не заимствовали извне из мира идей. На деле заимствовали, что особо характерно для периода, когда (используя принятую в Китае хронологию) лидером первого поколения руководителей был Мао Цзэдун.*

Во-вторых, обе страны оказались во власти социального утопизма и гигантомании. Еще до того, как первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев инициировал принятие в 1961 г. программы построения коммунизма за 20 лет, председатель ЦК КПК Мао Цзэдун в 1958 г. провозгласил политику «трех красных знамен»: новая генеральная линия; большой скачок; народные коммуны. Это была политика форсированного построения в стране коммунизма, как он понимался лидером КНР. Под девизом Мао Цзэдуна «три года упорного труда — и десять тысяч лет счастья» были намечены гигантские

по масштабам и стремительные по темпам преобразования. Так, по пятилетнему плану на 1958–1962 гг. предусматривалось увеличение выпуска промышленной продукции в 6,5 раза, сельскохозяйственной — в 2,5 раза, причем среднегодовой прирост в промышленности должен был составить 45%, в аграрном секторе — 20%. Выплавка стали должна была увеличиться в 10 раз — с 10 млн т до 100 млн т. В сельской местности предусматривался (и на деле реализовался) переход к «народным коммунам». Коммуна рассматривалась в качестве универсальной формы организации общества вначале в деревне, а потом и в городе.

Понятно, что этот утопический план потерпел крах, что стоило Китаю нескольких десятков миллионов жизней в результате массового голода, который последовал за попыткой реализации политики «трех красных знамен», бессмысленных расходов людских и материальных ресурсов для выплавки в кустарных печах металла, непригодного для промышленного производства. И не успела страна прийти в себя после «большого скачка», как началась «культурная революция» (1966–1976), дезорганизовавшая нормальную хозяйственную и общественную жизнь и унесшая, в том числе в ходе самосудов хунвейбинов, вооруженных стычек их с военнослужащими, много человеческих жизней. Притом что была уничтожена и немалая часть богатейшего культурного наследия Поднебесной.

А вот что происходило у нас. Под влиянием агрессивной пропаганды большевиков еще недавно в массе своей верующий народ громил церкви, расправлялся со священнослужителями. Большевики в годы «военного коммунизма» начали создавать коммуны, а когда эта затея провалилась, то они задним числом называли политику «военного коммунизма» вынужденной и временной мерой. Складывавшийся веками культурный слой народа был разрушен, сильно пострадало предпринимательское сообщество в городе. А насильственная коллективизация и сопутствующее ей «раскулачивание» привели к уничтожению самой деловой и трудолюбивой части крестьянства, последствия чего не преодолены до сих пор. В ходе сталинского террора 1937–1938 гг. пострадали многие крупные ученые, деятели культуры и организаторы производства и была истреблена наиболее талантливая часть командного состава армии, что стоило нам неслыханных людских и материальных потерь в Великой Отечественной войне. Потеря миллионов мужчин репродуктивного возраста негативно сказалась на демографической ситуации.

В сущности, сталинский террор 1930-х гг. и «культурная революция» Мао — это однопорядковые явления, причем и произошли они примерно через равное число лет после прихода к власти Сталина и Мао. Да и мотивы их типологически схожи: Сталин репрессировал всех тех, кто, по его мнению, при определенных условиях мог бы угрожать и его власти, и построенному им общественному строю. Мао делал примерно то же самое: стремился укрепить свою власть и создать условия для проведения леворадикального политического курса.

В-третьих, на деле не только СССР, но и Китай во времена Мао Цзэдуна руководствовался принципом «догоняющего развития». Так, напомним, планировалось за 15 лет догнать Англию, за 20 лет — США и в течение трех лет сравняться с Японией по уровню сельскохозяйственного производства. Что же касается проблемы — догонять кого-то или развиваться по собственной модели, то у обоих вариантов есть как плюсы, так и минусы. Плюс догоняющего развития очевиден и состоит в том, что отставшая страна может следовать уже проторенным передовыми странами путем, избегая метода проб и ошибок и используя при этом их технику и технологии, что и позволяет ей резко ускорить свое развитие. Классическим примером в этом отношении является Япония. (Но у Японии были реально выполнимые планы развития, а также мощный стимул: достижениями в короткий исторический срок в гражданской сфере реабилитировать себя за поражение во Второй мировой войне¹⁴.) История знает немало примеров стран, как правило, с тоталитарными и авторитарными режимами, которые пытались следовать каким-то своим особым путем, который неизбежно заводил их в тупик.

Но очевиден и минус догоняющего развития. Когда перед страной ставится задача кого-то догнать, то тем самым вольно или невольно признается ее отсталость, а частая практическая невозможность решения этой задачи нередко рождает в обществе разочарование, апатию, а то и чувство национальной ущербности. Когда, например, Н. Хрущев поставил оторванную от реальных расчетов задачу в намеченные сроки догнать Соединенные Штаты по общему объему ВВП, а потом и в пересчете на душу населения, а в ближайшие годы — по производству молока, то дело кончилось не просто конфузом, а дискредитацией и социализма, и его самого как руководителя. Сколько по этому поводу появилось едких насмешек и анекдотов!!

Совсем другое дело, когда власти ставят перед обществом задачу не догнать и перегнать кого-то, а вернуть стране ее бывшее место в мире, как это практикуют власти Китая после начала инициированных Дэн Сяопином реформ, не указывая конкретные сроки. При том что еще и проводится политика, которая убеждает народ в достижимости поставленной цели. Это рождает массовый энтузиазм и невероятное упорство. К этому нередко добавляется и потаенное стремление общества реабилитировать себя за прошлые поражения и унижения. Многие американские и европейские исследователи подчеркивают: Китай развивается гораздо быстрее, чем это вытекает из теоретических расчетов. В ходе полевых исследований выяснилось, что в Китае крупнейшие объекты, как правило, строятся в два раза быстрее, чем в развитых странах, и в несколько раз дешевле. (А по сравнению с нынешней Россией и сроки во много раз короче, и расходы во много раз меньше.) Например, участок Голмуд — Лхаса Цинхай-Тибетской железнодорожной магистрали протяженностью 1142 км со средней высотой над уровнем моря 4 тыс. м и многочисленными мостами и тоннелями был построен менее чем за 5 лет (2001–2006) и стоил всего 33 млрд юаней (по курсу 1 доллар = 8,1 юаня, то есть чуть более 4 млрд долларов)¹⁵.

В-четвертых, обе страны демонстрировали неприкрытый мессианиззм. Когда умер Сталин, то Мао Цзэдун, не считая Хрущева равным себе как теоретика и как политика, да еще и будучи ярым противником разоблачения «культы личности» Сталина, начал претендовать на лидерство в мировом коммунистическом движении. А когда это ему не удалось, то стал стремиться поставить под свое влияние леворадикальные коммунистические и другие левые партии и организации в «третьем мире». После того как маоистское руководство объявило, что страны «третьего мира» созрели для революции, Пекин, с одной стороны, начал оказывать материальную помощь лояльным себе режимам, а с другой стороны, создавать маоистские группировки в странах разных континентов. Многие из них, уйдя в подполье, стали вести вооруженную борьбу с «реакционными» режимами. На идеях Мао выросли и кровавые деяния Пол Пота. На все это уходили огромные средства, в то время как сотни миллионов людей в его собственной стране жили на грани голода. К тому же заявление Мао Цзэдуна о том, что «третий мир» созрел для революций, создавало Китаю немало противников в лице правительств многих стран. И Советский Союз, как известно, в довоенный период стремился распространять идеи коммунизма через Коминтерн, а в послевоенный — тратил огромные средства на поддержку «революционных стран и народов». Средства, которые могли бы пойти на развитие собственной экономики и повышение благосостояния граждан.

В-пятых, и в Китае при Мао Цзэдуне, и в СССР при Сталине, а отчасти и Хрущеве появлялось необычайно много научно не обоснованных инициатив, «завирательных идей», нереализуемых простых решений сложных проблем. В частности, у нас ставилась цель победить природу и засуху, велась борьба с генетикой и кибернетикой, имело место распространение антинаучных воззрений «народного академика» Т.Д. Лысенко и пр. А в Китае, например, была развернута крупномасштабная борьба против «четырех вредителей»: крыс, воробьев, мух и комаров. Миллионы китайцев гонялись за пернатыми, исходя из «научно обоснованной теории», что через несколько часов те замертво рухнут на землю. Только после истребления пернатых урожаи не увеличились, а, напротив, резко уменьшились. Был и такой лозунг: «Превратим желудок каждого китайца в маленький заводик по выработке удобрений».

В-шестых, несмотря на принадлежность к разному типу цивилизаций, есть что-то общее и в менталитете россиян и китайцев. И это не только то, что нам легко общаться друг с другом. Китайцы понимают юмор, слова, сказанные в переносном смысле, что, как говорят, не свойственно японцам. Они и мы склонны бросаться из крайности в крайность, ставить утопические задачи, готовы идти на большие жертвы во имя великой, но иллюзорной цели.

И еще. Стиль руководства и поведения первых руководителей СССР и Китая, то есть Сталина и Мао Цзэдуна, был очень схожим. Оба активно содействовали формированию образа своей исключительности, своего обоже-

ствления и не терпели ни малейшей критики в свой адрес, а те, кто это себе позволял, раньше или позже за это расплачивались¹⁶. Допущенные опасные просчеты и грубые ошибки в экономической или политической области они стремились сваливать на других.

В чем живучесть китайской цивилизации?

«Чжунго, или Срединное царство, как называли свою родину китайцы, — пишет глубокий знаток Востока В.В. Овчинников, — единственная страна в мире, чья древность непосредственно смыкается с современностью. Причем дело тут не только в непрерывности пятитысячелетней истории, но и в незыблемом уважении к ней. Жители Поднебесной убеждены, что камни прошлого — ступени на пути к будущему»¹⁷. Он же, Овчинников, указывает: «Конфуций появился на исторической сцене 25 веков назад, в смутное время нескончаемых междоусобиц, когда главным стремлением людей была жажда мира и порядка. Проблемы управления государством, отношения верхов и низов общества, нормы нравственности и морали — вот стержень конфуцианства... “Государь должен быть государем, а подданный — подданным. Отец должен быть отцом, а сын — сыном”. Эта ключевая фраза из книги Конфуция “Размышления и слова”, — подчеркивает Овчинников, — имела в эпоху раннего феодализма прогрессивное значение. Ведь она означала, что на преданность подданных вправе рассчитывать лишь справедливый государь, на сыновнюю почтительность — лишь хороший отец»¹⁸. Гуманистическое учение Конфуция, в том числе формула поведения верхов и низов, так не понравилась деспотическому императору Цинь Шихуану, что в 213 г. до н.э., то есть через много лет после смерти Конфуция, он приказал сжечь его сочинения, а более чем 400 его последователей заживо похоронить. Но само учение ему похоронить не удалось.

Вот мнение тоже очень авторитетного востоковеда профессора В.В. Малавина: «Главный принцип китайской культуры — “соответствие моменту”, что предполагает “преемственность в изменениях” (*тун бянь*)... Дух китайской культуры способен к бесконечному разнообразию своих проявлений в истории... Китайцы воспринимают свою социальную среду как часть собственной судьбы, и притом едва ли не важнейшую ее часть, которая служит самым беспристрастным судьей людских достоинств и недостатков. Китайцы верят в моральное воздаяние поступков, неотвратимо проявляющееся в людском мнении и людской молве. Личная честность и справедливость в отношениях с другими воспринимается ими скорее в прагматическом ключе — как действительный социальный капитал личности. А вера в неотвратимость справедливого возмездия уже в этом мире служит в китайском обществе в известном смысле даже более эффективным регулятором поведения, чем идея загробного суда в западных религиях»¹⁹. А известный Китаевед доктор философских наук Артем Кобзев подчеркивает, что китай-

цы взяли из конфуцианства «культ знания, культ учености, культ культуры...»²⁰.

Наверняка может возникнуть вопрос: если китайское общество очень консолидировано, стремится к гармонии, а место каждого в нем зависит прежде от него самого, притом что оно (общество) еще и следует конфуцианским заповедям, то чем же объяснить грандиозные катаклизмы уже в новое время — в XIX и XX веках? Мне представляется такое объяснение: во времена глубоких общественных кризисов и потрясений вековые стереотипы поведения притупляются, и если при этом появляются сильные харизматические лидеры, то они вполне могут повести за собой массы и навязать им свое понимание и путей дальнейшего развития страны, и новую систему мотиваций и ценностей. Но поскольку стереотипы поведения, как и основные ценности народа, заложены в архетипе (коллективное бессознательное), который обладает большой устойчивостью к переменам, то как только жизнь нормализуется — все возвращается на круги своя. Можно ожидать, что и Россия в скором будущем вернется ко многим своим исконным позитивным ценностям, которые оказались подмятыми «диким капитализмом».

Специфика китайского общества

Ставя вопрос об уникальных чертах китайского общества, отметим, во-первых, что еще в Древнем Китае высоко ценилась образованность, и чиновников выбирали на конкурсной основе, то есть действовал принцип меритократии. Эти черты играют важную роль в ходе нынешних реформ. Руководителей подбирают по принципу профессионализма, опыту работы, а не клановости, лояльности и пр. Хотя, откровенно говоря, я не склонен это абсолютизировать. Элементы клановости существуют и в Китае. Но здесь, как мне представляется, неведомы такие феномены, как «днепропетровская», «молдавская» или «питерская» команды. Да, иногда говорят о «шанхайской бригаде» Цзян Цзэминя, который после Дэн Сяопина возглавил третью команду третьего поколения китайских руководителей, став генеральным секретарем ЦК КПК²¹ и председателем КНР. Только он, будучи крупным государственным деятелем, взял из Шанхая, где многие годы был мэром, наверное, не просто «своих», а, скорее, лучших. Не отбирая лучших в управление государством, китайские руководители не смогли бы добиться таких потрясающих успехов в развитии страны. Ведь серьезных провалов в реформировании Китая в «послемаоистскую эпоху» практически не было, чего нельзя сказать о реформировании России в постсоветский период.

За годы реформ Пекин направил в развитые страны, и прежде всего в США, по разным оценкам, от полутора до двух миллионов студентов и стажеров, и многие из них вернулись в страну и составили костяк новой управленческой, хозяйственной и научной элиты в университетах и исследовательских центрах. Любовь к знаниям и конкуренция уровней профес-

сионализма присущи и многим другим обществам, но в данном случае речь идет о том, что в Китае эти качества имеют очень глубокие корни.

Во-вторых, это поистине трепетное отношение китайцев к «материи-родине», в какой бы стране они не жили. Именно китайские общины в других странах, так называемые «хуацяо», вложили в китайские экономические, технологические и пр. свободные (специальные) зоны первые десятки миллиардов долларов. Даже из Тайваня в Китай пришло около 100 млрд долларов в качестве инвестиций. И когда руководство КНР призывает состоявшихся в странах Запада как крупные ученые и специалисты китайцев вернуться на родину, то этот призыв не остается без ответа. Директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН М.Л. Титаренко подчеркивает: «Отличительная черта китайской цивилизации — мощнейшая самоидентификация»²². Все последние годы китайские предприниматели не стремились вывозить капитал из страны, потому что это не только незаконно, но и невыгодно: в Китае есть и широкие возможности для приложения капитала, и хорошая прибыль. (Незаконный вывоз капитала из страны, теоретически говоря, может начаться только в случае изменения социально-экономической политики государства.) Но вложения в зарубежные сырьевые активы, приобретение передовых производств и пр. поощряются государством, и в последние годы зарубежные инвестиции Китая резко выросли. Некоторые аналитики считают это вывозом капитала, хотя в СМИ появляются сведения (которые обычно трудно и подтвердить, и опровергнуть) и о незаконном вывозе капитала, прежде всего через Гонконг.

В-третьих, китайцы с трудом ассимилируются и стараются в других странах жить компактно, образуя так называемые чайна-тауны, которые славятся своей благоустроенностью, чистотой и прекрасной и недорогой кухней.

В-четвертых, китайцы умеют делать деньги из ничего или почти из ничего. Очевидно, скудость ресурсов в такой перенаселенной стране, как Китай, заставила его предприимчивых жителей находить выгоду там, где представители других этнических групп ее часто не видят. К примеру, в 2006 г. в рейтинге китайских миллиардеров первую строку заняла женщина средних лет по имени Чжан Инь, заработавшая 3,4 млрд долларов на сборе макулатуры, которую ее предприятия перерабатывали в тару. В Китае на присвоении общенародной собственности, насколько мне известно, не выросло ни одного миллиардера, а те, кто к этому стремились, жестоко поплатились. Не было ни воровских залоговых аукционов, ни грошовой приватизации народной собственности.

В-пятых, в китайском языке, как известно, нет алфавита, а есть иероглифы, которые не совпадают со звуками. Это, как утверждают некоторые китаеведы, рождает особый способ передачи мысли и особый образ мышления. Так, Андрей Исаев говорит, что, в отличие от европейцев, мыслящих абстрактно-понятийно, «мышление китайцев конкретно-символическое, что помогает им сосредотачиваться на решении конкретных задач, не отвлекаясь на всякие там абстрактные построения»²³. Китайцы иначе, чем ев-

ропейцы, воспринимают время. Если для нас оно убывает, то для них оно прибывает. Они мыслят совсем другими масштабами, чем мы. Для них 50–100 лет так же естественно звучит, как для нас 5–10 лет. Когда, например, китайские лидеры говорят, что строительство социализма с китайской спецификой займет 50, 100 и даже больше лет, то это нормально воспринимается массовым сознанием.

Когда академика РАН В.С. Мясникова спросили о главных чертах китайского характера, то он ответил: трудолюбие, упорство, взаимопомощь²⁴.

И, пожалуй, последнее. Общество, как, наверное, и человек: чем старше, тем мудрее становится. Китайское общество, за спиной которого тысячи лет цивилизации, способно находить очень удачные решения сложнейших проблем. Но об этом речь пойдет в других главах.

И в заключение приведу слова А. Кобзева, которые, на мой взгляд, могут примирить два антиномичных утверждения насчет различия и сходства между Китаем и Россией. «...Из цивилизованных народов, — говорит он, — наиболее противоположные, полярные для нас — это китайцы... Некоторые считают, что подобное тянется к подобному, а другие полагают, что нет, наоборот, в гармонии живут противоположности»²⁵.

ГЛАВА 3

Факторы, способствующие росту Китая и тормозящие развитие России

Первое. Выше упоминались слова академика Титаренко о мощной самоидентификации китайцев. Прожив много лет в Китае, окончив там два университета, занимаясь этой страной все годы своей активной деятельности, он хорошо знает ментальность и психологию жителей Поднебесной. «...Где бы китаец ни жил, — говорит он, — хоть в России, хоть в Америке, он остается китайцем, даже если на исторической родине ни сам, ни его дедушка никогда не были. Величайшее достоинство нации — корпоративная солидарность. Он может жениться на европейке, но дети у него будут китайцы. Если достиг чего-то в другой стране, получил мировое признание, то первым делом доложит об этом своей матери-родине. Едет в Поднебесную: “Я оправдал доверие”».²⁶ И далее М. Титаренко приводит похожий на анекдот пример: «Гражданин США китайского происхождения вместе с коллегой сделал крупное открытие в расшифровке генома риса, за что оба получили Нобелевскую премию. Президент США устроил торжественный прием в Белом доме, пригласил обоих. Но в назначенное время прибыл только американец. Китаец улетел в Пекин. Дело было в семидесятые годы,

в период «культурной революции». Мао Цзэдун находился в тяжелом состоянии, но врачи привели его в порядок, накачали китайскими лекарствами. Председатель Мао смог двигаться, что-то связно говорить и даже пожать руку нобелевскому лауреату, которого торжественно встретили в аэропорту и сразу повезли на прием. Лауреат доволен: отметил на родине, своим открытием внес вклад в возвеличение славы великой нации»²⁷.

Чтобы понять, почему у русских ничего подобного нет и не могло быть, надо было бы изучить все этапы становления Российского государства и русских как этноса, что не представляется возможным, да и не входит в задачу автора этой работы. Однако вполне уместно совершить небольшой экскурс в новейшую историю. РФ была единственной республикой в СССР, у которой не было собственной компартии (реальной власти), и она появилась только в последние годы перестройки, а деятельность правительства, по существу, носила номинальный характер, поскольку она направлялась и контролировалась ЦК КПСС и союзным правительством. Созданный в РСФСР ВВП перераспределялся в пользу других республик, жизненный уровень населения которых в целом ряде случаев был выше, нежели в большинстве российских регионов. Тем самым у русских рождалось чувство ущемленности. Потом это трагическим образом скажется — именно Россия, которая собирала вокруг себя многие народы в единое государство, фактически стала инициатором упразднения СССР. Да, эта инициатива принадлежала Б. Ельцину и его команде, но никто им в этом не помешал. Притом что роспуск СССР и создание на его месте аморфного Союза Суверенных Государств (СНГ) без центрального координирующего органа, решения которого были бы обязательными для всех его членов, был одобрен Верховным Советом РСФСР, который был сформирован еще в советские годы и в котором коммунисты имели большинство мест. Если китайцы гордятся тем, что они китайцы, так что в названии страны и после прихода к власти коммунистов не исчезло самоназвание, то Россия, войдя в состав СССР, потеряла свое имя и русские люди чаще всего называли себя советскими людьми.

Партийный идеолог, член Политбюро и секретарь ЦК КПСС (которого называли серым кардиналом во власти) Михаил Суслов на рукописи писателя Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» написал, что она не увидит свет и через сто лет. А находившийся в эмиграции философ Г. Федотов был убежден, что созданная большевиками искусственная система рано или поздно рухнет, но может погрести под собой и Великую Россию. И признаки ее распада он видел уже в замене названия страны на безликое СССР, которое не несет в себе имени «Россия». Вот что, в частности, писал Федотов в статье «Будет ли существовать Россия?», изданной в Париже в 1929 г.: «Многие не видят опасности, не верят в нее... Но никто не станет отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России. За одиннадцать лет революции зародились, развились, окрепли десятки национальных сознаний в ее расслабевшем теле. Иные из них приобрели уже грозную силу... Под по-

кровом интернационального коммунизма, в рядах самой коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России. Казанским татарам, конечно, уйти некуда... Но Украина, Грузия (в лице их интеллигенции) рвутся к независимости. Азербайджан и Казахстан тяготеют к азиатским центрам... Революция укрепила национальное самосознание всех народов, объявила контрреволюционными лишь национальные чувства господствовавшей вчера народности»²⁸.

Но и до революции с «национальными чувствами» русского народа не все было ладно. Как пишет Федотов, в кругах господствовавших западников «все национальное отзывалось реакцией, вызвало ассоциацию насилия или официальной лжи. Для целых поколений “патриот” было бранное слово. В результате народ, который столько веков с героическим терпением держал на своей спине тяжесть империи, вдруг отказался защищать ее. Если нужно назвать один факт, — один, но *основной*, из многих слагаемых русской революции, — то вот он: на третий год мировой войны русский народ потерял силы и терпение и отказался защищать Россию... Таков итог векового выветривания национального сознания»²⁹. Примерно то же произошло и в 1991 г.: среди русских не нашлось сил, которые бы захотели помешать развалу СССР.

В США выходцы из других стран имеют свои общины, а у русских ее нет. Послереволюционная эмиграция, или «эмиграция первой волны», которая, несмотря на противоречивые интересы и политические расхождения (и даже склоки), все же старалась держаться вместе, сохранять русский язык, культуру, обычаи и пр. (Вполне возможно, что эмигранты, многие из которых были из правящих верхов дореволюционной России, рассчитывали на скорый крах коммунистического режима и возврат на свою родину.) Российские же эмигранты последних десятилетий отнюдь не стремятся к контактам друг с другом, не испытывают чувства обязанности перед матерью-родиной и не стремятся ей чем-то помогать. Даже если бы маоисты, боровшиеся с «философами феодализма», включая Конфуция, продержались у власти не сорок, а сто лет, то они все равно не смогли бы вытравить из массового сознания те ценности, которые оно впитывало в себя в течение нескольких тысяч лет. Такое вызывающее зависть отношение китайцев к матери-родине имеет огромное значение и в практической области. Когда встал вопрос о создании в КНР атомной бомбы, то Мао Цзэдун призвал ученых и специалистов китайской диаспоры развитых стран, и прежде всего США, вернуться на историческую родину и помочь ей в решении этой проблемы. Невероятно, но факт: по призыву китайского коммунистического руководства на родину разными путями вернулось примерно 5 тыс. специалистов в области ракетостроения и ядерной физики, которые обучались и/или работали и даже постоянно жили в США, Британии, а некоторые — и в СССР. Известны и наиболее крупные их имена: это физики Цянь Саньцянь, Дэн Цзясань, Ван Ганьпан, Чжао Чжуняо, математик Хуа Логэн и др. Они-то и в Китае ядерное, а потом и ракетное оружие. *(И не без нашей по-*

мощи! Прежде чем Хрущев отказался передавать технологию производства атомной бомбы уже на построенных для этого в Китае площадках, в СССР, по имеющимся у меня данным, прошли подготовку около 12 тысяч китайских специалистов, и лишь чуть меньше наших специалистов в ядерной области побывали в Китае. Но ведь и мы создавали ракетно-ядерное оружие не на голом месте.)

Второй пример. Несколько лет назад в Китае был создан самый мощный в мире суперкомпьютер. Как стало известно, китайскую программу суперкомпьютеров возглавляет бывший заместитель руководителя программы создания суперкомпьютеров в США. И в том, что Китай стал третьей в мире космической державой, тоже немалая заслуга китайцев «хуацяо», хотя, как говорят специалисты, в этом есть и российский вклад. Важно подчеркнуть: если в годы «культурной революции» (напомню, 1966–1976 гг.) многие китайские ученые и специалисты были подвергнуты репрессиям или отправлены на «перевоспитание» в деревню, то из вернувшихся в Китай ученых и специалистов никто не разделил их судьбу. Тем самым этническим китайцам, ставшим в других странах крупными специалистами в стратегических и жизненно важных областях, еще при правлении Мао Цзэдуна был дан сигнал: безбоязненно возвращайтесь на историческую родину, и перед вами откроются более широкие возможности для самореализации и жизни в достатке.

Мы же даем пример прямо противоположного свойства. (Я опускаю сталинский период, когда большинство «возвращенцев» ждала горькая, нередко трагическая участь.) Так, получивший в 2003 г. Нобелевскую премию уехавший в 1991 г. на работу в США наш соотечественник А. Абрикосов, по сообщениям СМИ, отказался от организованного в его честь приема в российском посольстве в США, сославшись на то, что с 1999 г. он является американским гражданином. А между прочим, Абрикосов не только окончил советский вуз, но и стал академиком Академии наук СССР, получил Ленинскую и Государственные премии и, казалось бы, имел не только все мыслимые в то время блага (притом что, как говорят, политикой он не интересовался), но и обязательства перед своей исторической родиной. И два других россиянина, К. Новоселов и А. Гейм, уехавшие из России на Запад, чтобы довести до ума открытие графена, способного совершить революцию в микроэлектронике и других инновационных сферах, холодно отнеслись к предложению наших чиновников перейти на работу в «российскую силиконовую долину» в Сколково.

Только, как говорится, как аукнется, так и откликнется. В Китае возвращающихся на родину из высокоразвитых стран ученых и специалистов чуть ли не на руках носят, создавая им нередко лучшие условия, чем они имели там, нам же подобное неведомо. Не говоря уже о том, что научно-техническая инфраструктура у нас по большей части настолько устарела и изношена, что даже при большом желании довести до ума открытие очень трудно, если вообще возможно. Притом что ни государство, ни крупный

бизнес не проявляют особого желания оперативно и эффективно помогать ученым-изобретателям доводить их открытия до стадии применения на практике. Именно это часто толкает наших ученых воплощать свои идеи в других странах. Да и материальное положение и статус ученого настолько опущен, как и престиж науки, что находится мало желающих возвращаться на историческую родину. А если и возвращаются, то, как правило, те, чей возраст уже не позволяет им вести преподавательскую или исследовательскую работу в странах Запада.

Второе. В Китае собственно китайцы, или ханьцы, составляют примерно 93% населения страны, а из около 50 малых народов резонансные проблемы в отношениях с центром временами возникают только с поощряемой извне ламаистской верховской Тибета и некоторыми народами, главным образом исламского вероисповедования, Синьцзян-Уйгурского автономного района. Там есть проблемы. Однако народы национальных меньшинств объединены сознанием того, что являются наследниками развитой и могущественной цивилизации с пяти тысячелетней историей, лишь в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств потерявшей свое бывшее величие, которое во что бы то ни стало надо вернуть. И это сильно облегчило задачу Дэн Сяопину и его преемникам сплотить общество на успешную реализацию программы «реформа и открытость».

В России же русские составляют около 80%, остальные народы исторически принадлежат по большей части к исламской культуре. Так случилось, что из числа народов, депортированных в 1944 г. по приказу Сталина в Казахстан и Сибирь за то, что какая-то часть их сограждан поддерживала гитлеровскую Германию или ей сочувствовала, как раз принадлежала к мусульманской культуре. Но известно, что ислам имеет более сильное влияние на верующих, чем, скажем, христианство, ибо является не только религией, но и образом жизни. При этом он еще и гораздо больше подвержен политизации, чем другие конфессии, поскольку при его зарождении в арабском мире власть светская соединялась с властью религиозной³⁰ (а в Иране это имеет место и сейчас). Если я не ошибаюсь, только в исламе есть такое понятие, как «шахид» — человек, готовый принести себя в жертву в борьбе за веру и за этот поступок занять место в раю в загробном мире. Может быть, это объясняет то, что в лоне ислама чаще, чем в других конфессиях, зарождается политический терроризм.

Коммунистический режим, как известно, боролся с религией, в первые годы советской власти разорял храмы, репрессировал священнослужителей, а в последующие годы проводил более мягкую по отношению к институту церкви и верующим политику. Не прекращая, тем не менее, борьбу с религией и наказывая членов партии и комсомола, государственных служащих и т.д. за принадлежность к той или иной конфессии. После распада СССР среди некоторых народов дали о себе знать обиды за сталинские репрессии, депортации, гонения на их исконную религию и т.д., что выразилось в появлении сепаратистских настроений. И поскольку в постсоветской России

на смену коммунистической не появилась никакая другая объединяющая народы идея, то нишу в сфере идеологии нередко стали заполнять национализм и политизированные течения ислама, близкие сектам, в частности, радикальный ваххабизм, сильно отличающийся, скажем так, от «традиционного ваххабизма», например, в Саудовской Аравии, где он является государственной религией.

Не на высоте оказалась и российская власть. Так, на совести президента Б. Ельцина стоившая многих жизней совершенно не подготовленная и бездарно начатая первая чеченская война, которой, как утверждали люди из его окружения, можно было бы избежать, если бы он, Ельцин, дорожа человеческой жизнью, проявив гибкость, а не чванство и спесь бывшего партократа. В этом случае характер общественного устройства в Чеченской Республике мало чем отличался бы от того, который установил в ней при активной поддержке федеральных властей Рамзан Кадыров. Но две чеченские войны не только стоили много крови российских граждан с той и другой стороны и материальных потерь. Они затормозили демократический процесс в России, а устроенный выходцами с Северного Кавказа целый ряд террористических актов против мирных граждан внес страх в российское общество. Что привело к ужесточению паспортного контроля, который коррумпированные правоохранители превратили в способ наживы, вызывая естественное недовольство у проверяемых. Война в Чеченской Республике сошла на нет, но она взорвала, пусть и весьма хрупкую, мирную обстановку едва ли не на всем Северном Кавказе. При этом новые власти не сумели вовремя остановить нараставшие там оппозиционные настроения. Сказалась некомпетентность некоторых чиновников и «силовиков», не понявших причины возникшей фактически партизанской войны и мотивы ухода в горы к боевикам молодых людей. А это и «зашкаливающая» коррупция, резко снижающая эффективность любых разумных мер по исправлению ситуации, и царящий там произвол, и социальная несправедливость, которую классики марксизма считали основной причиной политической борьбы и войн под религиозными лозунгами. Что хорошо просматривается и на примере арабских стран, в которых в 2011–2012 гг. были свергнуты существующие режимы. Протест людей, в первую очередь молодежи, повсюду рождает бедность, нищета, безработица, порой достигающая 50% и более, разнузданная коррупция, произвол властей. И если прежние объединяющие людей идеи (демократия, социализм, национализм, панарабизм) дискредитированы, то религия становится мобилизующей силой социального протеста. Безработная молодежь, не видящая перед собой перспективы на будущее, становятся легкой добычей вербовщиков, нередко далеких от интересов собственного народа, а иногда и «заезжих».

Только уходящие в горы к боевикам молодые люди во всяком случае не бандиты, как нередко называют их официальные лица, скорее, террористы, если они прибегают к террору. (Народовольцев и эсеров, нередко прибегавших к террору, даже в царской России не называли бандитами.) И сило-

викам нельзя похвалиться тем, что там и там в ходе спецоперации было убито столько-то «бандитов». Они, очевидно, не осознают, что у этих парней есть родители, родственники, знакомые, наконец, односельчане, которые хорошо знают, что ушедшие к боевикам не бандиты, и они им сочувствуют, как и их семьям. Ярлык бандита озлобляет людей и не останавливает уход в горы молодежи. (Да и пора бы уже центральным властям разобраться, в чем суть следующего феномена. В регионах, где сильна антисистемная оппозиция, регулярно происходят теракты и постоянно идут «зачистки», нередко с применением артиллерии, танков и самолетов, вследствие чего гибнут многие люди, — а результаты подсчета голосов в ходе выборов дают самый высокий процент поддержки политики центральных властей. Избиратели часто хорошо знают друг друга, как и то, кто за кого голосовал, и они таким подсчетам не верят, что подрывает у них доверие к местным властям.)

Опыт показывает, что ставка исключительно на силу не работает. Надо искать другие методы борьбы с оппозиционными властями силами, не исключая и принятия компромиссных решений. В конечном итоге политическая стабилизация в Чеченской Республике, если хорошо вдуматься, была достигнута на основе компромисса. Постоянный секретарь Французской академии, известный политолог, историк Элен Каррер д'Анкокс, француженка с русскими корнями, уходящими еще в екатерининский век, и с глубоким интересом к нашей стране, о которой она написала много книг, высказала свое мнение о проблеме Северного Кавказа. В частности, она выразила сомнение о том, что Москве удастся удержать его, тем более, если будет укрепляться тенденция сужать рамки РФ до унитарного государства. «Я была в Чечне, — говорит она, — Чечня — это настоящая мусульманская республика. Президент Кадыров устроил свою Чечню, это не имеет никакого отношения к РФ. Это в РФ, но, в конце концов, он делает то, что хочет. И там мусульманские законы явно»³¹. Что касается унитарного государства, подчеркивает Э. д'Анкокс, «я не посоветовала бы никому в это играть. Потому что кончится это очень плохо. Времена унитарного государства уже прошли. Мы живем в другом мире. И другой мир — это не только то, что люди перешли в постсоветский период. Появились другие технологические возможности. Теперь люди во всем мире сидят перед Интернетом, они знают все, что происходит всюду, и могут вызывать людей на демонстрации по Интернету. Возможностей протестовать и выступать против какой-то системы намного больше, чем когда бы то ни было»³².

Не способствуют сплочению многонационального российского народа и резко участвовавшие конфликты на этнической почве. И здесь наши власти упустили время, когда надо было принимать решительные меры против появившихся в центральной России националистически настроенных бандитских группировок, состоящих в основном из молодежи. Они стали нападать на людей небелого цвета кожи, избивая их и даже убивая. Среди жертв оказывались не только выходцы из Центральной Азии, но и граждане из российских регионов, в частности с Северного Кавказа, включая москвичей, а

иногда японцы и латиноамериканцы. (И как пример: избили до полусмерти парня из соседнего подъезда нашего дома, мать которого осетинка, а отец — иорданский араб.) Стыдясь признать факт появления в новой России признаков вражды на национальной и религиозной почве, власти долгое время относили такие случаи к конфликтам на бытовой почве, и, соответственно, наказание злостные хулиганы и убийцы получали не соответствующее тяжести их преступления. Нередко возмнивших себя представителями высшей расы молодых недоумков прикрывала милиция-полиция. В конечном итоге потенциальные жертвы нападений этих молодчиков стали объединяться, обзаводиться оружием и уже нередко сами провоцировать конфликты. В результате ситуация настолько усугубилась, что столкновения на этнической почве стали постоянным явлением во многих регионах России. Однако не прекратились попытки правоохранителей конфликты на этнической почве выдавать за бытовые, с тем, чтобы, дескать, не обострять межнациональные отношения. Но, во-первых, подоплека конфликта практически всегда всплывает наружу, и, во-вторых, такая практика как раз и помешала политическому руководству вовремя осознать серьезность ситуации в межнациональных отношениях многонациональной страны. В последние годы, однако, в СМИ стала реже появляться информация о конфликтах на национальной почве: то ли их действительно стало меньше, то ли стали меньше о них говорить.

Но даже в русском этносе, который является несущей конструкцией государства и составляет, повторяюсь, около 80% населения, до сих пор не преодолен раскол национального сознания, начавшийся после реформ Петра I и приведший в конечном итоге к появлению западников и славянофилов. Еще раз напомним, что Бердяев говорил: «Русский народ по своей душевной структуре народ восточный. Россия — христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи... Противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента...»³³ Западники, как уже говорилось, представляют собой меньшинство народа — где-то не более 10–15 % населения, хотя, конечно, никто таких подсчетов не делал. Но это меньшинство, как правило, образованное, очень социально активное и занимающее видное место в СМИ, общественных и государственных структурах. Западники очень чувствительны к любой форме несправедливости, заострены на общественные перемены, которые кажутся им прогрессивными. Они неизменно тяготеют к Европе, Западу и стремятся заимствовать оттуда все, что только можно: моды, новые термины, идеи, теории и, разумеется, концепции и модели общественного развития. Западники практически во всех революциях занимают лидирующие позиции. Западниками были большевики первого поколения, западниками, или либерал-западниками, было большинство из тех, кто составлял и руководящее звено, и массовую базу антикоммунистиче-

ской, демократической революции конца 1980-х — начала 1990-х гг. Западники — это неотъемлемая часть российского общества, и трудно себе представить, как бы выглядела сегодня Россия, если бы не было реформ Петра Великого, а стало быть, и западников.

При грубой оценке славянофилы, а в нынешних терминах почвенники или «неославянофилы», но можно сказать и «русофилы», и часто примыкающие к ним патриоты-великодержавники являются консерваторами-охранителями. Для них главное — это сильная Россия, противостоящая Западу. Одни из них по-прежнему ищут какой-то особый путь развития России, другие стремятся сохранить существующие общественные структуры. При этом часто не имеет значения, что это за структуры. Славянофилы были против идеи коммунизма, Октябрьской революции, а «неославянофилы» — против демократической революции и фактически за сохранение коммунистического режима. Многие нынешние патриоты-великодержавники поддерживают политику Владимира Путина (и не в последнюю очередь за его акцент на укреплении военной мощи государства и частую антизападную риторику), политику, которая, по факту, консервирует сырьевой характер экономики и отбрасывает Россию все дальше в прошлое. Однако с подозрением относились к ставшему президентом Дмитрию Медведеву, который объявил курс на модернизацию экономики и других сфер нашего бытия, но имел в своем окружении либералов-западников и стремился иметь хорошие отношения со странами Запада, считая, что собственными силами Россия не сможет совершить прорыв в новое качество экономики и общественной жизни. (Хотя к команде Медведева, к дававшему ему советы руководству Института современного развития во главе с И. Юргенсом, как и к нему самому, его программе модернизации, к отказу от второго срока президентства самого Д. Медведева и у меня есть немало вопросов. Но это отдельная тема.)

Если коммунистов по их социальной базе условно отнести к славянофилам, хотя среди них есть и коммунисты-интернационалисты, а правых, или, как часто их называют, либералов — к западникам, то легко увидеть, как раскол национального сознания проявляется на политическом поле. Для того чтобы государство и общество крепко стояли на ногах, необходимо, чтобы основные политические силы страны достигли согласия по базовым ценностям. Для цивилизованного мира ими ныне являются: рыночная, желательна социальная, экономика, правовое, желательна социальное, государство, представительная демократия, права и свободы граждан. Уже не только в старых демократиях, но и в недавних социалистических странах Европы эти ценности системной оппозицией и в целом серьезными политическими силами не оспариваются, что и позволило последним сравнительно быстро создать двухпартийные системы. Которые не только являются гарантом сохранения демократии и ее успешного функционирования, но и инструментом коррекции проводимой в стране политики и эффективной борьбы против злоупотреблений во власти, включая коррупцию. Ведь если и самый высокий чиновник будет знать, что приход оппозиции к власти

может обернуться для него судебным расследованием его противоправных деяний, как это, например, имеет место в Германии, Франции, Италии, а в последние годы — в Южной Корее, Пакистане, а также в некоторых бывших республиках СССР, то он и вести себя будет соответственно.

В нынешней России достичь согласия основных политических сил по базовым ценностям, которые указаны выше, чрезвычайно трудно. И тут дело не только в расколе национального сознания, но и в отсутствии политической гибкости, культуры компромисса (которая не могла появиться, коль скоро в советские годы культивировалась «бескомпромиссная борьба» не только с врагами, но и политическими противниками), в низкой договороспособности политиков и догматизме (унаследованном, как считал Бердяев, от религии). А еще и в неумении объединяться, что, скорее всего, уходит корнями в отсутствие опыта самоорганизации, которая не поощрялась в царской России и жестоко пресекалась в СССР. Возьмем пример Польши и Венгрии. Там коммунисты, комсомольцы, другие политики левых взглядов, осознав провал коммунистической идеи, перешли на позиции социал-демократии, и перед ними открылась историческая перспектива. Но там и правые объединяются и тоже добиваются успеха на выборах. Так, сначала в Польше к власти пришли правые во главе с известным борцом против коммунизма лидером общественного движения «Солидарность» Лехом Валенсой. Они, как и наши «младореформаторы», слишком увлеклись разрушением старых социально-экономических структур, что привело к ухудшению условий жизни граждан, и быстро себя дискредитировали. Но тем временем на базе бывшей правящей коммунистической партии (Польская объединенная рабочая партия) и левых молодежных организаций была создана Социал-демократическая партия во главе с Александром Квасьневским, раньше возглавлявшим одну из таких организаций. Эта партия и победила на ближайших парламентских выборах, а сам Квасьневский в 1995 г. выиграл президентские выборы у Леха Валенсы.

Сходная ситуация сложилась и в Венгрии. Там тоже сначала к власти пришли правые, но левые не теряли времени, и бывший государственный деятель социалистической Венгрии Дьюла Хорн объединил вокруг себя левых, основал Венгерскую социалистическую партию преимущественно на базе бывшей правящей компартии — Венгерской социалистической рабочей партии, и стал премьер-министром в 1994 г. И Квасьневский, и Хорн потом проигрывают выборы правым, но они исправили допущенные теми перекосы в экономической и социальной политике, что не позволило разрушить потенциал их стран, как это произошло в России. Потом они снова вернулись к власти. Иными словами, в постсоциалистических странах Европы, за отдельными исключениями, уже работает механизм двухпартийной системы.

В России же левую нишу в политической жизни заняли и прочно удерживают коммунисты, которые все еще идут на демонстрации и митинги под флагами Ленина и Сталина, придерживаются традиционной коммунистической риторики и не желают объединяться с другими левыми партиями. Хотя

тут есть и немалая доля лукавства, рожденная, как мне кажется, элементарным эгоизмом. Нынешнее руководство КПрФ, среди которого есть люди, близкие по взглядам социал-демократам, позволю себе предположить, вряд ли верят в коммунистическую идею, в возможность вернуться к реальному социализму и советскому строю. Коммунистические лозунги нужны им скорее для того, чтобы не растерять свой электорат в лице тех, кто не только не выиграл, но и проиграл после краха коммунистического режима. Скорее всего, если бы — случись такое! — КПрФ пришла к власти, то по факту стала бы строить не сталинский социализм, а социализм, близкий скандинавской модели. Но поскольку это нереально, то лидеры КПрФ довольствуются тем, что имеют, являясь депутатами «буржуазного парламента», часто голосуя за законы «буржуазного характера», и чувствуют себя вполне комфортно в стенах все того же «буржуазного парламента». Есть и другие левые партии, но и они не спешат объединяться.

В еще более выраженной форме неспособность к объединению демонстрируют правые партии. В первые годы реформ, когда их губительные результаты прикрывались трудностями переходного периода, правые партии, в том числе возглавлявшиеся Е. Гайдаром, Г. Явлинским и Б. Федоровым, никак не могли договориться выступить объединенным фронтом в ходе думских выборов. Но в этом мне видится не только слабая договороспособность, личные амбиции лидеров, но и их политический провинциализм, дефицит исторического знания. В самом деле, можно же объединиться, сохранив свои особые позиции по тем или иным вопросам или создав фракции. В свое время в английской лейбористской партии было три течения: одно близкое консерваторам, другое — коммунистам, а третье занимало центристские позиции. И партия не только нормально функционировала, но и приходила к власти. А, например, японская Либерально-демократическая партия имеет множество фракций, и каждая из них может выдвинуть своего кандидата в премьеры. В этом-то, скорее всего, и кроется секрет многолетнего пребывания ЛДПЯ у власти.

В политической и информационной сфере России особое место занимают те, кто еще в годы перестройки зарекомендовали себя противниками коммунистического режима и сторонниками рыночной экономики, и которых нельзя причислить ни к западникам, ни к славянофилам. Они, однако, оказались во власти антизападных и особенно антиамериканских настроений. Сам я, не будучи ни западником, ни «неославянофилом», ни антизападником, хотя и не испытываю большой любви к Западу и США все-таки немного знаю историю. По большому счету, в России было два великих технологических прорыва, и оба они совершались при активном участии Запада. Это петровские реформы и советская индустриализация. О петровских реформах нам известно еще со школьных учебников, а о том, что едва ли не все крупные стройки первых пятилеток в СССР были спроектированы гениальным американским промышленным архитектором Альбертом Каном из Детройта, работавшим на Форда, знают далеко не все. Воспользо-

вавшись поразившим Америку в 1929 г. глубоким кризисом (Великая депрессия), советское руководство предложило Кану программу масштабного промышленного строительства в СССР, которое по нынешнему курсу оценивается примерно в 250 млрд долларов. Он, разумеется, согласился и привез с собой не только команду опытных специалистов, но и передовые по тем временам технологии. В США закупились и соответствующие этому уровню машины и оборудование. Так у нас появились тракторные заводы в Сталинграде, Челябинске, Харькове, производившие танки в годы войны, автомобильные заводы в Москве и Нижнем Новгороде, тоже игравшие важную роль в годы войны, многие станкостроительные, литейные, механические, подшипниковые заводы, кузнечные цеха и т.д. Характерна такая деталь: Сталинградский тракторный завод, построенный в США по проекту Кана в 1930 г., был размонтирован, перевезен в СССР и собран при участии американских инженеров за шесть месяцев³⁴. *Это к вопросу о том, что нам надо стараться поддерживать с Западом и особенно с США конструктивные отношения. В основном там мы и можем получить технику и технологии для модернизации национальной экономики.* Кстати говоря, и индустриальная, а затем и постиндустриальная Япония появилась благодаря западным технологиям. Это же относится ко всем «новым индустриальным странам» и Китаю.

Своими собственными силами мы не сможем осуществить реиндустриализацию хотя бы на важнейших направлениях технического прогресса. А без этого созданные в России инновации будут уходить в страны Запада и Китай, как это уже нередко и происходит. За постсоветские годы у нас практически погублено станкостроение, подорвано машиностроение, нет сколько-нибудь развитой электроники, собственного автостроения, да и гражданское авиастроение понесло трудновосполнимые потери. Встает вопрос: если политики, политологи, журналисты и пр. то ли по умыслу, то ли по недомыслию будут нагнетать антизападные настроения, а политиканствующие генералы будут пугать страны Запада нашими не знающими преград ракетами, то кто будет продавать нам новую технику и технологии? Китай? Он и не сможет, и не захочет, поскольку ему, объективно говоря, нужна не сильная, а слабая и сырьевая Россия, что отвечает его национальным интересам.

Третье. В отличие от Китая, в России очень тяжелая демографическая ситуация, которая не имеет шансов к улучшению в ближайшие годы. Крупнейший российский социолог член-корреспондент РАН Н.М. Римашевская пишет: «Демографический кризис имеет серьезные экономические, социальные и геополитические последствия, которые будут сказываться на протяжении всего XXI в., подобно “эху” войны в прошлом столетии. Достаточно взглянуть на половозрастную пирамиду российского населения, построенную на 1 января 2008 г., “впадина”, отражающая катастрофическое уменьшение численности населения в 90-х годах XX в., по своей глубине близка к тому, что характерно для периода 1941–1945 гг., но она значительно “шире”, так как продолжается второе десятилетие»³⁵. В России низкая

рождаемость, более низкая продолжительность жизни и более высокая смертность, чем в Китае. Причины этих явлений вызваны радикально-либеральными реформами и будут рассмотрены в другой главе. К этому надо добавить ухудшение здоровья россиян, миллионы инвалидов, миллионы не способных к активному труду алкоголиков, наркоманов и т.д. (В Китае пьянство никогда не было распространено, а борьба с наркоманией ведется самыми решительными методами, что и не позволило ей превратиться в серьезную национальную проблему.)

Отсюда появление в России многих миллионов мигрантов в основном из мусульманских стран Центральной Азии, что при слабой их интеграции в российскийское общество может превратиться в проблему куда более серьезную, чем та, с которой столкнулась Франция, когда начались массовые бунты мигрантов, точнее, в основном их детей, во французских пригородах в 2004 г. Только условия жизни российских мигрантов не идут ни в какое сравнение с жизнью французских мигрантов, у которых, как правило, есть отдельная квартира, цветной телевизор, холодильник и пр. современные удобства³⁶.

В Китае тоже появляется демографическая проблема, но она имеет совершенно другую природу и сравнительно легко решается. Планирование семьи по принципу «одна семья — один ребенок» привело к старению населения, уменьшению потенциальной рабочей силы, ее удорожанию (из-за чего в Китай стали приглашать неквалифицированных рабочих из соседних стран) и гендерному перекосу, когда мужского населения примерно на 8–10% больше, чем женского³⁷. Последняя перепись в Китае была в 2010 г., и тогда в нем проживало 1347 млн 380 тыс. человек. (Хотя ученые Института Дальнего Востока РАН оценивают население Китая в 1,5 млрд человек.) Но планирование семьи в принципе проводится достаточно гибко. В городах в семьях ханьцев (собственно китайцев) рождение второго ребенка возможно, если оба супруга являются единственными детьми у своих родителей, а если нет, то надо заплатить налог (несколько тысяч долларов), вполне посильный для состоятельных китайцев, и оплачивать все социальные расходы на второго ребенка (образование, здравоохранение и пр.). И живущие в городах семьи нацменьшинств имеют право на второго ребенка. В сельской местности семьи имеют право на второго ребенка, если первым была девочка, поскольку кормильцем старых родителей всегда считался сын. (Говорят, что в Китае была распространенной практика топить только что родившихся девочек, пока не родится мальчик. Сейчас государство принуждает женщину сделать аборт, если она не имеет права на рождение очередного ребенка. А иначе рожденный «незаконно» в каком-то смысле останется вне закона.) В сельской местности национальных меньшинств, в зависимости от их численности, семьи могут иметь двух-трех детей, а на Тибет и малочисленные народы планирование семьи вообще не распространяется. Отсюда и тот феномен, что численность населения в Китае не уменьшается, а ежегодно увеличивается примерно на 8–10 млн человек.

Конечно, «планирование семьи» есть покушение государства на естественное право родителей иметь столько детей, сколько они хотят, и об этом на «китайских кухнях» ведутся разговоры. Однако подсчитано, что если бы в Китае не было программы планирования семьи, то численность населения уже достигла бы 1,7–1,8 млрд человек, что не позволило бы государству развиваться быстрыми темпами и постоянно повышать жизненный уровень граждан, как это происходит сейчас. Но эксперты предполагали, что если в Китае начнет появляться серьезная демографическая проблема, то они наверняка будут вносить изменения в политику планирования семьи. И действительно, в ноябре 2013 г. по итогам 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва было принято «Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам о всестороннем углублении реформ», согласно которому супруги могут иметь двоих детей, если один из родителей — единственный ребенок в семье»³⁸.

Четвертое. При сравнении стартовых позиций, с которых начались реформы в Китае и России, нельзя не учитывать следующий немаловажный фактор. В Китае они стали проводиться в условиях существующего государственного и общественного строя. Российская же Федерация появилась в результате распада СССР и сразу встала на принципиально новый путь государственного и общественного развития. России пришлось заново устанавливать экономические, научно-технические и иные связи не только с бывшими союзными республиками единого государства, ставшими независимыми странами, но и с бывшими странами социализма, с которыми у СССР было тесное сотрудничество в рамках Совета экономической взаимопомощи.

С другой стороны, стартовые предпосылки для успеха реформ были несравнимо предпочтительнее в России, нежели в Китае, имея в виду экономическую, научно-техническую, образовательную и ряд других сфер. Так, ВВП Китая составлял 39% от российского ВВП, сельское население — 82,1%³⁹. Не говоря уже о наличии в России огромных запасов ценного сырья, и прежде всего энергоносителей, сотен миллионов гектаров пригодной для обработки земли, богатых водных ресурсов и т.д. Вот что говорит о слабых сторонах КНР В. Невейкин: «... Территория Китая в несколько раз меньше нашей, да и та только на 1/4 пригодна для проживания, так как большую часть страны занимают горы и безводные пустыни. Практически все население сосредоточено на Великой китайской равнине (вдоль восточного побережья) и в немногочисленных горных долинах, оазисах внутри континента. Так что на момент начала реформ можно констатировать, что Китай обладал следующими “преимуществами” перед другими странами социализма:

- невероятной скученностью народа;
- истощенностью земли многотысячелетним земледелием;
- низким образовательным уровнем;
- беспросветной бедностью, доходящей до повсеместного физического голодания;
- отсутствием какой-либо современной инфраструктуры;

- крайне отсталой промышленностью;
- низкоэффективным сельским хозяйством (где “трудолюбивые” китайские крестьяне занимались всем, только “не пахали”);
- засильем от произвола невежественных “ганьбу” (кадровых работников);
- практически полным искоренением представителей “китайской интеллигенции” трудовым “перевоспитанием” в деревне во время культурной революции.

Прибавьте к этому историческую склонность к бюрократии, коррупции, тайные общества в виде “триад”, вернее, к системному бандитизму и вымогательству при малейшем ослаблении центральной власти, и вы поймете только небольшую часть тех проблем, перед которыми стояло тогдашнее китайское руководство во главе с Дэн Сяопином, только-только вышедшее из политического противостояния с “бандой четырех” под предводительством Цзян Цин (вдовы Мао Цзэдуна)... Вот такие “преимущества” были у когда-то “братского народа Китая”»⁴⁰.

Имея такие незавидные стартовые позиции, Китай за 30 лет добился роста ВВП на душу населения с 200 до 10 тыс. долларов по паритету покупательной способности⁴¹. Изучение китайского опыта, того, с чего начинал Китай и к каким результатам он пришел при реализации глубоко продуманной не только модели реформ, но и стратегии общественного развития, должно было бы подвигнуть наши власти на переосмысление всего, что делалось и делается вот уже более 20 лет в постсоветской России. Но этого не происходило. Только в самое последнее время те чиновники, которые многие годы отвечали за экономическое развитие страны, вдруг «прозрели» и стали искать виновных на стороне⁴². Вечно озабоченные своим рейтингом и электоральным успехом, они постоянно подчеркивают мнимые достижения страны при их правлении, вместо того чтобы указывать на глубокий кризис всех устоев общества и предупреждать народ о грозящей ему опасности. Не ради запугивания, а ради мобилизации всех сил и средств страны для ее предотвращения. Считаю нужным, анализируя нынешнее состояние российского общества, сослаться на президента Академии прогнозирования российского отделения Международной академии исследований будущего известного экономиста А.И. Агеева: «Настроение умов, чувств, ожиданий в отношении и будущего, и настоящего, и прошлого — характерно для нас, сегодняшних. Налицо — полная какофония. У нас нет единой песни, единой идеи, единого мироощущения, а есть раздор даже в нашем служении и Родине, и Господу, и близким. И это — наша общая беда. А в целом, как ни прискорбно говорить об этом, наблюдается то, что называется вырождением нации. Вырождение — не только как следствие, но и как причина. Оно проявляется даже в физическом плане — у нас умирает на миллион больше людей, чем должно было бы умирать по естественным причинам. Люди уходят не только из-за болезней и по старости, их губит алкоголизм, наркомания, безработица, травматизм, преступность... Если не удастся преодолеть демографический кризис, то сокращение населения до 60–80 миллионов к сере-

дине века может привести просто к распаду страны»⁴³. Может быть, слишком сильно сказано, не так все мрачно, да и такого сильного сокращения населения, возможно, и не будет. Но прислушаться к словам А. Агеева следует.

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7.

³ См.: Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений. М., 1991. Т. 1. С. 320–339.

⁴ Исаев А. В. Китайский менталитет // delighta.ru/countries/china/kitajskijme.

⁵ Исаев А. В. Китайский менталитет // delighta.ru/countries/china/kitajskijme.

⁶ Китаист Я.М. Бергер, ссылаясь на подсчет английского историка Пола Кеннеди, приводит такие данные. В 1750 г. на долю Китая приходилось 32% мирового ВВП. А на долю территорий пяти современных европейских стран — Англии, Франции, Германии, России и Италии — всего 17% ВВП. К 1830 г. ВВП Китая и “европейской пятерки” сравнялись на уровне 29%. К 1900 году доля Китая в мировом ВВП упала до 6%. См.: Московский комсомолец. 30.09. 2009.

⁷ Мереминская Е. Китай заходит на жесткую посадку // www.gazeta.ru/financial/2012/02/3983353.shtml02/02.

⁸ Невейкин В. Феномен Китая // Блог В. Невейкина на радиостанции «Эхо Москвы» [www.echo.msk.ru/blog/nevejkin/809558-echo].

⁹ О китайской культуре см.: Малявин В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент // www.krmasters.ru/staty/bookofmonth/kitayupravlaemy.php?ELEMENT_ID=61; Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.

¹⁰ См.: Деловой журнал про Китай // www.chinaPRO.ru/rubrics/5/5140.

¹¹ См. подр.: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII — XXI веках. М., 2007.

¹² Школа боевых искусств при монастыре Шаолинь, которую В.В. Путин посетил в 2006 г., известна в России давно.

¹³ В 1946 г. советское командование передало Народно-освободительной армии Китая (НОАК) огромный военный арсенал разгромленной японской Квантунской армии, включая 600 танков и 861 самолет.

¹⁴ См.: Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007.

¹⁵ Жэньминьжибао. 27.06.2006.

¹⁶ В. Овчинников утверждает, что в первые годы после образования КНР культ Мао в Китае не было, более того, когда ему исполнилось 60 лет, то китайцы об этом узнали из поздравления советского руководства. Можно допустить, что именно советский пример создания культа руководителям оказался заразительным почти для всех бывших соцстран. Хотя некоторые другие авторы утверждают, что культ Мао сложился еще в годы вооруженной борьбы с японскими и гоминьдановскими войсками.

¹⁷ Овчинников В. К истокам Китайского чуда // kreml.org/media/224823987.

¹⁸ Овчинников В. От Маркса к Конфуцию // Российская газета. 25.10.2007.

¹⁹ Малявин В. Китай управляемый. Старый, добрый менеджмент // www.krmasters.ru/staty/bookof-month/kitayupravlaemy.php?ELEMENT_ID=61.

²⁰ Кобзев А.И. В гостях у Сергея Медведева на радио «Финам.ФМ» // finam.fm/article-view/3354.

²¹ Пост председателя партии был упразднен еще при правлении Дэн Сяопина.

²² Титаренко М. Интервью газете «Алтайская правда» // www.bankfax.ru/page.php?pg=47265.

²³ Исаев А. В. Китайский менталитет // delighta.ru/countries/china/kitajskijme.

²⁴ Интервью В.С. Мясникова об образе Китая // Магазете (интернет-издание о Китае) 16.06.2007.

²⁵ Кобзев А.И. Уроки китайского. Стоит ли нам бояться Китая // FINAM.FM. Программа Археология. 26.11.2010.

²⁶ Титаренко М. Интервью газете «Алтайская правда» // www.bankfax.ru/page.php?pg=47265.

²⁷ Титаренко М. Интервью газете «Алтайская правда» // www.bankfax.ru/page.php?pg=47265.

²⁸ Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 450–451.

- ²⁹ Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 452.
- ³⁰ На этом основании некоторые исламоведы утверждают, что говорить о политизации ислама бессмысленно, постольку он изначально имел политический характер.
- ³¹ Цит. по: Кива А. Личность решает все // Московская правда. 08.12.2010.
- ³² Цит. по: Кива А. Личность решает все // Московская правда. 08.12.2010.
- ³³ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7.
- ³⁴ Меерович М.Г. Альберт Кан в истории советской индустриализации // Проект-Байкал. 2009. № 20 [www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569787].
- ³⁵ Римашевская Н.М. Сбережение народа — стратегический императив России // Незаконные грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 642.
- ³⁶ См.: Гладилин А. Криминальный Париж // Известия. 22.10.2004.
- ³⁷ По традиции, в китайских семьях отдают предпочтение рождению мальчиков как будущих кормильцев старых родителей.
- ³⁸ Политика планирования семьи в Китае за последние 40 лет // russian.people.com.cn/951181/8461188.html.
- ³⁹ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия 2050: стратегия развития. М., 2006. С. 321, 216.
- ⁴⁰ Невейкин В. Уроки китайского. Экономические наблюдения путешественника // dem-set.org/f/showthread.php?t=1398.
- ⁴¹ Невейкин В. Уроки китайского. Экономические наблюдения путешественника // dem-set.org/f/showthread.php?t=1398.
- ⁴² Так, бывший многие годы министром финансов, вице-премьером и куратором финансово-банковской системы А.Л. Кудрин в выступлении в Государственной думе 20 мая 2013 г. заявил, что составляющая большинство в парламенте партия «Единая Россия» «должна принять всю ответственность за стагнацию, к которой пришла наша страна». Что, как и ожидалось, вызвало со стороны руководителей ряда комитетов Госдумы резкую критику в его адрес, поскольку торможение развития экономики произошло по его вине.
- ⁴³ Агеев А. Александр Агеев: «Они теперь ничего не стоят, все наши слова» // Столетие.Ру. 30.09.1011.

РАЗДЕЛ II

Китайский путь развития

ГЛАВА 4

Предыстория слагаемых Великих Перемен

Хотя книга и называется «Реформы в России и Китае. Сравнительный анализ», на деле в обоих случаях мы имеем дело не просто с реформами в рамках существующей системы, а со сменой парадигмы общественного развития. В частности, в Китае за годы реформ произошли принципиальные изменения не только в экономике, но и в политическом строе, в государственной идеологии, в социальной структуре общества, в политике государства на международной арене. Команда Дэн Сяопина создала оригинальную модель оптимального выхода из тупика, в который зашли страны, строившие социализм по сталинским лекалам. Выхода глубоко продуманного, постепенного, поэтапного с возможными паузами и отступлениями. Путем не разрушения сформировавшегося при руководстве Мао Цзэдуна социально-экономического строя и политической системы, а их трансформации и, что очень важно подчеркнуть, при одновременном быстром наращивании потенциала страны и постоянного повышения жизненного уровня народа.

Говоря о современном Китае, большинство аналитиков концентрируют внимание только на экономических реформах, игнорируя тот факт, что без радикальных изменений в политической системе и массовом сознании эти реформы были бы невозможны. Это не говоря уже о предвзято относящихся к КНР авторах как у нас, так и за рубежом, которые, не вникая, а, возможно, и не желая вникать в суть происходящих там перемен, продолжают рассматривать режим в Китае как коммунистический. Хотя в самом Китае уже успели забыть об идее коммунизма. На деле это страна переходного периода, в которой социальное содержание уже давно не соответствует форме, которая, однако, умело, просто талантливо используется властями в интересах максимально быстрого и, по возможности, гармоничного развития страны. Если в сознании народного большинства идея социализма еще жива, то зачем отказываться от него как от стратегической цели — строительства социализма с китайской спецификой?

Когда страна оказывается в глубоком кризисе или резко меняется вектор общественного развития, роль личности играет невероятно большую роль, учитывая, разумеется, то, что деятельность не каждой крупной личности

идет в ногу со временем и носит позитивный характер. Но, так или иначе, Ленин, преодолевая сопротивление своих соратников, настоял на взятии власти большевиками, а Сталин построил социализм в отдельно взятой и далеко не самой развитой стране, что противоречило теории Маркса. Кемаль Ататюрк создал в Турции с глубокими исламскими традициями светское государство, которое, пройдя через общественные кризисы, военные перевороты, иные пертурбации, до самого последнего времени демонстрировало политическую стабильность и устойчивый экономический рост. (Однако революционные потрясения в соседних странах в период «арабской весны» стали спусковым крючком для нарастания негативных тенденций в политическом климате Турции.) «Великий американец» Ф.Д. Рузвельт (как его называл Черчилль) не только вытащил США из Великой депрессии, но и заложил основы посткапитализма, то есть социального капитализма, ставшего непреодолимой преградой для социальных революций по марксистской модели. В свою очередь талантливый государственный деятель де Голль введением президентской формы правления положил конец многолетнему политическому кризису во Франции, прекратил изматывающую страну войну в Алжире и открыл перед нею путь стабильного развития. На глазах многих ныне живущих бывший застойный британский порт Сингапур, не имевший не только энергоносителей, но и собственной питьевой воды, благодаря талантливому лидеру Ли Куан Ю превратился в процветающее государство.

Но когда мы говорим о Китае, то не должны забывать о его масштабах и истории. Это страна, не боюсь повторяться, с самым большим в мире населением, цивилизация которой насчитывает более пяти тысяч лет, но которая более ста последних лет находилась в состоянии глубочайшего кризиса, переживала гражданские войны, иностранные интервенции и т.д. К тому же к началу реформ преобладающее большинство населения составляли крестьяне, нередко жившие у черты, а то и за чертой бедности. И то, что воспитанные за годы правления Мао Цзэдуна в духе эгалитаризма и веры в социализм китайцы приняли, по сути, буржуазные реформы Дэн Сяопина, уже о многом говорит.

Китайский путь развития — это результирующая многих факторов. Конечно, вне сомнения, ставший почти легендарной личностью архитектор нового Китая Дэн Сяопин сыграл в этом решающую роль. Напомню вкратце его жизненный путь. Родился в 1904 г., учился в одной из лучших китайских школ, в 1920 г. с целью продолжить образование уехал во Францию (как это делали тогда многие китайские юноши), где и заинтересовался очень модным тогда марксизмом. В 1922 г. вступил в Социалистический союз молодежи Китая, а в 1924 г. — в европейское отделение Компартии Китая. Родительских денег на жизнь не хватало, поэтому приходилось работать в качестве грузчика на заводе «Рено» и т.д. В Париже он познакомился и сблизился с Чжоу Эньлаем (и, как говорят, даже жил с ним в одной комнате), который многие годы будет возглавлять правительство КНР и не раз будет приходить на помощь будущему реформатору. В 1925 г. французская полиция завела на Дэна досье в связи с его пропагандистской деятель-

ностью среди китайских рабочих. По одним сведениям, французские власти обвиняли его в организации покушения на своего земляка, и он в январе 1926 г. срочно уехал из Франции, по другим — его отозвало руководство компартии, чтобы направить на учебу в СССР. Около года он проучился в Университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (учебное заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1925 г. по 1930 г.). В то время в СССР шла острая борьба вокруг нэпа, и Дэн имел возможность познакомиться со взглядами русских большевиков, и не в последнюю очередь — со взглядами Николая Бухарина на переходный период от капитализма к социализму. Потом Дэн уехал в Китай и активно включился в революционную деятельность. Принимал участие в антифеодалной и антияпонской борьбе Красной армии, названной потом Народно-освободительной Армией Китая (НОАК), занимая руководящие должности в партии и армии. В 1928 г. он — начальник секретариата ЦК КПК, потом — комиссар различных соединений Красной армии. Ему приходилось заниматься и хозяйственной деятельностью. Начиная с 1943 г. он становится одним из руководителей КПК и везде успешно справляется со своими обязанностями. Уже в те годы над ним нависла первая угроза расправы и, кстати говоря, тогда за поддержку Мао Цзэдуна. (Перед лицом начавшейся агрессии Японии против Китая Коминтерн настаивал на создании единого фронта компартии с Гоминьданом, против чего возражал Мао Цзэдун, не доверявший его руководству. Коминтерн добился снятия Мао с поста руководителя компартии и на его место назначил «своего человека» Ван Мина. По приказу последнего пять видных сторонников Мао были объявлены троцкистами и казнены. Дэн чудом остался жив. Только новый руководитель КПК не обладал масштабом личности Мао Цзэдуна и долго на этом посту не продержался. Какое-то время он фигурировал на политической сцене нового Китая, но в 1956 г. уехал в Москву, был там обласкан как ярый критик Мао и маоизма и в бестесности умер на одной из подмосковных дач в 1974 г.¹⁾

После образования Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. Дэн Сяопин, наделенный поистине недюжинными организаторскими способностями, шаг за шагом поднимается к вершине власти. В 1952–1954 гг. он — заместитель премьера, в 1956 г. — генеральный секретарь ЦК КПК, тогда третий человек в партии после председателя и его заместителя (при этом, что у председателя КПК могло быть несколько заместителей), на которого было возложено решение текущих проблем партии. Другое дело, что масштаб личности Дэна, его авторитет в партии и армии позволяли ему играть одну из ключевых ролей во власти.

Несмотря на то что подхалимы Мао трубят о колоссальных успехах политики «большого скачка», Дэн Сяопин начинает ей противодействовать. Именно тогда он пустил в оборот старую китайскую пословицу, гласящую: «не имеет значения, какого цвета кошка, желтая или черная, пока она ловит мышей», и это, конечно же, расценивалось правоверными марксистами-ленинцами как конформизм, что означает, напомним, соглашательство и да-

же оппортунизм — приспособленчество, и каралось, иногда сурово. Перед очевидным фактом провала политики «большого скачка» и ее открытой критики со стороны ряда авторитетных государственных деятелей Мао вынужден был в 1959 г. передать пост председателя КНР Лю Шаоци, но добился снятия с поста министра обороны маршала Пэн Дэхуая, поставив на его место в то время верного себе маршала Линь Бяо, известного необыкновенной лестью по отношению к «Великому кормчему». После этих перемен Мао фактически отошел от дел вплоть до начала «культурной революции». Надо отдать должное Мао как стратегу. Он передал руководство армии преданному себе человеку и этим самым фактически решил вопрос о власти. «Культурная революция» не состоялась бы, если бы ее не поддерживала армия.

(По некоторым сведениям, совещание руководящих кадров перед 8-м пленумом ЦК КПК, состоявшимся в излюбленном месте отдыха Мао Цзэ-дун в г. Ухани (июль 1959 г.), происходило в накаленной обстановке. Популярный в стране и армии политический и военный деятель китайской революции, командующий войсками «китайских народных добровольцев» во время начатой коммунистическим руководством КНДР Корейской войны, член политбюро ЦК КПК, министр обороны маршал Пэн Дэхуай в письме Мао Цзэдуну дал реальную картину ситуации в стране, сложившуюся в результате реализации политики «трех красных знамен». При этом он распространил это письмо среди участников совещания руководящих кадров. Но очевидно, что Пэн Дэхуаю Мао уже не доверял, поскольку на 8-м съезде КПК (1958) тот остался только членом политбюро ЦК КПК, в то время как его заместитель (заместитель министра обороны) Линь Бяо стал еще одним из заместителей председателя ЦК КПК. В ответ Мао Цзэдун, вполне сознавая провал «большого скачка» и расстановку сил в руководстве страны не в свою пользу, решил взять реванш. Он обвинил Пэн Дэхуая и некоторых других партийных деятелей в правом уклоне и создании антипартийной группировки и прибег к шантажу. Если, дескать, его не поддержит армия, то он создаст новую армию, а не поддержит партия — создаст новую партию. Присутствующие на этом совещании руководители никак не хотели раскола армии и партии и неизбежных при этом новых катаклизмов, которых и так было немало в новой истории Китая, и вынуждены были пойти на те уступки, о которых говорилось выше. На 8-м пленуме ЦК КПК, проходившем в августе того же года в Лушане (провинция Цзянси), Мао добился принятия этих кадровых перестановок и одобрения политики «трех красных знамен», хотя задания второго пятилетнего плана развития (начатого в 1956 г., но пересмотренного в связи с новой политикой Мао) были слегка подкорректированы.)

Ныне, спустя многие годы после тех событий, я бы, однако, не стал повторять то, что говорилось о Мао в то время в СССР. Что он-де не хотел, чтобы после смерти тело его вынесли из Мавзолея, как вынесли тело Сталина, и даже то, что он боялся потерять власть. На деле потеря власти ему не грозила, а тело его, даже несмотря на принесенные «культурной рево-

лющей» многомиллионные жертвы и массовые лишения, до сих пор находится в мавзолее, перед которым стоят длинные очереди его поклонников, а юань печатается с его портретом. Стоят в неприкосновенности во многих местах страны и хорошо ухоженные его памятники. Максимум, что ему грозило, это ограничение его власти и серьезная корректировка политического курса. Скорее всего, Мао Цзэдун придерживался радикально-утопических левых взглядов, что характерно для революционеров многих стран и многих эпох. Как характерны и забегания далеко вперед от реальности. Этим, как известно, грешили чуть ли не все харизматические лидеры после завершения социальной или национально-освободительной революции: Ленин в первые годы после революции, Сукарно, Насер, Бен Белла, Кваме Нкрума и ряд других. Вполне возможно, что Мао искренне боялся буржуазного перерождения режима, тем более что и в государстве, и в партии стала появляться работающая на свои интересы бюрократия, которая в веках была привилегированной кастой в старом Китае. Мы же видим, как постсоветская бюрократия ловко выдает свои интересы за интересы народа. Не намного лучше (но все же лучше!) была и советская бюрократия, только у нее были неизмеримо меньшие возможности, чтобы грабить народ, и почти нулевые — вывозить в другие страны капитал, скупать там замки, виллы и пр. А китайская бюрократия во сто крат опытнее и изощреннее российской.

Так или иначе, Мао Цзэдун решил сделать ставку на молодежь и, выражаясь термином большевиков, начал чистку в партии и государстве под флагом культурной революции. Притом что слова «культурная революция» не имели отрицательного оттенка, поскольку это понятие ассоциировалось с тем, что делалось в СССР в 1930-е гг. и носило прогрессивный характер. Создав в среде студенческой и школьной молодежи организации «хунвейбинов» («красные охранники») и из рабочей молодежи организации «цзаофаней» («смутьяны», или «бунтовщики»), Мао превратил их в основную движущую силу «культурной революции», которую подпирала армия во главе с Линь Бяо. (Правда, потом и многие хунвейбины были высланы на перевоспитание в деревню.) Призыв «бить по штабам» — партийным комитетам и органам государственной власти — понравился оглушенной пропагандой молодежи. Как и лозунг «Старое — на свалку истории, даешь дорогу молодежи!». Лю Шаоци и Пэн Дэхуай оказались в тюрьме, где и кончили свою жизнь, а Дэн Сяопина, который напрямую не критиковал Мао, но на практике противодействовал проведению его экономической политики, лишили всех постов и репрессировали. Однако точных данных, по чьему приказу его арестовали, нет. И даже ссылка на слова дочери, что два года он находился в изоляции, не проясняет вопрос, был ли это домашний арест или тюрьма. По данным многих аналитиков, Дэна сослали в Синьцзяньский уезд одной из самых бедных провинций — Цзянси, где он, человек, которому уже исполнилось 65 лет, якобы работал слесарем на тракторном заводе, а жена его зачищала шурупы. После работы Дэн рубил дрова, трудился на огороде, выращивая дыни, кабачки и всякую зелень. По неко-

торым сведениям, с ними была младшая дочь, а позже присоединился старший сын Дэн Путан, оставшийся на всю жизнь инвалидом после того, как коллеги студенты, ставшие хунвейбинами, сбросили его с третьего этажа университета после того, как, несмотря на избиения и пытки, он отказался назвать адрес, где прячется отец, которому, вполне возможно, грозил самосуд хунвейбинов, что было тогда частым явлением. А трех старших дочерей и младшего сына Дэна сослали в одну из провинций на «перевоспитание»². (Возможно, практику поступать таким образом с семьями репрессированных Мао позаимствовал у Сталина.)

Представляю интерес обвинения, которые были предъявлены Дэн Сяопину: он осуждал культ личности, что нанесло ущерб Председателю Мао; третируя идеи Мао Цзэдуна на конференции 1961 г.; провозглашал в сельскохозяйственной политике лозунг «неважно, какого цвета кошка — белая или черная, лишь бы она хорошо ловила мышей»; ввел систему ученых степеней и званий в 1963 г.; отошел от политики Мао в области просвещения, основанной на сочетании умственного и физического труда, был не согласен с политикой Мао в области культуры и многое другое в таком же духе. Но, возможно, для руководителей «культурной революции», ставших реальной властью в стране с января 1967 г., едва ли не самым тяжким преступлением Дэна было то, что он поначалу старался пресечь бесчинства хунвейбинов.

Стоит сказать, что Мао ввел иезуитскую практику требовать от ложно обвиняемых людей, включая первых руководителей, покаяния в совершенных ошибках и преступлениях. Лю Шаоци и Пэн Дэхуай заявили, что им не в чем каяться, за что фактически заплатились жизнью. Обвинения против них, особенно против Лю Шаоци, были более серьезные. Дэн Сяопин же и в данном случае остался прагматиком. Но его покаяние было под стать его личности. Он заявил, что оторвался от масс, тем самым показав свое несоответствие тем функциям, которые возложил на него Центральный комитет, а его ошибки во время «культурной революции» свидетельствуют о том, что его мелкобуржуазная и интеллигентская идеология не перестроилась соответствующим образом. В заключение Дэн заявил, что он искренне желает перестроиться. Хотя это покаяние не спасло его от репрессий, оно сохранило ему жизнь.

Но экономическая ситуация в стране оказалась на грани катастрофы, и часто болеющему премьеру Чжоу Эньлаю потребовался сильный заместитель: в 1973 г. ему удалось убедить Мао Цзэдуна вернуть Дэн Сяопина из ссылки. Став заместителем премьера, Дэн начинает постепенно внедрять рыночные отношения в экономику, расширять свободу действий крестьян в коммунах. В 1975 г. он уже становится и заместителем председателя ЦК КПК, и начальником генерального штаба НОАК. В стратегическом плане Дэн выдвинул план четырех модернизаций: сельского хозяйства, промышленности, вооруженных сил, науки и техники. В качестве неотложных мер он предложил программу «трех расширений и одного закрепления»: расширение приусадебных участков, расширение свободного рынка в городе и деревне, увеличение числа самокупаемых мелких

предприятий, закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами. В какой-то мере это напоминало политику нэпа. Но в глазах леваков из Комитета по культурной революции это воспринималось как «мелкобуржуазный уклон» и отход от стратегической линии Мао. Они по-прежнему люто ненавидели Дэн Сяопина, обвиняя в насаждении в стране капитализма, и только и ждали момента, чтобы с ним расправиться.

В последние годы правления Мао Цзэдуна власть в стране, как уже говорилось, фактически перешла в руки главарей «культурной революции», ставших потом известными как «банда четырех». (Это жена Мао Цзян Цин, министр культуры, ее брат Яо Вэньюань, секретарь ЦК КПК Чжан Цуньчао и вождь «цзаофаней» Ван Хунвень.) Их возможности влиять на ситуацию в стране резко возросли с началом тяжелой болезни Мао и особенно после смерти Чжоу Эньлая в январе 1976 г. Соответственно резко обострилась борьба за власть между прагматиками, лидером которых однозначно был Дэн Сяопин, и леваками в лице деятелей «культурной революции» и их сторонников. Пока Мао был жив, перевес сил оставался за леваками, и те решили наконец расправиться с Дэном. Для этого они организовали «движение за критику Дэна и отпор правоуклонистскому вихрю и пересмотру правильных оргвыводов». Дэн в очередной раз снят со всех постов, над ним нависает угроза расправы. Версия о том, что, узнав о готовящейся репрессии, Дэн бежит из Пекина и прячется где-то на юге страны, некоторыми авторами отвергается. Вполне правдоподобной кажется версия, что на стороне Дэна было армейское руководство, которое никак не могло быть довольным результатами разрушительной «культурной революции», и министр обороны маршал Е Цзяньинь и командующий Гуандунским военным округом Сюй Ший вывезли его на курорт около Гуанчжоу, где он находился под охраной военных вплоть до кончины Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г.³ Возможно, это тоже лишь одна из версий. Дэн Сяопин особо не распространялся о годах своих мытарств, тем более этого не делали и не делают его близкие. То ли не желают ворошить темные страницы истории страны, к которой они бережно относятся, то ли не хотят лишний раз напоминать о жестокостях эпохи Мао, которого по-прежнему почитают китайцы, а люди старших поколений даже находят позитивные стороны в жизни при его руководстве.

После смерти Мао Цзэдуна Дэн Сяопин вернулся в Пекин и вскоре стал по факту реальным руководителем государства. Сторонники Дэн Сяопина с согласия официального преемника Мао маловлиятельного Хуа Гофэна арестуют Цзян Цин и всю ее компанию, обвинив в государственной измене. (Как говорили некоторые аналитики, операция их ареста очень напоминала арест сталинского палача Лаврентия Берия и с теми же обвинениями.) И вскоре Конфуций вновь обрел непререкаемый авторитет, стали модными изречения и поучения Лао-Цзы, Мэн-Цзы, других выдающихся китайских философов. «Вышла из подполья» традиционная китайская этика отношений между властью и народом, старшими и младшими и т.д. Китайская цивилизация, таким образом, вернулась в свое русло! По инициативе Дэн

Сяопина на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. было принято поистине революционное решение о проведении политики «реформы и открытости». При этом особо подчеркиваю: после смерти «Великого кормчего» Дэн Сяопин получил лишь свои прежние посты 1977–1982 гг., не будучи ни генеральным секретарем ЦК КПК, ни председателем КНР, но пользуясь высоким авторитетом в стране и имея сильные позиции в армии. И в последующем он занимает для внешнего мира вроде бы второстепенную, но для Китая тех времен ключевую должность председателя Центральной комиссии советников КПК (1982–1987) и председателя Центрального военного совета КНР (1983–1990). (Китайская армия имела и до сих пор имеет очень высокий политический статус в обществе.) Именно в этом качестве он добивается снятия с постов двух генеральных секретарей ЦК КПК — Ху Яобана и Чжао Цзяна, которые слишком торопились с политическими переменами, ставя под угрозу успехи реформ.

Может возникнуть вопрос: что же создало такой авторитет Дэн Сяопину? Ведь он был далек от пиара и самопиара, рек не переплывал, как харизматичный, импозантный, высокий для китайца ростом Мао, который был к тому же великолепным оратором и большим мастером афоризмов, из которых составлялись цитатники. Чтобы понравиться народу, он не танцевал в молодежном кафе, на публике не пел, не играл, не садился за руль трактора и комбайна, не брал в руки штурвал самолета, не стрелял из лука в слона, не демонстрировал приемы каратэ, как некоторые другие руководители. Дэн был маленького роста, имел скромную внешность, был лишен харизмы, из спорта любил только гольф, но имел мудрость и мужество всегда говорить и делать то, что диктовало время и что шло на пользу стране и людям. Строго говоря, он был не теоретиком, каким был Мао, а великим прагматиком. Мао сделал ставку на крестьян как на основную движущую силу национально-освободительной и социальной революции, не питал иллюзий в отношении партии Гоминьдан, к союзу с которой его подталкивал Коминтерн, и это привело к победе коммунистов, объединению страны и созданию КНР, ставшей великой ядерной державой. Но он не понимал того, чего не понимали и многие другие выдающиеся коммунистические деятели: в отсталом крестьянском обществе не построить социализм как высшую ступень общественного развития. Это хорошо понимал Дэн, считая, что необходимо сначала создать предпосылки, а чтобы решить эту задачу, надо не тратить силы и средства на разжигание революций в странах Азии, Африки и Латинской Америки, как делал Мао, и не ссориться с другими странами, а сосредоточиться на развитии собственной страны. Дэн тоже сделал ставку на крестьян в первый период реализации стратегии «реформа и открытость», но совершенно с другой целью: раскрепостить их инициативу, упраздняя, по факту, коммуны, и на этой основе резко поднять производство продовольствия, чтобы китайцы перестали голодать, и одновременно повысить жизненный уровень самого крестьянства. И на этом пути он добился поразительных успехов.

Приведу мнения о Дэн Сяопине двух разных людей. Бывший начальник Аналитического управления советской разведки и депутат Государственной думы в период с 2003 по 2007 г. Николай Леонов, не раз бывавший в Китае, пишет: «То, что сделали китайцы за последние четверть века, выдвигает их в число выдающихся теоретиков и практиков социальной трансформации. Если бы не живучие стереотипы и антикоммунистические предрассудки, то Дэн Сяопину давно следовало бы присудить Нобелевскую премию по экономике за его вклад в реформу отсталой сельскохозяйственной страны и превращение ее в динамично развивающуюся державу»⁴.

В свою очередь крупнейший российский специалист по теории управления Б.Г. Литвак сделал такое заключение: «Китай вправе гордиться своим великим сыном, посвятившим всю свою сознательную жизнь служению своему народу, готовым ради блага народа на самые суровые испытания. С полным основанием можно сегодня сказать: Китаю повезло, что в руководстве страны в очень важный момент для ее дальнейших судеб оказался такой блистательный управленец, каким был Дэн Сяопин. А человечеству повезло, что сокровищница мировой управленческой практики оказалась пополненной такой блестящей деятельностью, изменившей судьбы значительной части населения земли. А тех, кто анализирует судьбы наиболее выдающихся управленцев планеты, управленческая практика великого управленца Китая Дэн Сяопина заставляет по-новому взглянуть на магистральные направления развития человечества и на то, какую исключительно важную роль играет эффективное управление для судеб народов земли»⁵.

То, что, пройдя через жернова репрессий, Дэн Сяопин выжил, в то время как многие другие руководители погибли, можно считать подарком китайскому народу самой судьбы. О себе Дэн скажет: «Да, я три раза умирал и три раза воскресал!»⁶ Мао Цзэдун, ценя управленческий талант Дэн Сяопина, до самой своей кончины ему не доверял и, оставляя своим преемником малоизвестного в партии и армии защитника «культурной революции» Хуа Гофэна, рассчитывал, что он сумеет справиться с лидером «правоуклонистов». Не получилось!

Когда кто-то из молодых людей спросил влиятельного российского политика, что нужно для того, чтобы стать государственным деятелем, то он ответил: порядочность. Потом, подумав, назвал, кажется, еще профессионализм и знания. Но порядочность — категория не просто субъективная, а еще и слишком относительная и оценочная. По моему мнению, для этого нужен большой талант, но не вообще, а талант государственного деятеля, широкий кругозор, способность стратегически мыслить, просчитывать шаги на годы вперед, а также большой управленческий опыт. И конечно же готовность отдавать всего себя служению народу и стране и меньше всего думать о себе любимом и сохранении за собой высокого поста независимо от результатов деятельности. Впрочем, это не мое мнение, это опыт истории. Николай I, которого большевики называли «Николаем-Палкиным», по своему был порядочным человеком, убежденным в том, что все, что он дела-

ет, идет во благо государства; его, между прочим, обожал народ. Но он был ограниченным человеком и не видел ни внутреннего нездоровья крепостнического строя, ни новых внешних вызовов России. Поэтому-то и посчитал Чаадаева сумасшедшим, прочитав его «Первое философическое письмо». Его правление, как известно, кончилось позорным поражением России в Крымской войне. И Леонид Брежнев в парадигме существовавшего режима был порядочным человеком, по-своему добрым и отзывчивым. Но в силу своей ограниченности он был убежден, что все делает правильно, что при нем страна вошла в стадию развитого социализма, и, кстати, он тоже говорил, что только сумасшедший человек может быть недовольным социализмом. К чему пришла страна при его правлении, тоже известно.

Великими реформаторами не рождаются, ими становятся

Нельзя представлять себе дело таким образом, будто Дэн Сяопин заранее знал, куда и как он поведет Китай после кончины Мао Цзэдуна, да и неведомо было, будет ли готова к такому резкому повороту сама страна. Это не говоря о том, что, возможно, он и не думал, что станет по факту первым руководителем Китая. К этому ему еще предстояло пройти долгий путь. **И начался он в условиях ухудшения советско-китайских отношений.** Выступление первого секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева на XX съезде КПСС с резкой критикой деятельности Сталина, представление его как беспощадного тирана и злодея было встречено негативно в китайском руководстве. Это выступление, как известно, стало неожиданным не только для руководителей компартий других стран, но и по крайней мере для большинства членов Президиума ЦК КПСС (пришедшего на смену Политбюро). Мао Цзэдун же, считая себя самым видным теоретиком марксизма-ленинизма после смерти Сталина и возглавляя вторую по мощи страну социализма, рассчитывал на то, что его-то обязательно поставят в известность о том, что новое партийное руководство СССР намерено дать принципиально новую оценку деятельности Сталина. Мао считал, что развенчание человека, под руководством которого в СССР был построен социализм, того, кто сыграл важнейшую роль в борьбе за спасение человечества от фашистского порабощения, кого называли вождем мирового коммунистического движения, нанесет и этому движению, и делу социализма, и самой идее коммунизма огромный вред. И в этом он был прав. Действительно, мир увидел оборотную сторону того строя, который многими считался желанной альтернативой капитализму. Представители творческой интеллигенции западных стран начали выходить из компартий, а некоторые из них даже превратились в яростных антикоммунистов.

И между двумя странами началась острая идеологическая борьба: китайское руководство обвиняло советское в ревизионизме и пр., а советская сторона китайское — в левом радикализме, авантюризме и т.д. Хрущев, очевидно, решил «проучить» руководство КНР за ненадлежащее поведение по

отношению к «старшему брату», отозвав всех (около 10 тыс.) советских специалистов, работавших на важнейших стройках и крупнейших предприятиях страны, да еще и перечеркнув ранее достигнутое соглашение о передаче китайской стороне чертежей для создания атомного оружия после того, как там уже началось строительство заводов для этой цели. Но для того были и объективные причины. В китайском руководстве наметилась опасная линия на обострение международной обстановки, стали появляться заявления Мао Цзэдуна о том, что империализма не надо бояться, что это, дескать, бумажный тигр, и что если и случится новая мировая война, то, пусть и ценою гибели многих миллионов людей, она положит конец империализму. В советских кругах делалось предположение, что Мао хочет столкнуться лбами СССР и США в расчете на то, что в итоге победителем в этой войне выйдет Китай. Это при том, что Хрущев в то время стремился улучшить отношения СССР со странами Запада, и прежде всего с США, уменьшить слишком тяжелую для страны ношу гонки вооружений. При этом он выдвинул принцип мирного сосуществования двух систем, а также положение о возможности перехода от капитализма к социализму мирным путем и т.д.

И тем не менее, действия Хрущева в отношении Китая были ошибочными. Нетрудно было предвидеть, что такая огромная страна, как Китай, и без советской помощи сумеет создать ядерное оружие, пусть и истратив на это немалые средства, но при этом СССР потеряет возможность влиять на политику военного строительства Китая. И можно было заранее просчитать, что массовый уход советских специалистов сделает невозможным для СССР оказывать влияние на процесс строительства основ социализма в Китае, и что его руководство будет искать новые источники материально-технической помощи, и что обострением советско-китайских отношений постараются воспользоваться правящие круги Запада.

Но еще раньше у Хрущева и Мао Цзэдуна сложились неприязненные личные отношения. Как рассказывает востоковед и писатель В. Овчинников, Мао Цзэдун с неодобрением относился к стремлению Хрущева улучшить отношения со странами Запада и в особенности с Америкой. Празднование в Китае десятилетия со дня создания КНР почти совпало с визитом Хрущева в Соединенные Штаты, тем более что юбилейные торжества начались не с 1 октября, а с 26 сентября 1959 г., когда Хрущев еще находился в США. Сократить свой визит он не захотел, тем не менее, он прибыл в Китай 30 сентября и 1 октября был на трибуне на площади Тяньаньмэнь рядом с Мао Цзэдуном. «После демонстрации, — свидетельствует Овчинников, — Мао пригласил гостя в резиденцию близ столицы. Там Хрущева ждал конфуз. Хозяин встретил его в бассейне и предложил присоединиться. Но беда была в том, что Никита Сергеевич не умел плавать. В своих черных сатиновых трусах до колен он, как и на отдыхе в Пицунде, мог зайти в воду лишь до пояса и несколько раз присесть, дабы окунуться. Можно представить себе, сколь неуклюже выглядел гость на фоне хозяина, легко пересекавшего километровую гладь Янцзы. Хрущев был настолько взбешен, что отменил поезд-

ку по Китаю и решил немедленно возвращаться на родину. Думаю, что причиной тридцатилетней конфронтации между Пекином и Москвой были не только идеологические разногласия... но и личная неприязнь двух лидеров. Это чувство у Хрущева усиливали воспоминания о своей беспомощной фигуре в длинных трусах рядом с самым известным пловцом Поднебесной»⁷.

Зная мстительный характер Хрущева, вышесказанное кажется вполне правдоподобным, каким бы политическим провинциализмом ни отдавала практика переноса личных отношений на межгосударственные. Однако отношения СССР с Китаем не улучшились и после отстранения от власти Хрущева. Критика «советских ревизионистов» с китайской стороны не уменьшилась, только и советская сторона оказалась не на высоте. Как рассказывали заслуживающие доверия люди, близкий к Брежневу министр обороны маршал Р. Малиновский на государственном приеме, где присутствовали высокопоставленные китайские гости, будучи «навеселе» и, очевидно, рассчитывая на приватный характер разговора, посоветовал им избавиться от Мао Цзэдуна, как они избавились от Хрущева. И это тут же стало известно Мао Цзэдуну.

Свою лепту в дальнейшее ухудшение отношений между СССР и КНР внесли начавшиеся в западных СМИ спекуляции о том, что после отстранения от власти «пражских ревизионистов» путем вооруженного вмешательства стран Варшавского договора в 1968 г. их войска без особого труда могут устранить и китайских леваков. Дескать, советские танки в считанные дни могут дойти до Пекина, чтобы сменить там режим. Как это ни удивительно, никаких опровержений на этот счет с советской стороны, если я не запамятовал, не было. Что только добавило масла в огонь поднятой с началом «культурной революции» антисоветской истерии. А в 1969 г. китайская сторона спровоцировала вооруженный конфликт на принадлежавшем тогда СССР острове Даманский, который, согласно фарватеру реки, в Китае считали своей территорией и который в постсоветские годы по обоюдному согласию и отошел к КНР. Советские войска какое-то время воздерживались от активных действий, дабы не обострять ситуацию между двумя странами, однако, не встретив адекватного отношения с китайской стороны, они нанесли по ее позициям сокрушительный удар, продемонстрировав огромное преимущество СССР перед Китаем в боевой технике.

Тогда многие у нас говорили, что китайцы-де получили хороший урок, только это была локальная победа, стратегически же мы проиграли, не сумев вовремя погасить разгорающееся пламя противоречий между двумя социалистическими странами и дав тем самым Вашингтону возможность окончательно оторвать КНР от СССР. После разрыва технико-экономического сотрудничества с СССР Китай объективно нуждался в налаживании нормальных отношений со странами Запада, и в первую очередь с США. И в 1972 г. между КНР и США были нормализованы межгосударственные отношения. Этому не помешало то, что китайская пропаганда многие годы беспощадно критиковала Америку и не в последнюю очередь за поддержку Тайваня, который Мао Цзэдун силой хотел присоединить к континентальному Китаю.

Значение факта нормализации китайско-американских отношений для будущего Дэн Сяопина и будущего Китая трудно переоценить. Во-первых, с политической сцены еще в 1971 г. сошел в свое время преданный Мао Цзэду, безмерно ему льстивший и поддерживавший все его начинания, включая самые сумасбродные, заместитель председателя ЦК КПК министр обороны маршал Линь Бяо. Он считался официальным преемником «великого кормчего» и с каждым годом становился все более влиятельным в стране. Тем самым китайские леваки лишились однозначной поддержки со стороны армии. По одной из версий, будучи левым радикалом, он был решительным противником сближения Китая с Соединенными Штатами и якобы даже готовил покушение на Мао Цзэдуна. Но кто-то его выдал, и он срочно улетел из Китая, однако самолет потерял управление и упал на территории Монголии. Куда Линь Бяо направлялся и по какой причине самолет потерпел катастрофу, есть только предположения, а достоверные сведения, возможно, известны только узкому кругу людей. По другой версии, Мао раньше или позже устранял своих влиятельных потенциальных преемников, и как только Линь Бяо почувствовал нависшую над ним угрозу, он решил бежать из страны. Какая из версий заслуживает наибольшего внимания, судить не берусь.

Во-вторых, после нормализации отношений между КНР и США перед Дэн открылась возможность развивать сотрудничество со странами Запада и Японией. Туда на учебу стали направлять студентов и на стажировку специалистов. С одной стороны, китайские студенты, аспиранты и специалисты увидели западный капитализм далеко не таким, каким его рисовала китайская пропаганда. А с другой стороны, они стали налаживать контакты с представителями китайской общины, которая впоследствии сыграет немалую роль в успехе начатых Дэн Сяопином реформ. Начали возвращать ученых, специалистов и студентов, сосланных в деревню. Так Дэн Сяопин постепенно создавал базу для последующих радикальных реформ. Но все это делалось осторожно, не массово с учетом существующей в стране ситуации.

Поставим вопрос: всегда ли Дэн Сяопин был таким, каким его знает мир после инициированных им преобразований в Китае? В чем-то да, а в чем-то и нет. Он долгое время был под сильным влиянием личности Мао Цзэдуна и, будучи генеральным секретарем ЦК КПК (1956–1966), проводил его линию, в том числе в отношениях Китая с СССР. Был жестким и умелым спорщиком, казался догматиком и ортодоксом, критикуя «советских ревизионистов» за отступление от марксизма-ленинизма, например, по вопросу о диктатуре пролетариата, мирном переходе от капитализма к социализму, мирном сосуществовании стран с противоположными общественными системами и пр. О Дэне говорили, что ум у него острый, колкий, а кто-то из западников сказал — едкий, как горчица. Сам Мао о нем говорил, что у него ум острый, как игла, упакованная в вату.

До поры до времени Дэн поддерживал Мао во всех его начинаниях. Другой вопрос: мог ли он вести себя по-другому и не оказаться за бортом власти? Есть мнение, что мог бы до того, как был создан культ личности Мао,

которого якобы не было в первые годы после провозглашения создания КНР. Вот, например, что пишет В. Овчинников: «Примечательно, что хотя в Пекине прилежно копировали советскую модель, после победы революции культ личности поначалу отсутствовал. Специальным постановлением Политбюро ЦК запретило присваивать имена руководителей партии и государства населенным пунктам, предприятиям или учреждениям, отмечать юбилеи лидеров... Культ личности в Поднебесной сложился и принял уродливые формы лишь в годы “большого скачка” и “культурной революции”⁸. Но другие авторы утверждают, что культ личности Мао сложился еще до того, как коммунисты пришли к власти⁹. Так или иначе, идеология «большого скачка» проявилась уже в выступлении Мао Цзэдуна на 3-м пленуме 8-го созыва (осень 1957 г.), тогда пленум одобрил его явно авантюрный план резкого ускорения экономических и общественных преобразований, хотя часть партийцев поначалу и сомневалась в возможности решения такой задачи. Именно тогда Мао было заявлено, что помешать этому могут «четыре вредителя»: крысы, воробьи, мухи и комары. Такой здравомыслящий и прагматичный человек, как Дэн Сяопин, не мог не понимать, что за этим может последовать. И действительно, уже в начале 1958 г. по инициативе Мао развернулась кампания борьбы против «правого консерватизма», десятилетний план развития он предлагал осуществить за три года и по уровню производства за 10 лет догнать Англию, а за 20 лет — США. Не встретив серьезного сопротивления со стороны партийной элиты, Мао, как уже говорилось выше, добился одобрения на 2-й сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.) политики «трех красных знамен», составной частью которой и был пресловутый «большой скачок».

Допустим, Дэн не решился выступать против курса Мао как раз исходя из прагматических соображений: если генеральный секретарь партии не согласен с ее председателем, то раньше или позже его вынудят покинуть этот пост. Но уже после того, как Хуа Гофэн был отправлен в отставку и Дэн стал реальным руководителем страны, он поддерживал левозэкстремистский режим кампучийского (камбоджийского) головореза Пол Пота, со своей командой уничтожившего, по разным оценкам, от одной четвертой до одной трети населения собственной страны. И когда вьетнамские войска помогли противникам Пол Пота свергнуть этот преступный режим, то Дэн Сяопин пригрозил преподать вьетнамскому руководству хороший урок. А 17 февраля 1979 г. китайские войска вторглись на территорию Вьетнама и началась, как подчеркивали мировые СМИ, первая война между социалистическими странами, в которой принимали участие сотни тысяч солдат и офицеров и в ходе которой каждая из сторон, по оценкам, потеряла убитыми примерно по 20 тыс. человек. Только надо признать, что и политика Вьетнама в отношении Китая не была безупречной. Так, например, из Вьетнама стали высылать этнических китайцев. Были и другие шаги, которые Пекину могли показаться враждебными. Но надо признать и другое: мотивы, если не сказать причины, той войны на деле выходили за рамки китайско-вьетнамских отношений.

ГЛАВА 5

Что способствовало смене вектора общественного развития

Глубокая социальная революция, как правило, свершается под руководством сильных и нередко авторитарных личностей. Такими были Ленин и Сталин, таким был и Мао Цзэдун. К ним можно было бы причислить и некоторых других первых руководителей не только социальных, но и национально-освободительных революций. В ходе своей деятельности они «обрастают» культом личности, уверенностью в своей непогрешимости, их начинают называть «вождями», «великими кормчими», «отцами нации» и т.д. Правят они чаще всего пожизненно, осуществляя крупные социально-экономические и иные прогрессивные преобразования, но в то же время делая и серьезные ошибки, поскольку не все они оказываются способными адекватно отвечать на изменения, происходящие в стране и мире. Но они не только совершают ошибки, но нередко и злоупотребляют своим служебным положением, репрессируя либо удаляя из власти своих потенциальных соперников. И только тогда, когда они уходят в мир иной и на их место приходят новые руководители, происходит корректировка или смена политического курса. Весь вопрос только в том, какого масштаба и каких взглядов оказываются эти новые руководители. И поскольку данная работа посвящена сравнительному анализу перемен в России и Китае, то я кратко напомним в порядке сравнения ситуацию в СССР после смерти Сталина.

Первое. В результате массовых репрессий 1930-х гг. и репрессий, связанных со сфабрикованным «ленинградским делом» (конец 1940-х — начало 1950-х гг.), когда по надуманному обвинению в измене был расстрелян один из самых ярких руководителей нового поколения Н. Вознесенский, после смерти Сталина в Политбюро ЦК ВКПБ в основном остались уже состарившиеся его соратники. Наиболее волевым, динамичным и смелым из них оказался Н.С. Хрущев — человек одаренный от природы, но малограмотный и не вышедший из «шинели сталинизма». О его деятельности, в которой наряду с исторически прогрессивным (как, например, реабилитация невинно осужденных, ограничение власти карательных органов, «раскрепощение» сельских тружеников, получивших право иметь паспорта и пенсии по старости и болезни, массовое жилищное строительство и т.д.) было немало и плохо продуманного, противоречивого, утопического и откровенно ретроградного, уже немало сказано. Но если смотреть с позиций историзма, придется признать, что наиболее существенные противоречия в политике Хрущева отражали противоречия самой эпохи, когда ни одна из двух общественных систем еще не доказала своих бесспорных преимуществ. И заблуждения Хрущева есть не что иное, как отражение заблуждений человечества. В тот период еще многие лучшие умы связывали будущее

человечества именно с социализмом. Заблуждались на этот счет и многие советские ученые, включая автора этой работы. К тому же конец 1950-х — начало 1960-х гг. — это годы окончательного краха мировой системы колониализма, когда преобладающее большинство освободившихся стран провозглашали своим идеалом не капитализм, а социализм. Советская экономика тогда быстро развивалась, СССР в стремительно короткие сроки создал атомную и водородную бомбы, лишив таким образом США монополии на это грозное оружие. СССР первым в мире построил атомную электростанцию (1954), запустил в космос спутник (1957), вывел на околоземную орбиту космический корабль с человеком на борту (1961). Общеизвестными были достижения СССР в области здравоохранения, образования и науки. Президент США Дж. Кеннеди был серьезно обеспокоен быстрым экономическим ростом СССР, но особенно тем, что в СССР выпускали в 3 раза больше дипломированных инженеров, чем в США. Он поставил перед страной задачу догнать СССР в тех областях, в которых США от него отставали. Объективно говоря, в то время любой политик на месте Хрущева искал бы способы совершенствования политической, экономической и социальной системы только в рамках социализма. Другое дело, что он мог бы это делать более продуманно, профессионально и избегать тех грубых ошибок, просчетов и инициатив, которые в одних случаях вели к бессмысленной трате ресурсов страны и сдерживали рост благосостояния граждан, а в других грозили серьезными международными осложнениями.

Что касается Дэн Сяопина, то он пришел к рулю государства фактически уже в другую эпоху. На него, если воспользоваться метафорой Маркса, уже хорошо поработал «крот истории». С одной стороны, капитализм нашел в рамках своей системы силы (вопреки тому, что говорили классики научного социализма), чтобы начать постепенное перерастание в социальный капитализм. Резко увеличились темпы роста производства и качества жизни граждан. Тому сильно содействовала научно-техническая революция (НТР). И что немаловажно, началась консолидация развитых стран Запада, которая в конечном итоге привела через ряд опосредованных этапов к созданию экономического, а потом и политического союза европейских стран. С другой стороны, началось затухание темпов роста в СССР и других странах социализма, а в ряде случаев и ухудшение благосостояния граждан. Оказалось, что директивно-плановая государственная экономика эффективна на низком уровне развития, когда в основном решаются задачи количественного порядка (тонны выплавки чугуна, стали, добычи нефти, газа и пр.), и совершенно неэффективна при переходе к усвоению достижений НТР, что и предопределило ее прогрессирующее отставание от экономик передовых стран Запада. Если в последних уже сформировалось общество потребления, то в Советском Союзе граждане по-прежнему были под мощным прессом дефицита, выстаивая длинные очереди за более или менее модной одеждой, за мясом, колбасой и т.д. Построенный по модели Сталина социализм стал катастрофически проигрывать обновленному капитализму, а в обстановке годами подавляемой инициативы пересмотра давно устаревших или устаревающих

по ходу общественного развития марксистско-ленинских догм не могли создаться условия для творческого развития теории научного социализма.

Дэн Сяопину же был доступен и опыт соседних стран, которые стали называть «тиграми» и «драконами», — Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Малайзии и др. (Говорят, что особо сильное впечатление на Дэна произвели преобразования в Сингапуре.) Расширяя сотрудничество со странами Запада, используя рыночные рычаги, но и не отказываясь от «мягкого» государственного регулирования, эти страны сделали акцент на развитии экспортных отраслей и к моменту начала реформ в Китае добились немалых успехов.

Если представить себе, что Хрущев пришел к власти в конце 1970-х гг., то вряд ли он инициировал бы программу строительства коммунизма и обещал бы американцам, что и их поколение будет жить при коммунизме. Это был бы уже другой Хрущев. Ведь многие его заявления в духе «левого коммунизма» были своеобразным ответом консерваторам и неприкрытым сталинистам (хотя он и сам был «стихийным сталинистом»), которых в стране было еще немало и которые обвиняли его в ревизионизме. Да и идея быстрого построения в СССР коммунизма, как рассказывали автору этой монографии работавшие в аппарате ЦК КПСС китайцы, родилась в головах руководителей целого ряда компартий, которые поверили, что Китай может построить коммунизм раньше, чем это сделает СССР. В начале реализации политики «большого скачка» среди китайцев воцарился небывалый энтузиазм, и Мао Цзэдун действительно заявил, что Китай первым в мире построит коммунизм. Верил ли сам Хрущев в реальность своей «программы века», это тоже большой вопрос. У нас ведь многие грандиозные планы, заявления и утверждения, вроде углубления кризиса мирового капитализма, обострения классовой борьбы и неизбежности социалистической революции в капиталистических странах, пользуясь современными терминами, были чистейшим пиаром. И, кстати сказать, коммунистический режим канул в небытие, а практика принятия заведомо нереализуемых программ и задач невыполнимых обещаний у нас продолжается.

В СССР номенклатура добилась снятия Хрущева со всех постов не столько из-за его волюнтаризма, многих плохо продуманных, иногда опасных для страны решений, сколько из-за того, что она потеряла уверенность в своем положении из-за частых перетрясок в правящем классе. В Китае силы старого порядка тоже не сразу сдали свои позиции. В руководстве страны после смерти Мао Цзэдуна какое-то время шла борьба между двумя группировками: левые во главе с Хуа Гофэном хотели продолжить ту линию, которую проводил Китай до «большого скачка» и «культурной революции», а правые во главе с Дэном стояли на позиции ревизии основных постулатов марксизма-ленинизма, понимания социализма и путей его построения и проведения иной, чем прежде, внешней политики. (В каком-то смысле это напоминает времена перестройки, когда в КПСС появились «реформаторы» и «консерваторы».) Поскольку авторитет Дэн Сяопина был несопоставим с авторитетом Хуа Гофэна, то в декабре 1978 г. пленум ЦК

КПК утвердил подготовленную его командой модель реформ (напомню, под названием «реформа и открытость»), а в 1979 г. страна приступила к ее реализации. В 1980 г. Хуа Гофэна освободили от занимаемых постов, дав ему какую-то малозначашую должность, а КПК возглавил Ху Яобан, премьером же Госсовета стал Чжао Цзяян. И это уже были сторонники Дэн Сяопина.

Победе Дэна над левыми способствовал целый ряд факторов. Во-первых, в оценке и «большого скачка», и «культурной революции» историческая правда была на его стороне. От этого пострадали десятки миллионов людей, включая людей творческих профессий, студентов, и они, понятно, были на его стороне. Во-вторых, многим китайцам было очевидно, что когда Дэн берется за дело, в том числе за устранение негативных последствий левачьей политики Мао, он добивается успеха. В-третьих, за проведение политики здравого смысла Дэн Сяопин подвергался гонениям, а гонимым люди сочувствуют не только в России, но и Китае. В-четвертых, продолжавшиеся многие годы разного рода эксперименты на людях настолько измотали китайское общество, что оно готово было принять любую альтернативу такой политике. Китайцы — предприимчивый и инициативный народ, они делают бизнес даже из того, на что люди других национальностей вообще не обращают внимания, не случайно их общины везде богаты, а в ряде соседних с КНР стран бизнес во многом держится на этнических китайцах.

Наконец, последнее. Из нашего опыта мы знаем, что бюрократия стоит на пути исторически прогрессивных перемен, если они могут угрожать ее интересам. А китайская бюрократия, подчеркиваю, может быть, одна из самых опытных бюрократий в мире. Известно, что начатые в Чехословакии премьером Алексеем Косыгиным экономические реформы были свернуты партийной верхушкой под влиянием либеральных реформ («Пражская весна»). «Культурная революция», при всех ее негативных сторонах, нанесла сокрушительный удар по китайской бюрократии. Призыв Мао «Бить по штабам!», то есть по партийным и государственным органам, был встречен хунвейбинами и цзюафянями с невероятным энтузиазмом. Партийная номенклатура была дискредитирована, притом что, напоминая, в последние годы правления Мао Цзэдуна власть от ЦК Компартии Китая фактически перешла в руки главарей «культурной революции», призывавших молодежь «идти против течения».

Второе. Имело место благосклонное отношение Запада, и в первую очередь США, к смене власти в Китае и к начатым Дэн Сяопином реформам. Что вытекало из их стремления и дальше отдалять Китай от СССР. Но играли свою роль и экономические интересы в связи с новой для Китая политикой открытости, что означало намерение властей широко развивать торгово-экономические, научно-технические и гуманитарные связи с наиболее развитыми странами (то есть странами Запада), о чем открыто говорил Дэн Сяопин¹⁰.

Отношение Запада к реформам, инициированным Дэн Сяопином, с одной стороны, и начатой М. Горбачевым перестройкой — с другой, было принципиально отличным. В первое время инвестируемый в экономику Китая западный и японский капитал не давал ожидаемой прибыли, но меж-

дународные аналитики подчеркивали, что Запад вкладывает средства в развитие Китая не столько по экономическим, сколько по политическим соображениям. Что же касается СССР, то на словах западные руководители ратовали похвалу в адрес политики Горбачева, а на деле не только не содействовали успеху перестройки, но и сознательно создавали препятствия на ее пути. Уже доказанным фактом является то, что Вашингтон уговорил руководителей Саудовской Аравии (а по некоторым данным, и Кувейта) выбросить на мировые рынки максимально возможный объем нефти с тем, чтобы резко сбить цены на нее и затруднить развитие СССР. Так и произошло — цена на нефть упала в несколько раз, что тут же привело к уменьшению поступлений в государственный бюджет и в итоге ухудшило социальную ситуацию в стране. (При том, что помимо Чернобыльской катастрофы и сильнейшего землетрясения в Азербайджане, вызвавших напряжения государственного бюджета, команда Горбачева еще и допустила ряд грубых разнохарактерных просчетов. В их числе развернутая кампания по быстрой ликвидации пьянства и алкоголизма, плохо продуманные экономические и финансовые нововведения, а также масштабные закупки на Западе промышленного оборудования в рамках первоначальной цели ускорения роста производства («перестройка и ускорение») без понимания того, что советская экономика не может его усвоить.) А ведь, как показывает мировой опыт, успех реформ во многом зависит от поддержки народа на начальном этапе их осуществления, а она имеет место при условии не ухудшения, а улучшения его жизни. В Китае это происходило, а в СССР сделать это было трудно и по объективным причинам: в своем развитии он далеко ушел от Китая, крестьянство уже составляло меньшинство населения, и такой быстрой отдачи, какую в Китае получили от передачи земли от коммун в семейный подряд, по определению быть не могло. Ставка могла быть сделана только на научно-технический потенциал, но задействовать его быстро было крайне трудно, да и вряд ли этому помогал бы Запад, который давно определил место нашей страны как поставщика сырья для высокоразвитых стран. Направить ход реформ в нужное русло в принципе было возможно. Но для этого были нужны другая стратегия общественных перемен и другая модель экономических реформ, да и другие лидеры. М. Горбачев — и не он один, а многие наши граждане — наивно полагали, что Запад нам поможет и перевести директивно-плановую экономику на рельсы рыночного развития, и осуществить конверсию.

Но дело не только в злонамерениях Запада, и в первую очередь США. СССР расшатывали те, кто объявил себя демократами с Б. Ельциным во главе. Именно благодаря их стараниям 12 июня 1990 г. российский парламент в лице Верховного Совета РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Другими словами, Россия, по сути, становилась независимой от СССР. Став президентом Российской Федерации 12 июня 1991 г., Ельцин стал открыто бороться против союзной власти, называя ее «пресловутым центром», поощряя вплоть до прямой поддержки националистов ряда республик, боров-

шихся за выход из состава СССР¹¹. Действия Ельцина и его сторонников, далеко выходявшие за рамки Конституции СССР, были бы решительно пресечены, если бы место Горбачева занимал более сильный и волевой руководитель. Реальный социализм в СССР это вряд ли спасло бы, но сохранился ли бы сам СССР? На этот вопрос разные политики и аналитики дают разные ответы.

Существовала ли в годы правления Дэн Сяопина угроза срыва реформ?

Такая угроза была, причем вполне реальная. Но сначала приведу пример из «эпохи Мао Цзэдуна». Хотя наши страны, точнее, режимы двух стран, и враждовали почти два десятка лет, китайские высокие должностные лица многое у нас заимствовали. Или, может быть, просто повторяли наши ошибки в силу родственной общественной системы. Так, на XX съезде КПСС Н. Хрущев, как известно, дал шокирующие советских людей и мировую общественность сведения о культе личности Сталина и его преступлениях. Мао Цзэдун, несмотря на неприятие оценки Хрущевым личности человека, под руководством которого впервые в мире был построен социализм и который считался лидером мирового коммунистического движения, на расширенном пленуме ЦК КПК (28 апреля 1956 г.) выдвинул лозунг: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»¹². И вскоре после этого развернулась широкая кампания по выявлению отношения народа к власти, в которой важную роль должна была сыграть интеллигенция. Как считал Мао, включение в кампанию интеллигенции откроет новые творческие резервы и даст социализму новый ход. В свою очередь Чжоу Эньлай, которому Мао поручил направлять эту кампанию, на партконференции в 1956 г. заявил, что коммунистам нужна критика со стороны народа, иначе не состоится диктатура народной демократии. А в феврале 1957 г. Мао утверждал, что требуется именно критика, и стал критиковать тех, кто не рискует подвергнуть здоровой критике центральное правительство¹³.

Воодушевленные таким призывом представители интеллигенции и особенно студенчества осмелели настолько, что стали говорить то, что в коммунистических странах обычно говорилось на кухне. Плюрализм мнений и гласность достигли таких масштабов, что в прессе, на митингах, в дацзыбао (стенгазеты крупными иероглифами) критике стало подвергаться все и вся. В частности, раздавались требования демократии, борьбы с коррупцией и привилегиями партийной верхушки, отмены запрета на распространение зарубежной литературы, вплоть до адресованного Мао требования снять с себя руководство страной и отстранить от власти компартию. В июле 1957 г. Мао распорядился остановить кампанию, назвав происходящее полным абсурдом. Многим критика дорого обошлась. Одни оказались в застенках, другие были отправлены на «перевоспитание» в деревню, а третьих «вычистили» из компартии. Утверждение некоторых советских и российских аналитиков, что вся эта акция была за-

думана Мао для выявления потенциальных противников режима и его лично, по моему убеждению, имеет с реальностью мало общего.

Перестройка в СССР, как известно, началась уже в «эпоху Дэн Сяопина». Ее идеи нашли влиятельных сторонников в китайском руководстве. Много сделавший для реализации детища Дэн Сяопина «реформа и открытость» генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан и поддерживавший его линию премьер Госсовета Чжао Цзыян считали, что параллельно с экономическими необходимо проводить и демократические реформы. А в 1986 г. они развернули крупномасштабную борьбу с коррупцией, причем было разрешено проводить расследование подозреваемых в коррупции высокопоставленных партийных работников (что, конечно же, создало им немало врагов в партийной номенклатуре). Появились элементы плюрализма мнений и гласности в печати. Это стало отправным моментом для выступления в крупных городах студентов, причем уже не только с требованием усиления борьбы с коррупцией, но и против произвола властей, за демократические перемены во всех сферах жизни общества. В политике генерального секретаря Дэн Сяопин увидел опасность для успешного хода реформ, и в январе 1987 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК Ху Яобан признал ошибочность своей политики и подал заявление об отставке с поста генерального секретаря ЦК КПК и члена Политбюро. Новым генеральным секретарем стал Чжао Цзыян, а премьером — деятель консервативного крыла партии приемный сын Чжоу Эньлая Ли Пэн. Однако на этом не кончилась политическая карьера Ху. Возможно, Дэн учел, что тот был ветераном революционной борьбы, и признал свою вину. Так или иначе, Ху Яобан уже в ноябре того же года вновь становится членом Политбюро ЦК КПК. А 8 апреля 1989 г. во время заседания IV пленума ЦК КПК XIII созыва у него случается сердечный приступ, и 15 апреля он умирает от инфаркта миокарда. Вскоре после этого в студенческих районах Пекина возникли стихийные траурные митинги, которые переросли в массовые студенческие протесты на площади Тяньаньмэнь, а потом стали происходить и в ряд других крупных городов.

Это был, пожалуй, самый серьезный кризис в Китае после смерти Мао Цзэдуна, имевший для КНР ряд серьезных международных последствий. Не обладая Дэн неоспоримым авторитетом во власти, если не во всем обществе, развитие Китая могло бы пойти совсем по другому сценарию, а то и повторить судьбу СССР. Во всяком случае, мир наверняка не знал бы нынешнего Китая, на наших глазах превращающегося во вторую в мире сверхдержаву. Ведь лидер партии в лице генерального секретаря ЦК КПК (напомним, что пост председателя ЦК КПК был упразднен в 1984 г.) Чжао Цзыян (которого на Западе называли «китайским Горбачевым») настаивал на постепенной, но неуклонной демократизации общества. Притом что у него были и влиятельные сторонники. Дэн же в 1987 г. настоял на своем уходе из руководства в партии и государстве, но оставил за собой пост председателя Военного совета ЦК КПК и Центрального военного совета КНР, который на деле в то время был ключевым в системе власти КНР.

Но остановимся на событиях на площади Тяньаньмэнь. О них говорили и не раз многие авторы, нередко высказывая разные точки зрения и на их причины, и на лозунги, которые выдвигали их участники. Начну с РИА «Новости», которые писали: «События на площади Тяньаньмэнь 1989 г., также известные как “события 4 июня” — серия демонстраций в Китайской Народной Республике, продолжавшихся с 15 апреля по 4 июня 1989 г. Главными участниками выступлений были студенты, которые требовали от властей ответа: почему обещанные политические реформы отстают от экономических. Количество митингующих увеличивалось, к студентам присоединялись рабочие, служащие, бизнесмены и даже полицейские. Интеллектуалы полагали, что правительство погрязло в коррупции и управляет страной тоталитарными методами, рабочие считали, что реформы в Китае зашли слишком далеко и возникшая в результате высокая инфляция и безработица угрожает им и их семьям. Протестующие разбили на площади палаточный лагерь. Бывали дни, когда на площади собирались до миллиона человек. Под влиянием событий в Пекине демонстрации начались и в других городах. 13 мая большая группа студентов начала голодовку, требуя переговоров с правительством... 19 мая правительство специальным указом запретило все манифестации. После того как участники протестов отказались подчиниться призывам правительства разойтись, мнения руководства Компартии Китая на предмет разрешения ситуации разделились. В итоге было принято решение отвергнуть все требования протестующих и использовать для подавления беспорядков силовые методы. 20 мая правительство ввело военное положение. 30 мая была предпринята попытка вытеснить людей с площади Тяньаньмэнь. Однако манифестанты воспрепятствовали продвижению колонн бронетехники. В ночь с 3 на 4 июня в Пекин вошли армейские подразделения с танками, которым протестующие оказали вооруженное сопротивление, особенно ожесточенное на южном и западном подступах к Тяньаньмэнь. Демонстранты забрасывали танки камнями и бутылками с зажигательной смесью. Войска применили слезоточивый газ и оружие. В результате столкновений в центре Пекина погибли как мирные жители, так и военнослужащие, однако о конкретном количестве жертв до сих пор идут споры»¹⁴. Да, действительно, власти говорят о 241 жертве, а независимые эксперты называют другие цифры — от 400–800 до 3000 человек. Ранения же получили, по разным оценкам, от 7 до 10 тыс. человек, среди которых было немало военных¹⁵.

Но до этого трагического финала 19 мая 1989 г. в резиденции Дэн Сяопина состоялось заседание Политбюро ЦК КПК по вопросу немедленного введения в стране военного положения. Возникла реальная угроза дестабилизации политической обстановки. Демонстранты ведь требовали не только усиления борьбы с коррупцией, но и демократии на западный манер и изменения политической системы, до чего китайское общество не созрело даже до сих пор. При том, что Дэн прекрасно помнил, на что способна китайская молодежь, одержимая ложными идеями. Все участники заседания высказались «за» и лишь Чжао Цзыян выступил против. К тому же он, вопреки позиции большинства в руководстве страны, еще и встречался с протестующими. (Между

прочим, в период с 15 по 18 мая М. Горбачев был с государственным визитом в КНР с целью нормализации советско-китайских отношений, чего, в сущности, он и достиг. Узнав об этом, демонстранты готовились к встрече с ним и даже подготовили лозунги на русском языке: «Демократия — наша общая мечта!» Как говорят, Горбачев рвался на встречу с ними, но помощнику, если я не ошибаюсь, А. Черняеву, удалось удержать его от этого сомнительного поступка.) Приказ о введении военного положения отдал премьер Ли Пэн. В результате Чжао Цзяян не только лишился всех своих постов, но и был посажен под домашний арест и вел жизнь, в чем-то похожую на жизнь Н. Хрущева, отправленного на пенсию. Очевидно, следуя его же примеру, он надиктовал на музыкальные диски текст книги, которая вышла в Англии под названием “Prisoner of the State: The secret Journal of Premier Zhao Ziyang” («Узник государства: тайные записки премьера Чжао Цзяяна»). Новым генеральным секретарем ЦК КПК стал бывший мэр Шанхая Цзян Цзэминь.

Но после этого возникла угроза отката страны в прошлое. Как сообщают те же РИА «Новости», «после подавления акций правительство произвело масштабную серию арестов среди оставшихся сторонников протестов, наложило запрет на распространение иностранной прессы и поставило под свой строгий контроль освещение событий в китайских СМИ.

Подавление демонстраций вызвало волну международного осуждения правительства КНР, следствием чего стали различные санкции и другие меры в отношении Китая. (В частности, Запад ввел санкции на продажу Китаю военной техники, что оказалось как нельзя кстати для новой России, ставшей на многие годы основным поставщиком оружия Поднебесной. — А.К.) На Западе и в диссидентских кругах в самом Китае события на площади Тяньаньмэнь расцениваются как “выступления за демократию”, официальный Пекин говорит об этих событиях как о попытке “контрреволюционного мятежа”¹⁶. Дэн Сяопин заявил, что для Китая неприемлема буржуазная модернизация, ему стал вторить и Цзян Цзэминь, на которого почему-то поначалу делали ставку противники радикальных реформ. Подняли голову и те политики, которые вынужденно соглашались с курсом Дэна, но в душе его не принимали. Ожилились и не канувшие в небытие маоисты. При этом в рамках «упорядочения» проходила масштабная «ревизия» всех составляющих реформ, в том числе закрытие отдельных производств и фирм.

Автору этой работы довелось быть в Китае в 1990 г. Обстановка показалась мне напряженной и неопределенной. На приеме в Академии наук КНР и Академии общественных наук при ЦК КПК постоянно слышались слова «упорядоченность» и «стабильность». В советском посольстве, однако, с пониманием относились к «событиям 4 июня» и считали, что после исправления перекосов в развитии страны реформы будут продолжены.

И действительно, Дэн Сяопин жестокими, может быть, даже слишком жестокими методами усмирил разбушевавшуюся молодежь, избавился от некоторых своих недавних соратников, пытавшихся опережать историческое время, и тем самым создал условия для более быстрого и сбалансированного развития стра-

ны. Так, вернувшись из поездки по стране, он заявил, что реформы надо не сворачивать, а углублять. Но Дэн учел и то здоровое, что озвучивалось в ходе студенческих волнений, и принял ряд принципиальных решений. Во-первых, по усилению социальной составляющей при проведении реформ. Ведь многие участники протестного движения были недовольны быстро растущей инфляцией, бьющей по их уровню жизни. Во-вторых, по развертыванию решительной борьбы с коррупцией, которая в Китае имеет чрезвычайно глубокие корни. Именно в Поднебесной появилось понятие «кормление», означавшее, что представитель императора в провинции имеет право легально взимать дань с подданных. В результате примерно за десять лет, начиная с 2001 г., на скамье подсудимых оказалось огромное число коррупционеров и более десяти тысяч из них было казнено. Борьба с коррупцией продолжилась и в последующие годы, так, согласно данным, в 2012 г. к суду было привлечено десять тысяч мздоимцев.

И все-таки, что же стало основной причиной массовых студенческих волнений? Только ли влияние западной пропаганды и событий в социалистических странах (что, безусловно, тоже имело место)? Или, как считал Маркс, за массовым движением под любым флагом надо искать социальные корни? И тут возникает противоречие или кажущееся противоречие. Ведь, по данным китаиста В. Карлусова, за первые десять лет реформ (1979–1988) ВВП Китая увеличился в 3,5 раза, доходы городского населения — в 4,5 раза, а сельского — в 5 раз¹⁷. Казалось бы, все это и так было достигнуто на пределе возможного. Но, во-первых, надо учитывать, что доходы китайцев начали расти с запредельно низкого уровня. Во-вторых, они росли преимущественно в прибрежных районах, ориентированных на экспорт, что было объективно обусловлено. В-третьих, чрезвычайно быстрый рост экономики неизбежно порождал инфляцию, от которой страдали наименее обеспеченные. Но даже самый быстрый ее рост не мог трудоустроить постоянный приток рабочих рук из деревни в города. Наконец, быстрый рост экономики обусловил и быстрое социальное расслоение, появлялись богатые на фоне массовой бедности, с чем жившему в условиях эгалитаризма обществу трудно было примириться. Но по большому счету основная масса населения была далека от студенческих волнений и их требований.

ГЛАВА 6

Принципы Китайской модели реформ

Начнем с экономики. Когда на 3-м пленуме ЦК КПК II-го созыва, напомним, состоявшемся в декабре 1978 г., принималась программа «реформа и открытость», то в ней речь шла в основном о новом курсе в экономическом развитии государства. Идею предложенных на указанном пленуме реформ

Дэн Сяопин не только вынашивал, но и частично воплощал в жизнь еще в годы правления Мао Цзэдуна. Это происходило, когда он вместе с другими прагматиками боролся с массовым голодом в результате попытки Мао реализовать принятую на второй сессии VIII съезда КПК в 1958 г. программу резкого ускорения роста производства с целью скорейшего построения в стране коммунизма, названную политикой «трех красных знамен», и вытаскивал страну из разлухи «культурной революции».

Дэн Сяопин уже хорошо знал своих политических сторонников в правящем классе. Это были те, что придерживались, скажем так, здравого смысла в проведении реформ и которые если не публично, то в своей практической деятельности отвергали политику «трех красных знамен». В массе своей они были репрессированы или отстранены от власти в годы «культурной революции». Наиболее известные из них — Ху Яобан, который возглавлял «китайский комсомол» и был очень популярным в стране. Он, напомню, ветеран китайской революции, участвовал в «Великом походе» Красной армии, занимал руководящие посты в советских районах¹⁸. Работая в структурах ЦК КПК, он руководил парткомом Академии наук КНР. В последние годы «культурной революции» он подвергся нападкам за то, что препятствовал уничтожению научных трудов, не соответствующих духу маоизма. Чжао Цзыян, который тоже обвинялся в отходе от политики Мао и с началом «культурной революции» был снят со всех постов. Однако Чжоу Эньлай в 1971 г. убедил Мао Цзэдуна реабилитировать Чжао и направил его руководить провинцией Сычуань, катастрофически пострадавшей от политики «Великого кормчего». Проводя хозяйственную политику в духе Дэн Сяопина, Чжао Цзыян за короткий срок добился таких впечатляющих результатов, что в Китае заговорили о «сычуаньском опыте».

Судя по всему, Дэн хорошо знал и ученых и специалистов, которых можно было привлечь к разработке новой экономической политики. Вернувшись во власть сразу после ухода из жизни Мао Цзэдуна, он тут же, по словам академика РАН Владимира Мясникова, «вытащил из тюрьмы» гениального экономиста Чэнь Ицзы, куда его упрятали маоисты за «буржуазный уклон», собрал других талантливых экономистов и обществоведов. Вместе они изучили мировой опыт, начиная с советского нэпа, взглядов Бухарина, реформ Косыгина и особенно реформ в Венгрии, а также успешных преобразований в соседних странах. Ознакомились они и с неolibеральной теорией, для чего в Китае специально был приглашен ныне уже покойный Нобелевский лауреат по экономике американец Милтон Фридмен.

В реформировании экономики, политической системы и страны в целом команда Дэн Сяопина ставила перед собой примерно следующие задачи: изменить характер экономики; добиться высоких темпов роста производства и на этой основе решить острые социальные и иные проблемы; определить точку (точки) роста, что позволило бы дальше двигаться по пути реформ; срочно готовить кадры специалистов, в которых ощущался острый голод вследствие «культурной революции»; найти способы привлечения в

страну иностранного капитала, высоких технологий; создать условия для быстрого наращивания производства товаров на экспорт, чтобы иметь возможность накапливать валюту, необходимую для приобретения в развитых странах новых машин, оборудования и пр.

Какие принципы легли в основу китайской модели реформ? Во-первых, это изначальная установка Дэн Сяопина, что реформы должны способствовать повышению благосостояния людей и ни в коем случае не понижению. Что, за отдельными исключениями кратковременного характера, и происходило на деле. Во-вторых, это отказ от стратегии догоняющего развития в пользу стратегии естественных преимуществ, имеющихся на данный момент. В Китае этими преимуществами являлись огромный потенциал подавленных коммунами крестьянства, большая армия дешевой рабочей силы, удобные для внешнеэкономических связей и создания свободных экономических зон (СЭЗ) прибрежные районы. В-третьих, это упор на создание новой экономики. Что же касается государственной собственности, то ее акционирование и приватизация были отложены на будущее. В-четвертых, это сочетание плана и рынка, только плана, который с каждым годом становится все более индикативным и все менее директивным. И не уход государства из экономики, к чему призывали наши радикал-реформаторы, а его активное участие в экономическом процессе. Например, инфраструктура СЭЗ создавалась государством, и начальный капитал в их развитии тоже был государственным. Проводилась и глубоко продуманная промышленная политика. Например, китайские власти резко ограничили ввоз в страну автомашин и тем самым заставили иностранные компании создавать в Китае дочерние предприятия по выпуску автомобилей при условии их максимальной локализации. Российские же власти широко открыли двери для ввоза в страну подержанных иномарок, что привело, с одной стороны, к появлению у нас миллионов старых машин, загрязняющих окружающую среду, а с другой стороны, сильно задержало производство в России западных иномарок и мешало развитию отечественного автопрома.

Финансово-банковская политика Китая была так грамотно построена, что не допустила ни «долларизации экономики», ни бегства капитала из страны. Важную роль в этом сыграла циркуляция в стране двух валют. Только в отличие от России, где в первые годы реформ фактически тоже было две валюты — рубль и доллар, в Китае обе валюты были национальными — юань и переводной юань, в чем-то напоминающий наш золотой червонец 1920-х гг. Последний обменивался на валюту и использовался для обслуживания торгово-экономических отношений Китая с другими странами, деятельности иностранных компаний в самом Китае и в ряде других случаев, когда без твердой валюты нельзя было обойтись.

Строгий финансовый и валютный контроль позволил Китаю, в отличие от России, избежать охватившего многие страны валютного кризиса 1997–1998 гг. и не понести тяжелых потерь в годы мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2007 г. И даже тогда, когда Китай стал второй экономикой мира и накопил огромные валютные резервы, превышающие 3 трлн долларов,

он к свободно конвертируемому юаню идет поэтапно. Как подчеркивает доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН А.В. Островский, с появлением 1 января 2010 г. крупнейшей в мире зоны свободной торговли, которую создали Китай и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и которая включает Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины, основным расчетным инструментом между указанными странами является юань. Но процесс перехода на полную конвертируемость юаня, считает Островский, займет еще несколько лет¹⁹. Следует отметить и то, что Китай уже многие годы практикует заниженный юань, что дает ему преимущества при экспорте его продукции, и не готов от этой практики отказываться, несмотря на давление со стороны стран Запада и особенно США.

В-пятых, проведение реформ осуществлялось без «шоков», постепенно, поэтапно, следуя заповедям китайских мыслителей: «переходить реку и искать брод, нащупывая камни». Бывали, конечно, сбои, когда, например, слишком быстрый рост экономики «не переваривала» логистика или увеличивалась инфляция, вызывавшая недовольство в обществе, но в принципе реформы тут же притормаживались, корректировались, если развитие экономики шло в ущерб решению социальных проблем. И, кстати говоря, градуализм стал преобладающей чертой изменений во всех сферах жизни КНР, что позволило китайцам адаптироваться к новым реалиям, избегая опасных для здоровья стрессов. В том числе и это способствовало тому, что китайцы стали жить дольше, чем россияне.

В-шестых, не допускалось никакого излишества, тем более мотовства на государственном уровне. Была строжайшая экономия средств, особенно на начальных этапах реформ, с тем, чтобы довести уровень инвестиций до 40–49% ВВП (что в 2–2,5 раза больше, чем в России, причем в лучшие годы), что и является важнейшей составляющей быстрого роста китайской экономики. Поскольку государство не обманывало своих граждан, то они охотно хранили и до сих пор хранят свои сбережения в государственных банках, что составляет огромные суммы, и они тоже вкладываются в развитие. Периоды относительно высокой инфляции случались и в Китае, но по депозитам проценты, как говорят специалисты, все равно были чуть выше инфляции.

В-седьмых, путем создания свободных экономических зон (СЭЗ) — на деле как открытых, так и закрытых, а также технологических, торговых, приграничных и пр. — планировалось привлекать в страну капитал и технологии. И эти «зоны» сыграли колоссальную роль в развитии Китая. По некоторым данным, за первые тридцать лет реформ через них в Китай пришли инвестиции в размере порядка 700 млрд долларов, новые технологии, пришел и современный менеджмент. В России тоже стали появляться свободные экономические зоны, только без глубокой проработки мест их размещения и технико-экономической направленности, без верховенства в стране закона и реальной борьбы с коррупцией они нередко стали превращаться в кормушку для вороватых чиновников, в своего рода VIP-коридор для нечестных биз-

несменов. Так, председатель Счетной палаты С. Степашин, касаясь использования СЭЗ в качестве «черных дыр» (то есть способа ухода от уплаты налогов), заявил: «Что касается “черных дыр”, то самые большие мы прикрыли в декабре 2004 года. Так называемые внутренние оффшоры — Чукотка, Байконур, Калмыкия, Мордовия и еще ряд территорий, где крупные нефтяные компании освобождались от налогов, взамен обязуясь стимулировать регионы. За несколько лет мы потеряли почти 100 млрд долларов. Роман Аркадьевич (Абрамович. — А.К.) ежегодно недоплачивал в казну 14 млрд рублей, часть из них давал Чукотке, другую клал себе в карман»²⁰.

В-восьмых, китайским руководством изначально ставилась цель вовлечения в развитие национальной экономики зарубежных китайских общин (хуацяо), общая численность которых составляет от 40 до 50 (а некоторые говорят — даже до 100) млн человек. Притом это не только, как правило, богатые общины, но и имеющие в своих рядах опытных бизнесменов, высококвалифицированных специалистов, менеджеров и талантливых ученых.

И последнее. Важной составной частью китайской модели реформ являлось развитие науки и высоких технологий.

ГЛАВА 7

Приоритеты китайских реформ

Сельское хозяйство как ключевое звено первого этапа реформ

Начиная с времен правления Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин считал первоочередной проблемой развитие сельского хозяйства. И его логика безупречна. Во-первых, надо было накормить изголодавшийся за годы авантюрных экспериментов Мао народ и в то же время обеспечить сырьем многие отрасли промышленности. И вообще, актуальность решения этой задачи уже никем не может быть оспорена. Как пишет доктор экономических наук Виктор Растяпников, ссылаясь на китайских авторов Ян Цзянбая и Ли Сюэцзэна, в течение примерно двух десятков лет до начала Дэн Сяопином реформ ежегодный рост товарности сельского хозяйства увеличивался всего лишь на 0,38%²¹. Во-вторых, в сельском хозяйстве была занята преобладающая часть населения страны. В-третьих, резкого повышения производства продукции сельского хозяйства можно было достичь в короткий срок на базе существовавшей техники, точнее, инвентаря, без вложения крупных средств. Достаточно было землю коммун (официально не ликвидируя ее) передать в семейный подряд на длительный срок и разрешить трудолюбивым, истосковавшимся по инициативе и самостоятельному ведению хозяйства крестьянам продавать

производимую ими продукцию на свободном рынке, чтобы они в считанные годы решили извечную для Китая проблему голода. Наконец, на примере успехов в аграрной сфере стало возможным убедить народ в правильности выбранного пути реформ. Что на деле и произошло.

Только делалось это, подчеркиваю, не шокowymi методами. Часть произведенной продукции крестьяне должны были продавать государству по фиксированным и более низким ценам, а остальное они могли реализовать на свободном рынке по рыночным и, разумеется, более высоким ценам. Но с каждым годом обязательные поставки продукции уменьшались, а объем продукции, которой крестьяне могли распоряжаться по своему усмотрению, увеличивался. Так, например, в 1978 г. фермеры продали лишь 8% продукции на конкурентном рынке, но к 1990 г. эта доля увеличилась до 80%.

Результаты налицо. В 1978 г. было произведено 305 тыс. тонн зерна, а в 2005 — 484, сбор хлопка вырос с 2167 до 5714 тыс. тонн, масличного сырья — с 5218 до 30 771, сахарного тростника — с 21 116 до 86 638, чая — с 268 до 935, мяса — с 8563 до 77 431, продукции водных промыслов — с 4654 до 51 061, фруктов — с 6570 до 161 201 тыс. тонн. И это при том, что только 7% территории Китая пригодны для земледелия. С началом мирового финансово-экономического кризиса государство стало выделять огромные средства на развитие аграрного сектора и не в последнюю очередь инфраструктуры в сельской местности. Только в 2011 г. в сельское хозяйство были инвестированы триллион юаней (164 млрд долларов). В том же 2011 г. производство зерна выросло до рекордного уровня — 571,2 млн тонн.

То, что по закону земля осталась в государственной собственности, хотя и была передана в длительное пользование крестьянам, сильно упростило китайским властям задачу чрезвычайно быстрого развития дорожной инфраструктуры. В отличие от того, что имеет место в России, где вопросы собственности на землю бывают так запутаны, что нередко трудно найти ее собственника при дорожном строительстве, не говоря уже о чрезвычайно высоких ценах на землю в пригородных и курортных зонах, что резко удорожает строительство дорог. Но здесь есть и оборотная сторона. Как пишет корреспондент ИТАР-ТАСС И. Каргапольцев, «до настоящего времени занятое в сельском хозяйстве население законодательно оставалось самой незащищенной частью общества. Существующая в Китае система землепользования в сельской местности в течение длительного времени оставалась источником социальной напряженности в деревне, что не раз приводило к столкновениям с властями. Дело в том, что, будучи не защищенными законом, китайские крестьяне могли в любой момент лишиться прав на пользование землей, которая переходила к государству. Проще говоря, их земля подвергалась конфискации под те или иные проекты с выплатой незначительной компенсации, а иногда и вовсе без какого-либо возмещения ущерба. Все это неоднократно приводило к волнениям и социальным выступлениям. По некоторым статистическим данным, в 2004 году было зафиксировано 74 тыс. таких инцидентов, в 2005 году — 87 тыс., а в 2006 году их было уже 90 тыс»²². В последние годы данные о крестьянских выступлениях не публикуются.

И не случайно в центре внимания работы 3-го пленума ЦК КПК 17-го созыва, проходившего 9–12 октября 2008 г., оказались проблемы сельского хозяйства. Наряду с другими были приняты меры, направленные на стимулирование развития аграрного сектора, роста потребления самого сельского населения и поставлена цель к 2020 г. в два раза повысить уровень доходов крестьян и в основном решить проблему бедности в сельских районах²³. В ноябре 2011 г. в Китае повышен уровень бедности на одного человека с 1274 юаней в год до 3000 юаней, что равно 362 долларам. Но это меньше установленного в 2008 г. Всемирным банком уровня бедности, который составляет 1,25 доллара. Только надо учитывать, что жизнь в Китае гораздо дешевле, чем во многих других странах. Так, А. Островский как-то говорил: «то, что в Китае стоит единицу, у нас стоит в пять раз дороже»²⁴.

Некоторые российские аналитики и проживающие на Западе китайские диссиденты рисуют ситуацию в аграрном секторе Китая исключительно в черных красках. Причем нередко за основу своих рассуждений они берут сравнительные данные производительности труда среднего китайского хозяйства и американской фермы, что трудно назвать корректным. Однако и сами китайские аналитики не скрывают серьезных проблем в сельском хозяйстве, но смотрят на это с позиций динамики — сравнивая то, что было до реформ, и то, что есть сегодня. Так, Чжан Сяошань, директор Института развития экономики сельского хозяйства Академии общественных наук Китая (курируемой ЦК КПК), указывает как на достижения, так и на трудности и нерешенные проблемы китайских крестьян. Так, начала развиваться пенсионная система, но ею, по данным на 2008 г., было охвачено лишь 60 млн сельских жителей из общего числа в 219 млн пенсионеров. Но он же и констатирует: «Абсолютное большинство крестьян в старости содержит сын»²⁵. Внедряется система сельского кооперативного лечения, которой уже охвачено 815 млн человек, или 91,5% всего сельского населения. Однако из-за скудости средств крестьяне нередко по-прежнему платят за лечение, ибо только 38% крестьян получают компенсацию за стационарное лечение. 130 млн крестьян вынуждены прирабатывать в городах, но с началом мирового кризиса 20 млн вынуждены были вернуться в свои деревни. Две трети сел не имеют детских садов и яслей, более четверти — медпунктов, не хватает воды для хозяйственных нужд, а 22,65 млн крестьянских дворов испытывают трудности в получении питьевой воды. Есть проблемы с закупочными ценами на сельхозпродукцию и на приобретаемую крестьянами технику. Ссылаясь на документы ЦК КПК, Чжан Сяошань называет пять задач, которые требуют своего решения. В их число входит обеспечение водой, электричеством, дорогами, газом, жильем. (Это, кстати сказать, и проблемы российской деревни.) Чжан Сяошань указывает также на проблемы, которые требуют неотложного решения. Это дальнейшее продолжение аграрных реформ. Это защита интересов крестьян, которые лишаются земли в ходе индустриализации и урбанизации. «Законные права и интересы крестьян, чья пашня была изъята, — подчеркивает он, — должны быть защи-

щены». Это реформа административного управления и создание системы финансирования крестьянских хозяйств, без чего им трудно развиваться. Чжан Сяошань говорит также о необходимости создавать «большие специализированные крестьянские дворы», домашние фермы и крестьянские специальные кооперативы. Скорее всего, он имеет в виду укрупнение хозяйств, их большую специализацию и развитие снабженческой, сбытовой и т.п. кооперации, которая существует в европейских странах и которая (наряду с внедрением новой техники и новых агротехнических технологий) сделала рентабельными и сравнительно небольшие фермы. Дело только в том, что у китайских крестьян очень маленькие наделы, и без их консолидации (что по объективным причинам возможно скорее в каком-то отдаленном будущем) эта задача трудно решается.

Очень обстоятельную и, как представляется, объективную картину состояния сельского хозяйства Китая дала коллективная работа американских авторов от марта 2011 г. “China’s Agricultural Trade: Competitive Conditions and Effects on U.S. Exports Investigation № 332”²⁶. Уже во введении они заявляют: «Китай является глобальным производителем сельскохозяйственной продукции, в особенности фруктов, овощей, риса, хлопчатника и свинины». (Данные даны за 2010 г., в отдельных случаях указывается другая дата.) Они отмечают высокую конкурентоспособность продукции китайского агропрома, что объясняется, во-первых, низкой оплатой труда ее производителей и, во-вторых, активной помощью государства крестьянам, которая, как они считают, стала резко увеличиваться, начиная с 2004 г. При этом приводятся сравнительные данные по Китаю и США. Так, площадь обрабатываемых земель в Китае — 122 млн га, а в США — 164 млн га; на одного человека в Поднебесной приходится 0,4 га (по данным на 2007 г.), а в Америке — 78,5 га; стоимость производимой продукции — соответственно 537 млрд долларов и 302 млрд долларов. Но... в Китае в сельском хозяйстве занято около половины всего населения, а в США — 2%; средний размер китайского хозяйства — 0,6 га, американской фермы — 180 га; вклад продукции агропрома в ВВП соответственно 10,6% и 1,2%. Экспорт сельхозпродукции Китая — 63 млрд долл., США — 119 млрд долл.; импорт соответственно 66 млрд долл. и 86 млрд долл. в 2009 г. Авторы указанной работы подчеркивают, что Китай превратился в четвертого экспортера сельхозпродукции после США, Бразилии и Канады. Китайский импорт сельхозпродукции из США с 2005 г. утроился и в 2010 г. достиг 17,8 млрд долл. Важнейшими статьями китайского импорта являются соевые бобы, корма, шкуры и кожи, то есть в основном сырье для дальнейшей переработки. КНР широко практикует и реэкспорт продукции сельского хозяйства и рыболовства. Кстати сказать, Китай экспортирует с каждым годом увеличивающиеся объемы рыбопродукции. В 2010 г. выручка составила 3,2 млрд долл., а к 2015 г. китайские власти рассчитывают получить за экспорт морепродуктов уже 46 млрд долл.

На какие проблемы указывают американские эксперты? Во-первых, они считают, что система аграрных отношений в Китае, когда землей нельзя

владеть на правах частной собственности, нельзя ее покупать и продавать, станет непреодолимым препятствием на пути повышения эффективности китайского аграрного сектора. Во-вторых, недостаточно развита дорожная сеть в китайской деревне. В-третьих, много произведенной продукции портится из-за отсутствия достаточного количества складских помещений и особенно холодильников и транспорта с холодильными установками.

Какой общий вывод можно сделать по сельскому хозяйству Китая? Начатые Дэн Сяопином реформы в китайской деревне вполне успешно решали и решают задачи текущего момента, но до окончательного искоренения проблем еще очень далеко. Американские авторы правильно указывают на то, что привлечение инвестиций в аграрный сектор Китая, развитие коммуникаций, создание в масштабе всей страны транспортной системы с холодильными установками (nationwide cold storage transportation network) и, соответственно, повышение производительности китайских хозяйств и улучшение качества жизни крестьян произойдут только при изменении нынешних аграрных отношений. Но, на мой взгляд, это станет возможным только тогда, когда в ходе дальнейшего быстрого развития Китая резко уменьшится крестьянское население за счет ухода в города, с одной стороны, и будет произведено обводнение засушливых районов и освоение земель в пока мало пригодных для земледелия районах северо-западной части страны — с другой. Это вряд ли произойдет скоро, хотя, надо признать, что точно прогнозировать сроки решения и самых трудных задач, стоящих перед Китаем, мало кому удавалось.

Только нельзя себе представлять дело так, что китайская деревня на одно лицо: все крестьяне сидят на своих маленьких участках и чудом кормят страну, да еще и производят излишки для экспорта. Официально в городах земля принадлежит государству, а в сельских районах и пригородах является коллективной собственностью крестьян. Стандартный земельный участок китайского хозяйства равен 0,5 га, только надо иметь в виду, что во многих районах крестьяне собирают по два-три урожая в год. Право использования земли можно продать, подарить или обменять. Можно его получить за деньги и у государства. На деле Китай не только большой, но и разный, в том числе и по способам управления провинциями и, особенно, уездами, и по способам ведения хозяйства. (Как говорит В. Невейкин, «на провинциальном уровне имеются существенные различия в экономической политике... В современном Китае провинции иногда более самостоятельны в определении экономических правил, чем некоторые штаты в составе США»²⁷.) Поэтому там есть и крупные хозяйства, и кооперативные хозяйства, которые отдельные авторы называют колхозами. Так, в частности, их именует украинский журналист, побывавший в деревнях Синьцзян-Уйгурского автономного района. Он был поражен, увидев там хорошо спланированные для каждой этнической группы (уйгуров, дунган, казахов) современные дома, много разного скота, большие теплицы и т.д. Притом что государство дает крестьянам не только беспроцентные кредиты, но и часть из них само погашает, а за ведение хозяйства при щадящем отноше-

нии к экологии за каждый гектар выплачивает немалые суммы. Но в то же время и налагает немалые штрафы за загрязнение окружающей среды. Очерк журналиста с многочисленными фотографиями китайских сел городского типа заслуживает внимания, но его непонятное пристрастие к ненормативной лексике не позволяет даже дать его (очерка) название.

В деревнях есть и промышленность, и не примитивные плавильные печи времен Мао Цзэдуна, а вполне современные предприятия. Так, на весь Китай прославилась «коллективная деревня» Хуаси (провинция Цзянсу, что в Восточном Китае), которая построила 328 метровый отель стоимостью 470 млн долларов. Строили в складчину: каждая семья в деревне, в которой живет 36 тысяч человек, внесла по 1,5 млн долларов. Откуда такие деньги? Деревня владеет оборудованными по последнему слову техники текстильными, металлургическими предприятиями, а также индустрией услуг, и экспортирует свою продукцию во многие страны, включая США и Японию. Поскольку 20% годового дохода деревни делятся поровну между ее жителями, то у каждой семьи есть дом, а иногда и не один, несколько машин и счет в банке на сотни тысяч долларов. Деревня планирует приобрести 20 самолетов и создать собственный авиапарк²⁸.

Как пишет В. Невейкин, он с немецкими партнерами ехал в китайскую глубинку не самой развитой провинции Аньхой, где находится небольшой промышленный кластер литейного производства. На подъезде к нему они увидели «небольшое поселение, где при крестьянских домиках стояли небольшие постройки полупромышленного типа, вроде кузниц. Решили свернуть и на него посмотреть. Оказалось, что это небольшие литейные цеха, где внутри были установлены малоразмерные (500–1000 кг) полуавтоматические индукционные печи для плавки металла. Также имелась бетонная плавильная яма со вмонтированными над ней механическими подъемными устройствами для перемещения заготовок. А во дворе находились земляные плавильные формы (опоки) и аккуратно лежали уже готовые изделия... Оказалось, что хозяин уже давно вместе со своей семьей специализируется на стальном литье, а потребители его изделий находятся... в Канаде и Австралии»²⁹. Это говорит о том, что современная промышленность в деревнях получила широкое распространение.

Не следует думать и том, что китайцы всегда законопослушны, когда дело доходит до отчуждения государством их земли в ходе решения каких-то крупных проектов, что предусмотрено законом. Так, в деревне Шуйтан, что в провинции Сычуань, в марте 2012 г. произошло настоящее сражение между ее жителями и полицейскими. Крестьяне, вооружившись лопатами и другим инвентарем, вступили в бой с полицейскими и выгнали их из деревни. И таких случаев немало³⁰.

Политика «открытости» как стратегия создания новой экономики

Опыт соседних стран (Южная Корея, Сингапур, Малайзия и др.) показал, что надо использовать возможности транснациональных компаний для создания экспортноориентированного производства³¹. Это помогало им сравнительно быстро накапливать валюту, необходимую для приобретения в развитых странах современных машин, оборудования и технологий и тем самым ускоряло их промышленное и технологическое развитие. Команда Дэн Сяопина под флагом «открытости» сделала ставку на всемерное развитие сети экономических зон, которые начали создаваться на рубеже 1970–1980-х гг. Напомню, что свободная экономическая зона (СЭЗ), или особая экономическая зона (ОЭЗ) — это ограниченная территория с особым юридическим статусом по отношению к остальной территории и льготными экономическими условиями для национальных и/или иностранных предпринимателей. Главная цель создания таких зон — решение стратегических и тактических задач, которые ставит перед собой руководство той или иной страны.

Однако команда Дэн Сяопина поставила задачу, которую еще ни одна в мире страна не решала. А именно посредством создания в наиболее удобных для ведения внешнеэкономических операций прибрежных районах экономических зон — свободных, открытых, закрытых, специальных — построить не только экспортные производства, но и новую экономику. Оставляя на будущее реформирование «старой», то есть государственной, экономики, в которой были заняты, по оценкам, 100–150 млн человек; не ломая созданное предыдущими поколениями и способное давать гражданам работу и средства к существованию. В числе СЭЗ были: зоны свободной торговли, транзитные, беспошлинные склады, таможенные зоны и пр.; промышленные зоны, ориентированные на производство продукции на экспорт, а также на замещение импорта; технологические зоны (технопарки, технополисы и пр.); комплексные зоны; банковские, страховые и многие другие СЭЗ. Были объявлены открытыми зонами 13 приграничных городов с теми же льготами, что и СЭЗ. Среди них на торговле с Россией практически на пустом месте выросли современные города Хэйхэ близ Благовещенска и Суйфэньхэ недалеко от Владивостока (в котором, как говорят, 90% китайцев говорят по-русски). К началу нового века насчитывалось около 50 крупных СЭЗ, а к настоящему времени их число многократно увеличилось. По данным на 2011 г., их было более 2 тысяч³². Только и к «зонам» у китайских властей был такой же подход, как и к нерентабельным госпредприятиям: они, не колеблясь, закрывали фиктивные или бесперспективные СЭЗ, и эту участь разделили многие сотни из них. (Такое большое число СЭЗ в КНР объясняется тем, что они создаются не только центральными, но и местными властями, и, естественно, не все из них оказываются жизнеспособными.)

Китайское руководство при решении вопроса, с чем выходить на мировой рынок, тщательно изучило тенденции глобального хозяйственного развития. Уже в то время высокоразвитые страны переходили к инновационной экономике и старались избавиться от «грязных», трудоемких, материало- и энергоемких производств, а среднеразвитые страны, такие как Южная Корея, Тайвань и др., которые были едва ли не основными поставщиками для Запада, и прежде всего США, товаров легкой промышленности, уже переходили к экспорту высокотехнологичной продукции. Свободные ниши, которые можно использовать в ходе реализации модели «реформа и открытость», были очевидны. Команда Дэн Сяопина также решила, что ускорению развития страны будет способствовать скорейшее вступление КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО). Дело в том, что Китай подписал документы о присоединении к ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле, которое в 1997 г. было преобразовано в ВТО) в 1947 г. и был представлен в этой организации правительством Гоминьдана до 1949 г.

После образования Китайской Народной Республики (1949) китайское правительство отозвало свое членство в ГАТТ. В 1986 г. Китай выразил желание восстановить его, что ему не удалось, однако он получил статус наблюдателя и с того времени стал вести многосторонние переговоры по поводу своего вступления в ВТО³³. Ссылаясь на низкие доходы населения и общую отсталость, китайские переговорщики требовали для КНР значительных уступок и льгот, настаивая на сохранении государственного контроля над ключевыми отраслями экономики, ограничении участия иностранного капитала в совместных предприятиях и сохранении исключительного положения государства в сфере телекоммуникационных услуг. Другие члены ГАТТ, однако, не шли навстречу требованиям китайской стороны, и десятилетнее пребывание КНР в этой организации в качестве наблюдателя (1982–1992) не принесло ей успеха — признания развивающейся страной с переходной экономикой. Только в 1997 г. ситуация неожиданно изменилась. КНР отказалась от всех привилегий и льгот, связанных со статусом развивающейся страны, но сохранила этот статус, что давало ей доступ к льготным займам и кредитам МБРР, Азиатского банка развития и других финансово-кредитных организаций. Как считают некоторые аналитики, это была изощренная китайская хитрость, которую не мог не видеть Запад, и прежде всего США. Но Запад был заинтересован во вступлении КНР в ВТО, рассчитывая как на ее обширный рынок, так и на возможность влиять на ее экономический и социально-политический курс, а, если удастся, то и притормозить быстрый рост Поднебесной. (Говорят, что Вашингтон негласно принял такое решение.) Однако руководителю КНР Цзян Цзэминю, по данным СМИ, удалось убедить американскую администрацию в том, что присоединение Китая к ВТО пойдет на пользу США. Китай уже являлся четвертым по значению торговым партнером Соединенных Штатов, а США —

вторым торговым партнером КНР и вторым крупнейшим инвестором. Поэтому вступление Китая к ВТО послужило бы, дескать, интересам обеих стран: китайский рынок будет еще шире открыт для американских товаров, технологий и капитала, что приведет не только к расширению экономических связей, но и улучшению двусторонних отношений. В итоге Вашингтон дал свое «добро», и КНР 11 декабря 2001 г. стала полноправным членом ВТО.

Но уже с появлением идеи вступления в ВТО Китай начал активно наращивать экспортный потенциал, беря за основу конкурентоспособности вопрос цены и качества. Госпредприятия стали переходить на новые формы хозяйствования, но, как и в аграрном секторе, господствующим был принцип градуализма. Поначалу они должны были большую часть прибыли отдавать государству, продавать немалую часть своей продукции по фиксированным ценам и, соответственно, по фиксированным ценам получать исходный материал для своего производства. В случае необходимости власти оказывали помощь госпредприятиям. Фиксированные цены назначались и на жизненно важные товары и услуги. Но постепенно права, как и самостоятельность госпредприятий, расширялись, а доля продукции, продаваемой по рыночным ценам, увеличивалась, став к концу 1990-х гг. доминирующей. Возрастала и ответственность госпредприятий за результаты своей работы.

Американский профессор Джонатан Андерсон, бывший в течение трех лет постоянным представителем Международного валютного фонда (МВФ) в России, а затем более трех лет — в Китае, специально изучал трансформацию китайской экономики после начатых Дэн Сяопином реформ. Выступая 3 апреля 2008 г. с лекцией в московском клубе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру», он подчеркивал, что китайские госпредприятия обладают большой самостоятельностью и действуют по рыночным законам. «Цены почти не назначаются в Китае государством. Энергетика — да, а также газ, нефть, электричество, местные городские услуги. Все остальное (если говорить об обычных товарах, обычных услугах) уже определяется рынком»³⁴. Но в то же время китайское государство решительно расставалось с безнадежно убыточными предприятиями. В 80-х гг. еще существовала практика: «если вы убыточны — пожалуйста, субсидируем, дадим, разберемся». В середине 90-х этого уже не было. Известна статистика: с 1996 по 2001 год Китай закрыл — просто голо закрыл — десятки тысяч госпредприятий, уволили в течение пяти лет 30 миллионов государственных рабочих и отправили домой... И они все ушли в частный сектор, их не устраивало на работу государство. С тех пор всем предельно ясно: реально убыточное предприятие сразу подлежит закрытию и распродаже»³⁵. Это, между прочим, к вопросу о том, что у нас многие по старинке продолжают считать госпредприятия изначально неэффективными.

Лишившимся работы в госсекторе китайцам было куда уходить. Китайские власти активно содействовали развитию среднего и малого бизнеса, железной рукой пресекая любые попытки покушения на него со стороны криминала, чиновников, силовиков и так называемого недружественного поглощения, что, к

сожалению, имеет место в России и обрекает малый бизнес на жалкое существование. *(Генерал МВД в отставке, член Совета Федерации Асламбек Аслаханов рассказывал, как наши «правоохранители» терроризировали малый бизнес. «Имея официальные рычаги воздействия, правоохранители наладили “добычу” внебюджетных финансовых средств и материальных ценностей. По всей стране тысячами начали проводить так называемые проверки, в ходе которых у коммерсантов изымались документы, необходимые для ведения бизнеса, печатались производства, арестовывались счета. И так продолжалось до момента, когда отчаявшийся бизнесмен, понимающий, что ему работать не дадут, соглашался “помочь”»³⁶.)*

А на чрезвычайно интересный многих вопрос, каким образом властям Китая удастся инвестировать в экономику около 50% ВВП, Дж. Андерсон ответил, что «во всех азиатских странах существует достаточно большая доля сбережений... В Китае средний уровень сбережений за последние 20 лет где-то на 5, может, даже на 10% выше, чем в других азиатских странах, причем это все не за счет населения, а за счет сбережений предприятий и фирм. Чем это объясняется? Есть один момент, где госпредприятия очень сильно отличаются от частного и смешанного бизнеса: это отсутствие дивидендов. Госпредприятия не субсидируются, они конкурируют, работают с рынком, им некому платить их прибыль. Допустим, высокая прибыль сейчас в нефтедобывающей, в автомобильной отрасли, в телекоммуникациях. Куда идет эта прибыль? Это государственные предприятия, но государство ничего не берет: оно собирает налоги, но не берет прибыль. Хорошо, что государство не играет активную роль в поведении предприятий, но отчасти оттого, что никто не знает в государстве, где эта собственность находится: это Минфин или что-то еще? Эти предприятия как бы ничьи: они работают не на частную собственность и не на государственную — они просто переинвестируют прибыль, потому что больше деть ее некуда (дивиденды не выплачиваются). Так что есть доля искусственного повышения сбережений за счет этих фирм. Зарплаты и премии они устанавливают самовольно»³⁷.

У меня нет данных о состоянии среднего и малого бизнеса в канун вступления Китая в ВТО, но есть данные на 2005 г. В Китае в том году насчитывалось 4,3 млн средних и малых предприятий, 27,9 млн индивидуальных предпринимателей. В этом секторе работало 75% городского населения, и он составлял 60% ВВП, 65% патентов, 46,2% налоговых поступлений и 62,3% экспорта Китая³⁸. Вот что может дать даже во вчерашней коммунистической стране средний и малый бизнес, если власти проявляют о нем не словесную, как в России, а реальную заботу, понимая его значение во всех без исключения процветающих странах.

Но и это не все. К моменту вступления КНР в ВТО в Китае уже имели свои производства едва ли не все крупнейшие мировые производители. Власти буквально зазывали к себе иностранных предпринимателей, донельзя упрощая процедуру регистрации в стране иностранных компаний, заранее подыскивая для них комфортабельное жилье в престижных районах, всячески оберегая их

от каких бы то ни было посягательств. Это не говоря уже о дешевой жизни в Китае и теплом климате в местах наибольшей деловой активности.

Таков был потенциал, с которым Китай присоединился к ВТО. И Запад оказался в ситуации, которую хорошо передает восточная поговорка: «пошли за шерстью, да сами вернулись стриженными». Китайский рынок уже в достаточной мере был насыщен товарами, производимыми дочерними компаниями крупнейших мировых корпораций, так что для рыночной экспансии Запада оставалось мало места. А. Островский на этот счет резюмирует: «Все предполагали, что как только это произойдет (вступление Китая в ВТО. — *А.К.*), китайская экономика и растущая промышленность рухнут под тяжестью импорта иностранных товаров, которые путем свободной конкуренции задушат китайские товары. Но получилось с точностью до наоборот: китайские товары выплеснулись на мировой рынок, всем странам-партнерам пришлось снимать все таможенные барьеры, включая США и страны Евросоюза. В результате имеем экспансию китайских товаров за рубежом»³⁹.

К десятилетию вступления Китая в ВТО в Пекине была опубликована «Белая книга», в которой подробно рассказывается об успехах страны за эти годы. Состоялся и форум, на котором выступил Генеральный секретарь ЦК КПК и Председатель КНР Ху Цзиньтао. В частности, он сказал, что вступление Китая в ВТО явилось главным событием в политике «реформа и открытость», началом нового исторического этапа в открытии страны⁴⁰. И действительно, за этими словами стоят впечатляющие достижения. Так, внешнеторговый оборот Китая в 2001 г. составил 500 млрд долл., а в 2011 г. — 3,6 трлн долл.; валютные резервы — 212 млрд долл. и 3,2 трлн долл. соответственно. Увеличился приток иностранного капитала, в том числе в 2010 г. — 100 млрд долл., а в 2011 г. — 116 млрд долл. Китай создал 3391 предприятие в 132 странах, инвестировав 60 млрд долл.

Есть сведения, что в последующие годы приток иностранного капитала в Китай уменьшился, однако достоверных данных нет. Как нет их относительно оттока капитала. И когда наши авторы, ссылаясь на западные источники, сообщают, что за один год отток капитала составил 225 млрд долл., то они в эту сумму включают средства, которые официально были выведены из страны для решения государством и бизнесом каких-то задач. При этом признается, что лишь небольшая часть из указанной суммы была вывезена незаконно⁴¹.

Многие российские авторы, особенно журналисты и аналитики из либеральных кругов, нередко довольно поверхностно, если не тенденциозно, объясняют конкурентоспособность китайских товаров дешевизной рабочей силы и адским трудом рабочих. Во-первых, рабочая сила, в особенности квалифицированная и высококвалифицированная, уже давно не дешевая и с каждым годом становится все дороже. Если исключить занятых в российском ТЭК, то китайские рабочие получают не меньше, чем российские, а в некоторых экспортных отраслях, пожалуй, и больше. Так, академик РАН М. Титаренко еще несколько лет назад говорил, что в крупных городах (Харбин, Чанчунь, Пекин, Нанкин, Ухань и др.) годовой доход на одного

человека составляет 5–6 тыс. долларов, а в Шанхае и Гуанчжоу — 7–8 тысяч⁴². По паритету покупательной способности это будет в несколько раз больше. Да и нет уже того колоссального разрыва в доходах между нашими гражданами и китайцами, который был в советские времена. Так, по оценке МВФ, по паритету покупательной способности среднедушевой показатель ВВП в 2010 г. у китайцев был лишь в два раза меньше, чем у россиян. Но в пользу госбюджета у нас отчуждается около 36% ВВП, а в Китае — 19,3%, что в пересчете на человека составляет 3940 и 198 долл. соответственно.

И дело не только в разном уровне социальных расходов, но и в том, как распределяется общественный продукт и на что он тратится. У нас ко всему прочему очень дорогое государство с тьмой чиновников, многие из которых стремятся жить по стандартам высокоразвитых стран, у которых производительность труда во много раз выше, чем в России. А то, что китайцы не лодырничают, а работают напряженно, иногда самоотверженно — это факт. Только не надо думать, что китайцы делают это только ради денег или «из-под палки». Наверное, многие у нас уже и забыли такое слово, как «энтузиазм», который был свойственен советским людям, многие годы верившим в лучшее будущее при социализме. Это нам, нынешним россиянам, страна которых вернулась в малоцивилизованный капитализм и из промышленно развитой стремительно превращается в сырьевой придаток развитых и среднеразвитых стран, не с чего высечь не только энтузиазм, но и гордость за свою страну. В Китае же есть все основания для того и другого. Страна растет, как на дрожжах, ее руководство не отказалось от социализма, а развитие частного предпринимательства и рост социального расслоения в обществе объясняет необходимостью создания для него предпосылок. Это раз. А два — это то, что еще недавно по историческим меркам Китай был объектом агрессивных действий со стороны великих держав, а ныне он превращается в сверхдержаву, с которой вынужден считаться остальной мир.

Во-вторых, если верно то, что театр начинается с вешалки, то еще более верно то, что конкурентоспособность китайских товаров начинается с таможни. Работа на китайской таможне организована так, что, в отличие от российской таможни, грузы подолгу не задерживаются. Она «продолжается» при очень оперативной регистрации нового бизнеса — российской многомесячной волокиты нет и в помине. Нет и в помине нарушающих нормальный процесс работы многочисленных проверок бизнеса различными ведомствами, что характерно для нашей страны. Нет не только бандитских «налетов» на бизнес, но и закрытия бизнеса чиновниками или силовиками по надуманным и часто не бескорыстным причинам, нет «рэкета» с их стороны, не говоря уже об отъеме понравившегося кому-то из сильных мира сего бизнеса, что порой случается у нас.

В. Невейкин, который хорошо знает отношение государства к бизнесу, поскольку сам занимается предпринимательской деятельностью не только в Китае и России, а также в Гонконге и на Тайване, пишет: «Любое преступное посягательство на собственность легального предпринимателя рас-

считается в Китае как тягчайшее государственное преступление. И любое замедление реакции на это со стороны полиции расценивается как прямое пособничество тягчайшему преступлению»⁴³. При этом имеет место неизменяемость заключенных договоров между частным лицом и государством, несмотря на меняющиеся обстоятельства. Допустим, когда имярек брал у государства в аренду землю в районе Шанхая, она стоила дешево по сравнению с текущими ценами. Но если в ходе развития мегаполиса у государства возникла необходимость ее отчуждения, то ему, арендатору, выплачивается компенсация не только по текущей рыночной стоимости, но и с учетом упущенной выгоды последующих лет использования. «Если к вам, — приводит пример Невейкин, — зашел кто-нибудь, например, из противопожарной службы, санэпиднадзора (все эти органы присутствуют в КНР) и вынес предписание, которое повлекло остановку производства, срыв поставок клиентам, а потом выяснилось, что действия чиновника были неправомерны, то государство возмещает вам полный ущерб от этих действий своего чиновника, а затем взыскивает эти расходы с его семьи в широком смысле этого слова (благо семьи в Китае очень большие). Все это распространяется в том числе и на таможенно. При этом с чиновников никто не снимает ответственности за противопожарную безопасность, санитарный контроль и другие функции. Чиновнику лучше самому сбежать купить противопожарное ведро, насыпать ящик песка, попросить у “лаобаня” (владельца бизнеса) разрешения на покупку лопаты и топора и лично оформить противопожарный стенд, если он считает, что надо усилить меры борьбы с возможными возгораниями... Если есть хоть небольшой намек или сведения, что в проблемах предприятия прямо или косвенно замешаны сами чиновники, то отставка практически неминуема. А китайскому чиновнику есть что терять... Приличный уровень жизни, неплохое социальное обеспечение (включая квартиру), достойную пенсию по старости, бесплатное образование детям (в Китае это очень многое значит) и хорошее медицинское обслуживание он вполне может получить. Плюс несомненное уважение общества. В Китае издревле уважали чиновников как людей “ученых”»⁴⁴.

Однако такие меры могут работать только там, где, во-первых, во главу угла поставлены интересы не чиновника, а того, кто создает богатство страны, то есть предпринимателя, и, во-вторых, там, где есть независимый суд, а не выборочное правосудие, как у нас.

Но конкурентоспособность в огромной мере зависит от уровня развития логистики и прежде всего транспортной инфраструктуры.

«Кровеносные сосуды» китайской экономики и социальной сферы

Транспортную систему (вместе с логистикой) не случайно называют «кровеносными сосудами» экономики. Точных данных у меня нет, но общепри-

знанным является факт, что неразвитая система шоссейных дорог и железнодорожного транспорта, портов и аэропортов, складских помещений резко снижает производительность экономики и не содействует привлечению иностранных инвесторов. А в странах, занимающих большую территорию, она способствует дезинтеграции отдаленных от центра регионов и является серьезным препятствием на пути социальной мобильности. В 2012 г. Мировой банк подсчитал, что без развитой инфраструктуры ВВП КНР рос бы на 6% меньше, чем это имеет место ныне⁴⁵.

Мне неведомо, знал ли об этом Дэн Сяопин, когда принималась концепция «реформа и открытость», но то, что он хорошо осознавал чрезвычайно важное значение коммуникаций для развития экономики и страны в целом, сомнений не вызывает.

Автомобильные дороги. В 1981 г. общая протяженность автомобильных дорог в КНР составляла 900 тыс. км, причем они были крайне низкого качества, а скоростных автомагистралей вообще не было. Но уже в 1980-е гг. начинается их развитие. Первая скоростная дорога протяженностью 147 км появилась в 1988 г. А после того, как власти пригласили частных инвесторов участвовать в строительстве платных автодорог, этот процесс резко ускорился. Важным этапом в дорожном строительстве Китая стала принятая правительством в 1996 г. 25-летняя программа создания национальной системы скоростных автомобильных дорог. Она предполагала строительство к 2020 г. 85 тыс. км скоростных автодорог и объединение всех крупных городов с численностью населения более 200 тыс. жителей, а также туристических центров в единую сеть. На первом этапе (1996–2003) планировалось построить 17 тыс., на втором (2004–2010) — 18 тыс. км скоростных автомагистралей⁴⁶. Но, как известно, планы в Китае обычно выполняются досрочно. Автомагистралями уже связаны многие крупнейшие города страны. По данным делового журнала ChinaPRO за 2012 г., протяженность всех автодорог в Китае достигла 3,9 млн км⁴⁷. Сюда входят национальные, провинциальные, уездные, городские, деревенские и дороги особого назначения. Что касается скоростных дорог, то есть автострад, то тут данные порой расходятся, что, наверное, можно объяснить тем, что иногда в их число включаются качественные дороги, но с меньшим числом полос, чем должны иметь автострады. По заслуживающим доверия источникам, протяженность китайских автомагистралей, соответствующих мировым стандартам, к концу 2010 г. составила 74 тыс. км (что позволило КНР занять второе место в мире после США), а к концу 2011 г. — 85 тыс. км.

Систему скоростных автомагистралей в Китае называют «Сеть 7–9–18» по их числу: 7 линий, расходящихся лучами от Пекина (Пекин — Шанхай, Пекин — Тайбэй, Пекин — Гонконг — Макао, Пекин — Куньмин, Пекин — Лхаса, Пекин — Урумчи, Пекин — Харбин); 9 линий, направленных с севера на юг; 18 линий, идущих с востока на запад; 5 кольцевых линий и более 30 соединительных дорог.

Что обеспечило такой стремительный рост автодорог в Китае? Я полагаю, политическая воля руководства страны, правильно выстроенные приоритеты

развития экономики, инфраструктуры и страны в целом и трезвый экономический расчет. Ведь за период с 1985 по 2006 г. средняя скорость движения автотранспорта увеличилась с 30 км/час до 64 км/час, а, стало быть, увеличились и доходы хозяйствующих субъектов. На решение этой задачи также работали трудовая дисциплина, современные технологии и отсутствие коррупции в российских масштабах. Подсчитано, что 1 км четырехполосной дороги в Китае стоит 2,9 млн долл., в Бразилии — 3,6 млн, а в России — 12,9 млн долл. В российских СМИ появилась такая шутка: в Китае за неделю строится столько новых дорог, сколько в России за весь год. Но дело не только в «дорогом километре» российских дорог, но и в том, что у российского государства другие приоритеты в расходовании средств, другая стратегия развития страны (или ее отсутствие, что тоже стратегия). Китай вкладывает в развитие транспортной инфраструктуры (шоссе и железные дороги, порты и водный транспорт) средства, измеряемые миллиардами и даже триллионами долларов, когда речь идет о пятилетних планах развития⁴⁸, а в России счет идет на сотни миллионов долларов.

Скоростные автомагистрали в Китае в основном платные и такими будут, пока не окупятся, и, по оценкам, ежегодная плата за них составляет около 2% ВВП.

Только надо учитывать, что такое быстрое дорожное строительство сопровождалось столь же быстрым ростом автомобильного парка в Китае. Уже несколько лет подряд в стране раскупается 19–20 и более млн автомашин и пробки в мегаполисах, прежде всего в Пекине, стали обычным явлением. Дело в том, что за годы реформ столица КНР превратилась в крупнейший транспортный узел. Через Пекин проходят 5 дорожных колец, 9 скоростных автодорог, 11 государственных магистралей, 7 железнодорожных линий, на его территории находятся три крупнейших железнодорожных вокзала. В Пекине уже в 2010 г. было больше 4 млн автомашин, и быстрый рост их количества в последние годы продолжился, что не только порождает пробки, но и негативно сказывается на экологии мегаполиса. Это вынудило власти ввести ограничения на регистрацию новых автомобилей (что, кстати сказать, в Сингапуре уже давно практикуется) и принять решение в ближайшие годы пустить весь грузовой транспорт, а также легковой транспорт, работающий на минеральном топливе, по подземным тоннелям.

Железнодорожный транспорт. Как и в других случаях, китайские руководители присматривались к соседним странам, у которых был развит железнодорожный транспорт, в частности, к Японии⁴⁹. Однако, как и всегда, делали это с учетом китайской специфики. Но все по порядку. Общая протяженность китайских железных дорог, по данным на 2011 г., составляла 86 тыс. км. Строительство высокоскоростных железных дорог, или магистралей (ВСМ), началось в Китае в период 11-й пятилетки (2006–2010). И первой ВСМ стала Пекин — Тяньцзинь, на которой поезда развивали скорость до 350 км/ч. Потом ВСМ пошла по маршруту Чжэньчжоу — Сиань — Нинбо — Тайчжоу — Вэньчжоу. Протяженность ВСМ становилась все больше. На какой-то момент самой длинной веткой считалась ВСМ между мегапо-

лисами Ухань и Гуанчжоу (свыше 1 тыс. км), потом по протяженности ее обошла ВСМ Пекин — Шанхай (1318 км), сократившая при скорости 350 км/ч до 5 часов время в пути. Но одновременно с расширением сети ВСМ шло строительство обычных дорог, проводилась реконструкция старых линий, их электрификация, в результате чего одни составы стали ходить со средней скоростью 120 км/ч, другие — 200, а третьи — 300 км/ч. Китай быстро стал мировым лидером в создании ВСМ. В 2008 г. в КНР пущен на рельсы локомотив собственного производства, способный развивать скорость до 416–486 км/ч. После столкновения двух скоростных составов на линии Ханчжоу — Вэньчжоу 23 июля 2008 г., когда погибло 39 человек и 192 было травмировано, китайские власти отдали распоряжение изучить причины катастрофы и тщательно проверить все составляющие безопасной работы ВСМ. С предубеждением относящиеся к «коммунистическому Китаю» российские и зарубежные «перья» торжествовали. Вот, дескать, каково качество собственной китайской техники! Будут-де перечеркнуты контракты на поставку китайских высокоскоростных экспрессов в соседние страны. И в самом Китае было немало шума в СМИ по этому поводу. Однако, как выяснилось, эта катастрофа была вызвана ударом молнии в светофор во время проливного дождя. Тем не менее, властями дано было распоряжение соответствующим службам проверить на предмет безопасности все железные дороги страны и установить максимально допустимую скорость в 300 км/ч.

Но это не остановило бурное развитие ВСМ. По данным на 2012 г., протяженность ВСМ составила 13 тыс. км. Первоначально планировалось увеличение ее протяженности до 16 тыс. км к 2020 г. Однако, по сообщениям СМИ, к 2016 г. Китай планирует создать сеть высокоскоростных железных дорог протяженностью более 40 тыс. км.

В 2007 г. в Китае была принята программа «Стратегия развития ИТС Китая». ИТС — интеллектуальные транспортные системы, они уже существуют в США, ФРГ и ряде других высокоразвитых стран. Их цель: объединить в единую систему все транспортные узлы страны, или, как их называют, «хабы». Сюда входят все виды транспорта: наземные, морские (речные) и воздушные, и между ними должно быть тесное взаимодействие. Это значит, что для слаженного функционирования ИТС нужны не только современные шоссейные и железные дороги, но и такие же порты, аэропорты, суда и самолеты. Нужна и развитая система телекоммуникаций.

У Пекина по части развития сети ВСМ есть и далеко идущие планы. С одной стороны, экспортировать в другие страны, включая США, целиком производимые в Китае скоростные поезда серии CRH-380A, развивающие скорость 350–380 км/ч. С другой стороны, соединить скоростными железнодорожными магистралями своих ближайших торговых партнеров — Камбоджу, Лаос, Вьетнам, Таиланд. Достаточно сказать, что китайские компании участвовали в тендере на строительство высокоскоростной железнодорожной сети США, охватывающей 15 штатов, и вели переговоры с 17 государствами о возможности строительства ВСМ в Индию и Европу.

Китай и России предложил свои услуги в деле строительства ВСМ. (Идея строительства в США китайских ВСМ сильно задела американцев, и они стали противодействовать ее реализации.)

Как сообщали китайские СМИ, высокоскоростные дороги сократили время в пути каждого пассажира более чем на 2/3. Успех строительства этих магистралей свидетельствует о том, что производственная сфера в стране в целом уже вышла на новый уровень. В то же время скоростные магистрали меняют образ жизни китайцев.

Морские ворота Китая. Если наземный транспорт выполняет в первую очередь интеграционную роль в огромной, по многим параметрам разноликой и, по сути, многонациональной стране (7–8% национальных меньшинств — это ведь более 100 миллионов человек), то морские порты являются главными воротами, через которые Китай вошел в глобальную экономику. (Не стоит умалять, конечно, и той роли, которую играют морские и речные порты во внутренней жизни Китая.) С началом реформ сеть морских и речных портов быстро расширялась и достигла двух тысяч, из которых 130 открыты для судов иностранных государств. Достаточно сказать, что из десяти самых крупных в мире морских портов шесть находятся в Китае. Это морские порты Шанхая, Шэньчжэня, Гуанчжоу, Гонконга, Нинбо, Циндао. (Остальные — в Сингапуре, Роттердаме, Пусане и Дубае.) Но и другие крупные порты играют важную роль на том или ином направлении огромной по протяженности прибрежной линии Китая. В их числе Тяньцзинь, Ляньюньган, Далянь и ряд других.

Стремительный экономический рост Китая был бы немыслим без быстрого роста грузооборота портов. В период с 2000 по 2008 гг. темпы роста составляли 17% в год, после начала мирового кризиса они несколько снизились, но все равно, по мировым меркам, оставались высокими — 13–14%⁵⁰. Форсированное развитие экономики было бы невозможно и в том случае, если бы морские порты не были включены в систему свободных экономических зон. По данным на 2011 г., в Китае было 14 портовых зон: Яншань (Шанхай), Дунцзян (Тяньцзинь), Даяовань (Далянь, провинция Ляонин), Янпу (провинция Хайнань), Мэйшань (Нинбо, провинция Чжэцзян), Циньчжоу (Гуанси-Чжуанский автономный район), Хайцан (Сямэнь, провинция Фуцзянь), Цяньвань (Циндао, провинция Шаньдун), Цяньхайвань (Шэньчжэнь, провинция Гуандун), Наньша (Гуанчжоу, провинция Гуандун), Цзянбэйчуньтань (Чунцин), Чжанцзяган (провинция Цзянсу), Яньтай (провинция Шаньдун), Циньчжоу (Гуанси-Чжуанский автономный район). Эти зоны находились и находятся в центре внимания китайского руководства, ибо они играют немалую роль не только во внешнеторговом обороте, но и в привлечении в страну капитала и технологий⁵¹.

Как уже говорилось выше, Китай планирует создать целостную систему всех транспортных средств, и портам в этой стратегии отводится большая роль. Специалист в области мировых морских транспортных путей Дмитрий Пикуль пишет: «Еще в 90-е годы началась реализация проекта нового

Шелкового пути, который также получил название “Евразийский трансконтинентальный путь” (Ляньюнгань — Алашанькоу — Роттердам), и который стал главным конкурентом Транссиба. Кроме того, Китай ведет переговоры с 17-ю странами, планируя построить высокоскоростное сообщение по маршруту Пекин — Лондон (через Индию, Пакистан, Иран, Стамбул — и далее по Европе) и Пекин — Берлин (через Казахстан и Россию).

Таким образом, общий взгляд на карту проясняет планы Китая. За счет мощного развития групп портов по всему приморскому побережью страна притягивает шиппинговые маршруты из разных континентов. Реализуя к 2015 и к 2020 годам новые масштабные проекты в сфере железнодорожного, водного и автомобильного транспорта, она протягивает маршруты торговых перевозок по всей стране, связывая между собой порты, промышленные центры и мегаполисы. Наконец, строя сразу несколько железнодорожных маршрутов, захватывающих Юго-Восточную, Центральную и Среднюю Азию, Россию и Европу, Китай получает законченную глобальную систему транспортных потоков, работающих на его экономику»⁵².

Воздушный транспорт тоже является важнейшей составной частью быстрого развития Китая. За годы после начала реформ в таких мегаполисах, как, например, Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, построены аэропорты с невероятно высокой пропускной способностью и на самом высоком мировом уровне, в том числе с точки зрения быстрого их обслуживания, быстрого прохождения через контрольные пункты иностранцев. Хорошо продумана и быстрая доставка пассажиров в аэропорты. Аэропорты, как и морские порты, тоже встроены в систему ИТС. Сколько всего сейчас в Китае аэропортов — больших, средних и малых, — наверное, мало кто знает. Хотя СААС (Civil Aviation Administration of China — Администрация гражданской авиации КНР) в конце 2011 г. называла цифру 180. Около 40 международных аэропортов. В течение 12-й пятилетки Китай намерен построить 70 и модернизировать 101 аэропорт, а также закупать все в большем количестве современные лайнеры, в основном Boeing и Airbus. Ставшая по факту второй экономикой мира и претендующая на роль второй сверхдержавы страна не может не иметь развитого авиасообщения. Тем более что число желающих воспользоваться авиатранспортом с каждым годом растет. Если в 1980 г. число авиапассажиров в Китае не превышало 3 млн, причем 95% из них были иностранцы, то уже через десять лет число китайцев, пользующихся услугами национальных авиакомпаний, достигло 50 млн. В 2000 и 2006 гг. общее число пассажиров составило уже 67,2 млн и 160 млн соответственно. В 2010 г. оно увеличилось уже до 267 млн. А по прогнозам СААС, к 2020 году в Китае будет 700 млн авиапассажиров⁵³.

Пока Китай закупает надежные, удобные для пассажиров, приемлемые с точки зрения потребления топлива и загрязнения окружающей среды и, следовательно, конкурентоспособные американские и европейские самолеты, и так, очевидно, будет продолжаться еще несколько лет. У Китая было две неудачные попытки создания собственных гражданских самолетов: в

1983 г. и десять лет спустя. В первом случае китайцы хотели построить его сами, но убедились в его малопригодности, а во втором — совместно с американской компанией McDonnell Douglas, которая, однако, вскоре вошла в состав Boeing и вышла из совместного с китайцами проекта. А третья попытка раньше или позже, как говорится, обречена на успех. Среднемагистральный самолет ARJ21 и дальномагистральный C919 — китайские разработки, но с американскими и французскими компонентами. Они уже демонстрировались на выставках авиатехники, более того, на ARJ21 уже есть заказы китайских авиаперевозчиков, хотя эти самолеты еще дорабатываются. Проблема состоит главным образом в том, чтобы сделать их конкурентоспособными. Но, зная китайскую изобретательность, упорство и большую заинтересованность в успехе далеко не бедного государства, этого удастся достичь. И поскольку китайские самолеты наверняка будут дешевле американских и европейских, то, вполне возможно, что и наша страна будет их закупать. Тогда окончательно завершится процесс превращения «младшего брата» в «старшего брата», как в свое время называли соответственно Китай и СССР, правопреемницей которого является РФ.

Китайские реформаторы создали механизм, исключаящий бегство из страны инвестированного капитала. Россия, как известно, уже в первые годы реформ потеряла сотни миллиардов долларов из-за утечки капитала, которая до сих пор продолжается. Как китайским реформаторам удалось сделать так, что валютный поток идет только в одном направлении — в сторону Китая? Говорит, напомним, живущий и работающий в Китае Игорь Путилов: «Приветствуется конвертирование доллара в юань, но никак не наоборот. Наоборот — сложнее. Полной конвертируемости юаня просто не существует, государством лишь обеспечивается обратимость юаня по текущим счетам. Приветствуется неограниченный ввоз иностранной валюты. Вывоз же ограничен. Чтобы перевести деньги за границу, нужно пройти сложную процедуру разрешений и согласований. Этот процесс очень строго контролируется банками и таможней. Во внешней торговле поддерживается тотальный контроль за коммерческой и банковской тайной. Разрешен только плановый импорт и только его оплата валютой. Китайские внешнеторговые организации должны перекрывать разрешенный им валютный импорт экспортом китайских товаров. Где только возможно, в оплату импорта иностранцам зачисляется не валюта, а юани... Бегство инвестированного в Китай капитала исключено. Иностранному инвестору, вложивший деньги в оборудование, сырье и прочее, возврат капитала и прибыль может иметь только в виде произведенного товара. Причем, по закону, 70% товара должно в обязательном порядке вывозиться из Китая, и только 30% можно продать на внутреннем рынке»⁵⁴. Фондовый рынок был практически закрыт для иностранного портфельного капитала, который своим бегством при первых же признаках финансовой нестабильности спровоцировал финансовый кризис во многих странах в 1997 г. и в России в 1998 г.

Такая финансовая политика объясняет, каким образом за более чем 30 лет реформ Китай не знал ни финансового кризиса, ни внешнего долга китайских частных компаний, ни тем более суверенного долга, с чем не раз сталкивалась постсоветская Россия и многие западные страны, приверженные неоллиберальной экономической теории. Поэтому так часто ошибаются российские и зарубежные аналитики, которые предрекают Китаю финансовый кризис из-за «плохих» (невозвратных) займов, выдаваемых китайскими (в основном государственными!) банками.

После вступления в ВТО и под давлением своих основных торгово-экономических партнеров Китай был вынужден снижать тарифы, пошлины, увеличивать квоты, приоткрывать внутренний рынок для иностранного капитала. Выше уже говорилось, что бегство капитала все же имеет место в каких-то масштабах и в Китае. Но, как известно, капитал бывает не только инвестиционный, но и портфельный (вложенный в облигации, акции, другие ценности), который часто считается спекулятивным, ибо по своей природе мобилен и склонен перемещаться между странами. Но Путилов говорит об инвестированном капитале, а не о капитале вообще.

Нельзя не назвать и одно из, пожалуй, самых приоритетных направлений в стратегии китайских реформ — **создание базы для научно-технического развития**. Отдадим должное стратегическому мышлению Дэн Сяопина! Еще в разоренной «большим скачком» и «культурной революцией» стране, в которой сильно поредела интеллектуальная элита, а молодое поколение многие годы не брало в руки книгу, кроме цитатников Мао, он умел смотреть далеко вперед, отдавая себе отчет в том, что на производстве игрушек, одежды, обуви и других товаров традиционного спроса в мир развитых стран Китай никогда не войдет. Между прочим, многие не знают, что в первые годы реформ Китай экспортировал сырье, включая нефть. И если бы его развитие пошло по российскому сценарию, то ему вполне хватило бы собственного сырья, которое он стал импортировать после того, как началась широкомасштабная индустриализация страны. Именно благодаря стратегическому мышлению Дэна еще в первые годы реформ начали создаваться научно-технические, они же и производственные, центры, которые ныне известны миру как «кремневые долины» Шэньчжэнь и Джунгуаньцунь. Ныне их продукция активно выходит на мировые рынки. Справедливо ради надо сказать, что это заслуга не одного человека, а команды Дэн Сяопина, в которой видную роль играл, в частности, Ху Яобан. Но эта тема заслуживает особого внимания и будет рассмотрена в другой главе.

¹ Ван Мин. Красное движение — Лидеры // ir.spb.ru/krasnoe-dvizhenie/lidery/van-min.html.

² Лебедев В. (Бостон). Самый маленький большой политик Китая // www.vestnik.com/issues/97/0318/win/lebed1.htm. (Лебедев Валерий Петрович, историк, философ, автор нескольких книг и многих сотен статей, эмигрировал в США и с 1997 г. является издателем и главным редактором американского общественно-политического журнала «Лебедь» на русском языке. Написал несколько статей по разоблачению лженаучных исследований Петрика и был введен в Комиссию РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований.)

³ Лебедев В. (Бостон). Самый маленький большой политик Китая // www.vestnik.com/issues/97/0318/win/lebed1.htm.

⁴ Леонов Н. Китайский укор. Почему в российских СМИ эта огромная, быстро растущая страна окружена «Великой стеной молчания» // Столетие.Ру. 06.12.2011.

⁵ Литвак Б. Г. Великие управленцы. Дэн Сяопин // www.bglitvak.ru/opin.html.

⁶ Литвак Б. Г. Великие управленцы. Дэн Сяопин // www.bglitvak.ru/opin.html.

⁷ Овчинников В. Мао не покажется. Китайцы по-прежнему любят Великого кормчего // Российская газета. 28.09.2007.

⁸ Овчинников В. Мао не покажется. Китайцы по-прежнему любят Великого кормчего // Российская газета. 28.09.2007.

⁹ См.: Шевелев В. Мао Цзэдун — Великий кормчий. 1. Становление // www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Shev/01.php.

¹⁰ В частности, Дэн Сяопин сказал о том, что догнать и перегнать лучших можно, если только у них учиться. А кто в данном случае лучшие? Разумеется, западные страны. Это его высказывание чем-то напоминает тех русских марксистов (названных большевиками «легальными»), которые считали, что для того, чтобы преодолеть капитализм, надо сначала поучиться у капиталистов хозяйствованию. И вообще, некоторые высказывания Дэна как будто бы выросли на российской почве. Например, его лозунг «Обогащайтесь!» созвучен лозунгу Бухарина. Очевидно, сходные реалии рождают и сходные подходы. Соответственно, левачи китайские и наши во многом похожи.

¹¹ См. подр.: Кива А.В. Российские реформы в контексте мирового опыта. Вопросы теории и политической практики. М., 2006. С. 50–52.

¹² Китай: Пусть расцветают сто цветков // Форум «Культурология» [dzhankoy.clan.su/forum/322-001-].

¹³ Китай: Пусть расцветают сто цветков // Форум «Культурология» [dzhankoy.clan.su/forum/32-200-1-].

¹⁴ РИА Новости // ria.ru/politics/20090604/173226397.html.

¹⁵ РИА Новости // ria.ru/politics/20090604/173226397.html.

¹⁶ РИА Новости // ria.ru/politics/20090604/173226397.html.

¹⁷ Карлусов В.В. Развитие частного предпринимательства в Китае. М., 1996. С. 91

¹⁸ «Великий поход» — это передислокация в 1934–1936 гг. сил китайской Красной армии под натиском гоминьдановских войск из советских районов Центрального и Южного Китая на Северо-Запад страны. Что привело к укреплению революционной базы в провинции Шэньси и Гансю, которая стала местопребыванием ЦК КПК до лета 1947 г. Цель состояла в том, чтобы быть подальше от начавшейся японской оккупации Юго-Восточного Китая и поближе к границам СССР, который оказывал китайским революционерам активную помощь.

¹⁹ Островский А.В. Китай переходит на свободно конвертируемый юань // republic.com.ua/article/21174-old.html.

²⁰ Степашин: Абрамович ежегодно недоплачивал в казну 14 млрд рублей // viperson.ru/wind.php?ID=376358.

²¹ Растяниников В.Г. Аграрная Индия. Парадоксы экономического роста. Вторая половина XX в. — начало XXI в. М.: ИВ РАН, 2010. С. 83.

²² Каргапольцев И. Несовершенство системы землепользования приводит к социальной напряженности в китайской деревне // ИТАР-ТАСС. 13.10.2008.

²³ Каргапольцев И. Несовершенство системы землепользования приводит к социальной напряженности в китайской деревне // ИТАР-ТАСС. 13.10.2008.

²⁴ Островский А. Китай переходит на свободно конвертируемый юань // republic.com.ua/article/21174-old.html.

²⁵ Здесь и далее: Чжан Сяошань. Сельское хозяйство и аграрный сектор в условиях финансового кризиса // cyberleninka.ru/article/n/selskoe-hozyaystvo-i-agrarny-sekt.

²⁶ China's Agricultural Trade: Competitive Conditions and Effects on U.S. Exports Investigation № 332 // www.ereport.ru/articles/economy/china2htm.

²⁷ Невейкин В. Россия — Китай. Проблемы бизнес-взаимодействия. — <http://www.echo.msk.ru/blog/neveikin/818579-echo/>

²⁸ Жители самой богатой китайской деревни построили небоскреб // habrahabr.ru/post/130108/

- ²⁹ *Невейкин В.* Почему «работает» экономика Китая? // www.echo.msk.ru/blog/nevejkin/815996-echo.
- ³⁰ *Иванов И.* Крестьяне китайской деревни выгнали полицейских, защищая свою землю // www.epochtimes.ru?content/view/full/60016/4.
- ³¹ О деятельности ТНК в развивающихся странах см.: *Цветкова Н.Н.* ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. М.: ИВ РАН, 2011.
- ³² Специальные экономические зоны КНР // Abirus (Asia Business Information for Russians) [www.abirus.ru/content/564/569/11497.html].
- ³³ См. подр. об этом: *Котляров Н.Н.* Причины, условия и последствия вступления КНР в ВТО (Анализ китайско-американской договоренности) // www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Evd/2011_2/4.pdf.
- ³⁴ *Андерсон Дж.* Экономический рост и государство в Китае // forums.vif2.ru/showthread.php?t=711.
- ³⁵ *Андерсон Дж.* Экономический рост и государство в Китае // forums.vif2.ru/showthread.php?t=711.
- ³⁶ Цит. по: *Кива А.В.* Реформы команды В. Путина в историческом контексте. Сравнительный анализ. М., 2011. С. 297–298.
- ³⁷ *Андерсон Дж.* Экономический рост и государство в Китае // forums.vif2.ru/showthread.php?t=711.
- ³⁸ *Смирнов А.* Китай и Россия: экономические реформы и антикризисная стратегия // www.tomchin.ru/items/118.html.
- ³⁹ *Островский А.* Китай переходит на свободно конвертируемый юань // republic.com.ua/article/21174-old.html.
- ⁴⁰ Агентство Синьхуа. 12.12. 2011.
- ⁴¹ *Оверченко М.* Отток капитала из Китая составил за год 225 млрд долларов // vedomosti.ru. 16.10.2012.
- ⁴² *Михайлов И.А.* Россия-Китай в XXI веке (Беседа ученых и специалистов // Парламентской газете [www.rikmosgu.ru/publications/3559/4442/].
- ⁴³ *Невейкин В.* Уроки китайского // demset.org/f/showthread.php?t=1398.
- ⁴⁴ *Невейкин В.* Бюрократы с человеческим лицом // Новая газета. 20.01.2011.
- ⁴⁵ Китай строит свою дорогу к процветанию // bigpicture.ru/?p=276846.
- ⁴⁶ Автомобильные дороги. Развитие транспортной инфраструктуры в Китае // www.avtodorogi-magazine.ru/20090-70-1/aktualno/dorknr.html.
- ⁴⁷ chinaPRO // www.chinapro.ru/rubrics/126308.
- ⁴⁸ В 21-й пятилетке (2011–2015 гг.) расходы на развитие транспортной системы намечены в размере 1,3 трлн долларов // www.gazeta.ru/auto/2011/02/21_a_3532561.shtml.
- ⁴⁹ См.: *Авдаков И.Ю.* Железные дороги Японии от вестернизации до глобализации. М.: ИВ РАН, 2012.
- ⁵⁰ *Пикуль Д.* Морские порты Китая: элементы системы // www.morvesti.ru/analytics/index.php?ELEMENT_ID=11652.
- ⁵¹ *Пикуль Д.* Морские порты Китая: элементы системы // www.morvesti.ru/analytics/index.php?ELEMENT_ID=11652.
- ⁵² *Пикуль Д.* Морские порты Китая: элементы системы // www.morvesti.ru/analytics/index.php?ELEMENT_ID=11652.
- ⁵³ *Мариничева М.* Поднебесные войны // www.chinaPRO.ru/rubrics/2/6819.
- ⁵⁴ *Путилов И.* Социализм с китайской спецификой // blogs.amur.info/putilov/5327.html.

РАЗДЕЛ III

Социально-экономические преобразования в России

ГЛАВА 8

Реформы 1990-х годов

То, что в России реализована не собственная, а американская модель реформ при активном участии американских советников во главе с профессором Джеффри Саксом и под пристальным присмотром находившегося под влиянием США МВФ, хорошо известно. (Среди советников якобы были и сотрудники ЦРУ, которых в первую очередь интересовал ВПК и связанные с ним уникальные производства, которые стали быстро приватизироваться¹.) Известно также, что российские ученые, отмечая поверхностные экономические знания и отсутствие хозяйственного опыта у молодой команды российских реформаторов, пытались ей помочь. Так, крупнейший российский математик Н. Моисеев обратился к президенту РФ Б. Ельцину с инициативой подготовить для команды Е. Гайдара — А. Чубайса предложения о путях, последовательности и темпах реформ. После длительного молчания Ельцин дал «добро» на подготовку таких предложений группой ученых и специалистов во главе с Н. Моисеевым с последующей их передачей через Э. Бурбулиса (имевшего тогда должность государственного секретаря) правительству. Что и было сделано. Но каково же было удивление Моисеева, когда он узнал, что в правительстве даже не стали читать подготовленные для них предложения. По словам людей из окружения академика, тот с горечью сказал: он не учел, что Ельцин — не Рузвельт, а Бурбулис — не Гарри Гопкинс (очень талантливый и деятельный помощник Рузвельта. — *А.К.*). И якобы добавил, что к управлению страной пришли полужнайки, и им нужны не независимые советчики, а помощники: волна не очень грамотной посредственности с самомнением захлестнула нашу страну.

Действительно, посредственность во власти является бедой для любой страны. (В советские годы среди интеллигенции подшучивали над утрированным высказыванием Ленина, что страной может руководить и кухарка. Но и в демократической Америке появилась шутка, что руководить страной может каждый — после избрания президентом посредственного Гарри Трумэна.) А уж что касается самонадеянности, то ее нашим полужнайкам не занимать. Тот же Гайдар всех, кто не разделял радикально-либеральных воззрений, считал противниками реформ и как-то заявил, что самым доро-

гим его учеником был премьер Виктор Черномырдин, который, очевидно, «туго усваивал» премудрости «шоковой терапии» и могучую силу «невидимой руки рынка». А многие годы спустя, когда, казалось бы, можно было уже осмыслить трагические последствия для народа начатых его командой радикально-либеральных реформ, Гайдар стал утверждать, что они (реформы) спасли страну от голода и гражданской войны.

Только все ли дело в полужайках и посредственностях? Ведь было обращение к президенту Ельцину и западных экономистов, которые увидели, что в России идет не реформирование экономики, а ее разрушение. Так, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Майкл Интрилигейтор вспоминал, что, начиная с 1992 г., группа авторитетных американских экономистов неоднократно критиковала «шоковый авантюризм» Гайдара и Чубайса. Несколько раз совместно с ведущими российскими учеными и учеными с мировым именем, включая лауреатов Нобелевской премии по экономике, они обращались с рекомендациями к президенту Ельцину, предлагая целостную программу коррекции реформ с учетом опыта других стран. Но никакой реакции со стороны президента РФ не последовало². Один из российских участников этой инициативы академик РАН О. Богомолов назвал и фамилии нобелевских лауреатов. Это Василий Леонтьев, Лоуренс Клейн, Франко Модильяни, Дуглас Норт, Джеймс Тобин, Джозеф Стиглиц³.

О чем это говорит? Некоторые считают, что президент Ельцин дал обещания Западу, а конкретнее, США, что Россия будет проводить реформы в соответствии с рекомендациями Вашингтона. Такое нельзя исключить по двум причинам. Во-первых, Ельцин долгое время верил в бескорыстие его западных «друзей», включая «друга Джорджа» (президент США Буш-старший) и «друга Билла» (президент США Билл Клинтон). Во-вторых, как мы знаем из многих источников и как это подтверждает бывший начальник Службы безопасности президента РФ и «кровный брат» Ельцина Александр Коржаков, первый президент РФ страдал алкогольной зависимостью и в нетрезвом состоянии мог действительно дать такое обещание⁴. Тем более что он не имел ясного представления о переходном периоде от одной общественной системы к другой. Он хотел, чтобы и в России, как в странах Запада, была рыночная экономика и демократия, но как их создавать, он не знал.

Но Ельцин не только упорствовал в продолжении разорительных для России реформ, но и удалял из власти тех, кто осмеливался вскрывать их темную сторону. Так, назначенный в ноябре 1994 г. на место ушедшего на повышение Чубайса (который стал первым вице-премьером) на должность председателя Комитета по управлению государственным имуществом и одновременно вице-премьера губернатор Амурской области Владимир Полеванов, согласно своим служебным обязанностям, ознакомился с документами, касающимися приватизации. Обнаружив чудовищные расхищения государственного имущества, он в январе 1995 г. подал докладную записку премьер-министру Виктору Черномырдину, в которой изложил реальную ситуацию в деле приватизации. Итог? Через три дня он был уволен.

Но если продолжить этот конспирологический ряд, то, скорее всего, дело не в Ельцине, который, подчеркиваю, был слаб в теории общественного развития, а в тех, кто его окружал, кто давал ему советы, кто на практике делал реформы. Как-то на одном из форумов политологов, проводимых под эгидой партии «Единая Россия», возник разговор вокруг крупных счетов российских чиновников в западных банках, о чем сообщалось в мировых СМИ. И была высказана такая мысль: западные спецслужбы вполне могут идентифицировать их владельцев, а потом под страхом разоблачения заставить их проводить ту политику, которая отвечает интересам той или иной страны или Запада в целом. Многие из тех, кто был причастен к проведению радикально-либеральных реформ, а впоследствии стал банкиром, владельцем крупной собственности, вполне возможно, и имел счета в зарубежных банках на большие суммы.

Но мне кажется более вероятной другая мотивация — идеологическая. Западники практически всегда ориентируются на Запад и мало интересуются даже самыми результативными моделями реформ в странах Востока. Была бы господствующей на Западе социалистическая теория, они наверняка ей следовали бы, как это делали в свое время западники-большевики. Но на Западе к моменту начала российских реформ бал правил неолиберализм. Ведь Е. Гайдар, насколько мне известно, богачом не стал, и, стало быть, его действия не мотивировались материальным интересом. Он неплохо знал теоретические постулаты неолиберализма и свято верил в силу максимы Адама Смита, что рынок сам все расставит по местам. А еще и прислушивался к мнению либеральных кругов США, иначе в его окружении не было бы американских советников, которые, как рассказывали заслуживающие доверия люди, даже готовили для президента Ельцина проекты указов. Но Гайдару не дано было стратегического мышления, без чего не бывает крупного государственного деятеля. К тому же он не знал экономики страны, да и саму страну плохо знал, поскольку много лет жил с родителями за границей. Журналисты газеты «Правда», где работал Гайдар до перехода в журнал «Коммунист», с юмором говорили, как по возвращении из поездки по стране он с упоением рассказывал о том, о чем они уже давным-давно знали.

Отсутствие стратегического мышления у Гайдара дало о себе знать тогда, когда он открыто заявил, что его команда будет строить в России капитализм. И это стало фатальным для судьбы нашей страны. Ибо, во-первых, строить капитализм означало движение страны не вперед, а назад. Это в то же время было и, грубо говоря, плевок в сторону миллионов россиян, которые в тяжелейших условиях создавали экономическую базу социализма, давшую возможность стране выстоять в смертельной схватке с немецким фашизмом, а потом и в кратчайшие сроки создать мощный ракетно-ядерный потенциал.

Во-вторых, начать строительство капитализма посредством шоковой терапии и обвальной приватизации уже по самой теории значило отбросить страну к этапу первоначального накопления капитала, что и случилось на деле. И когда Гайдар, отойдя от власти, стал называть созданный его же руками капитализм то «вороватым», «социально несправедливым»⁵, то «бандитским»⁶, то

«коррупцированным, бюрократическим, аморальным»⁷, это означало, что он оказался несостоятельным и в профессиональном отношении, как экономист, ибо не предвидел последствий своих решений и действий. В Китае власти тоже строят по факту капиталистическую экономику, пусть и смешанную, но делают это умно, путем создания новой экономики и поэтапной трансформации старой (государственной) экономики, а не ее разрушения, но при этом говорят, что строят «социализм с китайской спецификой». А это такое гибкое понятие, что в него можно вложить все что угодно.

А что мешало Гайдару заявить, что на месте реального социализма его команда будет строить «новый социализм» или демократический социализм скандинавского образца? Для них характерен примерно тот же тип экономики, что в Германии или во Франции, а демократии в ее близком к изначальному смыслу, пожалуй, даже больше: роль граждан в определении политики государства, их социальная защита выше, чем в бывших странах реального социализма и классического капитализма. Это было бы движением России не назад, а вперед, к социализму в современном его облике. И это сохранило бы историческую преемственность и спасло бы много жизней россиян, для которых резкий разрыв с прошлым стал тяжелейшим ударом. Либерал-реформаторы прямо говорили им, что они строили не то, что надо, и что жертвы, на которые они нередко шли во имя создания мощного потенциала страны, были напрасными.

Прикрываясь лозунгами демократии, Гайдар возрождал старый капитализм, что было явным анахронизмом, но чего, скорее всего, он не осознавал, поскольку у него еще и был дефицит общественного знания. А вступив, так сказать, в виртуальный спор с Лениным, он его проиграл. Ленин в свое время говорил, что нельзя идти вперед, не идя к социализму, Гайдар же, переименовав Ленина, заявил, что нельзя идти вперед, не идя к капитализму. Но капитализма, который описывал не только Маркс, но и Ленин, в развитом мире уже давно нет. Там есть посткапитализм, или социальный капитализм, который вобрал в себя многое из того, о чем мечтали социал-демократы, боровшиеся против капитализма.

Я уже не раз писал, ссылаясь на авторитет крупнейших российских медиков, включая психоневрологов, социологов, деятелей культуры, чего стоила нашему народу реализация американской модели реформ с ориентиром на возвращение России к капитализму. На сей раз я счел целесообразным привести обобщенные данные на этот счет, которые дает доктор социологических наук Ренальд Симонян (Институт социологии РАН). Касаясь депопуляции, он приводит данные, согласно которым в 1990 г. рождаемость в России составила 1989 тыс. человек, а в 2000 г. — 1267 тыс. человек, смертность на 1 тыс. человек населения в 1990 г. равнялась 11,2, а в 2000 году — 15,5. При этом депопуляция в первую очередь связана с резким ухудшением здоровья населения, снижением качества медицинского обслуживания, а также с возникшими в 1990-е гг. такими массовыми феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия населения, детская беспризорность и «бомжатничество». В страну вернулись многие болезни, с которыми было

покончено в советское время, в частности туберкулез. Резко возросло число самоубийств. В 1995 г. по сравнению с 1991 г. оно увеличилось на 59,7%, в том числе у мужчин на 66,4%, а у мужчин в сельской местности — на 73,6%. В 1991 г. в РСФСР на 10 тыс. детей было 38,5 инвалида, в 1995 г. — 116,3, а в 2005 г. — 209,7. То есть социальные беды страны из 90-х перешли в нулевые годы. Особо поражает взрывной рост психических расстройств. По данным на тот же 2005 г., их число увеличилось в 11,9 раза. А количество жертв суицида среди школьников, по данным на 2006 г., составило 3091 человек, что вывело Россию по этому показателю на первое место в мире. Если отказ матерей от только что родившихся детей в 80-е гг. составлял 1100 случаев в год, то в 90-е годы — 20 тысяч. Появилась детская проституция. Ссылаясь на данные министра внутренних дел Р. Нургалиева, Р. Симонян пишет, что более 800 тыс. детей-сирот, 2 млн неграмотных подростков, более 6 млн детей находятся в социально неблагоприятных условиях, около 4 млн подростков регулярно употребляют наркотики⁸.

Вот так спасали страну от грозивших ей бед Гайдар, его коллеги и последователи.

Вокруг идеи «нового социализма» можно было бы сплотить общество для решения тех жизненно важных задач, которые не только не решены, но за решение которых власти и не брались, поскольку это требует напряженных усилий всего общества. Сплотить же общество на идеях и реалиях дикого капитализма с его полюсами богатства и нищеты, тотальной несправедливости, всепоглощающей коррупции, всевластия бюрократии и олигархии практически, да и теоретически невозможно.

Но самой большой ошибкой Гайдара было то, что он согласился возглавить команду реформаторов, будучи к этому абсолютно не подготовленным ни теоретически, ни практически. А те, кто до сих пор почитают Гайдара величайшим экономистом, проводят в его честь «чтения» и пр., имеют на это основание. Одни — по своим мировоззренческим предпочтениям. Другие обязаны ему своим возвышением, материальным процветанием или, на худой конец, известностью. В то же время мы сделали бы большую ошибку, если бы исключили из борьбы за путь реформирования постсоветской России социальный интерес. Еще задолго до перестройки в СССР появилась социальная прослойка так называемых цеховиков: руководителей разного уровня государственных предприятий, которые, пользуясь острым дефицитом товаров широкого потребления, организовывали подпольные цеха, и на государственном сырье, электроэнергии и пр. в ночное время выпускали подпольный товар, а потом через посредников сдавали его государственным магазинам. Уже тогда появилось выражение «крыша» — прикрытие криминального бизнеса милиционерами, прокурорами, советскими, а иногда и партийными руководителями. В годы начатой М. Горбачевым перестройки помимо укрепивших свои позиции «цеховиков», спекулянтов («фарцовщиков»), советских бюрократов-казнокрадов, комсомольских работников, скопивших небольшой капитал в ходе работы на «комсомоль-

ских стройках», появилось новое «племя» нуворишей. Они выросли за счет разворовывания государственной собственности в ходе экономических реформ 1987–1988 гг., когда госпредприятиям разрешили создавать арендные и кооперативные хозяйства. После того как была разрешена самостоятельная трудовая деятельность, из числа сельских кооператоров появились первые рублевые миллионеры. Среди слоя «новых русских» зародилась мысль, что путь к богатству идет через власть. Дух наживы постепенно проникал и на верхние этажи власти. В окружении Ельцина, а потом и Гайдара появилось немало людей, которых интересовала не столько демократия, сколько возможность получить лакомые куски общественной собственности в ходе приватизации. По данным А. Коржакова, среди чиновников уже в то время были и казнокрады, и коррупционеры.

Нормальный путь перехода от социализма, скажем так, к постсоциализму должен был занять как минимум 10–15 лет, а скорее, гораздо больше. Тем более для такой огромной, разной по уровню развития регионов, многообразной в плане национальных особенностей страны, как Россия. Но при таком сценарии грабить страну тем, кто на это нацелился, было бы гораздо труднее. Поэтому представители зарождающегося класса нуворишей стремились либо сами прорваться во власть, либо оказывать на нее давление, внедрившись в ближайшее окружение первых лиц. (Залоговые аукционы, не предусмотренные законом, появились под давлением новых богачей.) Появление в близком кругу Ельцина Бориса Березовского, Романа Абрамовича и некоторых других нуворишей есть наглядное тому свидетельство. Именно они вместе с членами семьи Ельциных составили «семью» — теневую власть, которая в годы тяжелой болезни президента принимала от его имени важнейшие решения.

В итоге в России была начата реализация худшей из возможных моделей реформ, составными которой стали: отпуск цен, быстрая приватизация государственной собственности, свободный обмен валюты, либерализация внешнеэкономических отношений, уход государства из экономики и резкое сокращение государственных расходов. Это основные предписания «Вашингтонского консенсуса», покоящиеся на неолиберальной теории и названные так потому, что были созданы в вашингтонском Институте международной экономики (Washington: Institute for International Economics) в 1989 г. Известен и автор этого документа — это экономист Джон Уильямсон. Первоначально эти рекомендации предназначались для латиноамериканских стран с переходной экономикой с целью стабилизации их финансовой системы, с тем чтобы они расплатились с долгами, взятыми у развитых стран, и прежде всего у США. Но потом Вашингтон посредством Международного валютного фонда стал навязывать их и другим странам с переходной экономикой, в первую очередь бывшим социалистическим странам. Характерно, однако, что ни одна быстро развивающаяся страна с переходной экономикой не взяла их на вооружение. И не случайно. Умные руководители поняли, что основная направленность «Вашингтонского консенсуса» — воз-

вращение долгов Западу, в нем не рассматривается проблема роста национальной экономики и тем более его ускорения. И действительно, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц на примере Южной Кореи подсчитал, что если бы она стала следовать неолиберальным установкам, то развивалась бы в три раза медленнее, чем она развивалась на деле.

1990-е гг. по праву войдут в постсталинскую историю страны как самые грабительские по отношению к народу. Сначала в результате гиперинфляции и денежной реформы россияне лишились годами накапливавшихся сбережений. Потом их обманули в ходе приватизации, выдав в обмен на долю общественной собственности трудно реализуемые и быстро обесценившиеся приватизационные чеки (ваучеры). Путем откровенно жульнических залоговых аукционов их лишили наиболее доходных производств, являвшихся общенародной собственностью. Ограбили посредством создаваемых махинаторами финансовых пирамид при явном попустительстве государственных органов. Министром финансов А. Чубайсом была создана и государственная финансовая пирамида в лице ГКО (государственные краткосрочные облигации) и ОФЗ (Облигации федерального займа — под чрезвычайно высокий процент). С появлением первых признаков финансового кризиса в стране он доходил до 70–80, а потом и до 100% и выше годовых, что вконец истощило госбюджет и привело страну к финансово-экономическому краху, или дефолту 1998 г. С одной стороны, эта пирамида обогатила тех во власти и около нее, кто вовремя скупал и вовремя сбрасывал государственные облигации, зная день объявления дефолта, а с другой, она в очередной раз ударила по карману большинства россиян, обесценив их накопления в рублях. Не говоря о том, что страна несколько лет приходила в себя после дефолта.

ГЛАВА 9

Особенности реформ нулевых годов

Если объективно подходить к реформам 1990-х гг., то надо учитывать и ситуацию в тот период. Наряду с политической наивностью одних радикальнолиберальных реформаторов во главе с Е. Гайдаром, слепо поверивших в бескорыстие заморских советчиков и советников и имевших весьма поверхностное экономическое знание, и злым умыслом и корыстолюбием других, были и объективные трудности: связанные со сменой вектора общественного развития, сменой правящей элиты и строительством, по существу, нового государства. У которого к тому же резко сократились или полностью прекратились экономические (в том числе кооперационные) связи

не только с бывшими союзными республиками, но и бывшими странами социализма. Причем в условиях еще продолжающейся политической борьбы между силами реванша и силами, которые не хотели возврата в коммунистическое прошлое. Из-за этого решение экономических и финансовых проблем часто было направлено на достижение политических целей. Крайне негативно сказалось на бюджете государства и резкое падение цен на нефть. Стоит принять во внимание и то, что нуждающаяся в кредитах Россия могла получать их у МВФ, только выполняя его условия.

В начале нового века и тысячелетия ситуация в стране, да и на мировых рынках, уже была принципиально иной. Постсоветский экономический строй (не важно, считаете вы его диким, воровским, бандитским или «капитализмом корешей», как назвал его уполномоченный по правам человека Владимир Лукин) в целом уже состоялся, а угроза реванша коммунистов была практически полностью снята. На мировых рынках начался стремительный рост цен на энергоносители, и в Россию мощным потоком пошли нефтегазодоллары. Страна досрочно расплатилась с внешними государственными долгами и перестала зависеть от требований международных финансовых организаций. Наоборот, они стали проявлять заинтересованность в том, чтобы Россия под низкие проценты держала свои валютные резервы в западных банках и ценных бумагах.

Вот, казалось бы, и наступил долгожданный час, когда власти начнут модернизацию созданных нередко еще в далекие советские годы производств, примутся за спасение гражданского авиастроения, развитие отечественного (но не «отверточного»!) автомобилестроения. Восстановят доказавшую свою эффективность систему подготовки кадров для промышленности и других сфер реальной экономики. Серьезно займутся зачахшими в годы финансового голода 90-х наукоградом, понесшей тяжелые потери фундаментальной и прикладной наукой. Развернут строительство современных автомагистралей и скоростных железнодорожных магистралей, массовым строительством недорогого жилья, чтобы обеспечить мобильность рабочей силы, как то делается в Китае.

Но, увы, ничего этого не происходило, а если и происходило, то в мизерных масштабах, не соответствующих остроте ситуации. Можно уже устать от частого приведения фактов деградации России в постсоветские годы, которая с притоком в страну нефтедолларов не только не прекратилась, но и ускорилась. Наука, образование, здравоохранение, культура, да вся социальная сфера понесли и продолжают нести трудноисполнимые потери. Техника, оборудование, инфраструктура изношены настолько, что аварии случаются практически каждый день, и каждый день гибнут люди. Даже в богатой нефтегазовой отрасли отечественное оборудование по большей части просится в утиль. Впрочем, его там уже мало осталось.

Из некогда созданной потом и кровью несколькими поколениями советских людей мощной индустрии остались лишь отдельные островки. И прежде чем создавать инновационную экономику, о которой у нас так много еще

недавно говорилось, нам надо совершить новую индустриализацию, в недрах которой только и могут сформироваться предпосылки для инновационной экономики. Соответственно, надо возрождать и научно-техническую инфраструктуру, в том числе отраслевую науку и опытные производства, поднимать уровень вузовской науки. Даже по объему ВВП, несмотря на огромные доходы от продажи энергоносителей, Россия достигла дореформенного уровня только в 2007 г. Но, не говоря уже о качестве ВВП, его размер напрямую зависит от цен на энергоносители на мировых рынках. Цены резко упали после начала мирового финансово-экономического кризиса — и ВВП в 2008 г. тоже упало, начали подниматься — и оно начало расти.

Нельзя сказать, что высокие чиновники не стараются изменить ситуацию к лучшему, но у них это не получается. Встает естественный вопрос: почему? Прежде всего потому, что на практике в России продолжается, пусть и с небольшими изменениями, тот же экономический курс, который начала проводить команда во главе с Е. Гайдаром и А. Чубайсом, причем людьми примерно с теми же воззрениями. Недавно ушедший из жизни (январь 2014 г.) директор Института проблем рынка РАН академик РАН Николай Яковлевич Петраков изьяны нашей экономики видел в ее монополизации. Так, он говорил: «В стране нет рынка, но есть монополии. В 90-х у нас произошла приватизация “жирных” кусков. Цветная металлургия, черная металлургия, газ, нефть. У монополий нет никакого желания, мотивации модернизироваться. Зачем строить нефтеперерабатывающий завод, когда можно гнать на продажу сырую нефть и получать хорошую прибыль?»⁹

Вроде бы у государства есть намерения изменить ситуацию в лучшую сторону, есть долгосрочные планы, но они оторваны от реальной действительности. Это в первую очередь касается уже двух вариантов «Стратегии–2020» и продекларированной в то время президентом Дмитрием Медведевым модернизации под флагом «Россия, вперед!». У государства нет ни индикативных планов развития, ни промышленной политики, как было в свое время во Франции и Японии. (Впрочем, Япония от индикативных планов не отказалась до сих пор.) Это уже не говоря о Китае, в котором прекрасно уживаются план и рынок и при этом имеет место острейшая конкуренция между производителями товаров и услуг.

Что отличает подготовленные либеральными экономистами долгосрочные и даже краткосрочные планы развития, так это то, что они не содержат конкретики, что, где и когда строить, модернизировать и т.д. Но если следовать принципам «Вашингтонского консенсуса», то ничего этого и не надо: государство только определяет правила экономической деятельности, а все остальное делает частный и иностранный капитал. Только вот беда: частный капитал ориентируется на быструю окупаемость вложений, в сферу промышленности и высоких технологий практически не идет, и по факту мы живем в основном на том, что нам досталось от советских времен, и мало что нового создаем. Так продолжается уже более 20 лет, но вечно продолжаться не может.

Состояние нашего гражданского авиапарка уже катастрофическое. Никакие техосмотры, замены вышедших из строя узлов и оборудования (чаще всего взятого из уже нелетающих самолетов) не могут гарантировать нормальную работу лайнера, который уже несколько раз исчерпал данный ему изготовителем ресурс. (А у нас, между прочим, постоянно продлевается срок эксплуатации созданных в советские годы стратегических ракет с ядерной начинкой, ядерных реакторов атомных электростанций — правильно ли это? Ведь гарантии, что не случится беда, не может дать никто.) Но может ли Россия с ее огромной территорией считать себя великой державой, не имея своей развитой гражданской авиации? По-моему, нет.

Практически на всех международных выставках авиатехники уже много лет подряд мы показываем среднемагистральный самолет «Сухой Суперджет— 100» как великое достижение отечественного авиапрома, «забывая» сказать, что это сборочный самолет. Так и его не получается поставить на поток! В интервью радио «Свобода» президент Российского союза промышленников и предпринимателей Александр Шохин сказал, что в «Суперджете» комплектация под 80 процентов в первоначальном варианте — это иностранные комплектующие. Но даже в этом случае можно было бы поставить его в серийное производство, если бы был заказ. «Если вы несколько машин в год поставляете на рынок, — уточняет Шохин, — то вам трудно задействовать всех комплектаторов и давать им устойчивый заказ. Стало быть, нам нужен серьезный заказ. Вот после трагедии в Ярославле (имеется в виду катастрофа самолета Як-42 7 сентября 2011 г., в которой погибли футболисты ярославского «Локомотива». — А.К.) президент заявил, что правительство уже начало работу по организации лизинга иностранных самолетов. А почему не отечественных?»¹⁰ Наверное, потому, что сами власти не верят, что способны восстановить разрушенный в постсоветские годы второй в мире по числу выпускаемых самолетов авиапром.

ГЛАВА 10

Приоритеты российских реформаторов

Чтобы соблюсти правила сравнительного анализа, я буду следовать примерно той же последовательности **по значимости**, в которой рассматривались приоритетные направления в китайской модели реформ.

Передел собственности

В 1990-е гг. передел созданной в советские годы собственности вытеснил на задний план проблему развития экономики и тем более социальной сфе-

ры. В октябре 2012 г. отмечалось двадцатилетие приватизации, которая началась с раздачи гражданам приватизационных чеков, или ваучеров. Активы всех государственных предприятий были оценены в 4 трлн советских рублей, которые по покупательной способности в чем-то резко уступали долларам (промышленные товары широкого спроса), а в чем-то их в несколько раз превосходили (образование, лечение, отдых в санаториях и домах отдыха, жилье, коммунальные услуги, проезд на общественном транспорте, стоимость хлеба, молока и т.д.). Из этих 4 трлн рублей стоимости всей госсобственности 1,5 триллиона в виде 150 млн ваучеров передавались российским гражданам. А что в итоге получилось? 24 млн россиян в условиях гиперинфляции не смогли решить, куда их вложить, и оставили их на память, поскольку они настолько обесценились, что нередко продавались буквально за гроши или, как отмечалось выше, обменивались на несколько бутылок водки. 25 миллионов чеков были вложены в созданные для их сбора инвестиционные фонды, которые вскоре лопнули. 40 млн россиян обратили их в акции предприятий, одни из которых тоже обанкротились, а другие не выплачивали дивидендов. Куда делись остальные 61 млн чеков? На свободном рынке средняя цена ваучера составляла 20 долларов, и их обнищавшее население продавало будущим нашим первым миллиардерам, еще в советские годы скопившим капитал¹¹.

Но если чековая приватизация имела хотя бы вид законной, то залоговые аукционы с самого начала носили откровенно жульнический характер. Но это была скорее не экономическая, а политическая акция. Рейтинг президента Б. Ельцина стремительно падал, а президентские выборы, как говорится, были на носу. Его поражение на выборах в 1996 г. означало бы для многих новых сильных мира сего или бегство на Запад и потерю приобретенной собственности, или неизбежную встречу с прокурором. Во власти тогда произошел раскол по поводу того, какими путями не допустить худшего. Группировка А. Коржакова (напомню, начальник службы безопасности президента РФ), О. Сосковца (первый вице-премьер) и М. Барсукова (директор ФСБ РФ) считала, что выиграть выборы Ельцин не сможет, поэтому нужно найти повод для роспуска Государственной думы и на несколько лет отсрочить президентские выборы. Поначалу этой же точки зрения придерживался и Б. Ельцин, пока министр внутренних дел А. Куликов не убедил его, что при силовом решении проблемы ситуация может выйти из-под контроля.

Другую группировку возглавляли А. Чубайс и первый в России олигарх Борис Березовский, которые как раз боялись победы силового варианта, что означало бы для них или предстать перед правосудием, или бежать из страны. Оба они были близки Ельцину и его семье. Чубайс, по данным аналитиков, обещал Ельцину заручиться поддержкой его кандидатуры Западом, воспользоваться его новыми пиар-технологиями, мобилизовать административный ресурс, ресурс СМИ и добиться лояльности руководителей регионов, и прежде всего республик в составе РФ, многие из которых умеют получать нужные результаты выборов в пользу существующей власти. Со сво-

ей стороны Березовский обязался обеспечить выборы финансами, мобилизуя средства самых богатых людей страны. Ему или, как некоторые говорят, нынешнему миллиардеру, а в недалеком прошлом олигарху Владимиру Потанину пришла в голову мысль, что этого можно добиться посредством залоговых аукционов. Схема была простая: банкиры дают кредит государству под залог облюбованной ими собственности, которая по закону не подлежала приватизации, но таким образом, чтобы аукционы были закрытыми и оно, государство, даже теоретически не могло погасить задолженность в указанные сроки. Договоры заключались с 4 ноября по 28 декабря 1995 г. с условием возвращения кредитов из бюджета в том же 1995 г., иногда за несколько дней до истечения срока. Причем государственная собственность могла приобретаться на государственные же деньги. Так, в докладе Счетной палаты подчеркивалось, что «сделки кредитования Российской Федерации под залог акций государственных предприятий могут считаться притворными, поскольку банки фактически “кредитовали” государство государственными же деньгами»¹². В итоге в частные руки в течение 43 дней перешли предприятия, стоимость которых скорее можно оценивать не в миллиардах, а в триллионах долларов: «Норильский никель», «ЮКОС», «ЛУКОЙЛ», «Сиданко» (ныне «Тюменская нефтяная компания — Бритиш петролеум»), «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», «Новолипецкий металлургический комбинат», «Мечел» и многие другие крупные компании¹³.

Решение продовольственной проблемы

Китай, начав с аграрной реформы реализацию политики «реформа и открытость», буквально через несколько лет сумел обеспечить народ продовольствием, а промышленность — техническими культурами. В России же с началом реформ произошло резкое падение сельскохозяйственного производства. Так, в первые годы радикально-либеральных реформ производство зерна составляло 40% от уровня 1990 г., мясопродуктов — 50%, молокопродуктов — 53%, а численность поголовья скота откатилась на уровень 1960-х — начала 1970-х гг.¹⁴ Безумная шоковая терапия лишила крестьян и возможности, и стимула заниматься сельским хозяйством кроме как на своем приусадебном участке для собственного пропитания. В самом деле, если в 1992–1993 гг. при галопирующей инфляции цена на мясо возросла в 45 раз, на молоко — в 63 раза, то на бензин — в 324 раза, на трактор К-700 — в 828 раз, на трактор Т-4 — в 1344 раза¹⁵. Такой диспаритет цен на сельхозпродукцию и промышленные товары, горючее и пр. делал просто невозможным занятие товарным сельскохозяйственным производством.

Американка Джессика Аллина-Пизано специально изучала аграрные реформы в России и на Украине, в качестве примера беря сходные по многим параметрам Воронежскую и Харьковскую области. Она, в частности, отмечает, что требования Международного валютного фонда, а именно «отмена

государственного контроля над ценами, открытие внутреннего рынка для международной торговли, формирование сбалансированного государственного бюджета (что обычно достигается за счет снижения расходов на социальные нужды, а не за счет повышения налогообложения) и приватизация», выполнение которых было непременным условием предоставления этой организацией займов странам, были взаимоисключающими. Ибо при выполнении трех первых условий прозрачную и рациональную приватизацию сельскохозяйственного производства провести было практически невозможно¹⁶. Алина-Пизано тоже указывает на падение цен на производимое крестьянами продовольствие и их взрывной рост на закупаемые ими промышленные товары, горючее и т.д. и появление всем нам хорошо знакомого бартера. (Она приводит такой пример: воронежские крестьяне продавали молоко в районных центрах примерно за 80 копеек за 1 литр до тех пор, пока цена на него не упала в два раза, в то время как 1 литр бензина стоил 1 рубль 30 копеек, что делало продажу молока бессмысленным.) Падение производства в аграрном секторе было настолько глубоким, что, по данным доктора экономических наук, заведующего отделом ГНУ ВНИИЭТУСХ (Всероссийский научно-исследовательский институт экономики, труда и управления в сельском хозяйстве) Рухмана Адукова, к 1997 г. «производство ряда основных видов продукции уменьшилось на 30–70% и в 1,5–2 раза сократилась доля России в мировом производстве зерна, сахарной свеклы, молока, мяса, яиц»¹⁷.

Но сельхозпроизводители страдали не только от шоковой терапии и политики МВФ, но еще и от недоброжелательного к себе отношения российской либеральной публики, занимавшей сильные позиции в СМИ. Помощь государства сельскому хозяйству, как, впрочем, и промышленности, объявлялась ими недопустимым лоббизмом ангажированных лиц.

Поистине трудно объяснить с точки зрения здравого смысла позицию многих наших журналистов, политологов и либеральных политиков, которые относились к сельскому хозяйству с таким пренебрежением, как будто бы это была если и не чужая, то малозначимая для народа и страны отрасль производства. Многие из тех, кто считали себя специалистами в аграрной сфере, внедряли в общественное сознание мысль о том, что чем скорее будут распущены колхозы и совхозы, тем быстрее крестьяне накормят страну. При этом они ссылались на то, что на своих приусадебных участках, занимающих незначительную часть клина пахотных земель, крестьяне производили немалую долю потребляемых в стране молока, птицы, яиц, овощей, фруктов и т.д. Совершенно упуская из виду то, что им при этом помогали колхозы и совхозы, официально и по факту: вспашкой приусадебных участков, кормами для скота, транспортом, предоставлением для выпаса личного скота принадлежащих им лугов и т.д.

Не понимали они и условий, в которых может успешно развиваться фермерство, на которое они делали ставку. И что просто удивительно, они не интересовались опытом других стран. Европе, например, понадобились десятилетия крупных вложений государства в аграрный сектор, в развитие

кооперации, инфраструктуры, включая дороги и логистику; потребовались и новые достижения в сельхозтехнике и агротехнике, пока сравнительно небольшие фермы стали рентабельными. В отсутствие всего этого большинство получивших свой земельный пай российских колхозников не смогли создать хозяйство, способное стать источником их существования, и либо за копейки продали свои пай, либо вообще их не взяли и были крайне удивлены, когда стали получить квитанции об уплате налога на землю, которую они не в силах обрабатывать. Поскольку аграрные реформы у нас начинали те же реформаторы, которые проводили приватизацию государственной собственности, то не стоит удивляться, что судьба земельных паев многих, если не большинства колхозников напоминала судьбу ваучеров.

На основании каких законов начинались и проводились реформы в аграрном секторе?

Они проводились согласно указам президента РФ Б. Ельцина, которому парламент — в то время Верховный Совет РСФСР — ради ускорения реформирования страны 1 ноября 1991 г. своим постановлением «О правовом обеспечении экономической реформы» на один год дал особые полномочия (которые, однако, по инерции продолжались вплоть до возникновения двоевластия и событий начала октября 1993 г.). И первые шаги в этом направлении от его имени делали «младореформаторы», которые исходили не из экономической целесообразности, а из своих мировоззренческих позиций. Колхозы для них были злом, не случайно руководителей даже самых эффективных хозяйств они называли «красными помещиками». Хотя на деле ликвидация наиболее успешных из них была сильным ударом по интересам колхозников, а говоря шире, интересам страны. *(Как мне рассказывали работавшие в администрации президента Ельцина люди, согласно подготовленному и.о. премьера Е. Гайдаром распоряжению, колхозы должны были быть ликвидированы в течение нескольких месяцев, но кто-то убедил президента отменить это абсурдное распоряжение.)* При этом либералы-западники неизменно указывали на неэффективность колхозно-совхозной системы, которая довела страну до того, что мы в крупных масштабах стали импортировать зерно еще со времен правления Н. Хрущева.

Не будучи сторонником колхозно-совхозной системы, при которой, помимо прочего, немалая часть урожая пропадала из-за отсутствия дорог с твердым покрытием, недостатка холодильников, складских помещений и т.д., а также из-за безалаберности, а часто и нерадивого отношения крестьян к обезличенной собственности, я все же ради справедливости хотел бы кое-что уточнить. Во-первых, СССР ввозил фуражное зерно для скота, чтобы увеличивать производство мяса и молока, а также небольшие объемы твердых сортов пшеницы для выпечки качественного хлеба. Во-вторых, если бы в СССР социальная политика хотя бы частично сопрягалась с законами рынка, как,

например, это имело место в Китае, то, вполне возможно, нам вообще не понадобился бы импорт зерна. В ее проведении власти исходили из того, что в стране никто не должен умирать с голоду. А для этого хлеб и молоко должны быть доступны всем, даже если цены на них ниже себестоимости.

(К чему это приводило, я видел на практике, когда проводил отпуск со своими родственниками. Брат жил в городе, а родители — в селе. Когда мы на машине отправлялись в село, то по пути брат заходил в продуктовые магазины и покупал два мешка буханок хлеба — один для родителей, а другой — для кума. Хлебом кормили свиней, кур, кроликов, другую живность. Я возмущался, но он меня убеждал: «так делают все». Я уже не говорю о том, сколько не съеденного хлеба выбрасывалось в помойку в общепите.)

В 1991–1993 гг. шла острая борьба между левыми и правыми политическими силами о земельных отношениях в России. Одобренная в декабре 1993 г. в ходе референдума Конституция впервые зафиксировала права граждан на частную собственность на землю. В течение последующих лет властями принимался целый ряд законов и постановлений по аграрному сектору и земельным отношениям. Важнейшим из них был принятый в 2001 г. Земельный кодекс, который, помимо прочего, обязал субъекты РФ привести в соответствие с его положениями и федеральными законами местные законы. В числе наиболее известных из них был и Национальный проект «Развитие АПК» (2006), в котором был сделан акцент на трех направлениях: а) ускорение развития животноводства; б) стимулирование развития малых форм хозяйствования; в) обеспечение доступным жильем специалистов (или их семей) на селе¹⁸. В целом он сыграл положительную роль, но серьезного влияния на развитие АПК не имел, да, скорее всего, перед ним и не ставилась такая задача — критики власти от оппозиции утверждали, что этот проект, как и три остальные (здравоохранение, образование и жилье), были задуманы Кремлем для «раскрутки» до этого малоизвестного в народе кандидата в президенты Д. Медведева.)

Нельзя не упомянуть и о Доктрине продовольственной безопасности РФ, которая была утверждена в 2009 г. президентом Медведевым. Согласно этой доктрине, к 2020 г. доля собственного зерна и картофеля на российском рынке должна составлять не менее 95%, молока и молочных продуктов — 90%, мяса — 85%, сахара, растительного масла и рыбной продукции — 80%¹⁹. Известно, что продовольственная безопасность обеспечивается тогда, когда импорт продовольствия не превышает 20–30%, и каждая страна, даже с самыми ограниченными возможностями для развития сельского хозяйства, как, например, Япония, стремится сохранить собственную продовольственную базу. Трудно заранее предвидеть причины, по которым страна может оказаться отрезанной от внешних источников продовольствия, но такое может случиться. В России же с резким повышением цен на экспортируемые энергоносители и притоком в страну нефтедолларов импорт продовольствия не уменьшался, а увеличивался. Принятые Москвой ответные санкции на экспорт продовольствия в страну из США и стран Евросоюза, с одной стороны, будут стимули-

ровать собственное производство сельхозпродукции, а с другой — могут негативно сказаться на обеспечении населения продуктами питания.

Состояние аграрного сектора

Реально оценить состояние современного российского АПК на деле трудно. Официальная статистика, по крайней мере, до смены руководства Росстата (декабрь 2009 г.) вызывала недоверие у независимых экспертов. Притом что данные Росстата чаще были более благоприятны для наших властей, чем Минэкономразвития. Ударом по АПК стала сильная засуха 2010 г., когда сбор урожая резко уменьшился, да и 2012 г. был не самым благоприятным. В 2013 г. валовой сбор зерновых и зернобобовых был больше, чем в 2012 г., но меньше, чем в 2011 г. А вступление России в ВТО и неизбежное при этом снижение квот и пошлин на импорт продовольствия, — это еще один удар по российским сельхозпроизводителям. Президент Ассоциации крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России Владимир Плотноков утверждал, что импорт продовольствия в 2007 г. составил 50%, а мяса в мегаполисах — до 80%²⁰. По некоторым данным, за период с 2004 по февраль 2008 гг. доля импортного продовольствия выросла с 25% до 40%, а в крупных городах она доходит до 70% и более. В 2008 г. Россия импортировала 46% всех продуктов и сельскохозяйственных товаров (в том числе — 75% потребляемого в стране мяса и 50% растительного масла), а в крупных городах доля импорта достигала 85%. В 2013 г. Россия импортировала продовольственных товаров и сырья для их производства на 43,1 млрд долл.²¹

В то же время доктор экономических наук, представитель FAO (Продовольственная и сельскохозяйственная организации ООН) Евгения Серова утверждает, что сильная зависимость России от импорта продовольствия сильно преувеличена. По ее данным, «по основным товарным группам доля чистого импорта в потреблении незначительна и приближается к 40% только по мясным продуктам»²².

Трудно решаемая проблема российского АПК состоит в том, что за постсоветские годы подорвана его производственная и научно-техническая база. Академик академии геополитических проблем Н.А. Нартов пишет: «Наибольшему разрушению подверглась материально-техническая база. Годовое производство тракторов на пяти заводах сократилось почти до 12 тысяч (в среднем в 22 раза, а Белоруссия на одном заводе собирает в 5 раз больше), плугов — до одной тысячи. Культиваторов выпускается меньше в 31 раз, сеялок — в 39 раз, комбайнов зерноуборочных — в 66 раз, кормоуборочных — в 44 раза. Производство многих видов техники вообще остановлено. Число предприятий, производящих сельскохозяйственную технику, уменьшилось на 45 заводов. А ведь техника имеет первостепенное значение в повышении производительности труда, снижении себестоимости продукции и вообще в увеличении производства продуктов питания»²³.

Какой можно подвести итог? Аграрный сектор России финансировался по самому минимуму. Если на один гектар в странах Запада вложения составляли десятки долларов, то в России — один-два доллара. Как пишет кандидат сельскохозяйственных наук, заместитель генерального директора экспертного института Андрей Нецадин, «субсидии в странах ЕС достигли 45–50% стоимости произведенной фермерами товарной продукции, в Японии и Финляндии — 70, в России — лишь 3,5%. В США на развитие сельского хозяйства в расчете на единицу продукции вкладывается средств на 30% больше, чем в другие отрасли»²⁴. И пока эта ситуация не изменится, рассчитывать на коренные перемены в АПК и, соответственно, обеспечение продовольственной безопасности вряд ли стоит.

Увы, со вступлением России в ВТО можно только пожалеть, что власти не прислушались к директору Института экономики РАН, члену-корреспонденту РАН Руслану Гринбергу: «Когда в крупных городах до 60–70% продовольствия обеспечивается импортом, то это, конечно, ненормально... Вместе с тем, освобождение от импортной зависимости предполагает мощную программу развития отечественного сельского хозяйства. Которая, в свою очередь, влечет за собой временную изоляцию внутреннего рынка от мирового. А сейчас получается, что импорт, наоборот, нужно наращивать — чтобы хотя бы как-то погасить инфляционную волну. Для того чтобы найти баланс между двумя этими разнонаправленными векторами, нужны политическая воля и немалое искусство»²⁵.

Однако надо признать, что в последние годы наши сельхозпроизводители добились очевидных успехов в производстве зерна, которое Россия стала экспортировать. Только правда и то, что ей не хватает фуражного зерна, от чего страдает наше животноводство и что вынуждает нас закупать в других странах большие объемы мясомолочной продукции.

Транспорт — больное место России

Все ветви транспорта — наземный (шоссейные и железные дороги), водный и воздушный в годы пришествия в Россию дикого капитализма погрузились в глубокий кризис. Страна наша перестала быть великой воздушной державой. В первую очередь это сильно сказалось на регионах. Изношенность и техническая устарелость специально созданных для местных авиалиний турбовинтовых самолетов Ан-24 вместимостью 48–52 пассажира, выпускавшихся в 1962–1979 гг., перешла все границы, что приводит к частым катастрофам и вынужденным посадкам. Идея их модернизации малоперспективна, поскольку требует установки импортных двигателей, работающих не на дорогом бензине, как Ан-24, а на сравнительно дешевом керосине, и замены многих деталей. Налицо такая же изношенность, техническая устарелость и просто выход из строя большинства местных аэропортов. Причем и оставшиеся не могут принимать современные самолеты и нуждаются в капитальной реконструкции. Нам остро не хватает и пилотов —

на пенсию уходит больше пилотов, чем их готовят. Из-за этого нарушаются связи между крупными населенными пунктами и поселками, к которым часто можно добраться только по воздуху. Люди, живущие в районах, отдаленных от центральных областей, редко могут пользоваться воздушным транспортом как из-за отсутствия прямых линий, так и из-за дороговизны билетов, и чувствуют себя отрезанными от остальной России. Кто-то подсчитал, что россияне стали летать самолетами внутри России в три раза реже, чем в советские годы. На Дальнем Востоке, например, у наших граждан более тесные контакты с китайцами, чем с жителями центральных регионов. Они часто ездят в Китай, устанавливают с китайцами деловые отношения, создают совместные предприятия. А с учетом намного более дешевой жизни в Китае и вполне доступного жилья уже немало российских семей, включая пенсионеров, переехали на постоянное жительство в приграничные китайские города.

«Борьба за воздух» окончательно и бесповоротно проиграна. Обратимся к цифрам и фактам. Директор Института экономики РАН Руслан Гринберг не раз упрекал российские власти за то, что они отказались от поддержки российского авиапрома, в то время как Евросоюз и США свой авиапром активно поддерживали. Причина? «Инфантильно-провинциальная философия рыночного фундаментализма, овладевшая властными российскими кругами, твердо усвоившими одно: рынок сам все отрегулирует. Он и отрегулировал: все, что не обещало немедленного обогащения, оказалось закрыто или заброшено»²⁶. И вот результат: «Отдавшись 20 лет назад на волю провинциально-инфантильной идеологии “свободного рынка”, сегодня мы платим за это сполна: раньше, например, страна производила 150 пассажирских самолетов в год, теперь — не более 20. Место же СССР в двойке мировых лидеров авиастроения занял европейский Союз. При этом нелишне напомнить, что появился “Аэробус” вовсе не в результате стихийной рыночной концентрации и централизации капитала, а потому что элиты Евросоюза просто решили создать самолет не хуже русского и американского. Договорились: ты будешь делать фюзеляжи, ты — двигатели... И получилось»²⁷.

По данным доктора экономических наук, научного руководителя Центра исследований постиндустриального общества Владислава Иноземцева, за 18 лет производство гражданских самолетов сократилось в 20 раз!²⁸ В 2011 г. более 80% пассажирских перевозок пришлось на самолеты-иномарки. Дело даже дошло до того, что французские самолеты «Фалькон» появились в летном спецотряде «Россия», который обслуживает первых государственных деятелей страны²⁹. Стало быть, на свои самолеты мы уже не надеемся, а раньше было наоборот — мы поставляли другим странам самолеты для первых лиц. Председатель Движения развития Юрий Крупнов говорит: «Не так давно концерн “Эйрбас” поделился прогнозом: российские авиакомпании за 20 лет купят около 1000 самолетов, потратив 95 млрд долларов! Эти деньги могли бы пойти в собственную авиационную отрасль, где каждое рабочее место дает около десятка в смежных отраслях. По чьему недомыслию или

злему умыслу мы отдаем такие деньги иностранцам?»³⁰ Новых гражданских самолетов мы фактически не выпускаем. И даже рекламируемый высокими чиновниками как якобы новый грузовой самолет Ил-476, по утверждению Крупнова, «всего лишь модернизированный советский Ил-76, тупиковый путь развития»³¹.

В последние годы среднемагистральный самолет «Сухой Суперджет 100» (SSJ) выдавался высокими чиновниками за выдающееся достижение российской инженерной мысли и многие годы широко пропагандировался в СМИ. Мы часто видели его на стендах на международных выставках, но редко — в аэропортах. Сообщалось о многочисленных заказах на его поставки другим странам. Потом случилось то, что уже не раз имело место с нашими модернизируемыми ракетами, но что, как многим казалось, не должно было случиться с самолетом, который много лет доводился до ума. В числе его предполагаемых покупателей были Казахстан, Пакистан, Мьянма, в которых уже состоялись демонстрационные полеты, оставались Индонезия, Лаос и Вьетнам. В Индонезии во время демонстрационного полета произошла катастрофа — самолет, на борту которого находились 36 представителей индонезийских авиакомпаний, местные журналисты и граждане Франции, Италии и США, а также 8 россиян, 9 мая 2012 г. упал в районе горы Салак. При этом никто не выжил. Независимо от того, какова была причина крушения (например, вашингтонское издание «Wayne Madson Report», ссылаясь на азиатские источники, не утверждала, но и не исключала возможность промышленного саботажа³²), это событие негативно сказалось на заказах иностранных авиакомпаний на «Сухой Суперджет 100», а возможно, скажется и на его дальнейшей судьбе.

Даже если исключить саботаж, то с кого спрашивать за возможные просчеты в конструировании систем или дефекты комплектующих? Дело в том, что это сборочный самолет, в его создании принимают участие около 30 ведущих мировых компаний-поставщиков систем и комплектующих. Стратегическим партнером фирмы «Сухой» и акционером является итальянская компания Alenia Aeronautica. Американская фирма «Боинг» оказывает консультационную поддержку в области маркетинга, проектирования и производства, сертификации системы качества на предприятии, работы с поставщиками систем, послепродажной поддержки. Двигатель французской фирмы Powerjet, системы управления, жизнедеятельности, топливная, кислородная, гидравлическая, электроснабжения, противопожарная, датчики вибрации двигателя, шасси, колеса, тормоза, кресла экипажа и т.д. — все это от западных производителей.

А что от российских производителей? В основном одно железо? Это не шаг вперед в развитии авиапрома, а продолжение «отверточных технологий», которые уже утвердились в российском автопроме. Только зачем же вводить в заблуждение общественность, выдавая продукт нескольких десятков мировых компаний за достижение отечественной инженерной мысли?! Притом изначально предполагается, что львиная доля производимых самолетов (не менее 70%) должна идти на экспорт.

Вообще-то, запущенный в 2001 г. проект ГСС («Гражданские самолеты Сухого») рождает много вопросов. Во-первых, у него фактически нет собственной производственной базы, поскольку, с одной стороны, фирма «Сухой» никогда не проектировала гражданских самолетов, а с другой — он настолько завязан на импортных комплектующих, что практически не подлежит локализации. Во-вторых, отдаленность Комсомольска-на-Амуре от поставщиков (и даже от Новосибирска, где теоретически тоже могут собираться самолеты) резко повышает себестоимость продукции. Как сообщали СМИ, какое-то оборудование для «Сухого Суперджет 100» производится в Ульяновске, краситься самолет должен в Италии и ремонтироваться тоже не в России. Мало того что западные комплектующие дорогие, но нет и гарантии, что поставку жизненно важной для самолета системы та или иная иностранная фирма по каким-то причинам не будет задерживать. А может вообще выйти из проекта. Притом что, как говорилось выше, такое уже случалось в Китае. Подобная кооперация рациональна и естественна, скажем, для стран Евросоюза, для западных стран вообще. Но у России со странами Запада, и в первую очередь с Америкой, отношения далеко не безоблачные. При том они резко ухудшились в связи с ситуацией на Украине, когда генеральный секретарь НАТО Расмуссен Андерс Фог (уже оставивший этот пост) назвал Россию противником этой организации. А принятие США и Евросоюзом санкций против России еще более усугубило ситуацию. Вашингтон и Брюссель вообще могут запретить своим фирмам поставлять комплектующие для стратегически важных наших производств.

В-третьих, у «Сухого Суперджет 100» есть мощные конкуренты. «По словам вице-президента “Боинга” Стоунсайфера, в настоящее время очень трудно вкладывать деньги в новый региональный самолет, так как данный сегмент рынка прочно занят «Бомбардье» и «Эмбрайер»³³. (Напомню, что первый производится в Канаде, а второй — в Бразилии. Эти самолеты уже доказали свою надежность, имеют стабильное сервисное обслуживание и широко известны в мире.) Но, пожалуй, самым серьезным конкурентом «Суперджету» может стать китайский среднемагистральный самолет ARJ-21 фирмы AVIC 1. При китайских масштабах производства и традиционно более дешевой продукции, а еще и напористости конкурировать с ними мало кому удастся.

В-четвертых, «Суперджет» совершенно непригоден для российской глубинки, поскольку у него очень низко расположены двигатели (которые будут засасывать грязь, снег, лед — все, что обычно присутствует на наших взлетных полосах). В-пятых, к моменту старта проекта SSJ в России уже был вполне современный для того времени и приспособленный к российским условиям среднемагистральный самолет Ту-334, который только на 5% состоял из импортных частей и комплектующих. Так не разумнее ли было совершенствовать собственные самолеты?! Ведь с советских времен у авиапрома осталась производственная база в Воронеже, Казани, Ульяновске, Самаре и ряде других городов. Но для этого нужна была стратегия развития экономики и страны в целом, чего в постсоветский период у нас на

деле не было и нет. Так случилось, что на верхних этажах власти, в отличие от Китая, у нас оказалось мало людей с техническим образованием и производственным опытом, но больше юристов и бывших военных, а на этажах чуть ниже — далекие от производства либералы-западники, все еще верящие в максиму Адама Смита, что рынок сам все расставит по местам.

И наконец, последнее. С чего вдруг фирмы «Боинг» и «Аэробус» так охотно согласились участвовать в производстве российского регионального самолета? Не потому ли, что захотели окончательно лишить Россию возможности создавать собственные самолеты? Вспомним, как хитроумно американцы ввели в заблуждение советское руководство провокационной идеей переноса гонки вооружений в космос! После распада СССР высокопоставленный чиновник американской администрации Роберт Макфарлейн признался, что цель этого обмана состояла в том, чтобы втянуть СССР в новый виток гонки вооружений и заставить его сокращать расходы на социальные цели, чтобы вызвать недовольство советских людей существующей системой. Что на деле и получилось, коль скоро в СССР в критический момент не нашлось людей, готовых защищать социалистическую систему.

Можно допустить, что причастные к проекту SSJ высокие чиновники поняли, что это тупиковый вариант, и стали искать пути выхода из создавшейся ситуации. И не поэтому ли созданная в 2006 г. Объединенная авиастроительная корпорация просила у правительства миллиарды долларов на создание среднемагистрального самолета MC-21, который она запланировала ввести в строй в 2018 г.? Только сможет ли? Особенно в условиях, когда напряженность отношений России с Западом, скорее всего, затянется надолго. Притом все последние годы сложную технику и оборудование мы не производили у себя, а импортировали из развитых и даже среднеразвитых стран. И все больше отставали. Так, например, в 2011 г. Россия занимала 7-е место по наличию суперкомпьютеров после США, Китая, Германии, Великобритании, Японии и Франции, а в 2014 г. — уже 12-е. Нас обогнали Канада, Индия, Южная Корея и Австралия³⁴.

Авиаэксперт Роман Гусаров законно ставит вопрос: «Но на чем мы будем летать в регионах Сибири и Дальнего Востока — при низком пассажиропопотоке и суровых условиях эксплуатации? Какие самолеты будут обслуживать местные воздушные линии? А этот сегмент — ключевой для обеспечения целостности и суверенитета государства. Кстати, считается, что хорошей заменой Ан-24 для России мог бы стать Ан-40 — относительно свежая разработка украинского КБ “Антонов”»³⁵. Даже если это и так, то российско-украинские отношения настолько ухудшились, что в обозримой перспективе совместное производство такого самолета вряд ли возможно.

В плачевном состоянии находится и наземный транспорт. Автострад, связывающих центр и отдаленные от него районы, как не было, так и нет. Да и качество большинства наших шоссейных дорог вне всякой критики. Скоростных поездов тоже нет. Составы по большей части идут по изношенным рельсам и на таких же изношенных тележках и примерно с той же скоростью, что и 30–50 лет назад. Во всех более или менее развитых странах национальными трассами считаются шоссейные дороги с десятью, восьмью и, как минимум, четырьмя полосами. У нас же федеральные трассы, связывающие центр страны даже с зарубежными странами, только на коротком расстоянии от больших городов в той или иной мере отвечают этим условиям. Двухполосные магистральные дороги — это не XXI и даже не большая часть XX века. В Германии автострადы стали строиться после прихода к власти Гитлера, а в США — при президенте Рузвельте в период Великой депрессии.

В чем причина, по сути, бедственного состояния российских дорог? Мне видится целый ряд таковых. **Причина первая** и, может быть, главная. В сознании наших властей уже многих поколений дороги, и прежде всего автомобильные, не кажутся приоритетной потребностью. С одной стороны, одна мысль построить дороги с твердым покрытием в такой огромной стране, как Россия, априори кажется им утопией. А коль задача нерешаема, то она и не может быть приоритетной. С другой стороны, автотранспорт в нашей стране начал серьезно развиваться только в советские годы. И дело, пожалуй, не в том, что большевики не понимали хозяйственного и стратегического значения для страны хороших дорог: Они отдавали предпочтение решению тех задач, которые были жизненно важны для сохранения социалистического режима, оказавшегося в окружении капиталистических государств. А это тяжелая промышленность и как ее продолжение — военная промышленность, энергетика и ряд других отраслей. И большевики оказались правы: без тяжелой промышленности и обеспечивавших ее сырьевых отраслей стране нельзя было выстоять в смертельной схватке с фашистской Германией. А плохие дороги, как это ни парадоксально, сыграли нам на руку: размытые дождями грунтовые дороги осенью 1941 г. задержали продвижение немецких войск к Москве в самый критический для ее обороны момент.

Только это не оправдывает того, что советское руководство в период, когда паритет СССР с США в стратегических вооружениях уже был достигнут, вместо того, чтобы строить нормальные дороги, продолжало тратить огромные средства на сверхвооружения и оказание помощи «революционным странам и народам», измеряемой, по разным оценкам, от 130 до 180 млрд долларов. И тем более нет никакого оправдания пренебрежению дорожным строительством со стороны постсоветского руководства, особенно после того, как страна стала получать огромные доходы от экспорта энергоносителей. Возможно, высокие чиновники, от которых в конечном итоге зависит распределение ресурсов государства, просто не знают реальной ситуации с дорогами в стране? Действи-

тельно, их машины не стоят в пробках, поскольку им всегда обеспечивается «зеленая улица». (Впрочем, В. Путин в ранге премьера в августе 2010 г., сидя за рулем «Калины», проехал по трассе Хабаровск–Чита и имел возможность ознакомиться с качеством наших дорог. Хотя, как говорят, он проехал не весь маршрут, и его на всякий случай сопровождали несколько машин марки «Калина».) По факту впервые в российской истории приоритетными с точки зрения бюджетного финансирования стали не сфера производства и развитие инфраструктуры, а престижные проекты и спортивные сооружения.

Причина вторая. Финансирование дорожного строительства осуществляется по остаточному принципу. Что вполне логично, если эту сферу не считать приоритетной, разумеется, не на словах и в принимаемых властями документах, а по факту. Похоже, что и сейчас во властных кругах дорожное строительство ассоциируется с черной дырой, которая безвозвратно все поглощает. В самом деле, вице-председатель Государственной думы от партии «Единая Россия» Юрий Волков, куратор проблемы законодательного обеспечения дорожного комплекса России, на встрече с журналистами из думской газеты *gazduma.ru* в канун выборов в нижнюю палату в декабре 2011 г. говорил: «Если бы мы, лидирующая партия страны, думали только о выборах, проект “Дороги” точно не попал бы в перечень наших предвыборных обещаний. Ведь действительно, это — вечная проблема России. И браться за нее — себе дороже. Такое это неблагодарное дело. Тем не менее мы открыто выступили с инициативой изменить дорожную ситуацию в корне и сделать так, чтобы зарубежные гости уважали Россию за качественные дороги, а россиянам не было стыдно за ямочноухабистые тракты, которые, как говорят в народе, “душу вынимают”. Бездорожье унижает россиян. С этой бедой дальше мириться нельзя, и, можно сказать, мы уже переломили ситуацию»³⁶.

Оптимистическое заявление, притом дальше он говорит, что только 30% федеральных дорог и 16% региональных отвечают — нет, не международным стандартам, а нашим нормативным требованиям, и что «за последние полтора десятка лет ситуация в этой сфере неизменно ухудшалась, поскольку объемы финансирования отрасли были таковы, что денег не хватало даже на поддержание имеющихся автотрасс, не говоря уже о прокладке новых. Тем временем развитые страны при их неплохой обеспеченности дорожной сетью тратят до 4% валового внутреннего продукта на эти цели. Мы оставляем дорожникам только 1 процент... если ситуацию не переломить, потребуется еще 200 лет на приближение нашей сети автодорог к общеевропейской»³⁷.

Как говорится, начал за здоровье, а кончил за упокой. Но сказанное вполне согласуется с тем, о чем давно говорят ученые, эксперты, политологи и т.д. Как утверждает экономист Владислав Иноземцев, в постсоветское время «в десятки раз сократилось строительство новых автодорог»³⁸. Мы не только не увеличили километраж дорог, но и уменьшили его и нередко продолжаем ездить по таким разбитым дорогам, какие можно встретить разве только в самых отсталых и бедных странах Африки. Так в чем же перелом ситуации, о котором говорит депутат Волков?

В том, что думцы добились увеличения расходов на реконструкцию и строительство дорог на 70 млрд рублей, и «в совокупности ежегодно отрасль будет получать до 250 млрд рублей, чего не было в этой сфере никогда»³⁹. Возможно, такого и не было никогда на памяти депутата, однако если мы поделим указанную сумму на курс доллара по отношению к рублю (условно, без учета колебаний того и другого) на 1:34–35, то получим менее 8 млрд долл. Это капля в море по сравнению с тем, сколько вкладывали в дорожное строительство западные страны и, в частности, США, и что на деле необходимо нам. Никаким переломом тут, как говорится, и не пахнет. С учетом тяжелейшего состояния нашей дорожной инфраструктуры перелом может начаться, причем не очень скоро, при условии, если мы будем вкладывать в дорожное строительство не 1%, а 4–5% ВВП, что маловероятно. Ведь, как это ни парадоксально, в нулевые годы, когда в страну хлынул поток нефтедолларов, строительство дорог по сравнению с «нищими» 90-ми гг. сократилось в три раза! И если протяженность дорог федерального значения немного выросла, то региональных — сократилась с 194 до 129 тыс. км.⁴⁰

Причина третья. То ли наши дороги встречают на своем пути труднопреодолимые препятствия, то ли для их строительства мы нанимаем самую дорогую в мире рабочую силу, но 1 км пути нам обходится дороже, чем в любой другой стране. Председатель совета директоров ЗАО «Смарт лоджистик групп», кандидат технических наук В.А. Елин пишет: «...Наши дороги — самые дорогие дороги во всем мире! Для того чтобы понять причину этого явления, достаточно сравнить стоимость наших дорог и рабочей силы, занятой в строительстве. По оценкам экспертов, средняя цена 1 км дороги с твердым покрытием по условиям 2010 г. в России составила 17,6 млн. долл., в ЕС — 6,9 млн, в Китае — 2,2 млн долл. Как видим, цена наших дорог многократно выше, чем где-либо. Природно-климатическими условиями столь большое различие в стоимости не объяснить. Не является также причиной более высокой стоимости и трудовой фактор. Напротив, рабочая сила обходится нам намного дешевле, чем ЕС, и ненамного дороже, чем она стоит в Китае. Так, дорожный строитель зарабатывает в среднем за месяц: в ЕС — 2567,0 евро, в России — 385,8, в Китае — 128,6»⁴¹.

И далее Елин пытается выяснить причины указанного выше парадокса. «Если исключить Китай, — продолжает он, — то по дороговизне условного километра шоссе Россия опережает Евросоюз в 2,55 раза, тогда как наша рабочая сила дешевле в 6,67 раза. Причем такие соотношения не учитывают качества дорожного покрытия, его надежности, эксплуатационных характеристик и безопасности. Очевидно, что значительная часть затрат превращается не столько в качественное покрытие, сколько в дорожную ренту, присваиваемую теми лицами, у которых имеются возможности использовать административный ресурс. Заинтересованность в присвоении ренты преобладает над интересом в строительстве самых совершенных дорог. Именно в этом состоит ключевая проблема отрасли, без разрешения которой мы не начнем строить дороги как минимум европейского качества и хотя бы европейской цены»⁴².

То есть речь идет о нашей всепоглощающей коррупции и казнокрадстве, о которых так много говорится, но мало делается для решительной борьбы с этим злом. Именно они вместе с реализацией либералами чужой модели реформ поставили Россию на колени, с которых она, вопреки тому, что утверждается с высоких трибун, на деле так и не встала. В Интернете расхожим является утверждение, что сфера, где воруют больше всего и где самая недоброкачественная работа — это как раз дорожное строительство.

Причина четвертая. Качество российских дорог низкое, и они быстро выходят из строя, или, говоря по-другому, на дорожном полотне появляются трещины, просадки, колдобины. Причем порой это происходит буквально через год-два, а то и раньше после ввода в строй дороги. Поэтому «латание дыр» стало непрерывным процессом на наших дорогах. В чем причина? Чиновники часто ссылаются на нашу зиму, на морозы, но все это есть и в Финляндии, Швеции, Норвегии, Канаде и даже в северных штатах Америки, однако дорожное полотно там выдерживает суровую зиму и служит без ремонта много лет...

Очевидно, начинать надо с нормативов. Елин указывает на парадоксальный факт: «Россия остается единственной страной, в которой ямы на дорогах — по ГОСТу! Согласно ГОСТ Р 505979–3, размеры отдельных просадок и выбоин не должны превышать 15 см по длине, 60 см по ширине и 5 см по глубине. Дорога с колдобинами — так правильнее, без ГОСТов, можно определить преимущественное состояние наших дорог»⁴³. Другие эксперты говорят, что стандарт на плотность грунтовой насыпи, на которую кладут асфальт, не менялся с 1939 г., когда в стране не было ни стольких машин, ни многотонных трейлеров и т.д. Почему? На этот, как и на многие другие вопросы в стране, в которой нет элементарного порядка, и ответа нет. Елин считает, что «основная причина низкого качества дорог заключается в том, что в настоящее время при строительстве применяется морально устаревшая, но дорогая технология асфальтобетонного покрытия, не слишком пригодная для климата России и требующая частого ремонта. По мнению исследователей, использование такой технологии ведет в финансово-технологический тупик. Выходом из него могло бы стать использование бетонных технологий, в частности, технологии бетонных плит, стянутых стальными тросами, которая активно используется в США, позволяя быстро, дешево и качественно строить дороги»⁴⁴. Но даже когда мы заимствуем на Западе современные технологии, то не всегда можем соблюсти их требования по качеству гравия, асфальта и т.д. Заместитель председателя Комитета Госдумы по экономической политике, предпринимательству и туризму Елена Панина указывает на «отсутствие контроля за качеством работы в стране по дорожному строительству. Каким должен быть контроль? Раньше делали так: до покрытия песок и щебенку укатывали таким образом, чтобы гвоздь нельзя было забить. Если в советское время существовали хоть какие-то формы контроля, то сейчас вообще нет никаких»⁴⁵.

Как пишет газета Госдумы, из-за несоблюдения требуемой жесткости и ровности дорог в 2010 г. произошло 53 тыс. ДТП, или примерно четверть от

общего числа дорожно-транспортных происшествий. А «из-за отсутствия дорог с твердым покрытием каждую весну и осень 10% населения России оказываются фактически отрезанными от транспортных коммуникаций и внешнего мира»⁴⁶.

Железные дороги России страдают от той же болезни, что и шоссейные дороги. Слабое финансирование, низкие темпы модернизации. На фоне Китая Россия жалко выглядит по части создания скоростных магистралей. Однако наши железные дороги заслуживают того, чтобы говорить о них с уважением. Именно на них после нападения гитлеровской Германии на СССР легла сложнейшая задача в кратчайшие сроки перевезти с западных районов в глубь страны оборудование военного назначения, целые заводы, способные выпускать боевую технику, их коллективы, много другого необходимого для обороны страны груза. С чем они блестяще и справились. Есть у наших железных дорог и славная страница. Для многих ныне живущих может показаться невероятным, что в годы «проклятого царизма» были показаны едва ли китайские темпы в ходе сооружения Транссибирской магистрали. Всего за 12 лет (1891–1903) было построено 7,5 тыс. км железнодорожных путей. Притом, как пишет давно занимающийся железнодорожной тематикой хабаровский публицист Сергей Сигачев, строительство осуществлялось в неимоверно тяжелых условиях, поскольку «трасса прокладывалась по малозаселенной или безлюдной местности, в непроходимой тайге. Она пересекала могучие сибирские реки, многочисленные озера, районы повышенной заболоченности и вечной мерзлоты... Приходилось взрывать скалы, прокладывать тоннели, возводить искусственные сооружения в ущельях горных речек, впадающих в Байкал... Наиболее острой и трудноразрешимой была проблема обеспечения строительства Транссибирской магистрали рабочей силой»⁴⁷. После поражения в Крымской войне царское правительство осознало, что железные дороги имеют не только хозяйственное и гуманитарное, но и огромное стратегическое значение.

Сегодня в России действует 16 железных дорог общей протяженностью более 86 тыс. км. В транспортной системе страны на их долю приходится 80,3% грузовых и 44% пассажирских перевозок. По своей протяженности железные дороги России занимают второе место в мире после США.

Что касается морского и речного транспорта, то это проблема скорее для специалистов, нежели для историков и политологов. Поэтому я могу лишь повторить общеизвестное: эти виды транспорта, как и гражданская авиация, понесли едва ли не самые большие потери в постсоветские годы.

В заключение разговора о транспорте России хотелось бы высказать ряд соображений. **Во-первых**, в отличие от властей царской и советской России, постсоветские власти, как ни странно для нашего времени, почему-то планы развития экономики не связывали с развитием транспортной инфраструктуры. А если даже и говорили об этом и записывали это в планах развития, то на деле мало что делали. Председатель Счетной палаты Сергей Степашин в эмоциональном тоне говорил корреспонденту еженедельника

«Аргументы и факты»: «Россия, если кто забыл, стала конкурентоспособной страной в начале XX века именно благодаря массированному строительству железных дорог. А уж отсутствие хотя бы одной приличной дороги, соединяющей Москву и Санкт-Петербург, — это позор. За 20 лет-то одну можно было построить»⁴⁸. Далее он привел пример Германии, которая за 10 лет создала автобаны, которые прекрасно эксплуатируются и в наши дни. И в Америке построенные безработными в период Великой депрессии дороги, мосты (а также школы, больницы) существуют до сих пор.

Почему российские власти не использовали для строительства дорог лишившихся работы людей после наступления финансово-экономического кризиса? Возможно, такая мысль им в голову не пришла. А возможно, для этого не было ресурсов. С одной стороны, по сравнению с советским периодом на треть уменьшилось производство цемента, с другой стороны, львиная доля оставшегося цемента шла на строительство инфраструктуры для зимней олимпиады в Сочи и для обустройства острова Русский перед саммитом АТЭС. А между тем некоторые наши эксперты считают, что из-за плохих дорог Россия теряет 2% ВВП, китайские же аналитики говорят, что гораздо больше — не менее 4%.

Во-вторых, транспорт в российских условиях играет огромную роль в деле интеграции разбросанного на огромных просторах страны населения, равно как и его дезинтеграции. Во время проводимого премьером Д. Медведевым 4 июля 2012 г. на острове Русский совещания по развитию Дальнего Востока, Иркутской области, Бурятии и Забайкальского края выступавшие руководители подтвердили то, о чем давно говорят эксперты. А именно — остроту транспортной проблемы. В частности, министр транспорта РФ М.Ю. Соколов указал: «36% сельских населенных пунктов на территории ДФО (Дальневосточный федеральный округ) не имеет связи по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования... Между многими областными городами, крупными административными центрами утрачено прямое авиационное сообщение. Большое количество населенных пунктов страны на Дальнем Востоке и в Забайкалье не имеет регулярной транспортной связи с местными административными центрами, поскольку здесь отсутствует круглогодичная альтернатива авиационному транспорту»⁴⁹. Из 107 аэродромов ДФО только 52 имеют взлетно-посадочную полосу с искусственным покрытием, остальные имеют грунтовые взлетно-посадочные полосы, 70% из которых было построено более 20 лет назад, многие аэродромы не имеют светосигнального оборудования.

В свою очередь уже бывший министр РФ по развитию Дальнего Востока, полномочный представитель президента РФ в ДФО В.И. Ишаев (кстати говоря, академик РАН) прояснил роль государства и бизнеса в деле создания транспортной инфраструктуры: «Государство опережающе создает инфраструктуру, а бизнес создает средства производства. Только в этом случае мы можем получить здесь серьезное развитие. Поэтому то, что мы рассматриваем сегодня, — это база развития Дальнего Востока, это как раз инфраструктура и в первую очередь транспортная инфраструктура: где есть дороги, там есть жизнь»⁵⁰.

В-третьих, транспорт, несомненно, играет огромную роль не только в деле развития региона, в котором сосредоточены немалые природные богатства страны, но и имеет военно-стратегическое значение. Решений, постановлений, планов социально-экономического развития Дальнего Востока (и Восточной Сибири) принималось у нас немало еще в годы президентства Б. Ельцина и тем более в нулевые годы. Последним масштабным планом стала объявленная реконструкция и модернизация Байкало-Амурской магистрали, или БАМ-2. По факту же видимого результата пока нет. Люди уезжали из региона и будут уезжать, поскольку, по данным Ишаева, среднедушевой доход дальневосточника составляет 87% средней величины по России. Регион остается слабоосвоенным и еще слабее заселенным — 6 млн человек, в то время как на другой стороне границы проживает более 100 млн человек. Притом, никто не знает, как будут развиваться события на нашем Востоке. Ведь там мы непосредственно граничим с Китаем и Северной Кореей, а нашими ближайшими соседями являются Япония и США. И если возникнет угроза территориальной целостности России, то сможем ли мы быстро реагировать на нее, имея устарелый железнодорожный транспорт, убогую сеть шоссеиных дорог, созданные еще в советские годы транспортные самолеты? В. Ишаев в одном интервью привел слова Петра Столыпина из его выступления в Государственной думе в 1908 г. по вопросу Дальнего Востока и сооружения Амурской железной дороги. «Природа, — заявил он, — не терпит пустоты, отдаленная наша суровая окраина вместе с тем богата золотом, лесом, громадными пространствами земли. И при наличии густонаселенного соседнего государства, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец... край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию...»⁵¹

Запланированные средства в объеме 1 трлн рублей на модернизацию БАМ-2 кому-то кажутся огромными, на деле же это не намного больше того, что было потрачено на обустройство острова Русский, и намного меньше тех средств, что ушли на создание горнолыжного курорта в субтропическом Сочи. А надо вложить сотни миллиардов долларов, чтобы построить не только современные шоссеиные и железные дороги, но и создать современные производства и покончить с нищетой и убогостью, царящими в этом богатом крае. Посещая Китай, наши граждане невольно сравнивают свои реалии с китайскими. Если у нас бездорожье и запустение, то по другую сторону границы практически на пустом месте выросли прекрасные города. Поднебесную прорезают с востока на запад и с севера на юг скоростные автостреды, быстро увеличивается сеть и скоростных железнодорожных магистралей, в несколько раз сокращающих время пути. В ходе работы круглого стола в редакции «Парламентской газеты», на котором обсуждались российско-китайские отношения, житель Дальнего Востока, социолог, руководитель научно-исследовательского проекта «Берег России» Игорь Романов говорил: «На Дальнем Востоке, в Восточной Сибири сегодня формируется такое общество, которое в основном не имеет четких цен-

ностных ориентиров... Большинство людей не имеет каких-либо патриотических традиций и полностью лишены чувства ответственности за будущее Российской земли на востоке страны. Такая ситуация возникает еще и потому, что с российского Востока уехали наиболее трудоспособные и квалифицированные люди... В ряде регионов деградирующее население морально уже готово стать частью китайского общества, о чем свидетельствуют неформальные опросы жителей Дальнего Востока»⁵². Не ассоциируется ли эта ситуация с той, о возможности которой говорил П. Столыпин?

Круглый стол состоялся в 2005 г., но с тех пор ничего не изменилось на нашем Востоке, а если и изменилось, то только в худшую сторону — за этот период еще больше активных людей уехало отсюда. В ходе подготовки к проведению саммита АТЭС был обустроен остров Русский и построен к нему мост от Владивостока, фасад которого был чуть приукрашен. Не более того. Слишком много потеряно времени, чтобы кардинально изменить ситуацию, так сказать, сблизив восток и запад страны. То есть построив с Востока на Запад (или с Запада на Восток) современные транспортные артерии. На это потребуются, помимо политической воли, о дефиците которой у нас так часто говорят, подчеркиваю, сотни миллиардов долларов, которые у нас в принципе были, но ушли на другие цели, в том числе не имеющие никакого отношения ни к развитию страны, ни к благосостоянию россиян.

Потери реального сектора экономики и инфраструктуры

Самый сильный удар «шоковой терапии» пришелся на промышленность и сектор высоких технологий. Вот, например, что говорил по этому поводу (в январе 2014 г. ушедший из жизни) академик РАН Н. Шмелев: «...Мы потеряли половину промышленного потенциала страны, которая досталась нам от советских времен. Оставшаяся половина, с изношенным оборудованием, погибнет через семь-десять лет... Сегодня прикладной науки у нас просто не существует, нет профессионально-технического образования, полностью уничтоженного в 90-е годы, поэтому теперь для того, чтобы собрать новейшую подводную лодку в Северодвинске, сварщика мы ищем в Голландии — как в петровские времена. Без науки и профтехобразования никакой модернизации не будет — это точно»⁵³. (По моим сведениям, сильно ударившая по престижу нашего ОПК затонувшая на многие годы модернизация в свое время переданного Индии авианесущего крейсера «Адмирал Горшков» во многом как раз и вызвана отсутствием квалифицированных рабочих и прежде всего сварщиков.)

Академик РАН Александр Некипелов говорит: «После радикального реформирования экономики с начала 90-х годов наука потеряла значительную часть потенциала. Прежде всего речь идет о том потенциале, который служил мостиком между теоретическими и фундаментальными исследованиями. Мы потеряли основную часть прикладной науки. У нас более или менее сохранилась академическая наука, а прикладная почти полностью была разгромлена»⁵⁴.

Это почти общая точка зрения наших крупных ученых, что фундаментальная наука все еще существует, но, потеряв отраслевую науку, мы потеряли звено, связывающее науку с производством. Притом, как известно, прикладная наука была создана еще в 30-е гг. при активном участии западных специалистов. Кто этим сейчас будет заниматься? Наш бизнес пока не проявил такого желания, и Запад с учетом обострения отношений с Россией из-за событий на Украине этим заниматься не будет. Остается только государство, которое, однако, больше озабочено сырьевым сектором, чем реальной экономикой. В свою очередь академик РАН Юрий Осипян, научный руководитель Института физики твердого тела РАН, отвечая на вопрос, что случилось с прикладными институтами, которые доводили научные идеи до ума, сказал: «Распались. Чиновничья рать начала говорить: зачем мы такую науку содержим? Она нам не нужна, она ничего не зарабатывает. Старые специалисты, квалифицированные рабочие поувольнялись. Машиностроение у нас лежит на боку. Заводы еле существуют. Не осваивают никакой новой продукции, пытаются выпускать станки 30-летней давности. А все новое закупается в Германии или Швейцарии»⁵⁵. Но почему они не создавались даже в нефтегазовой отрасли, хотя бы ради сохранения окружающей среды, когда в страну рекой потекли нефтедоллары? Осипян отвечает: «Выкачивать нефть и газ люди научились давно. Доходы и без того огромные — зачем тратиться на новые разработки? Чтобы бизнес платил за природосберегающие технологии, нужен другой уровень самосознания. Вот, скажем, есть много разработок, которые повышают дебит скважин (так называют объем нефти, поступающей в единицу времени). Но им это не нужно. Чуть скважина начала давать меньше сырья, они перешли к другой, и все!»⁵⁶ То же относится и к металлам: «Мы просто гоним стальной прокат, балки, рельсы по старым технологиям. И продаем по более низким ценам. А ведь тот же ультразвук можно использовать в металлургии для рафинирования меди. Очень выигрышная технология. Но она не востребована»⁵⁷.

Академик Е. Велехов дает удручающую картину состояния нашей сегодняшней экономики. Так, по уровню производительности труда в промышленности Россия отстает от США в 10 раз, по суммарной производительности — в 100 раз, по внедрению в промышленность компьютеров — в 1000 раз⁵⁸. Директор Института мировой экономики и международных отношений РАН академик РАН Александр Дынкин со своей стороны констатирует: «по эффективности наша экономика находится примерно на уровне западноевропейской конца 60-х гг. и Южной Кореи начала 90-х гг.»⁵⁹

Директор Института экономических стратегий РАН академик РАН Борис Кузык указывает на те направления, на которых Россия могла бы достичь успеха там, где у нее еще остаются хорошие заделы. Это авиастроение, ядерная энергетика, ракетно-космические системы и отдельные сегменты рынка нанопромышленности. Но для решения этой задачи, по его мнению, необходимо мобилизовать кадровые, материально-технические и финансовые ресурсы⁶⁰. Дело в том, что и в авиастроении, и в ракетно-космической области за постсоветские

годы мы сильно отстали и в основном держимся на советском наследии. Когда-то мы были сильны и в электроэнергетике, но проиграли тендер на строительство гидроэлектростанции «Три ущелья» в Китае. член корреспондент РАН Р. Гринберг, например, считает, что «еще до кризиса мы потеряли лидерские позиции в высокотехнологичных сферах, в которых были традиционно сильны — например, в авиации и в космосе. Не оправдались наши надежды и на инвестиции в сфере высоких технологий... Ведь провести новую индустриализацию такого масштаба, как в 1930-е годы, то есть возродить промышленность по всему фронту, государство теперь не сможет... Круг приоритетов будет невелик, но, чтобы в этих отраслях что-то затеплилось, нам нужно будет решить кадровую проблему. Ведь после двух десятилетий “либеральных” реформ в нашей промышленности осталось слишком мало квалифицированных рабочих, инженеров и техников»⁶¹.

И в самом деле, у нас остались созданные или спроектированные еще в советские годы ракеты, но даже их модернизация дается нам с трудом: неудачные запуски бьют рекорды. Создавать напичканные электроникой и другой продукцией высоких технологий «марсоходы», телескопы, спутниковые системы и т.д., как это делают США и страны Евросоюза, мы не можем, поскольку у нас не развит инновационный сектор. Конкурентоспособной является только военная авиация, хотя авионику (по крайней мере, до недавнего времени) мы закупали в Израиле или во Франции. Нет ясности насчет истребителя пятого поколения по технологии «стелс» («самолет-невидимка»). Вроде мы должны были создавать его совместно с Индией, но информации на этот счет нет. США уже сравнительно давно имеют два типа таких самолетов, Китай тоже работает над двумя типами самолетов по технологии «стелс» и уже их испытывает. А что касается гражданской авиации, то ее в обозримой перспективе, скорее всего, возродить мы не сможем, а Запад точно нам не будет в этом помогать.

Когда крупнейшего российского экономиста, академика РАН Леонида Абалкина спросили, что делать в условиях наступившего финансово-экономического кризиса, он дал такой ответ: «Начать нужно с исправления самых больших ошибок последних лет. Что я имею в виду? Доходы, полученные от продажи сырья, все эти годы уходили на Запад, поддерживая зарубежную экономику. Мы не пустили заработанные на экспорте нефти и газа средства на развитие железных дорог или автотранспорта. Не создали условий, в которых иностранцы (да и свои компании) перестанут бояться вкладываться в новые проекты на нашей территории. Много проблем у малого бизнеса. Его душат. По его развитию у государства нет стратегии (впрочем, у него на сегодняшний день нет вообще никакой экономической стратегии)... Допустим, что на 10–15 лет экспорт углеводородов останется основным источником дохода России. Тогда за эти годы мы обязаны заложить основы базового машиностроения. Всю отрасль реанимировать нам вряд ли удастся, но она должна стать независимой, чтобы ее не смогли втянуть в поставки дорогих комплектующих из-за рубежа — иначе оттуда нам начнут диктовать свои условия. Для решения этой задачи нужны инвестиции,

научные исследования, подготовка квалифицированных кадров на всех уровнях — от профтехучилищ до инженеров высшей квалификации, которые должны иметь навыки работы с новым оборудованием... Это значит, что всей огромной машине управленцев придется много работать. Очень (!) много. Без взяток и перерывов на пикники с островами. Кто ж на это пойдет?»⁶² И в самом деле, трудно ожидать от нашей нынешней бюрократии, вкусившей «сладкой жизни» без мучительных раздумий, трудных поисков оптимальных решений жизненно важных для страны проблем и тем более без работы на износ, если есть возможность всего лишь держать руку на кране «нефтегазовой трубы».

ГЛАВА 11

Экономическая стратегия: насколько реальны задачи?

Л. Абалкин неоднократно говорил, что у нашего государства нет экономической стратегии развития, что, однако, требует разъяснения. Правительство РФ в октябре 2008 г. утвердило Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г., получившую название «Стратегия—2020».⁶³ Этот документ создавался экономистами либеральной школы в Министерстве экономического развития и был опубликован на его сайте 15 октября 2008 г. Но эта стратегия была несостоятельной уже в момент своего зарождения и сразу по нескольким причинам. Во-первых, она давала сильно приукрашенную картину развития страны за период 1991–1998 гг. В частности, в ней утверждалось, что Россия стала шестой экономикой мира и восстановила статус мощной экономической державы, подтверждая свое право находиться в группе крупнейших стран-мировых лидеров. В действительности по объему номинального ВВП в тот период Россия находилась на одиннадцатом месте. Что же касается пересчета ВВП на паритет покупательной способности — ППС (по которому разработчики «Стратегии—2020» и вывели Россию на шестое место), то это весьма условная категория. То, что верно для Китая и особенно Индии, где действительно на один условный доллар можно купить товаров и получить услуг в несколько раз больше, чем в странах Запада, то не подтверждается при сопоставлении цен на основные товары и услуги в России и США, по отношению к которым и делается пересчет номинального курса валюты на ППС. Но в США и продукты питания, и одежда, и жилье, и даже автомашины многих марок дешевле, чем в России.

Во-вторых, в рамках «Стратегии—2020» темпы роста экономики, производительности труда, достатка россиян и т.д. не были научно обоснованы, а, как говорят у нас, взяты с потолка. В самом деле, указывалось, что к 2020 г.

производительность труда должна вырасти в четыре раза, доля инновационных предприятий — составить 40–50%, инновационной продукции — 25–35%, расходы федерального бюджета на НИОКР — 2,5–3%, удельный вес инновационной продукции в экономике — 35% против 0,5% в 2008 г. Давалась поистине фантастическая картина роста качества жизни россиян. К 2020 г. ВВП на душу населения вырастет до 30 тыс. долл., обеспеченность жильем — до 30 кв. м на человека, или около 100 кв. м на семью, средняя продолжительность жизни — до 75 лет, уровень смертности от насильственных действий уменьшится в два раза, а высшим образованием будет охвачено 70% населения страны. Ну и многое другое в таком же духе.

На первом этапе реализации «Стратегии — 2020» к 2012 г. планировалось увеличить ВВП на 37–38%, производительность труда — на 40–41%, снизить энергоемкость ВВП — на 17–19%, поднять реальные доходы населения на 53–54%, инвестиции в основной капитал — на 80–85% и т. д.

Средства, способы, методы достижения «этой жизни прекрасной» были подменены декларациями. Чего только стоит следующий пассаж из рассматриваемого документа: «В России сформируется общество, основанное на доверии и ответственности, включая доверие населения к государственным и частным экономическим институтам. Значительно снизится социальная поляризация. Это будет достигнуто за счет обеспечения равных возможностей для социальной мобильности талантливых представителей всех слоев общества, реализации социальной политики по поддержке уязвимых слоев населения и проведения политики, направленной на интеграцию мигрантов»⁶⁴.

В-третьих, далекой от науки была и методология расчетов роста экономики, инноваций, благосостояния граждан и т. д. Она носила линейный характер, в то время как общественному процессу свойственны скачки и зигзагообразное развитие. Ибо даже если согласиться с заявленными Министерством экономического развития успехами России на момент составления концепции долгосрочного развития России до 2020 г., то в ней не предусматривались возможности снижения цен на энергоносители на мировых рынках, затухания роста в основных центрах экономического развития и соответственно уменьшения потребления углеводородов, мирового финансово-экономического кризиса. И тем более появления новых видов энергии.

Как пишет доктор политических наук, в свое время работавший в МИДе и администрации президента РФ Сергей Кортунов, «самое главное заблуждение правительства состояло в том, что оно полагало: до 2020 г. в мировой экономике ничего похожего на кризис не произойдет, цены на энергоносители будут продолжать расти (глава Газпрома Миллер заявил в июле 2008 г., что в 2009 г. нефть будет стоить \$200 за баррель), а с ними будет, как на дрожжах, расти и российская экономика, автоматически обеспечивая стране повышение ее политического статуса. И даже разразившийся мировой кризис не отрезвил составителей документа: в октябре 2008 г., уже в условиях кризиса, кто-то вписал в «Стратегию—2020»: «мировой финансовый кризис продлится 3–4 квартала и к концу 2009 г. будет преодолен. Россия вый-

дет из него с минимальными потерями и даже окрепшей»⁶⁵. (В конце 2008 г. в «Стратегию–2020» были внесены некоторые поправки, которые, однако, не изменили ее утопического характера.)

Вышло как раз наоборот: производство России, как уже отмечалось, после начала кризиса упало глубже, чем в любой другой стране «двадцатки». Это был всем очевидный крах концепции «Стратегии–2020», и власти вынуждены были на это реагировать. В результате в декабре 2010 г. по распоряжению в то время премьера В. Путина на базе Научно-исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) и Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) была подготовлена новая редакция «Стратегии–2020»⁶⁶. Следует при этом напомнить, что НИУ ВШЭ возглавляется сторонниками неоллиберализма — ректором Ярославом Кузьминовым и научным руководителем Евгением Ясиным, а РАНХиГС — соратником Е. Гайдара Владимиром Мау. Потом этот документ был передан в правительство, и в марте 2012 г. он появился под названием «Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года Стратегия 2020: Новая модель роста — новая социальная политика».

Удивительно, но факт: в работе многочисленных экспертных групп не принимал участие ни один крупный российский экономист — ни директор Института экономики РАН член-корреспондент РАН Руслан Гринберг, ни даже ученый с мировым именем академик РАН и член Европейской академии, признанный специалист по странам переходного периода Виктор Полтерович. Вообще, российская академическая наука, которая критически относилась к авантюрным реформам Гайдара-Чубайса и предлагала и предлагает вменяемую модель социально-экономического развития России, была выключена из процесса подготовки по идее судьбоносного для страны документа. И такая практика коренным образом отличается от той, которая существует в Китае и которая доказала свою неоспоримую эффективность: любая значимая для страны программа развития готовится Академией наук КНР, затем к работе над ней подключаются Академия общественных наук и Инженерная академия, и только потом она передается чиновникам.

Уже о многом говорит то, что новая модель социально-экономического роста создавалась под руководством В. Мау и Е. Ясина. Доктор физико-математических и политических наук, политик и в прошлом государственный деятель Сергей Сулакшин свидетельствует: «Мне довелось работать в одной из экспертных групп, и схема была такова: восседают В.А. Мау и Е.Г. Ясин и обобщают итоги заседания (я цитирую): “Ну что, поговорили очень интересно, но в итоговом документе будет это, это и это”. Получился документ имени трех человек: Мау, Ясина и Кузьмина. Он скорее вненаучный, контрнаучный, псевдонаучный, какой угодно, но к науке имеет отношение отдаленное и не выдерживает никакой критики»⁶⁷.

Приведем некоторые выдержки из нового варианта «Стратегии—2020»:

«Стратегия 2020 базируется на двух основаниях — новой модели экономического роста и новой социальной политике. Новая модель роста необходима, поскольку исчерпала себя прежняя модель, опиравшаяся на быстрый рост внутреннего спроса и цен на товары российского экспорта... При этом это должен быть рост, не основанный на экспорте сырья и государственном перераспределении ресурсов из сырьевого сектора в сектора экономики с низкой эффективностью и высокой занятостью...»⁶⁸.

Благие пожелания подобного рода ведутся уже многие годы. Но «всесильная рука рынка» без регулирующей роли государства, опирающегося на индикативное планирование и промышленную политику, осуществляющего инвестиционные интервенции в ключевые отрасли реального сектора экономики, именно экспортом сырья и обеспечивает рост экономики. Это и проще, и быстрее отдача, да и прибыль, по словам (ушедшего из жизни в январе 2014 г.) академика РАН Н. Шмелева, может достигать 500–1000%⁶⁹.

«Ключевой особенностью новой социальной политики, — подчеркивается в документе, — является опора на самостоятельность профессиональных сообществ. Сообщества профессионалов творческого труда — инженеров, ученых, учителей, врачей, юристов — выступают гарантом качества социальных и государственных услуг, профессионального уровня в самых разных отраслях экономики»⁷⁰.

Где и когда сообщества профессионалов, работающих в разных сферах, неорганизованных, как в России, в большинстве своем опущенных с приходом «дикого капитализма» на социальное дно, к тому же не имеющих реальной возможности влиять на власти и даже гарантированного выхода на СМИ, выступали гарантом качества социальных и государственных услуг и профессионального уровня в сфере экономики?!

И далее: «Экономика ближайшего будущего будет постиндустриальной, в ее основе — сервисные отрасли, ориентированные на развитие человеческого капитала: образование, медицина, информационные технологии, медиа, дизайн. В этой области у России есть конкурентные преимущества, но они быстро растрачиваются в силу устойчивого недофинансирования социальных систем и неэффективного управления ими. В основе предложений Стратегии–2020 в социальной сфере — стремление восстановить и закрепить сравнительные преимущества страны в сфере образования, культуры, медицины»⁷¹.

Какие конкурентные преимущества, если Россия по индексу развития человеческого потенциала, по опубликованным в 2013 г. данным, заняла 55-е место? И как основой экономики могут быть только сервисные отрасли? Трудно понять, как могли авторы прийти к такому умозаключению в условиях краха нынешней модели развития в странах Запада. В этих рассуждениях, оторванных от реальной жизни, тем не менее, выражена позиция авторов на то, какой они хотят видеть российскую экономику, и об этом речь пойдет ниже.

И еще: «Несмотря на то, что поддержка науки из средств федерального бюджета в 1998 г. выросла четырехкратно, это не сказывается на динамике ее результативности в части прикладных и фундаментальных исследований»⁷².

И далее: «В 2015–2020 гг. акцент рекомендуется перенести на опережающее развитие конкурентоспособных на мировой арене направлений фундаментальных и поисковых исследований современных форм организации ИР, инфраструктуры науки на прорывных направлениях»⁷³.

Эти оба тезиса, можно допустить, направлены против РАН, не скрывающей своего критического отношения к сторонникам неолиберализма, и в пользу университетской науки, которая преобладает в странах Запада, но которая в России ограничивается буквально несколькими вузами. Изменить эту ситуацию в обозримой перспективе практически невозможно, и в этих условиях ликвидировать РАН значило бы окончательно похоронить в России фундаментальную науку. Ну а что касается поддержки государством науки, то, напомним, работающий в России и читающий лекции в Аризонском университете (США) физик, академик РАН В. Захаров указал на то, что бюджет РАН со всеми ее двумястами институтами и центрами, архивами и библиотеками равен бюджету одного хорошего американского университета⁷⁴. Со своей стороны директор Института США и Канады РАН академик РАН Сергей Рогов привел данные за 2009 г. о доле расходов на НИОКР разных стран в общемировых расходах. Она составляет в США 35%, в Японии — 2,6%, в Китае — 11,1%, а в России — 2%, что меньше, чем в Индии с ее показателем 2,5%⁷⁵.

Так откуда же взяться достижениям в «прикладных и фундаментальных исследованиях», «прорывным направлениям в науке» и тем более «опережающему развитию» фундаментальных и поисковых исследований на мировой арене?! Если это не маниловщина, то что тогда? Может быть, заказной пиар с целью введения в заблуждение общества по поводу реального состояния российской науки, близкого к катастрофическому?

Приведу еще один тезис документа: «Принципиальным условием политики, нацеленной на обеспечение устойчивого экономического роста, является отказ от попыток регулирования рынка труда (в частности, с помощью формальных и неформальных препятствий сокращения занятости)»⁷⁶.

То есть предлагается дать полное право нанимателю в любой момент выбросить работника на улицу безо всяких объяснений. Это отнюдь не случайный пассаж. Многие либеральные экономисты повышение конкурентоспособности российской экономики на мировой арене видят в сокращении государственных и прежде всего социальных расходов, в ликвидации неконкурентоспособных предприятий (которых у нас большинство), что неизбежно привело бы к взрывному росту безработицы, и они (либеральные экономисты) пытаются подвести под это теоретическую базу. А после вступления России в ВТО такой сценарий вполне возможен. Но какие это может иметь социальные последствия, похоже, их мало интересует, либо не воспринимается их сознанием. Есть точка зрения, что многие чиновники, в том числе от науки, заранее подготовили себе «запасной аэродром»: недвижимость в западных странах, счета в банках на крупные суммы на фамилии подставных лиц (поскольку им законодательно запретили держать средства в зарубежных

банках), живущие там дети и родственники; соответственно, в критических условиях они могут спокойно покинуть Россию. Не исключая этого, я все же думаю, что тут больше сказывается их оторванность от жизни народного большинства, с одной стороны, и следование утопическим мировоззренческим установкам — с другой. Наши либералы-западники в своем большинстве традиционно равняются на западные теории, западные формы общественной жизни и идущие оттуда подсказки, не учитывая разные уровни экономического и общественного развития России и стран Запада.

Резко негативную оценку новому варианту «Стратегии–2020» дал известный общественвед, профессор Сергей Кара-Мурза. «Документа с более хладнокровным и циничным презрением к истине и с таким тоталитарным мышлением я не помню с начала 1990-х годов. Впервые наши реформаторы открыто выложили свой протокол о намерениях и откровенно говорят о том, во что они хотят превратить страну. Даже Б.Н. Ельцин и Е.Т. Гайдар так откровенно не изъяснялись»⁷⁷. Схожим образом высказался и уже упоминавшийся С. Сулакшин. Как методолог, занимающийся проектированием документов, связанных с задачами государственного управления, даже минимально требуемой структуризации в «Стратегии–2020» он не находит. «Задач не поставлено, значит, государственно-управленческих решений не существует. Существуют развилки, сценарии. Их ресурсного обеспечения, календаря их исполнения, исполнителей — ничего этого нет. Этот документ не предназначен для исполнения. А если кто-то и захотел бы его исполнить, то просто не смог бы. Это действительно политическая провокация, манифест, который испытывает В. Путина и правительство, ищет слабинку, ищет возможность радикализировать либерально-космополитическую доктрину»⁷⁸.

Выскажу и свои соображения. **Первое.** Как можно было поручить составление стратегии развития страны на долгосрочный период людям, которые либо сами были причастны к провальным реформам 90-х, либо являются продолжателями политики Гайдара—Чубайса. Не говоря о бедствиях народа, в тех реформах берут корни и редкая в мире коррупция и преступность, и развал научно-технической инфраструктуры, и небывалое падение духовности и нравственности в стране. Тем более что В. Путин не раз говорил о «лихих 90-х», о тех, кто «ураганил», грабя страну. Да и мировые экономические авторитеты, в том числе лауреаты Нобелевской премии по экономике, как, например, Роберт Манделл, называли те реформы провальными, грабительскими и даже катастрофическими для страны. Так, отвечая на вопрос корреспондента, правильно ли было то, что наши реформаторы следовали советам МВФ, МБ, ЕБ (Европейский банк), он ответил: «Рекомендации перечисленных вами организаций, быть может, и неплохие в отдельности, вместе взятые, стали для вашей страны полной катастрофой»⁷⁹. Поистине, прав был Бердяев, когда говорил, что в России может происходить нечто такое, что не поддается ни логике, ни рациональному объяснению.

Второе. Разработчики «Стратегии–2020» показали свою экономическую несостоятельность. Они толкуют о постиндустриальной экономике в стране,

где разрушена промышленность и господствует сырьевая экономика, не создающая предпосылок как в сфере технологий, так и человеческого капитала для перехода к этапу инновационного развития. Еще раз подчеркиваю, мы понесли большие потери в академической науке, практически потеряли прикладную науку, испытываем острый дефицит в инженерно-технических кадрах и даже кадрах квалифицированных рабочих. В таких условиях наши научные разработки либо не будут востребованы вообще, либо уйдут на Запад и в Китай. Следовательно, надо сначала провести реиндустриализацию хотя бы на самых важных направлениях технико-экономического прогресса.

Третье. Та «тройка», которая, по словам С. Сулакшина, сыграла роль истины в последней инстанции при обновлении «Стратегии–2020», как будто бы живет вне времени и пространства, а еще ничего не читает и ничего не слышит. Они говорят о новой экономике, которую будут определять сервисные отрасли, ориентированные на развитие человеческого капитала: образование, медицина, информационные технологии, медиа, дизайн... В то время как во властных кругах западных стран, во многих из которых безработица стала национальным бедствием, заговорили о необходимости «вернуть домой» промышленность, которую они так неосмотрительно отдали Китаю и другим развивающимся странам. Германия меньше других европейских стран пострадала от кризиса как раз потому, что у нее высоко развита промышленность и второй в мире после Китая объем экспорта. В отличие, скажем, от Британии, которая занимает второе место в мире (после США) по инновациям, но в которой в последние десятилетия резко сократился промышленный сектор. Руководство Евросоюза ставит задачу довести продукцию промышленного производства до 20% ВВП.

Четвертое. Эта же «тройка», будучи во власти неолиберальной теории, оказалась неспособной не только увидеть два типа переходного периода к рыночной экономике, диктующих две разные стратегии. Она, похоже, не очень вникала в причины разной эффективности работы государственных предприятий. А также гипертрофировала саморегулирующую способность рыночной экономики. Но начнем по порядку. Цитирую еще одну выдержку из рассматриваемого документа: «Главная идея данной стратегии (“Стратегии–2020”. — А.К.) состоит в минимизации государственного регуляторного вмешательства в экономику... Стратегия основывается на “презумпции добросовестности”: развитие бизнеса и создание условий для добросовестных предпринимателей важнее возможных рисков, связанных с недобросовестным поведением». И далее: «Многолетние и многочисленные исследования, проведенные в различных странах, включая Россию, показывают, что промышленные фирмы и с государственной и смешанной формой собственности существенно менее эффективны по сравнению с частными компаниями, а приватизация оказывает положительное влияние на уровень и темп экономического роста...»⁸⁰

Во-первых, с наступлением мирового финансово-экономического кризиса крупнейшие западные экономисты, включая лауреатов Нобелевской пре-

мии, признали, что государство действительно «минимизировало регуляторное вмешательство в экономику» и получило глубокий затяжной кризис. Появление гигантских экономических и особенно финансовых «пузырей» («пирамид») есть наглядное тому свидетельство. Это раньше руководителей Евросоюза поняла администрация президента США Барака Обамы. Вбросив крупные средства в оздоровление экономики, она добилась более быстрого выхода страны из кризиса, нежели страны Евросоюза. Но и его руководители перед лицом глубочайшего долгового кризиса стран южной Европы и спада в них производства вынуждены были прибегнуть к активному государственному вмешательству в функционирование финансовой системы отдельных стран и созданию с этой целью финансового органа в масштабе Евросоюза. Хотя принятые меры по стимулированию экономического роста сильно запоздали и были явно недостаточны, таким образом на смену фетишизируемой нашими неолибералами «невидимой руки рынка» пришла рациональная модель развития.

Во-вторых, существуют два типа переходных периодов от государственной или полугосударственной экономики. Одним из них давно занимались экономисты либеральной и неолиберальной школы, их теорию на практике проводил в жизнь МВФ, по большей части неудачно, что вынужден был признать и «крестный отец» современного неолиберализма, ныне уже покойный Милтон Фридмен. Это все те меры, которые составили основу рассмотренного выше «Вашингтонского консенсуса». Речь идет о развивающихся странах, в которых стихийное развитие частной собственности государством не только не подавлялось, но и стимулировалось. Во многих из этих стран для ускорения экономического роста власти создавали непосильные для частного сектора крупные государственные предприятия, и в итоге государственный сектор нередко становился доминирующим в экономике. В качестве примера можно привести Индию. По мере развития там частного предпринимательства и приватизации государственный сектор сокращался, однако до того, как частный сектор стал доминирующим, прошло много времени. При этом государство продолжает свое активное участие в экономическом процессе и как регулятор, и как инвестор⁸¹. Даже после начала экономической либерализации в 1990-х гг. и ускорения темпов роста ВВП, доходивших до кризиса до 9% в год, индийское государство все еще держит руку на пульсе экономического процесса. Например, по данным на конец 2012 г., оно ограничивало прямые иностранные инвестиции в сектор потребительских товаров.

В России же имеет место инверсионное (то есть возвратное) развитие. Вначале мы отвергли еще не зрелый, отягощенный феодальными пережитками капитализм, построили так называемый реальный (а если точнее, полугазарменный) социализм, а потом отринули и социализм, и на его месте возник малоцивилизованный, сильно криминализированный капитализм. При этом, как это часто бывает при смене одного строя другим, сохранились и некоторые элементы прежней системы в экономике (подрывающий

конкуренцию монополизму), социальной сфере (остатки бесплатной медицины и образования) и методах нового правящего класса, который в немалой своей части «вышел из шинели» не знавшей демократии тоталитарной системы и по инерции тяготеет к «закручиванию гаек». Ведь наша страна более 70 лет «варилась в котле» реального социализма, при котором частное предпринимательство сурово каралось, бизнесмены назывались эксплуататорами и кровопийцами, граждане воспитывались в антисобственническом духе. Экономика была не просто огосударствлена, но и отягощена тяжелой промышленностью и сильно милитаризована, одних только созданных для обслуживания ВПК градообразующих предприятий насчитывались многие сотни. Как известно, экономика работала по одобренному сверху плану и фактически не знала конкуренции, носила закрытый характер.

Особо подчеркну, что на Западе не было такого феномена, как инверсионное развитие, а, стало быть, не было и не могло быть ни теории, ни практики перевода социалистической экономики на рельсы рыночного развития. И то, что определенные силы в США навязали команде Б. Ельцина неолиберальный проект реформирования российской экономики, указывает на одно из двух: либо на их невежество, либо на злой умысел. Последнее представляется более правдоподобным. На деле реформирование такой экономики должно было проходить при самой активной роли государства и занять целую историческую эпоху, как это имеет место в Китае.

Если же последовать совету разработчиков «Стратегии–2020» и минимизировать вмешательство государства в экономику, то Россия навсегда останется сырьевым придатком развитых, а теперь и среднеразвитых стран. Как уже подчеркивалось выше, у доминирующих в экономике сырьевых компаний нет ни стимула, ни резона развивать промышленность и высокие технологии за рамками своих собственных потребностей. Впрочем, они и свои потребности в технике и технологиях предпочитают удовлетворять за счет их приобретения в западных странах. Только государство способно их к этому принудить, если, конечно, его интересы в лице высоких чиновников не совпадают с интересами «сырьевиков».

Пятое. Представления о неэффективности государственной собственности и эффективности частной не всегда подтверждаются статистическими данными. Да, в наших условиях государственная собственность малоэффективна, в том числе и потому, что решает не только экономические, но и какие-то другие задачи. Однако в Китае она работает по рыночным законам и работает, как правило, хорошо. А если плохо — то предприятие (фирма, компания) после истечения льготного периода (о чем упоминалось выше) тут же ликвидируется. Она эффективна прежде всего потому, что там четко прописаны не меняющиеся постоянно, как у нас, правила ведения бизнеса, а за коррупцию и казнокрадство неминуемо следует суровое наказание, несмотря ни на высокий чин, ни на прежние заслуги — будь ты член Политбюро ЦК КПК, министр или руководитель крупнейшей и преуспевающей компании.

Но в нашем случае, во-первых, приватизированные предприятия, если они не были распроданы, закрыты или перепрофилированы под магазины, фитнес-клубы, склады и т.д., часто работают хуже, чем в советское время. И во-вторых, лучше будет такая государственная собственность, какая есть, чем никакой, учитывая, что целый ряд наших крупных и стратегически важных для страны компаний прописаны в других странах и юридически являются уже и как бы не нашими. Как заявил экономист, главный редактор влиятельного журнала «Эксперт» Валерий Фадеев в ходе работы организованного в Государственной думе «круглого стола» под названием «Национализация элит»: «Крупный бизнес мы уже проиграли. Верхушка списка “Форбс”, ну с некоторым исключением, уже никогда не вернется, она уже живет в другом мире, и судебный процесс Березовский—Абрамович по большому счету к нам никакого отношения не имеет»⁸².

По инициативе президента В. Путина началась борьба против регистрации российских компаний за рубежом, главным образом в офшорных зонах, появился даже термин «деофшоризация российской экономики». Однако ее результаты пока не очевидны. Попутно замечу, что речь идет не только о регистрации российских компаний в офшорах, что, как утверждают эксперты, связано с коррупцией, но и о выводе из страны капитала. В журнале «Эксперт» опубликована большая аналитическая статья на эту тему, и в ней, в частности, говорится: «По оценкам экспертов известной консалтинговой компании Boston Consulting Group (BCG), стоимость принадлежащих российским миллионерам финансовых активов, размещенных в офшорах на конец 2008 г., составляла 38% общей стоимости всех их активов, в то время как аналогичные показатели у Японии и США составляли 2–3%, а по миру в целом — менее 8%. За 2008–2012 гг. чистый отток частного капитала достиг почти 360 млрд долл.»⁸³

Кстати сказать, в свое время Михаил Ходорковский хотел продать какую-то часть крупнейшей в России нефтяной компании «ЮКОС» «стратегическому инвестору» в лице американского гражданина. По этому поводу вначале тревогу забили политологи, а потом последовала реакция президента Путина.

Шестое. Авторы обновленной «Стратегии–2020» толкуют о «презумпции добросовестности» предпринимателей, для которых «развитие бизнеса и создания условий для добросовестных предпринимателей важнее возможных рисков, связанных и недобросовестным поведением». Откровенно говоря, не верится, что это написано людьми, живущими в нынешней России. Не может быть, чтобы те, кто прямо либо косвенно участвовал в проведении радикально-либеральных реформ и приватизации 1990-х гг., не знали о степени криминализации российского бизнеса, криминальной, по сути, схеме залоговых аукционов, на почве которой выросло едва ли не большинство наших миллиардеров. Мировой опыт показывает: целая эпоха должна пройти, пока вороватый и тем более криминальный бизнес при благоприятных условиях сможет трансформироваться в сообщество цивилизованных предпринимателей.

Наконец, последнее. Почему-то практически все планы развития страны у нас появляются, как правило, в канун общероссийских выборов — президентских и парламентских, и, как утверждают многие эксперты, несут в себе отчетливо выраженную «пиаровскую» составляющую. Об одних из них тут же забывают, другие живут недолго, а третьи оказываются непригодными для исполнения. Так, например, перед выборами в Государственную думу 2007 г. руководством «Единой России» как партией парламентского большинства было объявлено о создании «Плана Путина», который партия намерена осуществлять в случае своей победы на выборах. На деле «План Путина» представлял собой сборник ежегодных Посланий президента РФ Федеральному собранию РФ. Но такие документы составляются с учетом текущей ситуации в стране и не носят долговременного, стратегического характера. Притом что сам Путин, по его же признанию, не имел к этому плану прямого отношения. Но в том же 2007 г. по его инициативе уже началась работа над «Стратегией–2020», и «План Путина» его инициаторы тихо похоронили. Первый вариант «Стратегии–2020», как уже говорилось, не выдержал испытания временем, а второй, по единодушному мнению независимых экспертов, скорее представляет собой заявление о намерениях, причем оторванных от жизни и заведомо не реализуемых. Он даже не годится в качестве пиара, поскольку у нормального грамотного человека вызывает отторжение.

Запоздалая модернизация

Говоря об отсутствии стратегии модернизации экономики и страны в целом, нельзя обойти факт появления идеи модернизации России, которую выдвинул в интернет-статье «Россия, вперед!» ставший в 2008 г. президентом РФ Дмитрий Медведев⁸⁴. Некоторые положения статьи были развиты и дополнены президентом в его втором ежегодном Послании Федеральному собранию РФ 12 ноября 2009 г. Однако основные принципы «нового курса» президента Медведева были изложены именно в статье «Россия, вперед!». Я кратко напомню о них.

Во-первых, президент поставил вопрос о комплексной модернизации России, включая политическую систему, а не только экономику. Но модернизацию постепенную, поэтапную, не нарушающую стабильность в стране. Конечная ее цель — построение процветающего, открытого демократического общества на базе инновационной экономики. Во-вторых, в отличие от того, что говорилось правительством и руководством Госдумы по поводу нашего быстрого экономического роста, Медведев подчеркнул тяжелое положение российской экономики, которая, по существу, не развивалась последние 20 лет, не считая роста ВВП за счет небывало высоких цен на экспортируемое сырье. Указал он и на причины фактического неразвития страны. В-третьих, президент заявил: «модернизация российской демократии, формирование новой экономики, на мой

взгляд, возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества. Без всяких комплексов, открыто и прагматично... Нам нужны деньги и технологии стран Европы, Америки и Азии». Так откровенно до Медведева из высших должностных лиц еще никто не говорил.

В-четвертых, президент по-новому поставил вопрос о проведении государством внешней политики, которая исключала бы враждебность, обидчивость, кичливость, закомплексованность, ностальгию и пр., но основывалась на «стратегических долгосрочных целях модернизации России». Что на деле очень актуально, поскольку в последние годы над национально-государственными интересами страны порой брали верх чиновное тщеславие, амбиции, игра в «сверхдержавие» или, как выразился бывший заместитель главы президентской администрации и вице-премьер правительства РФ Олег Сысуев, отдающая неадекватностью игра в «пиар-величие нашего государства»⁸⁵. В самом деле, наши чиновники нередко вели себя так, словно они живут в советской сверхдержаве, «забывая» о том, что наш ВВП примерно в десять раз уступает американскому, а научно-технический потенциал — и того больше. Бахвалились то нашими якобы не знающими преград ракетами, в частности «Булавой», в то время как она еще не прошла испытательный срок, то истребителем пятого поколения, за который выдавали его прототип. Многие аналитики говорят, что все это декларируется для «внутреннего пользования», дабы, так сказать, компенсировать провалы в гражданских сферах. Однако при воинственной риторике наших чиновников никто на Западе не будет содействовать модернизации экономики России. Запад лишь заинтересован в наших энергоносителях и шел и идет на создание у нас предприятий «отверточной технологии», в частности, по сборке автомашин при их перепроизводстве в странах ЕС. Но это не развивает, а скорее глушит рост отечественного автомобилестроения и губит отечественную инженерную мысль.

В-пятых, в заключение своей статьи Медведев заявил: «Нашей работе будут пытаться мешать. Влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимающих “предпринимателей”. Они хорошо устроились. У них “все есть”. Их все устраивает. Они собираются до скончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и боятся его».

Действительно, прямое или скрытое противодействие реализации «нового курса» президента Медведева не заставило себя долго ждать. Ведь он указал едва ли не на все негативные стороны нашего нынешнего бытия, как то: неэффективная экономика, неразвитая социальная сфера и демократия, слабое гражданское общество, острые социальные проблемы, низкий уровень продолжительности жизни граждан, негативная демографическая тенденция, неадекватная остроте проблем политика государства в Северо-Кавказском регионе и т.д. И это, естественно, не могло понравиться тем из

властного аэропага, кто до небес восхвалял достижения России. Это, прежде всего, партия «Единая Россия», руководство которой все последние годы активно поддерживало курс Путина на сырьевую ориентацию экономики. И на своем XI съезде в ноябре 2009 г. «ЕР» объявила себя консервативной партией и высказала свою приверженность консервативной модернизации. Но модернизация в общепринятом понимании — это курс на изменения, в конечном итоге, революционного характера, а консерватизм — это сохранение того позитивного, что есть, и медленное продвижение вперед. Только много ли в нашей политической, экономической, социальной жизни и духовно-нравственной сфере ценного, «доброе, вечное», что общество хотело бы сохранить? И можно ли при катастрофическом положении в экономике и фатальном отставании России от передовых стран позволить себе модернизацию по принципу «нам некуда спешить»?

В свою очередь пересевший из кресла президента в кресло премьера В. Путин, которому, очевидно, не понравилась идея не только экономической, но и политической модернизации, фактически солидаризировался с идеей консервативной модернизации, заявляя о том, что в ходе перемен нельзя допустить нарушение стабильности в стране.

Вместе с тем многое из того, что было связано с объявленной Медведевым идеей модернизации, вызывало вопросы. Во-первых, вступивший в должность президент изложил свою программу модернизации страны не в выступлении перед депутатами парламента или по национальным телеканалам, а в статье в Интернете, практически недоступном большинству россиян. Аналогичное подобному решению трудно найти в новейшей истории. Во-вторых, он никак не реагировал на заявление Путина, уже в ранге премьера, что именно правительство будет определять социально-экономический курс государства, хотя и по Конституции, и по установившейся практике это всегда было прерогативой президента. В-третьих, в его ближайшем окружении оказались люди, стоящие на неолиберальных позициях, для которых неприемлемо активное участие государства в экономическом процессе, без чего практически невозможно перевести сырьевую экономику на инновационный путь развития. Во всяком случае, нет в мире такого примера. В-четвертых, созданный на базе РИО-Центра (Центр развития информационного общества) Институт современного развития (ИНСОР), куратором которого стал Медведев и который должен был готовить для него разработки по вопросам модернизации страны, возглавлялся неолибералами. Притом в своей работе его руководители высказывали пиетет по отношению к реформам Гайдара—Чубайса, имена которых в массовом сознании связывались с голодными 90-ми и, соответственно, вызывали негативное отношение среди граждан. Более того, руководитель ИНСОР Игорь Юргенс позволил себе публичное высказывание о неготовности российского народа к демократии, что стало предметом обсуждения во властных кругах, включая Госдуму, и бросало тень на самого президента⁸⁶.

Наконец, в экспертных кругах отмечалось, что в совместном правлении президента и премьера, получившем название «тандема», первую скрипку

играет В. Путин. Такой вывод был сделан ими на том основании, что и в экономике, и в научно-технической сфере продолжался заданный Путиным курс развития.

Многие надеялись, что с приходом в Кремль гражданского человека Д. Медведева будут расширены рамки демократии, которые резко сузились при правлении бывших силовиков во главе с В. Путиным. (Не имеющие опыта политической борьбы в условиях конкуренции, некоторые из них пытаются использовать методы борьбы с оппозицией в духе своей профессии.) Медведеву что-то действительно удалось сделать на этом направлении, хотя радикальных перемен не произошло. Близкие Кремлю политологи объясняли это тем, что Медведев вынужден считаться с позицией Путина, которому он обязан своим карьерным ростом (как и с соотношением сил в правящем классе), и что во время второго президентского срока он уже будет свободен проводить собственную политику. Однако 26 сентября 2011 г. на съезде «Единой России» Д. Медведев неожиданно даже для людей из его окружения объявил о своем отказе выдвигаться кандидатом в президенты на второй срок в пользу В. Путина. Тот, в свою очередь, заявил, что если он будет избран президентом, то назначит Медведева премьером. Что и произошло на деле. На этом объявленная Медведевым комплексная модернизация страны, которая в экономике, по сути, еще и не началась, закончилась.

Итоги двадцати лет реформ

В 2011 г. исполнилось 20 лет российским реформам, и в связи с этим два ведущих российских научно-исследовательских центра — Институт экономики РАН и Институт социологии РАН — подготовили аналитический материал «Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов». Он был подписан директорами этих институтов, соответственно член-корреспондентом РАН Р.С. Гринбергом и академиком РАН М.К. Горшковым, и опубликован в Международном научно-общественном журнале «Мир перемен»⁸⁷. Приведу некоторые цифры. За двадцать лет инвестиции в реальный сектор экономики были на 25% меньше, чем в 1991 г., объем строительных работ снижен на 30%, промышленного производства — на 12%. Валовой сбор зерна и производство яиц в последней пятилетке прошедшего двадцатилетия (2007–2011) — уменьшился на 15%, валовой сбор картофеля — более чем на 30%, а молока — более чем на 40% от среднегодовых показателей 1986–1990 гг.⁸⁸ В 2011 г. объем промышленного производства составлял около 88% от уровня 1991 г., машин и оборудования производилось на 40% меньше, а производство металлорежущих станков и кузнечно-прессовых машин — соответственно 4% и 8% от уровня 1991 г. Авторы делают вывод, что «развивается тенденция деиндустриализации российской экономики и нарастания технологического отставания от стран-лидеров», и подкрепляют это пугающими цифрами: «к концу первого десятилетия наступившего века про-

изводство автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки сократилось в 140 раз, металлорежущих станков с числовым программным управлением — более чем в 40 раз, кузнечно-прессовых машин с числовым программным управлением — более чем в 7 раз. При этом производство металлорежущих станков и автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки сокращалось и в период кризиса 90-х годов, и в период роста 2000-х»⁸⁹.

Но еще больше пострадали высокотехнологичные и наукоемкие отрасли. Объем производимой ими продукции сократился вдвое, а «число организаций промышленности, осуществлявших технологические инновации, оставались на уровне 10%, а доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме реализованной продукции — на уровне 4–5%».⁹⁰ Если передовые страны развиваются в рамках шестого технологического уклада, то Россия — четвертого, что делает перевод нашей сырьевой экономики на инновационный путь развития нереальным в обозримой исторической перспективе⁹¹.

Цифры, отражающие темпы развития страны, важны, но не менее важны выводы и констатации. Во-первых, деиндустриализация и примитивизация российской экономики продолжается. Во-вторых, властная вертикаль устроена так, что она сужает рамки предусмотренного Конституцией федеративного устройства государства, «усекает» права местных органов государственной и муниципальной власти и сковывает экономическое развитие. В-третьих, финансовая система не решает задачи модернизации экономики. «В кризисный период, в отсутствие ужесточения валютного регулирования, имели место резкое сокращение притока капитала и значительный его отток за границу. За 2008–2011 гг. чистый вывоз капитала частным сектором за рубеж, по данным Банка России, составил 257 млрд долл.»⁹² В-четвертых, экономика страны лишена механизма саморазвития, притом что темпы ее роста определяются не внутренними факторами, а ценами на энергоносители на мировом рынке. В-пятых, по оценкам социологов, большинство россиян (около 70%) не считает безальтернативной реализованную в 90-е модель реформ. Более того, они считают, что реформы проводились «в интересах как самих реформаторов, так и стоявших за ними общественных групп, стремившихся к переделу в свою пользу бывшей социалистической собственности»⁹³. В-шестых, «реформы 90-х, по мнению россиян, привели к ухудшению положения дел буквально во всех сферах жизни общества и страны, особенно в экономике и в социальной сфере»⁹⁴. В-седьмых, хотя с приходом к власти В. Путина однозначно негативное восприятие россиянами реформ 90-х изменилось, «в то же время фиксируется нарастание в 2000-е годы негатива, связанного с ростом коррупции, бюрократического засилья, а также с деградацией социальной сферы»⁹⁵. В-восьмых, наряду с надеждами на улучшение ситуации в будущем растет «чувство несправедливости происходящим в стране, стыда за нынешнее состояние страны, собственной беспомощности повлиять на происходящее. Естественным следствием этого выступает и быстрый рост среди наших сограждан чувства агрессии»⁹⁶.

В рассматриваемом аналитическом документе были высказаны и другие суждения по экономическим и социальным проблемам, в том числе о глубоком расслоении общества, о тяжелом состоянии науки, о падении духовности и нравственности, о тяжелой демографической ситуации, об опасной для будущего страны «утечке умов», а еще и о потерях россиян, связанных с распадом СССР.

Я, однако, ограничусь одним из важных, с моей точки зрения, выводов: «цельная, единая, внутренне согласованная в основных своих направлениях двадцатилетка реформ в стране не получилась»⁹⁷. Как мне представляется, за ним стоят две причины. Во-первых, очень сложно оценить то, что, с одной стороны, было неизбежным, являлось следствием одного из многих переломных этапов в истории нашей страны; а с другой стороны, то, что было сделано сгоряча, ошибочно, в том числе по подсказкам извне, и может стоить нашей стране окончательного ухода с политической карты мира в качестве сильной и развитой. Во-вторых, у самого общества нет единого мнения о важнейших сторонах происходящих у нас событий и процессов даже не последних 20 лет, а еще со времен начатой М. Горбачевым перестройки.

Несмотря на многие негативные стороны развития в постсоветский период, сделано было и немало такого, о чем раньше россияне не могли и мечтать. Так, постоянно расширяется сеть современных магазинов, рынков, нет очередей за продуктами, как было в советские годы. Появились товары, которых многие советские люди раньше в глаза не видели. Резко увеличилось число граждан, отдыхающих на зарубежных курортах. Мы можем свободно уезжать на отдых в другие страны. (Хотя, по данным заслуживающих доверия источников, у нас только двадцать с небольшим процентов граждан имеют заграничные паспорта, и, следовательно, только они и могут выезжать за границу, причем по нескольку раз в год.) Да, у нас далеко еще не зрелая демократия, немало произвола со стороны чиновников и силовиков, но нет былой диктатуры. Нет былых иногда просто нелепых ограничений и запретов. Нет парткомов, строго следящих за тем, чтобы граждане не выходили за рамки предписаний партийных документов и указаний ее руководителей, и нередко вмешивающихся в личную жизнь. Нет прямой цензуры. Мы можем открыто критиковать власти без риска оказаться за решеткой или быть высланным из страны. Хотя, надо признаться, могут быть и негативные последствия для того, чья критика заходит слишком далеко. При высоком уровне бедности и нищеты у нас немало и тех, кто стал жить лучше, чем при советской власти.

¹ Анатолий Чубайс — биография // www.bestpeopleofrussia.ru/persona/Anatoly-Chubays/bio.

² *Интригейтор* М. Российская экономика: все еще нуждается в структурных реформах // ЭКАР-РОССИЯ. Информбюллетень. Вып. 8. Ноябрь 2003 [www.finansy.ru/publ/rus/007.htm].

³ *Богомолов* О. Умны задним умом // [www.imepi-eurasia.ru/baner/umny.doc](http://imepi-eurasia.ru/baner/umny.doc).

⁴ Как рассказывал А. Коржаков, Ельцин, еще работая в Свердловске, увлекался спиртным, а в Москве он стал настолько алкогольнозависимым, что его супруга Наина Иосифовна по его настоятельной просьбе принесла ему бутылку коньяка в больницу на второй день после операции на сердце, не стесняясь при этом присутствия врачей.

- ⁵ Гайдар Е. Испытания выборами // Известия. 28.06.1995.
- ⁶ Гайдар Е. От выборов нельзя уйти или спрятаться, их надо выиграть // Известия. 07.04.1995.
- ⁷ Гайдар Е. Верим в честную политику. Предвыборная платформа ДВР. М., 1995. С. 2.
- ⁸ Симоная Р. Реформы 90-х годов: общественно-политические результаты экономических преобразований в России // Континент. 2011. № 147 [magazines.russ.ru/continent/2011/147/si54.html].
- ⁹ Трещанин Д. Академик Петраков: «Олигархи стали главными бюджетниками» // Свободная пресса. 20.10.2011.
- ¹⁰ Шохин А. Интервью радио «Свобода». 13.09.2011.
- ¹¹ См. подр.: Баймухаметов С. Миф будет вызывать к справедливости // Московская правда. 01.10.2012.
- ¹² См. подр.: Баймухаметов С. Миф будет вызывать к справедливости // Московская правда. 01.10.2012.
- ¹³ См. подр.: Баймухаметов С. Миф будет вызывать к справедливости // Московская правда. 01.10.2012.
- ¹⁴ Данилов В.П. Аграрная реформа в постсоветской России (взгляд со стороны) // eesocman.hse.ru/data/015/645/1219/028/Danilov.pdf.
- ¹⁵ Данилов В.П. Аграрная реформа в постсоветской России (взгляд со стороны) // eesocman.hse.ru/data/015/645/1219/028/Danilov.pdf.
- ¹⁶ Алина-Пизано Дж. Аграрные реформы в России и на Украине: сравнительный анализ // magazines.russ.ru/oz/2004/1/2004_11_38.html.
- ¹⁷ Адуков Р. Аграрные реформы и развитие сельской экономики России // www.adukov.ru/articles/agrarnye_reformy.
- ¹⁸ См. подр.: Серова Е.В. Аграрная реформа в России переходного периода // ru-90.ru/node/1321.
- ¹⁹ См. подр.: Современная Россия как импортер продовольствия // www.memoid.ru/node/Sovremennaya_Rossiya_kak_importjor_prodoovolstvija.
- ²⁰ Плотицков В. Страну с хлебом в руке никто не назовет «Империей зла»! // Российская газета. 27.11.2007.
- ²¹ В 2013 году Россия импортировала продовольствия на 43,1 млрд долларов // old.agriculture.by/archives/6595.
- ²² Серова Е.В. Аграрная реформа в России переходного периода. История новой России // ru-90.ru/node/1321.
- ²³ Нартов Н.А. Продовольственная безопасность России // akademiagrp.ru/prodovolstvennaya-bezopasnost-rossii.
- ²⁴ Нецадин А. Государственные субсидии на Западе составляют до 70% стоимости сельскохозяйственной продукции. Журнал Аграрное обозрение июль-август 2009 г. // agroobzor.ru/zar/a-123.html.
- ²⁵ Гринберг Р. Нелепо зависеть от заграницы // Известия. 15.02.2008.
- ²⁶ Гринберг Р. Шансы: Третья улыбка Фортуны // Ведомости. 01.07.2009.
- ²⁷ Гринберг Р. Слово к читателю. Мир перемен // www.imepi-eurasia.ru/mir.php.
- ²⁸ Иноземцев В. Всем по билету — в космос // Аргументы и факты. 2010. № 5. С. 14.
- ²⁹ Крупнов Ю. Полеты в планах и наяву // Аргументы и факты. 2011. № 44. С. 9.
- ³⁰ Крупнов Ю. Полеты в планах и наяву // Аргументы и факты. 2011. № 44. С. 9.
- ³¹ Крупнов Ю. Полеты в планах и наяву // Аргументы и факты. 2011. № 44. С. 9.
- ³² См.: Сологубовский Н. Гибель самолета Surhoi Superjet 100 // www.proza.ru/2012/05/13/1009.
- ³³ Цит. по: Суперджет — авиационный форум // АВИФОРУМ.NET [chaldon.ucoz.ru/forum/392-171-].
- ³⁴ Сальманов О., Кантышев П. Россия увеличила отставание от мировых суперкомпьютерных держав // vedomosti.ru. 25.06. 2014.
- ³⁵ Гусаров Р. Какая судьба ожидает гражданское авиастроение в России? // Аргументы и факты. 2012. № 44. С. 9.
- ³⁶ Волков Ю. Бездорожье унижает россиян // Государственная дума [gazduma.ru/tema/8/bezdorogie].

- ³⁷ Волков Ю. Бездорожье унижает россиян // Государственная дума [gazduma.ru/tema/8/bezdorogie].
- ³⁸ Иноземцев В. Всем — по билету в космос // Аргументы и факты. 2010. № 5. С. 14.
- ³⁹ Волков Ю. Бездорожье унижает россиян // Государственная дума [gazduma.ru/tema/8/bezdorogie].
- ⁴⁰ Елин В.А. Самые дорогие дороги России // slon.ru/economics/rossia_1_6_chast_sushi_russkie_dorogi_1_6_ot_neobkhodi.
- ⁴¹ Елин В.А. Российские дороги: кто виноват и что делать? // Журнал МСУ (местное самоуправление) [www.samoupravlenie.ru/430-3.php].
- ⁴² Волков Ю. Бездорожье унижает россиян // Государственная дума [gazduma.ru/tema/8/bezdorogie].
- ⁴³ Елин В.А. Российские дороги: кто виноват и что делать? // Журнал МСУ (местное самоуправление) [www.samoupravlenie.ru/43-03.php].
- ⁴⁴ Елин В.А. Российские дороги: кто виноват и что делать? // Журнал МСУ (местное самоуправление) [www.samoupravlenie.ru/43-03.php].
- ⁴⁵ Панина Е. Бездорожье унижает россиян // Государственная дума [gazduma.ru].
- ⁴⁶ Газета «Государственная дума» // gazduma.ru/tema/8/bezdorogie.
- ⁴⁷ Сигаев С.Г. Как создавался Транссиб (краткий очерк) // www.transib.ru/history-reviw.htm.
- ⁴⁸ Степаншин С. Люди не боятся воровать // Аргументы и факты. 2011. № 17. С. 13.
- ⁴⁹ Ишаев В.И. Проекты опережающего развития инфраструктуры // правительство.рф/docs/15539.
- ⁵⁰ Ишаев В.И. Проекты опережающего развития инфраструктуры // правительство.рф/docs/15539.
- ⁵¹ Ишаев В.И. Дальневосточный вектор России // www.dfo.gov.ru/index.php?id=44&oid=2508.
- ⁵² Романов И. Дискуссия Россия — Китай в XXI веке. — Парламентская газета 23.09.2005.
- ⁵³ Академик Шмелев. Страну убьет рентабельность в 1000% // svpressa.ru/economy/article/18058.
- ⁵⁴ Нечипелов А. Реформа РАН: Россия может потерять науку // www.tpp-inform.ru/official/3893.html.
- ⁵⁵ Осипян Ю.А. Почему законы Ньютона не дают дохода. Российскому бизнесу не нужны научные разработки // gazeta.aif.ru/online/aif/1352/06_01.
- ⁵⁶ Осипян Ю.А. Почему законы Ньютона не дают дохода. Российскому бизнесу не нужны научные разработки // gazeta.aif.ru/online/aif/1352/06_01.
- ⁵⁷ Осипян Ю.А. Почему законы Ньютона не дают дохода. Российскому бизнесу не нужны научные разработки // gazeta.aif.ru/online/aif/1352/06_01.
- ⁵⁸ Научная сессия Общего собрания РАН. 17.12.2008.
- ⁵⁹ Научная сессия Общего собрания РАН. 16.12.2008 (утреннее заседание).
- ⁶⁰ Научная сессия Общего собрания РАН. 16.12.2008 (утреннее заседание).
- ⁶¹ Гринберг Р. Интервью интернет-журналу «Геополитика» // www.геополитика.рф/2012_02/201202_Geopolitika_text_016-4.pdf.
- ⁶² Абалкин Л.И. Страну можно поставить на ноги // Аргументы и факты. 2010. № 50.
- ⁶³ Стратегия 2020 // ru.wikipedia.org/wiki/%D11%E2%FO%FO%F2%E5%E3%E8%EF_2020#cite_note-O#cite_note-O.
- ⁶⁴ Стратегия 2020 // ru.wikipedia.org/wiki/%D11%E2%FO%FO%F2%E5%E3%E8%EF_2020#cite_note-O#cite_note-O.
- ⁶⁵ Кортунов С.В. Стратегия 2020: пересчет маршрута // rudocs.exdat.com/docs/index-5941.html.
- ⁶⁶ Стратегия 2020 // ru.wikipedia.org/wiki/%D11%E2%FO%FO%F2%E5%E3%E8%EF_2020#cite_note-4#cite_note-4.
- ⁶⁷ Сулакишин С.С. Этот документ не предназначен для исполнения, это политический манифест диверсанта // www.rodon.org/society-12041105237.
- ⁶⁸ Стратегия 2020 // ru.wikipedia.org/wiki/%D11%E2%FO%FO%F2%E5%E3%E8%EF_2020#cite_note-4#cite_note-4.
- ⁶⁹ Шмелев Н.П. Россию убьет рентабельность в 1000% // svpressa.ru/economy/article/18058.
- ⁷⁰ Стратегия 2020 // ru.wikipedia.org/wiki/%D11%E2%FO%FO%F2%E5%E3%E8%EF_2020#cite_note-4#cite_note-4.
- ⁷¹ Стратегия 2020 // ru.wikipedia.org/wiki/%D11%E2%FO%FO%F2%E5%E3%E8%EF_2020#cite_note-4#cite_note-4.
- ⁷² Стратегия 2020 // ru.wikipedia.org/wiki/%D11%E2%FO%FO%F2%E5%E3%E8%EF_2020#cite_note-4#cite_note-4.

- ⁷³ Стратегия 2020 // ru.wikipedia.org/wiki/%D11%E2%FO%FO%F2%E5%E3%E8%EF_2020#cite_note-4#cite_note-4.
- ⁷⁴ Захаров В.Е. Наука в России и в современном мире // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимодействие. М., 2010. С. 497.
- ⁷⁵ Рогов С.М. Российская наука: жертва рыночных реформ или движущая сила модернизации? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимодействие. Научные и публицистические заметки обществоведов. М., 2010. С. 489.
- ⁷⁶ Стратегия 2020 // ru.wikipedia.org/wiki/%D11%E2%FO%FO%F2%E5%E3%E8%EF_2020#cite_note-4#cite_note-4.
- ⁷⁷ Кара-Мурза С.Г. «Стратегия–2020». Неужели правительство будет это реализовывать? // www.godon.org/society-120411105237.
- ⁷⁸ Сулакишин СС. Этот документ не предназначен для исполнения, это политический манифест диверсанта.
- ⁷⁹ Манделл Р. Из лошади сделали верблюда // Мир за неделю. № 4. 11.03.2000.
- ⁸⁰ Стратегия 2020 // ru.wikipedia.org/wiki/%D11%E2%FO%FO%F2%E5%E3%E8%EF_2020#cite_note-4#cite_note-4.
- ⁸¹ См. подр.: Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. С. 431–457.
- ⁸² Вежин С. Национализация элит // Независимая газета. 07.09.2012.
- ⁸³ Прасолов В. Теневая экономика оффшоризации, или где искать выход? // Эксперт. 26.06.2013 [www.ps.ru/saver_people/detail/php?ID=74687].
- ⁸⁴ Медведев Д. «Россия, вперед!» // Российская газета. 11.09.2009.
- ⁸⁵ См.: Сысыев О. Передача «Кредит доверия» // Эхо Москвы. 25.11.2009.
- ⁸⁶ В частности, И. Юргенс сказал: «Российская общинность и архаика могут быть преодолены не раньше 2025 г. Только к этому времени российский народ станет ментально совместим в восприятии демократии со среднестатистическим прогрессивным европейцем. Пока же в России очевидна тенденция деградации человеческого капитала... деградация, люмпенизация и даже дебилизация...» См.: www.regions.ru/news/2313818/print.
- ⁸⁷ Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. № 1. С. 8–31.
- ⁸⁸ Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. № 1. С. 12.
- ⁸⁹ Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. № 1. С. 14.
- ⁹⁰ Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. № 1. С. 15.
- ⁹¹ О технологических укладах см.: Лапина О.И. Технологические уклады. Техника философии // stmd.ru/archives/7130.
- ⁹² Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. № 1. С. 17–18.
- ⁹³ Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. № 1. С. 22.
- ⁹⁴ Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. № 1. С. 22.
- ⁹⁵ Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. № 1. С. 23.
- ⁹⁶ Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. № 1. С. 23.
- ⁹⁷ Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. № 1. С. 23.

РАЗДЕЛ IV

Политические реформы в Китае и России

ГЛАВА 12

Особенности политических реформ в Китае

Многие авторы, пишущие о Китае или затрагивающие модную ныне китайскую проблематику, причем, как правило, не синологи, в основном ограничиваются экономическими, реже социальными и тем более технологическими реформами, мало касаясь или вообще не касаясь изменений в сфере политической системы. Для большинства из них слова «коммунистический режим», «компартия Китая» ассоциируются с нашим прошлым и уже представляются достаточными для понимания сути его политической системы. Да и быстрое развитие частного предпринимательства в условиях государственного плана некоторым из них представляется чем-то временным, ненадежным, причем даже профессиональным экономистам. Так, профессор Евгений Ясин, напомним, министр экономики России в годы президентства Б. Ельцина, а ныне научный руководитель НИУ ВШЭ, ведущий программы «Тектонический сдвиг» на радио «Эхо Москвы», заявил: «Один американец меня убеждал, что тысяча авиационных компаний в Китае, все государственные и все друг с другом отчаянно конкурируют. Может быть, дано было указание конкурировать, они и конкурируют. Но когда конкуренция между государственными предприятиями, ее в два счета можно прекратить. По команде... В конце концов, выигрывать будут те, кто способен производить инновации. Пока условий для создания инноваций в Китае нет. И они должны об этом думать»¹.

Откровенно говоря, странно слышать такие далекие от профессионализма и научной объективности доводы. И уж если говорить о тектоническом сдвиге в мировой экономике, то в первую очередь он связан с фантастически быстрым ростом Китая. Хотя, будучи научным руководителем одного из центров неолиберализма в России и президентом фонда «Либеральная миссия», Е. Ясин, судя по всему, свою задачу видит не в объективном отражении глобальных изменений, а в распространении неолиберальных взглядов в российском обществе, и, можно предположить, с целью убеждения властей в необходимости продолжения неолиберальной экономической политики. В самом деле, разве не очевидно, что Китай не смог бы за три десятилетия из отсталой страны превратиться во вторую экономику мира без повышающей экономической эффективность

острой конкурентной борьбы, будь хозяйствующие субъекты частными или государственными?! Ну а об инновациях, по которым Китай уже давно обогнал Россию, мы поговорим в другой главе.

Политические реформы как важнейшее условие быстрого развития Китая

Когда Дэн Сяопин стал по факту руководителем Китая, то у него, вероятнее всего, уже был стратегический план развития страны в «послемаоцзэдунскую эпоху». Это видно из той политики, которую он и такие его единомышленники, как Лю Шаоци, стремились проводить еще при власти Мао, за которую он называл их «находящимися у власти, но идущими по капиталистическому пути», а потом и репрессировал. Ведь программа «четырех модернизаций» — промышленности, сельского хозяйства, науки и обороны — еще тогда была выдвинута Дэн Сяопином. А «пятой модернизацией» глубокий знаток китайских реалий, востоковед, писатель Всеволод Овчинников назвал как раз политические реформы². И это действительно так. Пройдя через жернова инициированных Мао Цзэдуном массовых репрессий, в которых погибли многие его соратники и сторонники, и чудом сохранив собственную жизнь, Дэн Сяопин наверняка имел соображения, как этого больше не допустить. Но на примере советского опыта он уже знал, какие негативные последствия может иметь безоглядное разоблачение грубых ошибочных решений и преступных деяний первого руководителя, с которым связано рождение нового государства и новой общественной системы, при которой выросло несколько поколений людей. Причем само по себе разоблачение так называемого «культа личности» первого руководителя — диктатора не является гарантией от появления нового диктатора. Однако Дэн Сяопин не мог не думать и о том, что надо сделать, чтобы переход на новую экономическую модель развития, неизбежно связанную с социальным расслоением, не вызвал отторжения в народе, воспитанном в духе ненависти к богачам и многие годы жившем в условиях относительного социального равенства. Были и другие проблемы, которые неизбежно вставали перед Дэн Сяопином при разработке стратегического плана «Реформа и открытость». Но начнем все по порядку.

Мао Цзэдун остается великим государственным деятелем

В отличие от Н. Хрущева, Дэн Сяопин сумел подняться не просто над личными обидами, унижениями, а над всем тем злом, которое по вине Мао обрушилось на него и его семью. Я напомним, что хунвейбины из окна четвертого этажа студенческого общежития выбросили его старшего сына Дэн Пуфана, который даже под пытками не признался, где скрывается его отец,

что грозило тому расправой без суда и следствия. (Вдохновенные призывом Мао «Бить по штабам!», хунвейбины часто чинили такие расправы над видными партийными и государственными деятелями, над крупными учеными, писателями и т.д.) Дэн Пуфан на всю жизнь остался инвалидом, постоянным спутником которого стала коляска. Расправы со стороны окружения Мао Дэну удалось избежать и второй раз, когда ему, в преддверии ареста снятому со всех постов, на выручку пришли военачальники, которые вывезли его из Пекина и под вооруженной охраной прятали на юге страны вплоть до кончины Мао.

Иными словами, Дэном как крупной личностью руководили государственные, общенациональные интересы, которые требовали не раскола общества на сторонников и противников «Великого кормчего», а его сплочения для решения гигантской задачи модернизации страны в как можно более сжатые сроки. Дэн Сяопин заявил, что деятельность Мао Цзэдуна на 70% была правильной и только на 30% — ошибочной. Такая оценка, не оспариваемая и поныне, не только не вызвала раскол в обществе, затруднив движение страны вперед, но и была в целом объективно верна. Нередко иностранцы, включая россиян, удивляются тому, что, несмотря на тяжелые последствия для страны политики «большого скачка» и «культурной революции», несмотря на голодную смерть миллионов простых китайцев и гибель многих верно служивших интересам Китая партийных и государственных деятелей, художников, ученых и т.д., Мао Цзэдун продолжает оставаться в Поднебесной высоко почитаемым государственным деятелем, в чем-то (но далеко не во всем!) сопоставимым с Лениным для советских людей.

И дело тут не только в причудах массового сознания, склонного запоминать больше лучшего, чем худшего, и не столько в том, что с именем Мао связаны приход в Китай социализма и деятельность Коммунистической партии, и его разоблачение негативно сказалось бы на имидже того и другого. Здесь важно то, что Мао Цзэдун действительно сыграл выдающуюся роль в китайской истории. Во-первых, он устоял перед давлением Коминтерна, требовавшего ради создания «единого фронта» поддерживать власть Гоминьдана, который и после изгнания из страны японских оккупантов не смог бы решить те острейшие и сложнейшие задачи, которые стояли перед Китаем, но которые были по силам Компартии. Не было других идей, кроме социализма и коммунизма, которые могли бы сплотить почти поголовно бедный народ.

Во-вторых, Мао Цзэдун объединил и, если так можно выразиться, «централизовал» страну, более ста лет раздираемую внутренними противоречиями, расколами, борьбой военных клик и по этой причине ставшую не способной эффективно бороться с внешней агрессией, что в конечном итоге превратило величайшую мировую цивилизацию в полуколонию. В-третьих, в короткие по историческим меркам сроки Мао Цзэдун сумел превратить Китай в ядерную державу и тем самым гарантировать его суверенное существование. И когда говорят, что благодаря деятельности Мао Китай «поднялся с колен», то в этом есть глубокий смысл. А вот когда в России говорят,

что в нулевые годы страна «поднялась с колен», неизбежно возникают вопросы. Разве она была кем-то оккупирована в 90-е? Если даже за оккупантов принимать ельцинских реформаторов, то как это согласуется с тем, что «оккупанты» до сих пор определяют экономический курс страны, а некоторые нынешние высокие чиновники входили в команду Ельцина? (И почему же они тогда не последовали призыву пламенной испанской революционерки Долорес Ибаррури «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»?!)

В-четвертых, каким бы противоречивым это ни казалось, но даже в годы правления Мао Цзэдуна Китай развивался быстрее, чем, например, соседняя Индия. И гораздо быстрее решались социальные проблемы, в том числе ликвидировалась неграмотность. Возможно, это объясняется тем, что первая пятилетка (1953–1957), которая разрабатывалась под руководством Чжоу Эньлая и ветерана революционного движения крупного экономиста Чэнь Юня и осуществлялась при активной помощи СССР, была очень успешной. К тому же, после провала «большого скачка», после разрушений «культурной революции» восстановлением экономики занималась все та же команда во главе с Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином, Чэнь Юнем и их единомышленниками. А восстановление, как известно, осуществляется быстрее, чем новое строительство. Но нельзя забывать и о факторе сплоченности народа, как и о том, с каким энтузиазмом работали китайцы, связывавшие с социализмом начало новой эры в своей истории! А еще не надо сбрасывать со счета и извращения советской пропагандой итогов развития Китая в период резкого обострения советско-китайских отношений.

В качестве подтверждения сказанного приведу следующий пример. Вышедшая в 2007 г. книга «Модернизация экономики и общественное развитие» двух крупных экономистов — уже упоминавшегося академика РАН и Европейской академии, президента Новой экономической ассоциации Виктора Полтеровича и доктора экономических наук, профессора Российской экономической школы, заведующего сектором Российской академии народного хозяйства и государственной службы, советника департамента ООН по экономическим и социальным вопросам Владимира Попова — обсуждалась в возглавляемом Е. Ясиным фонде «Либеральная миссия». То есть признанные в российской либеральной среде экономисты выступали перед теми же либералами, в своем большинстве априори настроенными против китайского «коммунистического режима». И вот что сказал о развитии Китая и Индии В. Попов: «Сопоставим Индию и Китай. В 1947 г. Индия получила независимость. В 1949 г. в Китае победили коммунисты, была создана Китайская Народная Республика. Продолжительность жизни и там, и там — 35 лет. ВВП на душу населения — примерно одинаковый в обеих странах. В долларах 1985 г. — 500 долларов на душу населения. С тех пор к 1978 г., до того, как начались реформы, или лучше даже к 1976 г., когда умер Мао Цзэдун, Китай увеличил ВВП на душу населения в два раза больше, чем Индия. В Китае к 1976 г. продолжительность жизни была 65 лет, в Индии — 53 г. После революции Китай рос в среднем по 5%. 5% роста ВВП в сред-

нем за 30 лет, с 1949 по 1979 г., без всякой частной собственности. Не каждая развивающаяся страна может похвастаться таким ростом. В период подъема «культурной революции» не было падения темпов роста. Падение темпов роста и сокращение населения было только в 1960–1962 гг., потому что голод тогда был, после «большого скачка». Но, несмотря на все «большие скачки», несмотря на все «культурные революции», Китай без всякой частной собственности рос в среднем по 5% в год»³.

Как пишет В. Овчинников, «самосуды, которые в годы культурной революции учиняли хунвейбины, размахивая сборниками цитат Великого кормчего, ныне расцениваются как преступления. Однако общественное мнение миллиардной страны твердо убеждено, что заслуг у Мао Цзэдуна вдвое больше, нежели ошибок. Распространена такая метафора: “Если ружье заржавело, в этом виноват владелец, который вовремя его не почистил”. Ошибки Мао — результат порочной системы пожизненного пребывания на руководящих постах»⁴. К сказанному надо только добавить: и китайские руководители, и корейские, и руководители социалистических стран Европы брали пример с руководителей СССР. Кстати, как и руководители многих развивающихся стран, заявлявших о своей ориентации на социализм.

Но для китайского менталитета огромную роль играет не разрыв с прошлым, что характерно для России, а преемственность достижений поколений, в том числе поколений руководителей. Так, в июле 2011 г. в Китае торжественно отмечалось 90-летие со дня создания Коммунистической партии Китая (01.1921 — 01.2011). Выступление генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао, судя по всему, носило программный характер и отражало точку зрения партийного руководства. И вот что он сказал о роли в истории КНР руководителей, включая Мао Цзэдуна. «Все наши успехи за 90 лет — результат упорной борьбы и неустанных усилий целых поколений китайских коммунистов сообща с народом. Руководящий коллектив ЦК первого поколения, ядром которого был товарищ Мао Цзэдун, сплывая и ведя за собой всю партию и народы страны, одержал великую победу в новодемократической революции, создал основную систему социализма и тем самым создал коренные политические предпосылки и институциональный фундамент для всего развития и прогресса современного Китая в целом. Руководящий коллектив ЦК второго поколения, ядром которого был товарищ Дэн Сяопин, сплывая и ведя за собой всю партию и народы страны, начал великий поход к реформам и открытости, который, как горн эпохи, призывает строить социализм с китайской спецификой, и положил тем самым начало новому периоду в развитии дела социализма. Руководящий коллектив ЦК третьего поколения, ядром которого был товарищ Цзян Цзэминь, сплывая и ведя за собой всю партию и народы страны, твердо держась реформ и открытости, идя в ногу со временем, продолжал вести корабль реформ и открытости в правильном направлении наперекор волнам и тем самым успешно продвинул великое дело социализма с китайской спецификой в XXI век. После XVI партийного съезда Центральный Комитет

сплачивает и ведет за собой всю партию и народы страны на то, чтобы, руководствуясь теорией Дэн Сяопина и важными идеями тройного представительства, углубленно претворяя в жизнь научную концепцию развития, обращая особое внимание на стимулирование научности развития и социальной гармонии, продвигать и дальше великое дело социализма с китайской спецификой в процессе полного построения среднезажиточного общества»⁵. Как говорится, преемственность, преемственность и еще раз преемственность — прежде всего!

Дэн Сяопин хорошо знал развитие ситуации в СССР и видел, что разоблачение культа личности Сталина, ротация партийных кадров, не затрагивающая высшего руководство страны, не снимает проблему появления нового диктатора. И действительно, к концу десятилетия своего правления Н. Хрущев, так яростно разоблачавший культ личности Сталина, уже поощрял создание своего культа, проявлял диктаторские замашки, да еще и совершил тяжкое преступление против народа, приказав расстрелять рабочих Новочеркасска (1962), требовавших улучшения условий труда и повышения зарплаты в связи с удорожанием жизни. А правление Л. Брежнева только подтвердило другую выявленную мировой практикой закономерность: полноценно работать, то есть творчески подходить к решению проблем государства первый руководитель может, как правило, только в течение 8–10 лет. И в самом деле, первые 8–10 лет правления Брежнева в целом прошли со знаком плюс, остальные же годы были не только потеряны для остро необходимой модернизации страны, но и самим фактом нахождения во главе государства тяжелобольного человека дискредитировали социализм, пожалуй, больше, чем все работавшие на это западные спецслужбы, вместе взятые. Да, кстати говоря, и ультралеваческие идеи появились у Мао Цзэдуна примерно после 10 лет его правления. Сильный руководитель приходит во власть с какой-то программой, новыми идеями, и для того, чтобы воплотить их в жизнь, при напряженной работе ему вполне достаточно такого срока. Если же он, тем не менее, задерживается во власти, то отвечать на новые вызовы времени он уже, как правило, не может и больше думает не о развитии страны, а о том, как удержаться свое кресло, и чаще всего путем «закручивания гаек». (Существуют и исключения, как, например, плодотворное многолетнее правление выдающегося государственного деятеля Сингапура Ли Куан Ю, но они крайне редки.) В свое время В. Путин верно говорил, что работа президента требует такого напряжения сил, что дай бог их хватило бы и на два срока.

Именно Дэн Сяопин настоял на внесении в партийные документы и основной закон страны положения о том, что генеральный секретарь ЦК КПК, он же и председатель КНР, а также премьер Государственного совета (или премьер-министр) не могут занимать свои посты более двух сроков каждый по пять лет. (А не «подряд», как записано по настоянию Б. Ельцина в Конституции РФ.) Сам Дэн Сяопин руководил страной тоже не более 10 лет. И эта практика неукоснительно соблюдается, что дает возможность появления каждые десять лет очередного, ныне уже пятого, поколения руководи-

телей, иначе говоря, обновления высшего руководства страны. Что наверняка стало одним из факторов быстрого развития Китая. И как показали итоги работы проходившего в октябре 2012 г. XVIII съезда КПК, обновляются не только два первых руководителя, но и Политбюро ЦК КПК, его постоянный комитет и сам ЦК. Обновляется и правительство. В Китае невозможна такая практика, чтобы председатель КНР пересел в кресло премьера, а потом снова стал главой государства, передав кресло премьера бывшему главе государства. Регулярное обновление высшего руководства страны является не только препятствием на пути роста культа личности первого руководителя и в конечном итоге его перерождения, как было в СССР и Китае до прихода к власти Дэн Сяопина, но и сдерживающим фактором волюнтаристских и противоправных действий высших должностных лиц. А еще — тормозом на пути роста коррупции в эшелонах высшей власти. Ведь иммунитета против судебных преследований бывшие президенты и премьеры в странах, в которых господствует закон, не имеют. Об этом говорят судебные разбирательства в отношении подозреваемых в противоправных деяниях бывших первых лиц во Франции, в Германии, Италии и, кстати говоря, в Южной Корее, стране «молодой демократии». Это практикуется даже в ряде африканских стран, в которых представительная демократия находится еще в зачаточном состоянии. А в США и действующий президент не имеет такого иммунитета.

Компартия превращается в проводника рыночных реформ

Те реформы, которые были намечены командой Дэн Сяопина, однозначно требовали мобилизационной модели развития. А это означало концентрацию всех ресурсов государства и общества на максимально быстром развитии страны — экономическом, научно-техническом, социальном и т.д. Вставал вопрос о субъекте реформ. К началу реализации стратегии «реформа и открытость» (1979) многие соседние страны уже добились больших успехов в своем развитии. В одних из них таким субъектом был военный режим (Южная Корея), в других — созданная лидером партия и сформированная им эффективная и практически неподкупная бюрократия (Сингапур), в третьих — партия или, точнее сказать, «партия-государство» (Тайвань). Практически во всех странах, которых стали называть «новыми индустриальными», были авторитарные режимы разной степени жесткости. Были и откровенно диктаторские режимы, как в Южной Корее. Но именно при этих режимах быстрый рост экономики создал объективные предпосылки для развития демократии. А если появление демократических институтов шло впереди экономических реформ, то они, как правило, либо рушились, либо превращались в фикцию.

Дэн Сяопин считал самым рациональным для Китая в качестве субъекта модернизации использовать компартию, постепенно меняя ее идеоло-

гию, членский состав, а в конечном итоге и стратегическую цель. Но, как и в экономике, делая это постепенно, поэтапно, по мере нарастания позитивных сдвигов в экономике, социальной сфере, массовом сознании, культурном строительстве, качестве жизни граждан. Хочу особо подчеркнуть: китайские реформы во всех сферах покоятся на градуализме, который позволяет широким слоям населения адаптироваться к новым реалиям. От съезда КПК к съезду, от пленума к пленуму, от ранних выступлений Дэн Сяопина, а потом и Цзян Цзэминя — к более поздним расширились рамки понимания социализма, экономического строя на его начальном этапе, идеологии и социального состава КПК. Так, генеральный секретарь ЦК КПК и председатель КНР Цзян Цзэминь озвучил идею о радикальном изменении состава компартии только в 2001 г. В частности, он сказал: «Налаживание дел в Китае в основном зависит от нашей партии. Если только наша партия с начала до конца будет верно представлять требования в развитии в Китае передовых социальных производительных сил, направление в продвижении в Китае передовой культуры и коренные интересы самых широких народных масс Китая, она сможет навсегда сохранить положение непобедимого, всегда пользоваться искренней поддержкой народов всех национальностей страны и непрерывно вести народ вперед»⁶.

Если фразу о «тройном представительстве» выразить более понятным широкому читателю языком, то на деле это означает, что прием в КПК открыт для представителей всех слоев населения — рабочих, крестьян, людей интеллектуального труда, предпринимателей, включая миллионеров. Тем самым КПК перестает быть партией рабочего класса, как было записано в ее уставе, и превращается в общенародную партию. А 8 ноября 2002 г., выступая с докладом на открытии XVI съезда КПК, Цзян Цзэминь дал более развернутое толкование идеи «тройного представительства». По его словам, идеи тройного представительства являются продолжением и развитием марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина и отражают новые требования к работе партии и страны, требования, порожденные переменами и развитием в современном мире и Китае. Важные идеи тройного представительства являются мощным теоретическим оружием в усилении и улучшении партийного строительства, в стимулировании самосовершенствования и развития социализма в Китае. Цзян Цзэминь подчеркнул, что это — фундамент, на котором стоит КПК, основа ее управления, источник ее сил⁷.

Решение о превращении КПК в общенародную партию, заметим, началось после 20 лет феноменально успешных реформ, когда резко повысился жизненный уровень граждан и так же резко снизилось число людей, проживающих за чертой бедности. Когда выросло новое поколение и миллионы китайцев побывали в странах классического капитализма, получая там образование, проходя стажировку, работая в западных компаниях или бывая у родственников и в качестве туристов. Дэн Сяопин уже давно обосновал неизбежность появления в Китае богатых людей, поскольку страна находится на начальном этапе строительства социализма, и уже прочно вошли в

обиход такие понятия, как «социализм с китайской спецификой», «социалистическая рыночная экономика» и т.д. В этом-то как раз и проявляется отличие политики градуализма от политики шоковых реформ.

«Полвека назад, — пишет В. Овчинников, — отцы-основатели КНР провозгласили “три неизменных ориентира”: марксизм-ленинизм, социалистический путь, руководство Компартии. Ныне остается в силе лишь третий из этих ориентиров. Второй и первый трактуются иначе. Вместо социалистического пути говорят о социальноориентированной рыночной экономике. А вместо марксизма-ленинизма официальной идеологией стал патриотизм»⁸.

Допустим, в официальной риторике есть место и для марксизма-ленинизма с добавлением идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина, идей «тройного представительства» и социализма, правда, «с китайской спецификой», но роль партии действительно остается «неизменным ориентиром». И это объективно. И вот почему. Во-первых, в Китае нет другой привычной для общества организованной, дисциплинированной и массовой политической силы, с помощью которой можно было бы успешно осуществлять модернизацию страны. На деле КПК выполняет роль государственной структуры и по праву может называться партией-государством. Во-вторых, в такой огромной стране, как Китай, в которой, несмотря на абсолютное преобладание в составе населения ханьцев, собственно китайцев, есть и многомиллионные национальные меньшинства, в том числе племена, и сторонники разных конфессий, и развитые провинции, и пока еще очень бедные провинции, и традиционные противоречия между всегда более преуспевающим и более раскованным Югом и более бедным и скованным традиционным поведением Севером. (Автору данной работы это сразу бросилось в глаза, когда из Пекина он прибыл в Шанхай.) И чтобы не допустить центробежных тенденций, которые в прошлом не раз разрывали страну на части, обществу необходимы некие обручи, по крайней мере на переходный период развития, пока оно не структурируется на новой основе. Эту роль как раз и выполняет КПК. Каким бы ни был ее социальный состав, идеология, членство в ней создает более благоприятные (а иногда и единственно возможные) условия для карьерного роста, а исключение из партии может вообще поставить на нем крест.

В-третьих, Дэн Сяопин и его соратники посредством КПК дали своему народу веру в будущее. Партия является носителем идеи «социализма с китайской спецификой», а также общества средней зажиточности — «сяокан» (идею которого выдвинул еще Конфуций), и ключевым субъектом строительства того и другого. Что касается «сяокан», то это очень удачная находка китайских реформаторов. В самом деле, если построение «социализма с китайской спецификой» может занять, как они говорят, 50–100 лет, а может быть, и больше, то общество средней зажиточности, когда всем китайцам будут доступны жизненно важные блага — жилье, работа, возможность учиться, лечиться и пр. — по решению XVII съезда КПК (2007), подтвержденному решением XVIII съезда, должно быть построено к 2020 г. И если

Китай будет развиваться такими же или даже чуть более низкими темпами, чем те, что он показывал в течение более 30 лет, такая задача видится вполне выполнимой. Ибо если благосостояние народа будет и впредь каждый год повышаться, то будет оставаться и стимул для напряженного труда, который демонстрирует китайское общество уже несколько десятилетий.

«Социализм с китайской спецификой»: новая реальность?

Что на деле представляет собой «социализм с китайской спецификой», который был принят в качестве официальной руководящей идеологии КПК на XV съезде (1997)? Поначалу некоторые аналитики считали, что это одна из китайских стратегий, призванная вводить в заблуждение и своих соотечественников, и внешний мир. Под это понятие можно подвести любую политику властей, тем более с учетом того, что, по их словам, Китай находится лишь на начальном этапе строительства социализма, а сколько лет и даже поколений на это уйдет, они и сами не знают. Действительно, какой-то целостной теории «социализма с китайской спецификой» нет. По крайней мере, мне не удалось ее найти даже в работе бывшего генерального секретаря ЦК КПК Цзянь Цзэмина «О социализме с китайской спецификой»⁹. Есть, например, целый ряд высказываний Дэн Сяопина о социализме. Так, выступая на XIII съезде КПК (1987), он говорил: «Что такое социализм? Что такое марксизм? Насчет этого у нас раньше было не совсем ясное представление. Марксизм придает наибольшее значение развитию производительных сил. Что означает коммунизм, о котором мы говорим? Он означает принцип: “от каждого по способности, каждому по потребности”. А для этого требуется, чтобы общественные производительные силы развивались высокими темпами, чтобы было изобилие материальных общественных благ. Поэтому самая коренная задача в период социализма — развитие производительных сил»¹⁰. А в документах XIII съезда КПК говорилось: «Все, что отвечает интересам народа, диктуется социализмом и допускается им»¹¹.

Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао (теперь уже бывший), выступая на праздновании 90-летия со дня создания Коммунистической партии Китая, дал следующее объяснение этому феномену. «Теоретическая система социализма с китайской спецификой является правильной теорией, которая ведет партию и народ к осуществлению великого возрождения китайской нации по пути социализма с китайской спецификой. Неизменно соединяя основные положения марксизма с конкретной действительностью Китая, наша партия в историческом процессе продвижения китаизации марксизма пришла к двум крупным теоретическим достижениям. Одним из них стали идеи Мао Цзэдуна. Идеи Мао Цзэдуна как результат применения и развития марксизма-ленинизма в Китае системно ответили на вопрос о том, как осуществлять новодемократическую и социалистическую революцию в огромной полуколониальной, полуфеодальной восточной стране, ве-

ли нелегкие поиски решения вопроса о том, какой социализм строить и как именно, и по своему творческому содержанию составили новое достояние сокровищницы марксизма. Другим теоретическим достижением стала теоретическая система социализма с китайской спецификой. Это та самая научная теоретическая система, которая включает теорию Дэн Сяопина, важные идеи тройного представительства, а также научную концепцию развития и другие стратегические идеи огромного значения. Теоретическая система социализма с китайской спецификой как продолжение и развитие идей Мао Цзэдуна системно ответила на ряд важнейших вопросов: какой социализм строить и как именно, какую именно партию и каким образом создавать, какое именно развитие и каким образом осуществлять в такой огромной развивающейся стране, как Китай, с его более чем миллиардным населением»¹².

Согласитесь, что соединение маоизма с теорией Дэн Сяопина как-то не очень укладывается в голове некитайца. Однако позже пришла мысль о том, что китайский подход к реформированию экономики и страны в целом, равно как и по части теоретических построений, коренным образом отличается от нашего. И ключом к его пониманию может быть знаменитая метафора Дэн Сяопина о кошке, которая должна уметь ловить мышей, будь она белой или черной. Отсюда и его оценка собственности не по ее принадлежности к государству или частнику, а по ее эффективности, и его призыв заимствовать в экономику все лучшее из социализма и капитализма. Китайские реформаторы — прагматики, они отталкиваются от практики, которая торит дорогу теории. У нас же наоборот! Мы перенимаем чужие теории и под них пытаемся подогнать реальную жизнь, что, как правило, оборачивается провалами. Китай выработал собственную глубоко продуманную стратегию развития страны и собственную модель экономических реформ. В России все началось с предписанной МВФ макроэкономики, которая обвалила экономику, в Китае — с микроэкономики, которая резко ускорила развитие реального сектора и прежде всего сельского хозяйства и малого бизнеса. У нас, как велят постулаты «Вашингтонского консенсуса», — только рынок и никакого плана, у них, по их собственному разумению, — и рынок, и план, а еще и промышленная политика. Они сумели превратить компартию в рычаг невероятно успешных рыночных, по сути, капиталистических реформ, а у нас буржуазная партия в лице «Единой России», которую многие аналитики считают партией богатых людей, даже еще и не приступила к созданию нормальной рыночной экономики, в которой бал должна править конкуренция, а не монополизм и протекционизм. У нас новая форма государственных органов (президент, его администрация, а поначалу еще и вице-президент и даже госсекретарь, мэры, префекты и пр.), порывающая с традициями, но в то же время перенимающая советский опыт бюрократизации всего и вся, советские методы «закручивания гаек», ограничения свободы прессы, замещения реального состояния дел в стране риторикой и демагогией, и при этом бессилие не только развивать экономику, но и на-

вести должный порядок в обществе. У них же — старая форма государственных и партийных институтов, которая постепенно наполняется новым содержанием и не вызывает необходимости тратить народные средства на пиар и строительство «потемкинских деревень», поскольку имеет место реально быстрое развитие страны.

Иначе говоря, китайские реформаторы, руководствуясь не подсказками извне, а здравым смыслом, по большей части теоретически обосновывают то, что уже проявилось в тенденции и даже произошло в реальной жизни, а также факторы, мешающие развитию. Так, когда реформы начали вызывать социальное расслоение в обществе, Дэн Сяопин стал говорить о том, что если какая-то часть людей становится богаче других, то это нормально, ибо они делают богаче все общество, а социализм нельзя построить в нищей стране и на основе уравнивания в бедности. Он даже бросил лозунг «Обогащайтесь!». И концепция рыночной экономики, и место в ней частного предпринимательства получали новое обоснование уже по факту. Так, в марте 2004 г. на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва по предложению КПК в Конституцию КНР были внесены изменения, которые уравнивали частную собственность с государственной. А когда за годы правления команды Цзян Цзэминя в Китае стало много зажиточных людей, и разрыв в доходах богатых и бедных опасно увеличился, то сменивший его Ху Цзиньтао бросил другой лозунг: «Пусть в стране будет меньше бедных!»

Концепция «тройного представительства» появилась, когда в стране возник многомиллионный средний класс и мощная прослойка предпринимателей. Китайское руководство, очевидно, посчитало, что лучше инкорпорировать их в правящую партию, чем они будут пытаться создавать собственные партии. Хорошо знающий Китай британский аналитик и писатель Ричард Макгрегор, который двадцать лет возглавлял пекинское бюро газеты Financial Times, высказал такую точку зрения: «Вместе с социальными изменениями последнего десятилетия менялся и состав партии. Вожди систематически выкорчевывали пролетарские корни в обмен на альянс с более богатыми и успешными классами, рождающимися из рыночной экономики. Партия, где некогда доминировали рабочие, а затем крестьяне — которые к 1978-му составляли едва ли не половину всей численности, — ныне подыскивает себе талантливых студентов и состоятельных предпринимателей. Именно они представляют собой быстро растущие источники новых членов КПК; так, например, за период 2002–2007 гг. численность коммунистов по этим категориям выросла на 255 и 113 процентов, соответственно. Многие из них охотно вступали в партийные ряды, коль скоро в обмен получали доступ к связям, критически важным для продвижения по карьерной лестнице»¹³. В свою очередь главный редактор аккредитованного на XVIII съезде КПК журнала «Россия и Китай» Владимир Бережных обратил внимание, что из 2700 делегатов съезда рабочих насчитывалось 169 человек, что, однако, больше, чем на XVII съезде, где их было 51 человек¹⁴.

Многие западные авторы, а также российские аналитики либерального толка часто говорят о том, что Китаю нужны политические реформы, но что они понимают под этим? Введение многопартийности? Или всех атрибутов представительной демократии? Но владеющие законами общественного развития российские ученые и независимые западные аналитики не считают, что в Китае для этого созрели условия. Так, Джонатан Андерсон, напомним, американский экономист, профессор, многие годы работавший в банках и международных финансовых организациях, в том числе три года в Москве и три года в Китае, представляя МВФ, автор книги «Пять больших мифов о Китае и мире», в своей публичной лекции в Москве 3 апреля 2008 г. подчеркивал: «...Начиная с Японии, Китай, Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, Таиланд, Малайзия, Индонезия — ни одна из этих стран за весь период высокого роста не имела многопартийной демократии. Там идут, конечно, бурные споры: почему это так, чем это вызвано. Это можно толковать по-разному. Первое объяснение — демократия мешает расти. Например, Индия с 60-х годов до недавнего времени не могла достичь того, чего достигла Восточная Азия, только потому, что политический фактор (демократические выборы) мешал. Филиппины, иногда Индонезия — то же самое. Можно истолковать по-другому: тем, что слишком быстро развивались, и просто забыли про демократию, про либеральные взгляды, про политические вопросы, успокоились тем, что очень хорошо живут и экономика растет. В то же самое время на Филиппинах, в Индии очень низкие темпы роста — все озабочены другими вопросами: перераспределением ресурсов и т.д... С другой стороны, стоит еще заметить, что во всех этих странах очень устойчивый и успешный политический строй, минимум коррупции... устойчивые институты, коммерческая среда достаточно доброжелательно относилась к новым вливаниям капиталов; достаточно хорошо развито коммерческое право, гражданское право и т.д.»¹⁵

(Примерно об этом же говорили и российские ученые В. Полтерович и В. Попов, выступая в фонде «Либеральная миссия».)

В свою очередь Фарид Захария (Fareed Zakaria), индиец из мусульманской семьи, получивший высшее образование в США и состоявшийся там как крупный аналитик, десять лет возглавлявший журнал “Newsweek International”, в статье «Подъем Китая» (“Rise of China”) писал: «Масштабы достижений, которые показывает Китай уже более трех десятилетий, по любым меркам экстраординарные. Он провел индустриализацию в три раза быстрее, чем страны Запада. И что поистине поражает, проводя такую масштабную трансформацию, в стране не было массового насилия. Верно, в Китае существует диктатура, но она была во многих западных странах в период индустриализации, и у них было немало массового насилия. Другие страны Восточной Азии тоже шли по такому же пути, но ни одна из них не обладала ресурсами, чтобы изменить мир»¹⁶.

А, например, хорошо знающий Китай изнутри Роберт Л. Кун (Robert Lawrence Kuhn) в выступлении по «Евроныус» в октябре 2012 г. заявил, что на нынешнем этапе развития страны руководящая роль компартии необходима. Кун много времени проводит в Китае, консультируя ряд СМИ, он интервьюировал 100 китайских руководителей и чиновников высокого ранга, а потом выпустил две книги: «Как мыслят китайские лидеры: взгляд на китайские реформы изнутри, и что они означают для будущего». (How China's Leaders Think: The Inside Story of China's Reforms and What This Means for the Future) и «Человек, который изменил Китай: жизнь и наследие Цзянь Цзэмина» (The Man Who Changed China: The Life and Legacy of Jiang Zemin)¹⁷. Он написал по Китаю и много статей. Р. Кун считается крупным специалистом по Китаю, часто востребован радио и телевидением в США и Европе. Что конкретно делается в Китае в русле политических перемен?

Первое. Дэн Сяопин понимал, что успехи в развитии страны будут зависеть не только от глубоко продуманной модели реформ и профессионализма команды исполнителей, но и от того, как политика руководства страны будет проводиться в жизнь. Поэтому он поставил задачу укрепить закон и заставить его служить не правящей элите, как это нередко случается в странах переходного периода, а всему обществу по принципу «перед законом все равны». При этом он особо выделил борьбу с коррупцией, произволом властей и преступностью, не обуздав которые нельзя добиться не только высоких темпов роста, но и поддержки руководства страны со стороны народного большинства. Особо остро стоял вопрос о коррупции, которая в китайском обществе имеет глубокие корни. (Некоторые китаисты в кулуарных беседах утверждали, что в Древнем Китае коррупция была неотъемлемой частью межличностных отношений и даже культуры.) В соседнем Сингапуре уже был накоплен опыт, как заставить «верхи» соблюдать закон. Так, став премьер-министром, Ли Куан Ю предупредил чиновников и своих друзей во власти и бизнесе, что для нарушителей закона исключений не будет. Некоторые из его друзей ему не поверили — и жестоко поплатились. Это и стало переломным моментом в борьбе с коррупцией и утверждении принципа равенства всех перед законом.

Уже в первые годы китайских реформ за лихоимство был выведен из состава Политбюро ЦК КПК и отдан под суд первый секретарь пекинского горкома Чэнь Ситун. Человек, который должен был стать генеральным секретарем ЦК КПК, преемником Дэн Сяопина, получил 16 лет тюрьмы¹⁸. Однако быстрого перелома в борьбе со взяточничеством и казнокрадством достичь не удалось. В выступлениях молодежи и студентов на площади Тяньаньмэнь 1989 г., наряду с требованием политических реформ, выдвигались и требования обуздать распоясавшихся коррупционеров. Это подтолкнуло власти на более решительную борьбу с этим злом. Так, за период 2000–2009 гг. высшую меру (расстрел) получили 10 тысяч чиновников-коррупционеров и 120 тысяч были приговорены к тюремному заключению на срок от 10 до 20 лет (только не условно, как это нередко делается в Рос-

сии!)¹⁹. Среди крупных фигур, поплатившихся за мздоимство, были член Политбюро ЦК КПК, первый секретарь шанхайского горкома Чэнь Ляньюй, заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (китайский парламент) Чэн Кэцзе, вице-мэр Пекина Лю Чжихуа, заместитель министра общественной безопасности КНР генерал Ли Цзичжоу и ряд других. При этом нередко расстрелы коррупционеров транслировались по телевидению, а для усиления эффекта общественного осуждения коррупционеров семьям расстрелянных присылались квитанции к оплате стоимости пули. (В последующем от практики демонстрации публичных экзекуций стали отказываться, а расстрелы заменять введением смертельной дозы яда.)

В 2012 г. разразился крупный скандал вокруг члена Политбюро ЦК КПК, секретаря горкома крупнейшего мегаполиса — города Чанчунь Бо Силая. Вначале ему инкриминировалось то, что он пытался повлиять на правосудие в связи с обвинением его жены в убийстве английского гражданина, но потом выяснилось, что он был замешан в разного рода злоупотреблениях и безнравственном поведении²⁰. А ведь Бо Силай был одним из решительных борцов с коррупцией и преступностью, слыл сильным руководителем и считался вероятным кандидатом на включение в постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, а в последующем, возможно, и в кандидаты на пост очередного генерального секретаря ЦК КПК, лидера шестой команды руководителей. Правда, он нем говорили как о жестком политике левых взглядов, у которого было немало сторонников, и это не совсем вписывается в стремление китайской правящей элиты не делать резких движений ни вправо, ни влево. Это же подтвердил и доктор исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН Сергей Лузянин²¹.

За 30 лет реформ за взяточничество к ответственности было привлечено около миллиона сотрудников партийно-государственного аппарата²². Кто считает, что «широко разрекламированная» борьба с коррупцией в Китае, в том числе смертная казнь за крупное лихоимство (более одного миллиона долларов), не дает желательных результатов, либо лукавит (примекая на себя столь суровую кару), либо априори настроен негативно ко всему, что делается в этой стране, если, конечно, это не элементарное невежество. Без решительной борьбы с коррупцией Китай по определению не мог бы так быстро развиваться, как он развивается. Ведь выше приводились примеры стоимости 1 км строительства шоссе на дорогах в России и Китае, где она в разы дешевле при незначительной разнице в оплате труда строителя в обеих странах. Как сообщают россияне, долгие годы работающие в Китае, с коррупцией покончено в органах правопорядка, в сфере медицины, образования, вообще в повседневной жизни. Осталась она там, где взятка или присвоение государственных средств настолько велики, что не все партийные работники, они же нередко и чиновники, могут устоять перед возможностью быстрого обогащения.

В то же время, подчеркиваю, было бы большой ошибкой думать, что в Китае покончено с коррупцией. С моей точки зрения, там только достигнут

перелом в борьбе с нею, чего не сделано в России. Не случайно Ху Цзиньтао и в своей речи по случаю 90-летия со дня создания КПК, и в докладе на ее XVIII съезде говорил о коррупции как о серьезной угрозе и для компартии, и для государства. Страна очень быстро развивается, каждый год создается огромное богатство, а законы рынка требуют самостоятельности действий руководителей госпредприятий, курирующих бизнес чиновников, партийных секретарей провинций, губернаторов, мэров и т.д. Притом даже министры получают чуть больше университетского профессора (поскольку в Китае, в отличие от России, ученый по социальному статусу стоит выше чиновника), и чиновнику подчас трудно устоять перед искушением рискнуть, чтобы на всю жизнь обеспечить себя и семью. Со своей стороны некоторые предприниматели не прочь с помощью чиновников обойти тот или иной закон, «минимизировать налоги», сэкономить на уплате таможенных пошлин и т.д. О многом говорит уже то, что китайские амбициозные молодые люди хотят попасть на работу в таможенную, налоговую службу, в органы, ведающие продажей земли, развитием инфраструктуры, госзакупками. А пугающая цифра высшей меры наказаний в 10 тысяч случаев за 10 лет для 1,5-миллиардного населения на деле не так уж и велика. Хотя правда и то, что у нас коррупционеров и казнокрадов, берущих взятку более 1 млн долл., наверное, тоже не меньше тысячи в год, но при населении в десять раз меньшем, чем в Китае.

Вот, например, что пишет о коррупции в Китае уже упоминавшийся британский аналитик Ричард Макгрегор в статье «Борьба с коррупцией по-китайски». Коррупцией в Китае занимается специальный орган с широкими полномочиями — Центральная дисциплинарная комиссия (ЦДК). Она наделена правом проводить административные аресты. «Комиссия, — пишет Макгрегор, — по сути, похищает подозреваемое должностное лицо и держит его под стражей до тех пор, пока не будет вынесен вердикт: передавать дело в прокуратуру или нет. Задержанный не может ни сообщить об этом семье, ни нанять адвоката. Задержание может длиться до шести месяцев»²³. (Есть сведения, что если взятка не очень велика, то задержанный может вернуть незаконным путем полученные деньги государству и выйти на свободу, но на его дальнейшей карьере будет поставлен крест.)

Что, однако, по мнению Макгрегора, мешает борьбе с коррупцией? Отсутствие независимого органа (какой, например, был в Италии во время операции «Чистые руки»): «система борьбы с коррупцией, позволяющая высшим чиновникам контролировать самих себя, остается прежней... Механизма, с помощью которого комиссия может получить санкцию на возбуждение дела в отношении любого из девяти членов (ныне уже семи. — А.К.) Постоянного комитета Политбюро, просто не существует...»²⁴.

Откровенно говоря, это не самое серьезное препятствие на пути борьбы с коррупцией. Другое дело в России, где не семь и не девять человек, а сотни, если не тысячи высших должностных лиц по факту недоступны правосудию. А если они в каких-то экстраординарных случаях и «засвечиваются», как некоторые министры, то получают условный срок, либо в их

действиях правосудие не находит состава преступления, либо они освобождаются от наказания ввиду каких-то особых заслуг перед Родиной.

Второе. С приходом к власти Дэн Сяопина стиль работы Компартии Китая сильно изменился. Стало меньше бюрократизма, больше открытости, обратной связи, меньше свойственной компартиям риторики, несбыточных обещаний. Прекратилось славословие в адрес руководителей, которое было доведено до абсурда при Мао, когда его цитатники фактически превратились в священную книгу. Партия стала больше заниматься экономикой, нежели идеологией, и карьерный рост партийных руководителей напрямую стал связываться с достижениями в производстве, а в последние годы — и в социальной сфере и сохранении окружающей среды. А с реализацией принципа «тройного представительства» КПК пополнила свои ряды людьми состоявшимися, самостоятельными, которые при грубом давлении на них могут выйти из партии, а то и уехать из страны.

Несомненно, положительно на партии сказалось прекращение практики пожизненного пребывания высших руководителей на своих постах. Хочется еще раз подчеркнуть, что введенная в устав КПК регулярная сменяемость высших партийных руководителей способствовала решению сразу двух задач: сузила рамки для волюнтаризма и произвола «бессменных», поскольку кончилась их неподсудность, и открыла путь для позитивных перемен в партии по мере поступательного развития общества, что объективно способствовало демократизации внутрипартийной жизни. Стали регулярно проводиться пленумы ЦК КПК и съезды КПК, на которых принимаются самые важные для страны решения. Так, например, в ходе работы XVII съезда КПК были приняты такие решения, как построение к 2020 г. общества средней зажиточности, переход экономики страны на инновационный путь развития, гармонизация общественных отношений. В принятой XVIII съездом КПК резолюции по докладу генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао подчеркивалось, что КПК должна высоко нести знамя «социализма с китайской спецификой», следовать теории Дэн Сяопина, важным идеям «трех представительства» и концепции научного развития, осуществлять политику «реформ и открытости», бороться за строительство среднезажиточного общества. При этом Ху Цзиньтао заострил проблему коррупции, заявив, что если ее не победить, то она погубит партию, а с нею и государство. Это заявление подтверждает, что окончательная победа над коррупцией не достигнута и в Китае, несмотря на решительные методы борьбы с нею и суровые наказания коррупционеров.

В партии было введено в практику предварительное рейтинговое голосование при включении партийных работников в списки кандидатов в выборные партийные органы. Рейтинговое голосование проводилось и перед включением в список для голосования кандидатов в члены и кандидаты в члены ЦК КПК в ходе работы XVIII съезда КПК. Согласно регламенту, до официальных выборов ЦК делегации провели предварительные обсуждения и выборы кандидатур из предложенного президиумом съезда списка.

Число включенных в списки для предварительных выборов должно было превышать количество членов на 8%. Некоторые западные аналитики говорят, что результаты выборов на деле спланированы заранее. Исключать этого нельзя. Но, с другой стороны, легко себе представить, какая бы возникла неразбериха, если бы все делалось экспромтом, чего, кстати, не делается и при выборе руководящих органов партий в демократических странах. Надо учитывать и то, что даже в восточных демократических странах, например, в Японии, спорные вопросы стараются, по возможности, решить до вынесения их на суд съезда партии или парламента.

И еще. Нельзя не сказать о том, что к подбору руководящих кадров в Китае стали относиться с высокой степенью ответственности. Слабых руководителей на ответственных постах и тем более на высших должностях за более чем тридцать лет реформ, возможно, были единицы. Прежде чем выдвинуться на более высокий пост, имярек должен доказать, что он был эффективным руководителем в прежней должности. Не было ни одного генерального секретаря ЦК КПК и премьера, который до этого не был бы успешным мэром мегаполиса, партийным секретарем или губернатором провинции. Без талантливых и опытных руководителей Китай не смог бы так быстро развиваться. При этом принципиально важные для страны решения принимает не один человек, а Политбюро ЦК КПК в составе 24 человек и реже — Постоянный комитет Политбюро, который, напомним, решением XVIII съезда КПК сократился с 9 до 7 человек. Может быть, именно поэтому за многие годы международными экспертами не отмечено ни одного провала в политике китайского руководства.

О том, что Си Цзиньпин станет преемником Ху Цзиньтао, а Ли Кэцян — Вэнь Цзябао, в Китае знали уже давно. Их уже за несколько лет до XVIII съезда готовили к занятию высших постов в стране, предоставив им соответствующие руководящие должности. В России же появление не только премьеров, но и кандидатов в президенты порой становится неожиданностью для общества и даже для политологов. Западные аналитики, и прежде всего журналисты, а вслед за ними и некоторые наши авторы любят порассуждать об острых противоречиях между «шанхайской бригадой» («Shanghai Gang»), которую привел во власть бывший мэр Шанхая Цзян Цзэминь, группировкой бывших комсомольцев, которую якобы представлял Ху Цзиньтао, и «партией принцев», то есть детей бывших партийных руководителей Китая, к которым относят нового генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина²⁵. Возможно, какая-то доля правды в таком делении китайской правящей элиты и есть, но мне на ум приходит другое: если для того, чтобы стать принцем, надо годы провести с отцом в ссылке и жить в тяжелых условиях, как это выпало на долю Си Цзиньпина, тогда он «принц». Но, кстати сказать, «принцем» был и Бо Силай — сын крупного партийного деятеля Бо Ибо, сподвижника Дэн Сяопина. А если говорить о лидере «шанхайской бригады» Цзян Цзэмине, то он технократ: в национально-освободительной борьбе не участвовал, но проявил себя как талант-

ливый управленец, был замечен Дэн Сяопином и им рекомендован на высшие государственные посты. Конечно, ни борьбы за влияние в партии, ни разногласий в китайском руководстве по каким-то проблемам нельзя исключать, но они вряд ли затрагивают стратегический курс государства.

Иногда наши журналисты повторяют откровенно абсурдные утверждения тех на Западе, кто боится растущей мощи Китая и ненавидит существующий в нем режим. Вот, например, американский политолог Сьюзан Ширк утверждает, что китайские руководители в глазах мирового сообщества пытаются выглядеть сильными и решительными, на деле же «они чувствуют себя словно испуганные дети, которые отчаянно борются за то, чтобы удержаться у власти в стране, переживающей экономический переворот и резкую поляризацию общества»²⁶. Как говорится, без комментариев.

Третье. Новое руководство КПК избавило китайских граждан от вмешательства в их личную жизнь и многих былых ограничений. Они могут становиться богатыми, строить виллы, замки, покупать самые дорогие машины, выезжать за границу, получив визу на пять лет, оттуда возвращаться и даже не возвращаться. (Правда, с приходом нового руководителя в Китае в русле усиления борьбы с коррупцией стали интересоваться, на какие средства построил виллу или приобрел большую квартиру в элитном доме тот или иной чиновник. Только практика сверять доходы и расходы чиновников существует и в странах Запада, например, в США.) А если, став крупными учеными, специалистами, они решат вернуться на свою историческую родину, то их тепло примут и предоставят им не худшие, а порой и лучшие условия для жизни и особенно для карьерного роста, чем они имели в странах Запада. Китайцы вольны жить вне партийного влияния, критиковать многие стороны жизни в стране, но только не пытаться подрывать авторитет партии. Как говорит Р. Макгрегор, партия строго контролирует только три «ипостаси»: руководящий персонал, пропаганду и армию²⁷.

Четвертое. Китайские власти стали вводить в практику (а точнее, апробировать) пока на местном уровне (волость, уезд) выборы в органы власти на альтернативной основе, когда коммунистам могут противостоять не коммунисты. Спешить, однако, перенимать у других стран непривычные для китайского общества методы формирования властных структур и формы правления руководители КНР не спешат. Они извлекли урок из событий 1989 г. в собственной стране, которые так или иначе были вызваны стремлением некоторых высших партийных руководителей (Ху Яобана и Чжао Цзяна) ускорить демократические перемены, а также из распада СССР как следствия плохо продуманных реформ политической системы.

Возродилась активность Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), на первом пленарном заседании которого 1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика и который какое-то время выполнял роль парламента. В последние годы правления Мао Цзэдуна о существовании НПКСК фактически было забыто. Согласно китайским источникам, «Народный политический консультативный совет Ки-

тая является единым патриотическим фронтом, а также важным органом многопартийного сотрудничества и политических консультаций, возглавляемых КПК, важной формой развития социалистической демократии в политической жизни Китая. В своей деятельности НПКСК руководствуется принципом “Сплочение и демократия”. В состав Всекитайского Комитета НПКСК входят представители от КПК, демократических партий, беспартийные, представители народных объединений, национальных меньшинств и представители широкой общественности, а также соотечественники Особого административного района Сянган, Особого административного района Аомэнь, соотечественники на Тайване и вернувшиеся эмигранты, также и специально приглашенные лица. Срок полномочия НПКСК — 5 лет»²⁸.

В НПКСК входят 8 политических партий, по китайским меркам, не больших по численности (если учитывать, что на период работы XVIII съезда КПК насчитывала более 82 млн членов) — от 60 до 150 тыс. человек. Это Демократическая лига Китая, Революционный комитет Гоминьдана Китая, Ассоциация демократического национального строительства Китая, Китайская ассоциация содействия развитию демократии, Крестьянская рабочая демократическая партия Китая и некоторые другие. Они не противопоставляют себя КПК, напротив, признают ее руководящую роль в стране, а самих себя считают ее попутчиками, но выражают интересы определенных групп населения. Они представлены в законодательных и исполнительных органах КНР. Но в НПКСК входит и компартия, и его обычно возглавляет член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, к тому же в ЦК КПК есть специальный отдел, который занимается взаимодействием с этими партиями²⁹.

Выступая перед китайскими и иностранными журналистами 14 марта 2012 г., премьер-министр Вэнь Цзябао заявил, что без политических реформ экономика может столкнуться с серьезными проблемами. Иностранные журналисты увидели в этом заявлении знак того, что после прихода к власти пятого поколения руководителей грянут перемены либерального толка в политической жизни Китая. Скорее всего, они глубоко заблуждаются. Китайские руководители часто говорят о необходимости демократизации, совершенствования политической системы, только понимают они под этим отнюдь не копирование западной политической системы и демократии. От однопартийной системы они в ближайшие годы ни в коем случае не откажутся, как и от контроля над СМИ. Под демократизацией часто имеют в виду внутрипартийную демократию, более широкую связь партии с массами. Их пугает увеличивающийся с каждым годом децильный коэффициент. Они понимают необходимость более справедливого перераспределения общественного продукта, но стоят перед трудно решаемой проблемой: как его перераспределить в пользу бедных и не снизить темпы роста производства, не спровоцировать отъезд из страны наиболее состоятельных людей и не вызвать вместо постоянного притока капитала его отток. В Китае с каждым годом увеличивается прослойка среднего класса, которая хотела бы

более активно влиять на политическую жизнь в стране. Да и китайские рабочие и крестьяне все активнее выступают в защиту своих интересов. Рабочие устраивают забастовки с требованиями повышения зарплаты и улучшения условий труда, а крестьяне все чаще оказывают сопротивление, когда их переселяют с насиженных мест часто без адекватной компенсации в связи с прокладкой дорог, строительством ирригационных сооружений, предприятий и т.д. Это действительно серьезные проблемы.

Можно предположить, что китайские власти будут расширять рамки деятельности Народного политического консультативного совета Китая и допускать несколько кандидатов к борьбе за одно место при выборах во Всекитайское собрание народных представителей, но, скорее всего, одобренных ЦК КПК. В Гонконге это уже начало практиковаться. Может активизироваться работа по созданию организаций в сельской местности с целью защиты интересов крестьян. Вероятнее всего, будет расширяться охват наемных работников пенсионной системой. Наверняка усилится борьба с коррупцией, коль скоро о ней так много говорится.

Новый руководитель КНР Си Цзиньпин уже обозначил круг проблем своей деятельности на указанном выше направлении. И одной из них является задача свести до минимума то, что в поведении партийных руководителей и госчиновников раздражает простых граждан. А именно заставить их вести более скромный образ жизни, прекратить практику траты средств на имиджевые проекты, приемы, презентации и т.д., отказаться от пафосных публичных речей и больше заниматься делом. Примерно о том же в выступлении по радио «Свобода» говорил хорошо знающий Китай заместитель директора Института стран Азии и Африки МГУ Андрей Карнеев: «Пока Коммунистическая партия Китая согласна строить демократию внутрипартийную, то есть усилить ответственность тех или иных руководителей, больше дискуссий внутрипартийных, больше прозрачности, больше сообщать населению о том, что обсуждается на Политбюро и т.д. В каком-то смысле слова они правы. Если сейчас взять и объявить полную демократизацию, трудно себе представить, что в такой стране произойдет»³⁰.

Со своей стороны В. Овчинников считает, что передача эстафеты пятому поколению лидеров «будет сопровождаться сменой не только целей, но и методов руководства. Принцип революционной целесообразности, свидетелем которого я был во время своей работы в Китае, уступил место таким понятиям, как законность, демократичность, научность... Традиция регулярно и планомерно менять каждые десять лет руководителей партии и государства, судя по всему, окончательно утвердилась в Китае. А это свидетельствует о демократизации его политической системы и, на мой взгляд, может служить поучительным примером для других стран»³¹.

В заключение следует сказать, что никакой либерализации политической системы Китая по западной модели, чего ожидали либеральные круги в России и на Западе, не произошло и в ближайшие годы вряд ли произойдет. Власть еще больше консолидировалась. Напомню, что в ходе работы XVIII

съезда КПК с 9 до 7 сократилось число членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Си Цзиньпин был избран не только генеральным секретарем ЦК КПК, но и председателем Военного совета ЦК КПК, а в марте 2012 г. решением Всекитайского собрания народных представителей его избрали председателем КНР и председателем Центрального военного совета КНР, члены которого утверждаются ЦК КПК. Но Центральный военный совет и Военный совет на деле являются единым органом.

Такое сосредоточение власти в руках лидера пятого поколения руководителей, возможно, связано с усложнением социально-экономического развития Китая в условиях еще не преодоленного мирового финансово-экономического кризиса. А возможно, и с тем, что Китай в ближайшие годы может встать перед какими-то другими проблемами, и потребуются оперативное вмешательство для их решения. Пока страна быстро развивается и практически каждая прослойка населения что-то от этого получает, крупномасштабные акции социального протеста маловероятны. Но если начнется затяжной спад производства, то, как говорится, всякое возможно.

О характере китайского режима и судьбе компартии

Российская позиция. Если обобщить взгляды на будущее компартии, ее идеологии и самого китайского режима российских аналитиков, как синологов, так и историков-международников, а также политиков разных мировоззрений, то вырисовывается следующая картина. Так, левые, точнее, коммунисты (КПРФ) по-прежнему считают Китай социалистической страной, а КПК — коммунистической партией. Правые, они же либералы, придерживаются примерно такой же точки зрения. Только если коммунисты постоянно подчеркивают феноменальные успехи «социалистического Китая» и деградацию вставшей на капиталистический путь развития России, то правые считают рост производства в КНР экстенсивным, низкотехнологичным и за счет непомерно высокой доли вложений ВВП в основной капитал при нищенской оплате труда работников, а китайскую модель развития — тупиковой. Но и в той и другой позиции просматривается, мягко говоря, недосказанность. Коммунисты по конъюнктурным соображениям сознательно закрывают глаза на усиление доминирования капиталистических укладов в экономике и постоянное увеличение сторонников буржуазного пути развития в рядах КПК. А правые так же сознательно преуменьшают достижения Китая, чтобы косвенно оправдать провальные реформы своих коллег в 1990-е, да и в 2000-е гг. Большинство обществоведов, однако, объективно оценивают успехи Китая, но нередко уклоняются от того, чтобы давать прогнозы на будущее компартии, ее идеологии и самого Китая.

Ученые Института Дальнего Востока РАН, пожалуй, самые сильные специалисты по Китаю, весьма сдержанны в своих оценках его будущего. И это понятно. У них тесные связи с Китаем, многие из них учились там и/или ра-

ботали, часто бывают в командировках в Поднебесной, участвуют с китайскими учеными и специалистами в совместных проектах и т.д. Но при том, что в данный момент трудно судить, как будет выглядеть общество, построенное на принципах «социализма с китайской спецификой», тем не менее, прогнозы даются. (Например, доктор философских наук Борис Славин говорит, что в Китае «становление социализма будет занимать (sic!) не меньше, а может быть, и больше времени, чем становление мировой капиталистической системы»³².) Если все же попытаться сконструировать некую модель, исходя из марксистского постулата, что бытие определяет сознание, или из утверждение Ленина о том, что политика есть квинтэссенция экономики, то тут есть несколько конкурирующих точек зрения. Одни авторы, делая акцент на примате экономики над политикой, считают, что Китай однозначно идет «по дорожке капитализма». Другие утверждают, что в Поднебесной будет построено некое гибридное общество на принципах социализма и капитализма, или конвергенции — в свое время популярного термина. При этом они ссылаются на то, что экономика в Китае носит смешанный характер, а в Конституции записано, что, с одной стороны, «государство поощряет и поддерживает негосударственный сектор экономики», а с другой стороны, оно «одновременно осуществляет контроль и управление негосударственным сектором экономики». Автор же данной работы уже озвучивал точку зрения, что научный социализм не исчерпывается ни выросшей из него социал-демократической моделью, ни сталинской моделью социализма, и что поэтому Китай может дать миру новую модель социализма на основе нового прочтения трудов его классиков и с учетом реалий XXI века³³.

А то, что китайский социализм как в теории, так и на практике будет иметь свои особенности, у обществоведов, хотя бы бегло знакомых с этой страной, не должно вызывать сомнений. Это уникальная страна и по численности населения, и по роли, которую она играла в мировой истории, и по продолжительности жизни своей цивилизации, и по многим другим характеристикам, включая то, что здесь философское учение светского чело- века — Конфуция фактически стало религией для большинства населения. Попытки Мао Цзэдуна реализовать сталинскую модель социализма и должны были закончиться крахом.

Суммируя сказанное, надо признать: китайские руководители оказались на высоте. Они выдвинули идею «социализма с китайской спецификой» как стратегическую цель. Поставили на повестку дня достижение промежуточной стратегической цели — к 2020 г. построить общество средней достаточности («сяокан»). Развернули реализацию оригинальной модели социально-экономического развития «Реформа и открытость» и уже добились колоссальных успехов. Претворили в жизнь целый ряд провозглашенных лозунгов, направленных на улучшение жизни людей. Наконец, выдвинули идею «китайской мечты», стержень которой — вернуть Китаю былое могущество. И все это вселило в людей веру в будущее и явилось важнейшим мобилизующим и стимулирующим фактором в тяжелой борьбе китайцев за

решение поистине грандиозных задач. Будь человек китайцем, русским или американцем, ему нужна вера в будущее или в кой-то идеал. Это может быть и социальный идеал, каким для советских людей было коммунистическое общество, оно же «светлое будущее», или образ достойной жизни («американская мечта»). «Великий американец», как называл Уинстон Черчилль Франклина Рузвельта, став президентом США, сразу же озабочился не только плачевным состоянием экономики и массовой безработицей, но и резким падением духовности в обществе, потерей американцами веры в будущее, в возможность возврата «американской мечты» (свой домик с лужайкой, машина или две, солидный счет в банке на старость и т.д.). Начав широкомасштабные реформы, Рузвельт сумел вернуть американцам эту веру, что во многом и обеспечило успех его реформ.

Даже если социальный идеал оказывается недостижимым, иллюзорным, он все равно может сыграть позитивную роль на каком-то этапе развития страны. Я убежден: если бы большинство советских людей не верило в социализм с перспективой его перерастания в коммунизм, мы не смогли бы так успешно и в столь сжатые сроки совершить индустриализацию страны, создать мощный научно-технический и военный потенциал. Нам было бы куда труднее выстоять и в войне с фашистской Германией, поскольку мы защищали не только Родину, но и, как большинству из нас казалось, самый передовой в мире строй — социализм.

Есть и пример противоположного толка. Постсоветские власти в условиях «дикого капитализма» не смогли дать обществу какие-то объединяющие идеи и перспективу на будущее. (А ведь для русских, может быть, больше, чем для многих других народов, необходима вера в будущее. Как подчеркивал Николай Бердяев, для них будущее важнее прошлого и настоящего. Такой тип миропонимания, очевидно, сформировался за многие годы крепостного строя, когда у подневольного человека была лишь надежда на будущее.) Это одна из причин невиданного падения духовности и нравственности, что, наряду с рядом других, создала почву для разрастания коррупции, которая поразила практически все государственные структуры, включая силовые ведомства.

И все же трудно не согласиться с теми аналитиками, которые говорят, что в экономике и в правящей партии Китая произошли такие сдвиги, что наименования «компартия» и «теория социализма с китайской спецификой» — это во многом уже условные понятия. Скажем, не до такой степени, как название либеральной газеты «Московский комсомолец» или рассчитанной на более массового читателя «Комсомольской правды», но близко к этому. Но что говорят о китайской партии и китайском социализме международные аналитики?

Позиция зарубежных авторов. Немецкий профессор-экономист из Института азиатских исследований г. Трира Себастьян Хайлман еще в октябре 2000 г. указал, что реформы в Китае, осуществляемые правительством и коммунистической партией, в конечном итоге приведут к ликвидации коммунистической партии³⁴. Годом раньше ныне уже ушедший из жизни хоро-

шо знакомый старшим поколениям обличительной критикой капитализма председатель Коммунистической партии США Гэс Холл заявил: «Китайский так называемый рыночный социализм является только прикрытием для перехода на капиталистический путь. В какой мере Китай пошел на уступки приватизации и капитализму и насколько он еще остается социалистическим — неясно»³⁵. В 2000 г. в украинском еженедельнике «Влада і політика» (№ 28) бывший руководитель аппарата Верховной Рады Вячеслав Коваль после посещения Китая заявил, что в КНР идет строительство капитализма под руководством коммунистов³⁶. А Р. Макгрегор статье «5 мифов о коммунистической партии Китая», опубликованной в журнале *Foreign Policy* за январь-февраль 2011 г., дал такой подзаголовок: «Китай — коммунистическая страна только по названию»³⁷. Эта статья, выставленная на форум, вызвала бурные дебаты, в которых участвовали люди разного уровня знания и по-разному настроенные в отношении Китая. В том числе хорошо теоретически подготовленные и хорошо знающие и китайскую историю, и историю СССР. Как американцы, так и учащиеся и постоянно живущие в США китайцы, в том числе диссиденты. Весьма заметны были американские либералы, которые общественный строй других стран склонны мерить по мерке американской демократии. Главным объектом дискуссии стало утверждение Макгрегора, что Китай является коммунистической страной только по названию.

Некоторые соглашались с таким выводом. Например, участник форума под условным именем (или логином) *The Magus* подчеркивал, что «коммунизм зиждется на экономике — коллективной, централизованно планируемой экономике. Все остальное — вторично. Без коммунистической экономической политики коммунизма не бывает. Поэтому Китай действительно коммунистическая страна только по названию». Автор под именем *МЖКТ* указывал на то, что «если страна вместо коммунистической идеологии следует идеологии государственного капитализма, то она не является коммунистической. Таким образом, Китай — коммунистическая страна только по названию». Особо гнетущим (*depressing*) для некоторых участников форума, судя по всему, живущих в США китайских диссидентов, было утверждение Макгрегора, что КПК будет находиться у власти еще не менее 10–20 лет. Некоторые, например, *MOBILEJAC*, пытались оспорить утверждение Макгрегора, что партия больше не вмешивается в частную жизнь граждан, в качестве примера приводили закон о планировании семьи. Другие, как, например, *XIANGDLOKI*, напротив, в ответ говорили, что «человек, мало-мальски знающий ситуацию в Китае, скажет вам, что в настоящее время этот закон редко применяется в городах и еще реже — в деревнях, а на национальные меньшинства он вообще никогда не распространялся».

Критика КПК между тем велась под разным углом зрения. Одни обвиняли ее в отходе от социализма, другие — что она неизбежно скатится на позиции национализма, третьи ставили ей в вину то, что она сохраняет в стране тоталитарные порядки. Если одни авторы считали, что Китай — все

еще бедная страна, и ее общество не созрело для того, чтобы воспринять основные принципы представительной демократии, то другие, в основном американцы, пеняли на китайское руководство за то, что в стране нет многопартийности, реального разделения властей, свободы прессы и т.д. В то же время многие живущие в США китайцы-участники форума активно поддерживали политику КПК, считая, что она является орудием быстрого развития страны, чем и определяется ее исторически прогрессивная роль. При этом некоторые из них критиковали политику «Вашингтонского консенсуса», указывали на изъяны западного пути развития, который привел к глубокому мировому финансово-экономическому кризису, от которого страдают и страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Многие говорили о будущем КПК, а соответственно, и китайского режима. При этом прогнозировались несколько вариантов развития. Преобладали сторонники той точки зрения, что КПК как партия-государство раньше или позже сойдет с политической сцены. В случае дальнейшего быстрого развития Китая появятся многие десятки миллионов высокообразованных людей, многочисленный средний класс, влиятельное бизнес-сообщество, повысится жизненный уровень населения, изменится массовое сознание, и компартия либо трансформируется в социал-демократическую партию, как произошло в ряде бывших социалистических стран, либо в ней произойдет раскол, как это случилось с КПСС в СССР, и победит та ее часть, которая будет руководствоваться общечеловеческими ценностями. Другой вариант связан с падением темпов роста, резким увеличением безработицы и нищеты и, соответственно, недовольством правящей партией и появлением оппозиции, которая сформируется как за счет китайской диаспоры, так и за счет членов КПК, и которая вынудит правящую партию отойти от власти. Автор по имени GRANT называл третий вариант, по которому по мере усиления экономической мощи Китая и роста в стране национализма (что, по его мнению, уже имеет место) компартия как партия-государство сама по себе может нанести фатальный удар какими-то внешними авантюрами. (Такая точка зрения высказывалась некоторыми аналитиками, которые ссылались на известный исторический факт, что рост внешней агрессивности великих стран следовал после совершенного ими рывка в экономической области. В качестве примера приводились Россия после реформ Петра I, Германия после объединения Бисмарком, Япония после революции Мэйдзи. (Только такие примеры не корректны, так как все это происходило в дядерную эпоху.) Но у этого варианта не нашлось много сторонников.

Кстати сказать, GRANT вполне научно объяснил разницу между тоталитаризмом и авторитаризмом тем участникам форума, кто называл Китай тоталитарным государством. Кстати, и у нас на этот счет есть путаница. Тоталитарным можно назвать только тот режим, который монополизирует все области общественной жизни: власть, экономику и духовную сферу. Но в Китае уже большая часть ВВП создается в негосударственном секторе, а в духовной жизни налицо, скажем осторожнее, уже немалая доля плюрализ-

ма. Действуют конфуцианские, буддийские, христианские храмы, церкви, включая православные, мечети. Исключением, пожалуй, стало массовое движение, которое получило название «Фальгун» и которое было подавлено властями в 1999 г. Оно занималось вопросами физического и духовного оздоровления людей, но неожиданно разрослось до многомиллионного движения с участием в нем и коммунистов, и госслужащих. Руководство КНР увидело в лице «Фальгун» силу, угрожающую подрывом руководящей роли КПК, и вступило с ней решительную борьбу. Но это вписывается в рамки государственной политики КНР, направленной на сохранение в общественной жизни монопольного положения КПК.

Участник форума по имени COLINMKA высказал мысль, что к 2050 г. Китай во многих отношениях изменится, станет влиятельным и процветающим экономическим гигантом и современным государством, только он не будет называться «Китайской Народной Республикой». Другими словами, Китай станет капиталистической страной, как Япония, Южная Корея и многие другие страны Азии. При этом многие аналитики на Западе дальнейшие успехи Китая напрямую связывают с утверждением в нем институтов представительной демократии. Но вот что по этому поводу сказал Макгрегор: «Идея, что Китай когда-то станет демократией, является западной точкой зрения, рожденной теорией развития политических систем. Вместе с тем имеются все свидетельства того, что эта теория ошибочна. Партия (имеется в виду КПК. — *А.К.*) имеет в виду то, о чем и говорит: Китай не желает быть западной демократией — и она имеет все необходимые инструменты для того, чтобы этого не допустить»³⁸.

Между прочим, и между российскими аналитиками нередко возникает дискуссия на предмет демократии в Китае. Одни утверждают, что глубоко укорененное в массовом сознании конфуцианство не позволит Китаю встать на путь представительной демократии западного типа. Некоторые, однако, им возражают, указывая на пример Южной Кореи и Тайваня. Эти страны тоже принадлежат к ареалу конфуцианской культуры (кстати, и на Японию конфуцианство оказало сильное влияние), и у них на переходном этапе были не менее авторитарные режимы, чем в нынешнем Китае. Однако как только они достигли довольно высокого уровня развития, в них стали укореняться институты представительной демократии. Какие-то национальные особенности в политической системе сохранились, но главные признаки демократического общества в универсальном его понимании налицо: многопартийность, разделение властей, свободная пресса, свободные выборы.

Все вроде бы верно, однако КНР не «вмещается» в рамки этой логики. Во-первых, названные страны — это сравнительно небольшие страны с гомогенным населением, примерно одинаковым (по крайней мере, не контрастным) уровнем жизни на всей их территории. Во-вторых, в течение нескольких десятилетий они находились под сильным влиянием Запада, в первую очередь США. Элита двух стран формировалась под еще более сильным американским влиянием, поскольку многие корейцы и тайваньцы

получали высшее образование в США, да и в местных университетах было много американских преподавателей. В-третьих, континентальный Китай — это поистине уникальная страна. С пятидесятилетней историей, глубоко укорененными традициями, внесшая немалый вклад в развитие мировой цивилизации. При этом огромная, с большими перепадами в развитии и уровне жизни прибрежных и глубинных районов, многонациональная и многоконфессиональная: 56 национальностей, 7 диалектов китайского языка, 100 млн буддистов, 17 млн мусульман, 12 млн протестантов, 4 млн католиков и сотни миллионов тех, для которых религией, по сути, является конфуцианство. Такую страну, образно говоря, трудно подвести под общий знаменатель. Если, равняясь на Южную Корею и Тайвань, считать, что демократии прокладывает путь сравнительно высокий уровень дохода на душу населения, то сперва надо решить несложную арифметическую задачу. Для того чтобы достичь только нынешнего уровня дохода на душу населения Южной Кореи и Тайваня или 50% уровня в США, Китаю необходимо в несколько раз увеличить нынешний объем ВВП. Но если учесть, что население Китая почти в пять раз больше, чем в США, то в этом случае его ВВП будет как минимум в два раза больше ВВП США и Евросоюза, вместе взятых. И это сильно пугает многих на Западе, которые предпочли бы менее развитый «коммунистический Китай» высокоразвитому «демократическому Китаю». Да и, вообще, кто доказал, что высокое качество жизни граждан напрямую коррелирует с уровнем дохода на душу населения?

Меня всегда удивляло, почему Запад, и в первую очередь США, пытаются навязывать, в том числе силой, представительную демократию, прежде всего американского стандарта, обществам, которые в своем социально-экономическом или цивилизационном, культурном развитии не могут ее воспринять. Более того, такие попытки могут иметь разрушительный характер для этих обществ. Наглядный тому пример — ситуация в Ираке и Афганистане.

Но, как говорил В.О. Ключевский, история никого и ничему не учит, она лишь наказывает за невыученные уроки. В самом деле, есть же богатый мировой опыт! Так, Великобритания перед уходом из своих колоний с преобладающими родоплеменными отношениями создала в них зачатки парламентской демократии на основе многопартийности. Однако в большинстве стран они оказались нежизнеспособными и вскоре уступили место однопартийным авторитарным и диктаторским режимам. Лишь многие годы спустя — не без влияния той же Британии и других стран Запада, в материальной помощи которых были крайне заинтересованы эти режимы — в них стали возникать демократические институты, чаще всего имеющие имитационный характер. Ведь практически в каждой арабской стране, где были свергнуты диктаторские режимы в ходе «арабской весны», были именно такие формы псевдодемократии. В свою очередь США после окончания Второй мировой войны фактически силой навязали демократические конституции странам, которые были освобождены американской армией от

японской оккупации, как и самой Японии. Но там представительная демократия действительно заработала, пусть и «с японской спецификой», поскольку страна была достаточно развитой. На Филиппинах же и в Южной Корее демократия не прижилась: здесь многие годы существовали авторитарные режимы. Более того, в Южной Корее демократический режим оказался недееспособным и уступил место военной диктатуре, при которой, кстати, и были заложены основы современной корейской экономики. И это несмотря на давление Вашингтона — ведь в Южной Корее оставались (и до сих пор остаются) американские войска.

Президент Южной Кореи генерал Пак Чон Хи (1961–1979), «архитектор» южнокорейского «экономического чуда», рассказывал, как они в первые годы после обретения страной независимости, зная, какую роль в странах Запада играет демократия, пытались внедрить у себя сначала парламентскую демократию на английский манер, а потом — американскую модель демократии. Но эти попытки привели к хаосу, а потом — и к революционным потрясениям. В результате власти поняли, что надо не копировать чужие модели демократии, а создавать собственную в русле общемировой тенденции, но в соответствии с особенностями своей страны, ее истории, культуры, характера массового сознания и т.д.³⁹

...Я много размышлял над тем, почему американцы, имея столь глубокие традиции демократии и мощный интеллектуальный потенциал, так упрощенно представляют себе развитие демократии в странах с низким уровнем социально-экономического и общественного развития, или иной культуры (например, конфуцианской и мусульманской). Какие же напрашиваются выводы? Во-первых, сказывается инерция многолетнего противостояния двух общественных систем, когда Советский Союз и Америка стремились укрепить свое влияние в мире, но первый — за счет распространения идеи социализма, если не коммунизма, а вторая — за счет внедрения идеи демократии.

Во-вторых, в Америке, общество которой формировалось из переселенцев, не было титульной нации, не было царей, королей, знати и пр. Поэтому переселенцы, большинство которых в то время составляли выходцы из Англии, где уже пустила корни пусть еще и ограниченная рамками верхушки общества демократия, смогли выработать в целом демократическую конституцию (1787) на сравнительно низком уровне развития большинства штатов. Потом в нее вносились поправки, расширявшие права и свободы граждан, например, «Билль о правах» (1789), до принятия которого за критику власти людей сажали в тюрьму. Французский мыслитель, историк, социолог Алексис Токвиль более века назад писал, что великое преимущество американца «состоит в том, что он оказывается в состоянии демократии без необходимости терпеть демократическую революцию, и в том, что он рождается свободным без необходимости отвоевывать свободу»⁴⁰.

В-третьих, не секрет, что американцы, если можно так выразиться, «американоцентричны», большинство из них мало интересуются внешним миром и плохо его знает. Что же касается деятелей Европейского союза, в ча-

стности Совета Европы, которые, кстати говоря, радостно приветствовали «арабскую весну» (обернувшуюся для ряда стран возвращением в прошлое), на мой взгляд, они плохо знают не только мусульманский мир, но и то, как в их собственных странах укоренялась представительная демократия. (В чем я убедился, будучи «гостевым профессором» в одном германском научно-исследовательском институте.)

И в-четвертых, с момента своего появления как государства Америка не знала внешней угрозы, не считая борьбы за независимость от Великобритании. Такие же страны, как Китай, Россия и многие другие, не раз сталкивались с внешней агрессией, волею обстоятельств вынуждены были укреплять государство, вооруженные силы, службы безопасности, не допускать раскола общества по тем или иным признакам и, следовательно, ущемлять права и свободы граждан. Да и на этапе догоняющего развития, как выявил академик РАН В. Полтерович, выигрывали те страны, в которых была сильная власть, порядок, четкие правила ведения бизнеса, а не те, где имелись демократические институты, но была слабая власть и царил хаос⁴¹. Можно напомнить, что и граждане Соединенных штатов в период обострения отношений с Советским Союзом в 1950-е гг. познали ограничения своих прав, когда сенатор-республиканец от штата Висконсин Д. Маккарти возглавил одну из комиссий конгресса и развернул массовую охоту на людей левых взглядов. Многие ученые, писатели, художники стали объектом расследования сенатской комиссии на предмет выявления антиамериканской деятельности. И свежий случай — ущемление личных свобод американских граждан после разрушения исламскими террористами торгового центра в Нью-Йорке. Иными словами, к развитию демократии надо подходить с позиций историзма.

ГЛАВА 13

Развитие политической системы в постсоветской России

Небольшой экскурс в историю

Если корректно рассматривать развитие политической системы в России и Китае после прихода к власти Дэн Сяопина, то следовало бы начать еще с реформ Н. Хрущева. Это сопоставимые переломные этапы в жизни двух стран и сопоставимые ситуации. Социализм в СССР был построен под руководством И. Сталина, а в Китае — Мао Цзэдуна по сталинским лекалам. «Большой скачок», неотъемлемой частью которого была «коммунизация деревни», чем-то напоминает обвальную сталинскую коллективизацию, ко-

торая стоила жизнью миллионам граждан южных областей России, Украины и Казахстана, а «культурная революция» схожа со сталинским террором середины 1930-х гг. В обоих случаях диктаторы в первую очередь стремились избавиться от потенциальных противников во власти и утвердить свое пожизненное правление. Есть и много другого сходного. Самого могущественного в высшем эшелоне власти после Сталина Лаврентия Берия, контролировавшего репрессивный аппарат, обвинили в измене народу и расстреляли, а деятелей «культурной революции» из ближайшего окружения Мао называли «бандой четырех», предателями и репрессировали. Переходной фигурой во власти в СССР стал наиболее близкий Сталину Георгий Маленков, а в Китае — Хуа Гофэн, о котором Мао якобы говорил: пока рядом Хуа, я могу быть спокойным. Были и несогласные с политикой первого руководителя страны: в СССР это «антипартийная группа» во главе с бывшими соратниками Сталина В. Молотовым, Г. Маленковым и Л. Кагановичем, которых лишили всех постов во власти, исключили из партии (впоследствии восстановили только Молотова), но не репрессировали; в Китае — «китайский Горбачев», то есть бывший генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян, которого сняли со всех постов и посадили под домашний арест, хотя и оставили ему возможность периодически совершать поездки по стране.

Но есть и принципиальные отличия. Во-первых, разные исторические этапы. Во-вторых, масштабы личности первых руководителей. Реформаторство Дэн Сяопина началось более чем на двадцать лет позже, чем Хрущева, совсем на другой стадии развития «мирового социализма» и в другой международной обстановке. В период правления Хрущева советский народ еще находился под сильным влиянием исторической победы над немецким фашизмом, которая официальной пропагандой объяснялась прежде всего преимуществом советского общественного строя над капитализмом, и в массе своей верил в социализм. (Не является выдумкой, что идущие в атаку беспартийные солдаты нередко заявляли: «если я погибну, то считайте меня коммунистом».) В то время СССР развивался быстрее капиталистических стран Запада, а социальным идеалом для немалой части леволлиберальных общественных сил в мире был социализм. Тогда компартии Франции, Италии и ряда других стран Запада имели массовый характер, и их членами были крупные писатели, художники, режиссеры, артисты, ученые и т.д. А после запуска первого в мире искусственного спутника Земли в 1957 г. и особенно первого в мире полета человека в космос в 1961 г. число изучающих русский язык во многих странах резко умножилось. Но нагляднее всего о популярности в мире идеи социализма в тот период говорит тот факт, что большинство освобождающихся от колониальной (полуколониальной) зависимости стран объявляли о своей ориентации на социалистический путь развития. Поэтому в то историческое время у первого руководителя любого масштаба и эрудиции не было объективной возможности в своей политике выходить за рамки социализма, однако была возможность отхода от сталинской полужаказарменной модели и осуществления постепенных, тщательно

продуманных мер придания ему «человеческого лица», о чем говорилось уже только в период перестройки.

Во-вторых, таланта Дэн Сяопина, широты его образования, исторического знания, понимания причин появления таких уродливых явлений, как «большой скачок», «культурная революция», выходящий за рамки здравого смысла культ личности первого руководителя, видения будущего своей страны в быстро меняющемся мире у не получившего образования Хрущева, конечно же, не было и быть не могло. Он сделал для страны много хорошего, при нем впервые советские люди могли свободно говорить о том, за что в сталинские времена, образно говоря, получили бы путевку в ГУЛАГ. Стали публиковаться не мыслимые ранее романы, ставиться пьесы, появились современные живопись, музыка. Деятели культуры — «шестидесятники» — говорят, что они познали не виданную ранее свободу творчества. Но деятельности Хрущева сопутствовали многие ошибочные, плохо продуманные и просто импульсивные решения и действия, в том числе против творческой интеллигенции, что в итоге обрекло его на поражение. Его сняли со всех постов через несколько месяцев после торжеств по случаю его 70-летия якобы по состоянию здоровья, в то время как врачи отмечали, что он был на редкость здоровым человеком и мог бы вести активную жизнь еще многие годы.

Но будь Хрущев более умелым руководителем, он не допустил бы к власти далеко не глупого, но консервативного и не крупного как государственный деятель Леонида Брежнева, хотя и ловкого в аппаратных играх. Он мог бы вносить изменения в свои воззрения и общественный строй по мере появления новых реалий в стране и мире, как это делал Дэн Сяопин. Напомним, что родившийся в 1904 г. Дэн Сяопин стал реальным руководителем страны в 1977 г. Если задаться вопросом, кто из трех руководителей — Л. Брежнев, М. Горбачев, Б. Ельцин — больше всего повинен в распаде СССР, то я бы поставил на первое место Брежнева (хотя, несомненно, есть вина и двух других). При его правлении многое дискредитировало советскую систему не только в мире, но и в глазах советских граждан. Это и продолжение линии на «закручивание гаек» вместо того, чтобы трансформировать давно изжившую себя сталинскую политическую систему. И прогрессирующее отставание СССР от стран противоположной общественной системы в экономической и научно-технической сфере как следствие боязни партийной верхушки и лично Брежнева структурных перемен. И непродуманные последствия внешнеполитических акций, как, например, ввод советских войск в Афганистан. И превратившееся в дом престарелых Политбюро ЦК КПСС. И личность самого «Товарища Леонида Ильича Брежнева» (как его стали называть во властных кругах), который то целуется со своими коллегами и иностранными деятелями, то радуется, как малое дитя, очередному не заслуженному ордену, золотой медали героя, званию маршала и даже золотой медали Академии наук СССР, которая присуждается только ученым за выдающиеся достижения. (Это породило много нелিপеприятных для Брежнева анекдотов, о которых знала вся страна и потешалась над «липовым мар-

шалом», имевшим больше золотых медалей героя, чем маршал Г.К. Жуков!) В то время как Запад, используя растущие достижения НТР и возможности глобализации, набрал высокие и редкие по продолжительности темпы роста производства и на этой базе сумел построить социально-рыночные отношения, социальное государство и общество массового потребления, в СССР хотя и не было нищеты, люди не умирали с голоду, была развита наука, бесплатное образование и здравоохранение, по-прежнему господствовала убогость и дефицит всего и вся. В мире наш социализм стали называть «нищим социализмом». И прав был Дэн Сяопин, когда сказал, что нищий социализм Китаю не нужен.

Но хочу оговориться. Брежнев, конечно же, не хотел распада СССР, напротив, он старался укреплять его, как он это понимал, но его политика настолько дискредитировала реальный социализм в глазах собственного народа, что при возникновении какой-то чрезвычайной ситуации (вроде ГКЧП) народ не стал бы его защищать. И поскольку СССР возник как союз социалистических республик, то крах социализма автоматически подрывал его устои, если не жизнеспособность.

Хотя есть и другая точка зрения на причину развала СССР, высказанная, в частности, не требующим представления Евгением Примаковым. В своей книге с тревожным названием «Мир без России?» он пишет, что и Михаил Горбачев виновен в распаде СССР. Он, дескать, вполне мог бы помешать этому, если бы проявил решительность, которой ему действительно часто не хватало, когда «Ельцин, Кравчук и Шушкевич с необычной легкостью и, как выяснилось, подбадривая себя неимоверным количеством выпитого, подписали в Беловежской Пуще документ о ликвидации Советского Союза. Это было неожиданно для всей страны, даже для руководителей других советских республик... Уверен, — пишет Примаков, — что команда Белорусскому военному округу окружить Беловежскую Пушу была бы выполнена. Людей, совершивших государственный переворот, можно было даже не арестовывать, а принудить отказаться от впопыхах составленного документа. Как выяснилось из воспоминаний тех, кто присутствовал в Беловежской Пуще, заговорщики опасались именно такого развития событий. Возможно, в сознании Горбачева — а от его воли в тот момент зависело развитие событий — еще свежи были воспоминания о ГКЧП и надежда на воплощение в жизнь идеи Содружества независимых государств. Но народ поддержал Ельцина в борьбе с ГКЧП отнюдь не потому, что он вел дело к распаду Советского Союза, а потому, что большинство населения уже не хотело возвращаться к тоталитарному прошлому»⁴².

Можно соглашаться и не соглашаться с Е. Примаковым по вопросу о том, смогла бы указанная им мера спасти СССР, но то, что договор о создании СНГ на месте СССР делался впопыхах и без должной ответственности президента Ельцина перед российским народом и Россией как государством, не вызывает никаких сомнений. Как и то, что он действительно «вел дело к распаду Советского Союза». Причем есть вещи, которые никак не вписываются

в правомерность и даже элементарную порядочность действий высоких должностных лиц. Во-первых, Б. Ельцин как руководитель одной из многих союзных республик, пусть и самой большой и влиятельной, дал слово руководителю Советского Союза М. Горбачеву, что на встрече с руководителями других союзных республик он будет добиваться подписания уже подготовленного нового союзного договора, какую бы позицию ни занимал при этом Л. Кравчук. Он этого слова не сдержал, напротив, в угоду Кравчуку подписал скороспешно составленный договор о ликвидации СССР и создании на его месте аморфного по своей структуре СНГ. Во-вторых, он тут же известил об этом не руководителя все еще де-юре существующего СССР, а президента США Буша-старшего, и лишь потом — Горбачева. Ссылка кого-то из членов команды Ельцина на то, что Буш первым узнал о роспуске СССР только потому, что телефон Горбачева был занят, смехотворна.

В-третьих, провозглашение бывших советских республик независимыми государствами в существующих границах означало огромные потери для России как государства, поскольку границы между союзными республиками в составе СССР носили административный и во многом условный характер. В результате от России отходили Крым и северные районы Казахстана с преобладающим русским населением. Многие миллионы русских, которые жили в центральных районах, но которых советские власти направляли в другие республики, чтобы строить там заводы, фабрики, дороги, помогать титульным народам развивать систему образования, здравоохранения, науку и т.д., в одночасье оказались в чужих странах с неоговоренными при создании СНГ правами, что в нередких случаях ставило их в положение людей второго сорта вплоть до отказа им в гражданстве. Но в бедственном положении оказались не только миллионы русских (русскоязычных), но и миллионы граждан других бывших республик СССР. Не от хорошей жизни в Россию, оказавшуюся в более выгодном положении за счет доходов от экспорта резко поднявшихся в цене энергоносителей, приезжают на заработки граждане не только из Центральной Азии, но и из Украины, а порой и Белоруссии. Фактически от распада СССР не выиграла ни одна союзная республика, кроме небольших по территории и численности населения балтийских стран, да и то благодаря помощи наиболее развитых стран Евросоюза. Которая, однако, резко сократилась в годы мирового кризиса, что привело к обвальному падению производства (от 20 до 30%), большому сокращению экспорта и импорта и массовой безработице.

Наконец, те, кто взял на себя ответственность упразднить СССР, не учли, какие негативные последствия его исчезновение с политической карты будет иметь для всей системы международных отношений. Взявшая на себя роль мирового лидера Америка не только не справилась с этой задачей, но и создала много острейших проблем, с которыми ныне трудно справиться всему мировому сообществу. И прав был президент В. Путин, когда сказал, что развал СССР стал величайшей геополитической катастрофой XX века. Что же касается таких великих стран, как Китай и Индия, тоже многона-

циональных, то их лидеры просто не поняли, зачем надо было разваливать такую мировую державу, как Советский Союз. *(Когда, например, мне приходилось встречаться с индийцами, то они недоуменно спрашивали: «Какой смысл был разваливать такую великую державу. Вы думаете, что теперь вам будет лучше?» Да и китайцы, как ни странно, высказывали сожаление по этому поводу.)*

Но есть и другая правда. И она в том, что коль скоро в развале страны решающую роль сыграли руководители государствообразующего народа, то есть русских, следовательно, их многое не устраивало в Союзном государстве. Ведь Беловежские соглашения не встретили массового протеста со стороны россиян и были одобрены Верховным Советом России. Причина, по сути, лежит на поверхности. В ущерб благосостоянию собственных граждан и собственному благоустройству Россия слишком много сил и ресурсов отдавала Федеральному центру, который далеко не всегда их использовал во благо и тем более во благо россиян. Оставляя в стороне помощь другим союзным республикам (ставшим потом независимыми государствами и, как правило, скоро забывшим об огромной помощи им России), гигантские средства уходили на безумную гонку вооружений, на помощь «братским странам», «революционным странам и народам». К тому же Россия еще и была сильно ущемлена в правах по сравнению с другими республиками. У нее не было своей партии, как в других республиках, да фактически и своего правительства, поскольку оно курировалось одним из отделов ЦК КПСС. (Компартия в России появилась только в июне 1990 г. под названием КП РСФСР, а в 1993 г. объявила себя наследницей КПСС и приняла нынешнее название — КПРФ.) Напомню, что в рамках своих полномочий только компартии республик, а не правительства, могли принимать решения по принципиально важным вопросам. Начиная с Ленина, большевики боялись русского национализма и старались как можно больше урезать в правах собственно Россию. Русский же патриотизм приравнивался к национализму, с которым интернационалисты-большевики жестоко расправлялись. Как говорил Ленин, народам национальных окраин еще можно простить национализм, но русский национализм надо решительно выкорчевывать. Все это хорошо видел из-за границы философ Г. Федотов, о чем он и писал в своих работах.

Поэтому я считаю, что основная вина за распад СССР лежит на советском руководстве и в большой степени лично на Брежневе. Безусловно, при глубоко продуманной политике перестройки и более сильном первом руководителе СССР можно было бы не доводить до развала, а шаг за шагом реформировать. Но это опять же вина установленной большевиками традиции пожизненного правления высших руководителей, вина лично Брежнева, который избавлялся от сильных личностей в высшем партийном руководстве, и в итоге, кроме Горбачева, в Политбюро ЦК КПСС не осталось более сильного и дееспособного руководителя, готового решиться на структурные реформы. Об этом, кстати, говорил и его коллега по Политбюро Егор Лига-

чев, который считался консерватором и по многим вопросам расходился с Горбачевым.

И еще. Не надо забывать и о гнетущей духовной атмосфере последних лет существования СССР. По-прежнему донимали сплошные ограничения и запреты, нередко бессмысленные. Партийные организации активно вмешивались во все стороны жизни общества, в том числе в личную жизнь граждан. Цензура не только не допускала и малейшей критики режима и его руководителей, но и вылавливала любую новую мысль, если она расходилась с документами съездов, пленумов партии или выступлениями ее руководителей. Сам вид наших «выдающихся деятелей», с трудом передвигающихся и с трудом подбирающих нужные слова, у многих вызывал брезгливую улыбку. В западных странах после «студенческой революции» во Франции 1968 г. набирала силу новая волна демократизации, когда резко расширялись права и свободы граждан и резко сужались границы произвола властей. В СССР в период правления Хрущева рамки деятельности ненавистного в народе КГБ (или его аналога) были основательно сужены, но с приходом к руководству этим ведомством Юрия Андропова его роль резко возросла в жизни страны. Агенты КГБ заполнили все крупные производства, исследовательские центры, учреждения и ведомства, вузы и т.д. Когда советская неправительственная делегация отправлялась в зарубежную поездку, в ее составе практически всегда был «кагэбэшник», который представлялся, в зависимости от ситуации, работником какой-либо нейтральной организации. (Я с улыбкой вспоминаю, как мои английские коллеги-студенты быстро вычислили «кагэбэшника» в составе студенческой делегации МГУ, проходившей стажировку в Оксфордском университете с целью углубления знания английского языка. Он ни о чем не спрашивал, на лекциях по большей части дремал и говорил на плохом английском.)

И вроде бы уже забытый донос вдруг обрел новое дыхание. Причем доносили друг на друга и деятели культуры — ученые, писатели, художники. Всякая живая мысль, новая форма, новые методы в изобразительном искусстве и т.д. вызывали реакцию со стороны КГБ. Мне лично пришлось несколько раз давать объяснения работнику КГБ, что мои институтские коллеги (один из которых, кстати сказать, стал академиком и директором ведущего столичного академического института, а другой — его заместителем) — не антисоветчики, а творческие люди, которым всегда присущи поиски. В мире уже набирала оборот компьютеризация, а согласно инструкции КГБ, пишущие машинки на выходные дни сотрудники институтов должны были из всех отделов относить в специально оборудованную комнату. Коммунисты, на каждом углу клявшиеся, что они построили самое передовое в мире общество, настолько боялись влияния «загнивающего капитализма», что даже в машинописной листовке видели угрозу существованию этого «прекрасного общества».

То, что Ельцин был донельзя властолюбивым человеком и любым путем хотел занять место Горбачева в Кремле, есть сущая правда. После развала

СССР в кругах, близких Ельцину, говорилось, что если бы Горбачев уступил ему место президента СССР, то тот не допустил бы его развала. Возможно, это и так. Но я не исключаю, что, сознательно подтачивая изнутри СССР, Ельцин считал, что так будет легче свалить коммунистический режим. Многие из нас действительно боялись, что перестройка так же будет опрокинута коммунистическими ортодоксами, как была заморожена хрущевская оттепель и сорвана экономическая реформа, начатая руководством правительства СССР Николаем Косыгиным. И никто не станет утверждать, что номенклатура (партийная, военная и хозяйственная) не взяла бы реванш, если бы в Российской Федерации не было всенародно избранного президента в лице Ельцина. (Которым, кстати, не был Горбачев, боявшийся, что граждане не изберут его президентом СССР.)

История полна противоречий. С одной стороны, Ельцин сделал немало для разрушения СССР и, в конечном итоге, именно он подписал Беловежские соглашения. Но, с другой стороны, в той исторической обстановке не было другого политика, который решился бы бросить открытый вызов тогда еще всесильному Политбюро ЦК КПСС, одержать победу на выборах первого президента РСФСР, а потом и нейтрализовать деятельность ГКЧП. Как не было среди оппонентов и противников Горбачева в руководстве КПСС и политика если и не уровня Дэн Сяопина, то, скажем, венгерского Яноша Кадара, который не развернул бы репрессии против сторонников Горбачева и Ельцина, демократических сил вообще при возвращении страны на исходные позиции, а более грамотно повел бы ее по пути реформ.

Но было бы нечестно с моей стороны не признать, что в социализме как общественной системе, а не как политическом строе, было немало хорошего. Если бы моя молодость пришлась на нынешний чиновничье-олигархический строй, то я так и остался бы в деревне, не получив образования. Возможно, и советские руководители, по крайней мере, первого поколения, заслуживают снисхождения — нельзя построить демократический социализм руками людей, на практике не знавших демократии.

Поскольку, как установили социологи, массовое сознание российского общества расколото и антиномично, когда можно доказывать прямо противоположные точки зрения, то мы не будем замыкаться только на одной из них⁴³.

Экономика и политика: их взаимодействие

Хотя экономические проблемы и сама экономическая модель России рассматривались во II разделе, к этому вопросу снова придется возвращаться. Именно экономические интересы «нового класса» диктовали политический курс постсоветской власти на разных этапах развития новой России. Так, когда начался крупномасштабный передел общественной собственности, в том числе по выходящим за рамки Конституции указам президента, по серым или откровенно криминальным схемам, нарождающимся олигархам,

новой крупной буржуазии нужна была в целом слабая власть, беспомощные правоохранные органы, размытые законы и подзаконные акты. Когда же нужно было сохранить эту собственность, требовались уже более сильное государство и законы, защищающие новоприобретенное. А в периоды ухудшения экономической ситуации и в ожидании нарастания массовых протестов «новый класс» (который на волне высоких доходов от экспорта энергоносителей и разросшейся коррупции пополнился чиновниками и депутатами разных уровней) требовал от политического руководства ужесточения политической системы, блокирующей такие протесты. В названной выше книге Е. Примаков высказал мысль о том, что у России не будет будущего, если ее политику будет определять олигархия. Вот его слова: «... Олигархия — это не просто крупные предприниматели, которые в считанные годы заработали огромное состояние далеко не коммерческими путями, а используя установившиеся личные отношения с властью или с семьей того, кто был на ее вершине. Олигархами стали называть в России тех, кто, не довольствуясь своим положением в экономике, практически заправлял делами в государстве, назначал своих людей на командные позиции, оказывал серьезное влияние на законотворческие и нормотворческие процессы»⁴⁴.

Когда многие из нас говорят, что в основе упадка России лежит реализация непригодной для нее модели экономических реформ неопытными реформаторами, то это верно только отчасти. Тот же Примаков указывает на то, что «главную роль сыграли наши экономисты, никогда ранее не занимавшиеся проблемами народного хозяйства, да и в науке не поднимавшиеся выше заведования лабораториями в ряде исследовательских институтов. За экономические реформы взялись в основном те, кто знал жизнь лишь по книжкам, написанным большей частью либеральными западными экономистами, далекими и от специфики российских проблем, и от решения труднейшей задачи перевода такой огромной страны, как Россия, на рыночные рельсы»⁴⁵. В то же время Примаков считает: «думать, что трагедия 90-х годов была просто-напросто осуществлена по американскому сценарию, было бы неточно»⁴⁶. А вот это утверждение не кажется мне однозначным.

Ибо возникает вопрос: кто посоветовал президенту Ельцину поручить решение такой сложнейшей задачи самой слабой из возможных команд? И кто подбирал эту команду? Сказалось слабое экономическое знание Ельцина? Его желание опереться на тех, кто обещал ему быстрые позитивные результаты от реформ, чего не обещали серьезные ученые и опытные управленцы? Или, может быть, «рекомендации» его новых западных «друзей», на которые он, как известно, был очень податлив? (В свое время бывший вице-премьером Михаил Полторанин рассказывал, как работавший с Ельциным в Свердловске (ныне Екатеринбург) Геннадий Бурбулис приводил к нему одного за другим будущих членов его команды. А Бурбулис, по словам того же Полторанина, якобы поддерживал контакты с американцами⁴⁷.) Ведь в стране были и международно признанные экономисты. Да и, как уже говорилось во II разделе данной работы, крупнейшие западные ученые призы-

вали Ельцина остановить реформы во избежание краха экономики, который неизбежно приведет к развалу важнейших сфер жизнедеятельности государства, что на деле и произошло. В интересах прояснения ситуации обратимся к мнению некоторых российских и зарубежных авторов.

Доктор экономических наук Юрий Годин (Институт экономики РАН), в 1973–2010 гг. работавший в советских и российских высших структурах государственной власти, в том числе консультировавший по экономическим вопросам первых должностных лиц, пишет: «После утверждения 6 ноября 1991 г. в должности и.о. председателя Правительства России, будущий главный реформатор отправился за океан на стажировку. Мы это знали, работая у президента СССР. Оттуда он привез... неолиберальную экономическую модель монетаристского типа в рамках концепции “Вашингтонского консенсуса”. Эта концепция была разработана в США для бывших социалистических стран, естественно в интересах Америки, с рекомендациями по капиталистической трансформации их экономик. На эту концепцию в России ориентировались до августа 1998 г., пока не разразился дефолт. Начиная с конца 1999 г. и позднее российская экономика стала ориентироваться на подновленную концепцию “Пост-Вашингтонского консенсуса”. Главным ее проводником и знаковой фигурой уже стал А.Л. Кудрин»⁴⁸.

Допустим, американцы не имели злого умысла. Допустим, и российские власти, и многие россияне поверили, что наши недавние «заклятые враги» превратились в искренних друзей после того, как мы своими руками разрушили «империю зла», как назвал президент США Рональд Рейган СССР, и в знак благодарности действительно помогут нам совершить конверсию и построить рыночную экономику. Однако факты говорят о том, что США стремились подорвать жизнеспособность СССР не только в период острой конфронтации между двумя общественными системами, но уже и в ходе начатой Горбачевым перестройки. А ведь он хотел придать социализму «человеческое лицо», что на деле означало бы постепенное движение страны в сторону социал-демократической модели, при этом делая односторонние уступки Западу по стратегически важным вопросам. В вышедшей в 1995 г. книге американского автора Петера Швейцера «Победа. Тайная стратегия администрации Рейгана, ускорившая гибель Советского Союза», в ходе работы над которой, по его словам, он консультировался в том числе с бывшими высокопоставленными чиновниками администрации США, говорится, что спецслужбами совместно с Советом по национальной безопасности США была разработана сверхсекретная программа, направленная на подрыв жизнеспособности СССР. Она включала в себя военную и финансовую помощь афганским моджахедам и перенос их действий на советскую территорию; меры по резкому сокращению поступлений в СССР валюты за счет снижения цен на нефть (что стало возможным в результате ее выброса в крупных объемах на мировой рынок Саудовской Аравией по настоянию США) и по ограничению экспорта советского природного газа в страны Запада; всестороннюю и детально разработанную психологическую вой-

ну; комплексные акции международного масштаба с применением тайной дипломатии с целью максимального ограничения доступа СССР к западным технологиям; масштабную техническую дезинформацию с целью нанесения ущерба советской экономике; провоцирование СССР на новый тургонки вооружений. Эта программа предусматривала и меры по дестабилизации обстановки в других социалистических странах⁴⁹.

Вполне логично допустить, что эта программа продолжала действовать и после развала СССР, только уже против России. Во-первых, России достался от СССР второй в мире по мощи ракетно-ядерный потенциал, и она является единственной страной в мире, которая теоретически может уничтожить любую страну, включая США, в случае ядерной войны. И это является серьезным сдерживающим фактором на пути превращения США в единоличного вершителя судеб мира, к чему они стремились после распада СССР. (Кстати сказать, если мы считали, что «холодная война» закончилась после распада мировой социалистической системы и ликвидации Организации стран Варшавского договора, то президент США Буш-младший заявил об этом лишь десять лет спустя на очередной встрече с В. Путиным.)

Во-вторых, Западу и США в частности в принципе не нужна сильная Россия, иначе она будет проводить независимый курс на международной арене, а еще и группировать вокруг себя другие страны. Способность нашей страны, говоря метафорически, возрождаться из пепла на Западе хорошо известна. В-третьих, Запад решил ни в коем случае не допускать, чтобы Россия воссоздала на базе бывших советских республик новую великую страну, в чем-то равную СССР.

Американские высокие должностные лица, включая государственного секретаря США Мадлен Олбрайт, публично заявляли, что их целью является «освоение» постсоветского пространства⁵⁰. А чтобы Россия не стала помехой на этом пути, достаточно обвалить ее экономику, после чего пойдет по цепочке деградация научно-технического потенциала, образования, науки, здравоохранения и т.д. Статистика показывает, что после реализации предписаний «Вашингтонского консенсуса» Россия откатилась далеко назад по важнейшим показателям, не производя новых сложных машин и оборудования, не делая открытий мирового значения, не изобретая новых технологий. Став фактически сырьевым придатком развитых и даже среднеразвитых стран, Россия потеряла привлекательность для большинства бывших союзных республик СССР. Она не может похвастаться ни общественным строем, ни политической системой. Все это сильно облегчило Западу решение задачи по «освоению» постсоветского пространства. Одни бывшие советские республики были срочно включены в Евросоюз, а других, как Украину при русофобе президенте В. Ющенко, а также Грузию при президенте М. Саакашвили, США стали готовить к вступлению в НАТО. (Правда, с приходом в Белый дом президента Барака Обамы политика продвижения НАТО на Восток стала менее агрессивной. Но так было до событий на Украине.) И если к России все еще тянутся менее развитые и бедные

страны, то это отнюдь не ускорит модернизацию нашей экономики, что возможно только при сотрудничестве с наиболее развитыми государствами.

Справедливости ради надо сказать, что в деградации России все же больше вины не Запада, а российского «нового класса», при котором мы фактически не вылезаем из кризисов. Так, не создано ни одного известного на всю страну производства, не построено ни одной современной магистральной автостреды, зато появилось больше миллиардеров, чем в самых богатых странах, кроме США (правда, теперь и Китая). «Характерная черта всех российских кризисов, — считает Ю. Годин, — заключается в том, что они происходят в условиях внутреннего перманентного системного кризиса. Главными его признаками можно считать превалирование политики над экономикой, а в странах с рыночной экономикой должно быть наоборот... В течение более двух десятков лет мы наблюдаем явное преобладание над целями развития личных целей высшей чиновничьей бюрократии и приближенных к власти олигархических групп. Они стремятся любыми способами остаться на вершине властной и экономической пирамиды»⁵¹.

Рождение новых форм государственного управления

Экономика и политика, как правило, тесно между собой связаны. Наши реформаторы не остановились на заимствовании у США модели экономических реформ. Когда Б. Ельцин решил ввести пост президента в Российской Федерации, то, по достоверным сведениям, он дал людям из близкого своего окружения поручение изучить президентскую систему в других странах и прежде всего в США. В результате у нас кроме президента, его администрации и вице-президента, как в США, появилось еще и правительство, как во Франции. Потом был введен еще и пост государственного секретаря, который занял Г. Бурбулис, при наличии министра иностранных дел. Получилась невероятная мешанина! Правда, в то время председатель Верховного Совета РСФСР Руслан Хасбулатов настоял на ликвидации поста госсекретаря, ссылаясь на отсутствие такой должности в Конституции. В принятой в декабре 1993 г. новой Конституции пост вице-президента уже отсутствовал. Это, надо полагать, стало следствием того, что в событиях сентября-октября 1993 г. (острое противостояние, вылившееся в вооруженный конфликт между президентской властью и властью Верховного Совета) вице-президент Александр Руцкой занял сторону противников президента. Но все равно государственное управление на высшем уровне выстроено так, что не ясно, кто за что отвечает. Нет четкого разграничения прерогатив президента и правительства, притом что часто и администрация президента по факту выполняет функции исполнительной власти. Госдума тоже нередко руководствуется указаниями из Кремля, как и руководители третьей ветви власти, поскольку они в реальности тоже зависимы от президента. Если бы, скажем, по вине власти возник серьезный провал в какой-то жизненно важ-

ной области, то трудно было бы найти виновного. В то время председатель правительства В. Черномырдин сказал президенту Б. Ельцину, «что нам на самом деле надо идти на конституционные реформы и что надо создать для этого специальную комиссию. Что к 2000 году необходимо подойти с определенными изменениями и дополнениями в Конституцию: надо четко разграничить действия и ответственность властей. Что такое президентская власть и за что она отвечает? Что такое правительство и за что оно отвечает? Что такое парламент? Нужно дать больше полномочий правительству, потому что не может оно работать в раздвоенном состоянии, с оглядкой...»⁵². Президент Ельцин, по словам Черномырдина, с этим согласился, но разразившийся международный скандал по поводу предполагаемой коррупции в высших эшелонах российской власти, включая семью Ельцина, и резкое падение рейтинга президента и партии власти после дефолта 1998 г. не дали этому проекту реализоваться, а возглавивший вначале правительство, а потом и власть в Кремле В. Путин, видимо, считал необходимой еще большую концентрацию власти в одних руках.

(Как ни странно, среди немалой части наших либерал-реформаторов одно время имела место почти героизация политики Аугусто Пиночета. Они ставили ему в заслугу то, что он ликвидировал режим коммунистов и социалистов, сократил до минимума социальные расходы и, быстро осуществив рыночные реформы, вывел Чили на путь процветания. Отсюда родилась идея о том, что на переходном этапе власть должна быть сильной, другими словами, авторитарной, а экономика, напротив, — либеральной. И поскольку этой точки зрения якобы придерживался мэр Петрограда Анатолий Собчак, то она, можно предположить, была воспринята и теми, кто работал под его началом, включая В. Путина и А. Кудрина.)

Потом стала перекраиваться структура городской власти. Либералов-западников чем-то не устраивало привычное деление на районы, и вместо них появились управы и муниципалитеты (в Москве). Допустим, это исконно русские названия. А вот префектуры и префекты — это явно заимствовано во Франции. Появились округа, очевидно, как в Штатах. Очередь дошла и до министерств. Раньше в министерствах были отделы, управления, главные управления, сейчас — федеральные службы, и федеральные агентства (что, скорее всего, скопировано с американской структуры министерств). И вся эта новая структура, по словам самих же чиновников, не облегчает, а затрудняет процесс управления⁵³. Едва ли не все институты превратились в университеты, а профтехучилища стали колледжами. Вот только нет учебных заведений, в которых готовили бы рабочих, умеющих управлять «умными» станками и оборудованием. А на них острый дефицит! Был заимствован единый государственный экзамен (ЕГЭ) и все то, что вытекало из Болонского протокола — бакалавриат, магистратура и пр., чтобы, так сказать, облегчить нашим уезжающим на Запад ученым адаптацию в новых условиях. Как говорит академик РАН В. Полтерович, к ВТО, к Киотскому протоколу, Болонскому протоколу следует присоединяться только тогда, когда нам это выгодно.

В ходе «подстраивания под Запад» произошло разрушение нужных служб и в нередких случаях были созданы непреодолимые препятствия для оперативного решения острейших проблем, что порой приводит к тяжелым потерям для страны. Так, леса России, как известно, занимают огромную площадь и имеют важнейшее значение для страны во многих отношениях, перечислять которые вряд ли стоит. В СССР существовало Министерство лесного хозяйства, позже переименованное в Государственный комитет лесного хозяйства. Важнейшей его структурой были лесничества, в задачу которых входило в том числе отведение лесосек, восстановление леса, его защита от пожаров, вредных насекомых и болезней. Они имели для этого и необходимый штат работников, и технику. В новой России эта структура была расформирована. На месте госкомитета, имевшего статус министерства, было создано федеральное агентство, которое было включено в Министерство сельского хозяйства РФ, при этом резко сократились его штаты и технические возможности. И когда в 2010 г. в лесах России запылали пожары, то тушить их и даже регистрировать очаги возгорания лесничества были не в состоянии. Очевидно, под влиянием этого печального опыта вскоре Федеральное агентство лесного хозяйства стало самостоятельной административной единицей.

Но после жары 2010 г. на хвойные леса набросился жук короед-типограф. В советское время имела место такая практика: при обнаружении этого жука тут же вырубались все деревья вблизи пораженного участка, а иногда и целый массив. Но позаимствованная нами система тендеров не позволяет оперативно бороться с жуками-вредителями. Борьбу с короедом можно выиграть, только действуя на опережение. Подсчитано, что 100–200 жуков уничтожают большую здоровую ель примерно за две недели. А они размножаются невероятно быстро. Организация же тендера у нас занимает месяцы.

Назову еще одно заимствование. Известно, что министрами военных ведомств многих западных стран и, в частности, США, являются гражданские лица. Мы, очевидно, тоже решили перенять эту практику, и в 2007 г. министром обороны РФ стал А.Э. Сердюков, который после окончания Ленинградского института советской торговли с 1985 по 2000 г. работал на разных должностях в сфере торговли мебелью. Потом в силу стечения ряда благоприятных для него обстоятельств он стремительно сделал карьеру в налоговой службе, которую возглавил в 2004 г. Его действия как министра обороны горячо приветствовались российскими либералами, но резко критиковались ушедшими в отставку генералами и независимыми военными экспертами. Некоторые даже утверждали, что он разваливает армию. В частности, ему вменялось в вину то, что он отправил в отставку едва ли не всех опытных генералов, адмиралов и многих офицеров, ликвидировал институт старшин и военных медиков, ввел такую новую военную форму, в которой солдаты в холодное время замерзали и нередко оказывались на больничной койке с воспалением легких. По мнению большинства экспертов, Сердюков своими некомпетентными реформами нанес вооруженным силам большой вред.

В чем порок этого заимствования? В том, что оно носило формальный характер. Не было учтено то, что, например, в США, на которые наши либералы-западники любили равняться, гражданский министр обороны отвечает лишь за политику своего ведомства и ни во что больше не вмешивается. За структуру армии, за ее вооружение и снабжение, за боевую подготовку личного состава и т.д. отвечает начальник Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США, как правило, опытный и авторитетный генерал.

Трудности становления новых форм жизни

Сколько бы чиновники с высоких трибун ни говорили о великих достижениях при их правлении, цифры и факты говорят об обратном. Напомню еще раз, что в результате либеральных реформ 90-х прошлого века и нулевых века нынешнего у нас деградировали промышленность, аграрный сектор, высокие технологии, наука. Мы фактически потеряли гражданское авиастроение, судостроение, машиностроение. Мы откатились далеко назад по уровню промышленного и сельскохозяйственного развития, внедрению в экономику инноваций, по коэффициенту интеллектуального развития, по уровню образования, здравоохранения, социальной защиты граждан, по качеству жизни и т.д. На мировом рынке наукоемкой гражданской продукции наша доля уже давно застыла на уровне 0,2–0,3%, в то время как доля Китая, которому мы еще недавно помогали создавать зачатки промышленности и науки, к 2007 г. достигла 18,1%, а по данным на 2010 г. общий объем этой продукции составил 376,9 млрд долл.⁵⁴ против 2,3 млрд долл. России⁵⁵.

Чем дальше в прошлое уходит ельцинское правление, тем ярче высвечиваются его губительные последствия для будущего России. Именно в годы президентства Б. Ельцина был опрокинут принцип разделения властей и заложены основы режима личной власти. Началась экономическая, социальная, научно-техническая, демографическая и духовно-нравственная деградация, которая не только не приостановилась, но и углубляется. На основе полученных в последние годы данных становится все более очевидным, что и чеченской войны, и подрыва политической стабильности на всем Северном Кавказе можно было бы избежать, если бы на месте Ельцина был более крупный, менее чванливый, гибкий политик, умеющий идти на компромиссы и знающий цену человеческой жизни.

Только будем откровенны — те, кто стал частью новой правящей элиты, кто взлетел на вершину власти не по способностям и заслугам перед страной, а за преданность Ельцину и какие-то личные ему услуги; те, кто при нем без таланта и особых стараний сказочно обогатился; та часть интеллигенции, которая, обслуживая правящий класс, допущена к дележу принадлежащей народу природной ренты; те на Западе, которые давно мечтали о ликвидации России как мировой державы — все они прославляли, про-

славляют и будут прославлять Ельцина. И не по этой ли причине те, кто обвинял спецслужбы в организации взрывов жилых домов в Москве и других городах, почему-то не говорили, что если такое и было возможно, то только по прямому указанию президента Ельцина или с его одобрения?

Но есть на Западе и честные люди, которые порой резко, но более объективно, нежели наши нынешние власти предрежащие, оценивают деятельность Ельцина. Так, передавая отношение к Ельцину большей части западных интеллектуалов, известный британский журналист и политолог Марк Симпсон в газете "The Guardian" за 26 апреля 2007 г. писал: «Интересно, с какой стати Запад так носился с Борисом Ельциным, одним из самых неумелых руководителей России за всю ее историю? Почему на Западе его превозносили как «героя», «исполина XX века», маяка «свободы»? Ельцин, которого долго еще не забудут многие россияне, мало походил на этот образ... Он довел большую часть своего народа до невообразимой нищеты, одновременно фантастически обогатив свою клику. Президент, который ограбил целое поколение, украв их пенсии, «отпустил» уровень жизни в свободное падение и урезал на десять лет среднюю продолжительность жизни российских мужчин: теперь она самая низкая в развитых странах... Человек, начавший свою карьеру популиста с кампаний против относительно скромной коррупции партийных функционеров, позже стал главой страны в эпоху такой широкомасштабной коррупции и бандитизма, какие не имеют аналогов в истории... Причина высокой оценки Ельцина на Западе — та же самая, по которой его ненавидят в России: с точки зрения Запада он был лучшим президентом России в истории. Он не только пресмыкался перед западными интересами, но и руководил почти окончательным уничтожением своей страны как политической и военной силы на мировой арене»⁵⁶.

Возможно, против чего-то тут можно возразить, но в целом эта оценка деятельности первого президента РФ верна. В годы правления Ельцина сложилась практика, когда высокие чиновники публично, особенно в период предвыборных кампаний, обещают одно, а делают совсем другое, не считаются с волей народа по самым острым проблемам, как, например, это было в отношении воровской приватизации, борьбы с коррупцией и преступностью, социальной политики государства, фабрикирующей миллиардеров, и т.д.

При Ельцине зародился и пиар как способ циничного обмана народа в электоральных интересах правящего класса. Пиар сбивает с толку людей, стоит на пути ротации в высших эшелонах власти, воспринимаемой обществом как успешная, а, как говорится, от добра добра не ищут. Мы еще недавно слышали от наших чиновников, что Россия растет быстрее других стран, и не вникающие в суть вещей наши граждане в большинстве своем верили этому. Но, во-первых, если мы росли быстрее других стран, то почему мы так долго не могли достичь дореформенного уровня даже по ВВП?! На деле это был не рост, а восстановление после падения производства в конце 1992 г. почти на 60%, в 1998 г. — на 6%, в 2009 г. — на 7,9%. Это с одной стороны. А с другой — этот рост был основан не столько на физическом увеличении товаров и услуг, сколько на росте цен на экспорти-

руемое сырье. Притом что продукция передовых производств и высоких технологий составляет мизерную долю в ВВП. Но и быстрый рост за счет экспорта сырья уже в прошлом. В последние годы темпы роста ВВП стали неуклонно снижаться, составив в 2012 г. 3,4%, а в 2013 г. — 1,3%. По прогнозу на ближайшие годы, темпы роста будут низкими вплоть до нулевых. Что могло бы улучшить экономические показатели в нынешних неблагоприятных для нас международных условиях, так это резкое повышение цены на нефть на мировых рынках. Однако если такое и возможно, то, скорее всего, только на короткий срок. Ко времени завершения работы над этой рукописью цена на нее падает, а привязанный к ней рубль резко теряет в стоимости по отношению к доллару, евро и другим твердым валютам. Что вызывает бегство из страны капитала и негативно сказывается на развитии национальной экономики.

М. Горбачев был чужд пиара, более того, он часто не считался с общественным мнением, что, между прочим, сильно ему вредило. Пиар, подчеркиваю, ввел в практику Б. Ельцин, когда выдавал себя за борца против привилегий партноменклатуры и за социальную справедливость (хотя уже в первые годы своего президентства он окружил себя самыми богатыми людьми, среди которых были и откровенные жулики). А еще и прикидывался таким близким простым людям человеком, что ездил на трамвае... две остановки, а потом выходил и пересаживался в следовавший за трамваем лимузин. В разгар избирательной компании 1996 г. Ельцин в подмосковной Апрелевке встречался с ветеранами, там ему представили и нескольких подростков. На вопрос, помогают ли они своим родителям в огороде, те ответили, что сажают травку, ее поливают... В ответ Ельцин сказал: «А я вот до сих пор сам сажаю картошку, сам ее собираю. Мы всей семьей это делаем. Каждую весну восемь мешков сажаем, а потом, осенью, восемь мешков выкапываем. (Sic!) И всю зиму живем на своей картошке»⁵⁷.

Ельцина обслуживали лучшие пиар-технологии, в том числе американские. Они заранее готовили для него сценарии поведения, в одном из которых предусматривался и обошедший отечественные и мировые СМИ танец уже тяжелобольного Ельцина в молодежном кафе. Некоторые из пиар-технологов задним числом откровенно рассказывают, какими способами они подняли рейтинг Ельцина с 3–4% в начале января 1996 г. до 35,28% после первого тура президентских выборов, а в итоге обеспечили ему победу над лидером коммунистов Геннадием Зюгановым, у которого начальный рейтинг составлял 22,3%. В ход было пущено все: деньги самых богатых людей, монополизация основных телеканалов по принципу «без телевизора нет политика», фальсификации, обман избирателей, рукотворные метаморфозы, когда в некоторых республиках едва ли не стопроцентно голосовавшие за Зюганова в первом туре во втором туре все, как один, голосовали уже за Ельцина.

Был использован французский опыт выборов в два тура, а лозунг Ельцина «Выбирай — или проиграешь!» был слегка переименованным лозунгом Билла Клинтона. Люди из окружения Ельцина старались убрать из числа

кандидатов в президенты тех, кто будет отбирать у него голоса. Вывели из игры премьера В. Черномырдина. Оказывали давление на губернаторов, министров. А еще и открыто шантажировали, как это, кстати говоря, делал А. Коржаков, вначале руководитель охраны, а затем — Службы безопасности президента РФ, который, будучи к тому же «кровным братом» Ельцина, на деле обладал огромными полномочиями. (Как он сам признавался, «конечно, власть у меня была великая. Особенно когда Ельцин по полдня пребывал в анабиозе. Да, я мог сделать все, что надо. Если бы был подонком. Ведь другие пользовались. Из тех, кто с президентом даже не общался. Ну а я, к примеру, решил вопрос о назначении Генерального прокурора, должностей в Министерстве обороны»⁵⁸. В названной выше книге он говорил, что коммунистам он сказал: «Смотрите, ребята, не шутите, мы власть не отдадим»⁵⁹. Избиратели не знали ни о бегущей строке, что давало возможность Ельцину говорить неожиданно четко, без его обычных пауз и запинок, ни о том, что он, подорвавший здоровье из-за сильного пристрастия к алкоголю, после первого тура выборов получил пятый инфаркт, попал в больницу и фактически был уже малодеспособным. (Что и стало причиной появления теневой власти — «Семьи» и того, что стали называть «коллективным Распутиным»).

Главное — выиграть выборы по принципу «цель оправдывает средства». Причем люди из окружения Ельцина боялись даже не столько Зюганова (хотя в какой-то мере и это имело место, и я, признаюсь, тоже против него голосовал), который вряд ли повернул бы страну назад, сколько самого факта смены высшей власти, ибо многое из того, что они делали, в нормальных странах называется криминалом и сурово наказывается, причем по многим статьям. Это и коррупция, и финансирование выборов банкирами, и жульнические залоговые аукционы, и угроза нового государственного переворота — разгона Думы, если коммунисты не дадут Ельцину выиграть выборы. (Так, Коржаков заявил одному из лидеров КПРФ В.И. Зоркальцеву: «Вы думаете, мы вам власть отдадим? Вы поняли, что у нас намерения серьезные, когда Думу захватили в воскресенье, 17-го числа. Так что не отдадим. Давайте по хорошему договариваться. Может, портфели поделим какие-то»⁶⁰.) Кстати сказать, Ельцин настаивал на том, чтобы в очередной раз разогнать парламент, здание которого уже было заминировано, но, скрепя сердце, отступил, когда «силовики» заявили, что ситуация может выйти из-под контроля⁶¹.

Но в России, как известно, победителей не судят, а награждают, и банкиры и руководители предвыборного штаба Ельцина получили, что хотели. Это хорошо известно, я напомним лишь о том, что Березовский стал заместителем секретаря Совета безопасности, подмяв под себя ее секретаря слабовольного Ивана Рыбкина, а Чубайс стал главой администрации президента РФ. Это последнее, подчеркиваю, много значило для судьбы России. Обвиняемый в коррупции мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак, проиграв выборы своему заместителю В. Яковлеву, срочно отбыл якобы на лечение во Францию, а люди из его ближайшего окружения при содействии Чубайса, который в свое время был советником Собчака и первым заместителем председателя испол-

кома Ленсовета и знал в лицо многих нынешних руководителей, были приглашены на ответственные должности в Москву.

Не могу не высказать и собственного мнения относительно президента Б. Ельцина. Поначалу он не казался мне знающим и глубоким человеком, особенно когда обвинял Горбачева в том, что прежде, чем начинать перестройку, он должен был перестроить КПСС. В действительности если бы Горбачев начал с этого, то номенклатура отправила бы его в отставку с еще большей легкостью, чем Н. Хрущева. Но потом стало происходить нечто странное: что бы он ни сделал, как казалось, недостойного и просто несуразного, популярность его в народе только росла. Даже его появление на публике в нетрезвом виде или падение с моста. И мне вдруг подумалось, что его мозг работает на опережение и конечную победу в борьбе с коммунистическим режимом. И я стал его поддерживать. Кульминационным моментом стало его выступление на танке во время путча в августе 1991 г., когда он призвал своих сторонников арестовать главарей путча, которые возглавляли парламент в лице Верховного Совета СССР, правительство и все силовые структуры, — и это сработало! Наверняка без Ельцина путчисты без особого труда вернули бы страну в доперестроечные времена. Это во-первых. А во-вторых, я не знал ни о коррупции в его окружении, ни о залоговых аукционах, ни о крайне негативном влиянии на него дочери. Поэтому продолжал его поддерживать, пока не стало очевидным его стремление, а точнее, его окружения, во что бы то ни стало сохранить за собой власть. Как мне кажется, перерождение Ельцина произошло из-за его сильного пристрастия к алкоголю, которое на каком-то этапе ведет к распаду личности. Притом уже значительно позже со слов Коржакова и некоторых других авторов, в том числе зарубежных, я узнал, до какой степени алкоголь влиял не только на поведение, но и на многие решения Ельцина.

Победа пиар-технологий и административного ресурса над политикой в ходе президентских выборов 1996 г. была столь ошеломляющей, что это фактически стало концом реальной политики. Правящий класс уверовал в то, что победу на выборах обеспечивает не отвечающая интересам граждан политика высоких чиновников и партий и не результаты проводимых ими реформ, а их рейтинг и хорошо продуманный пиар в сочетании с административным, финансовым и информационным ресурсом. И это наглядно проявилось на выборах в Государственную думу в 1999 г., а затем и в ходе президентских выборов 2000 г. Напомню, что для правящей верхушки ситуация тогда была очень тревожной. Ельцин отчаянно ищет себе преемника, отправляет в отставку премьера Виктора Черномырдина, сначала ориентируясь на молодого интеллектуала Сергея Кириенко, а после дефолта пытается вернуть на прежнее место Черномырдина, но Дума дважды голосует «против», и окружение Ельцина, особенно дочь Татьяна Дьяченко (теперь Юмашева), якобы чуть ли не на коленях упраскивает возглавить правительство популярного в народе академика Е. Примакова, который был успешным министром иностранных дел, а до этого — директором Службы внешней разведки. И это, на мой

взгляд, было самое сильное правительство в истории постсоветской России, которое начало быстро восстанавливать экономику после дефолта.

Только Примаков совершил непростительную ошибку. Желая вернуть в страну незаконно вывезенные сотни миллиардов долларов, он пригрозил «посадить жуликов на нары». И как такой умный и многоопытный человек мог не замечать, что Ельцина окружали в том числе и подобного рода люди, как тот же Березовский? Они и добились его отставки, и место премьера занял «силовик» Сергей Степашин. По общему мнению, порядочный человек, который говорил, что не держится за кресло, и не клялся в верности Ельцину и его семье и этим самым тоже совершил ошибку.

Не лучшим образом обстояло дело и на партийном фронте. Так называемая партия власти «Наш дом — Россия» пользовалась минимальным влиянием в обществе, в то время как избирательный блок Примакова-Лужкова-Шаймиева «Отечество — вся Россия», казалось, имеет стопроцентные шансы победить на думских выборах и обеспечить своему кандидату победу на президентских выборах. Но в августе того же года неожиданно появляется общественное движение под названием «Единство», в которое, как казалось, «впихнули» случайных людей — борцов, певцов, чиновников, силовиков... у которого нет ни программы, ни идеи, ни яркого лидера. Однако генеральный директор Центра политических технологий И. Бунин, выступая по ТВ, объяснил логику главных пиарщиков Кремля. В составе «Единства» были фигуры, которые должны были символизировать Силу, Спасение Отечества и Борьбу с коррупцией. Это борец Александр Карелин, наш теперь уже бывший «главный спасатель» (министр по чрезвычайным ситуациям) Сергей Шойгу и борец с коррупцией еще с советских времен генерал милиции Александр Гуров. Его якобы с трудом нашли и под давлением включили в чужую для него компанию. И это сработало.

Оставалось дело только за кандидатом в президенты, который сначала должен был побыть премьером, чтобы, с одной стороны, его узнал народ, а с другой стороны, чтобы он проявил себя как сильный, волевой руководитель, способный решать стоящие перед страной самые злободневные задачи. Надо было в первую очередь поставить на место зарвавшихся чеченских боевиков, которые не только на весь мир трубили, что маленькая Чечня победила великую Россию, но и совершали набеги на приграничные российские регионы, чинили насилие, грабили, угоняли скот и пр.

Как говорят крупнейшие наши политехнологи, сценарий уже был готов, и семья Ельциных и «Семья» как теневая власть искали только подходящего кандидата. И они его нашли в лице В. Путина. Одни считают, что инициатива принадлежала Березовскому, другие — что Р. Абрамовичу. Некоторые даже утверждают, что и его слова «Мы будем их (чеченских боевиков. — А.К.) мочить в сортире», с которыми связывают политический взлет Путина в 1999 г., были якобы вписаны в сценарий. И поскольку у нас бытует вождистское массовое сознание, то успех лидера автоматически обеспечивает и успех ассоциируемой с ним партии.

С тех пор наши высокие чиновники, как говорят эксперты, действуют по сценариям, созданным политтехнологами. Называют и основные их составляющие, хотя они и привязаны к конкретным лицам. На электоральном поле могут быть участники от оппозиции, за исключением перспективных партий и кандидатов в президенты, от каких надо, по возможности, избавляться. Каждый руководитель должен постоянно говорить о своей заботе о народе и подкреплять это на деле хотя бы по самому минимуму — это подсказали пиарщикам социологи. Должен отличаться, если позволяют его природные и возрастные данные, сноровкой, смелостью, удалью, что всегда ценилось на Руси. И в этом амплуа вне конкурса был В. Путин. Имея «черный пояс» по дзюдо, он не только публично демонстрировал приемы восточных единоборств, но и управлял любым видом транспорта на суше, в воздухе и на море, стрелял из арбалета в кита, сидя в кабине самолета-амфибии, тушил лесные пожары, доставал амфоры античных времен с морского дна и т.д. Руководитель должен казаться во всем успешным, не признавать свои ошибки, не допускать критики в свой адрес, при необходимости говорить на языке улицы. Обещать, что под его руководством Россия догонит развитые страны. Строить грандиозные планы на будущее, учитывая, что для нашего народа важно отнюдь не прошлое и даже не столько настоящее, сколько будущее. А еще и не бояться демонстрировать жесткость по отношению к внутренним и внешним недругам, что всегда импонирует народу. Он должен обладать умением вести себя так, чтобы позитивные результаты в деятельности власти шли на его счет, а негативные — на счет других. А чтобы иметь высокий рейтинг, он должен постоянно быть на голубом экране. Кстати говоря, Д. Медведев старался подражать В. Путину, но у него это не очень получалось.

Тандем: исключение или новая модель руководства государством?

О годах президентства Дмитрия Медведева (2008–2012) нет смысла распространяться — они у нас перед глазами. Когда президент Медведев назначил своего вчерашнего шефа руководителем правительства, то тут же появилось понятие «тандем». Когда же он опубликовал в Интернете свою статью «Россия, вперед!», одним из нас показалось, что наступила долгожданная «оттепель», как при Хрущеве после смерти Сталина. Ему верили, считались с его сложным положением и надеялись, что первый срок своего президентства он отработает в режиме «ограниченного суверенитета», а проявит себя как полновластный руководитель уже во второй. Ибо не только политически грамотные, но и далекие от политики россияне видели, что первую скрипку в тандеме играет В. Путин.

Другие же с самого начала считали, что Медведев занял президентское кресло по договоренности с Путиным на один срок с тем, чтобы соблюсти положение Конституции о том, что один и тот же человек может быть прези-

дентом только два срока подряд. В доказательство своей версии они привели тот факт, что Медведев только говорит об инновационной экономике, а Путин на практике проводит прежнюю политику ее сырьевой ориентации.

Потом стало известно об образовании нового тандема, только наоборот: Путин становится президентом, а Медведев — премьером. Наиболее продвинутая часть россиян восприняла это как вызов обществу. Во-первых, команда, которая за многие годы не доказала способность идти в ногу со временем, опять остается у власти. Возможно, она пересмотрит позицию, обретет политическую волю, но кто может это гарантировать? Во-вторых, они увидели в появлении нового тандема некую новую модель престолонаследования, а точнее, монополизации власти. Однако, как уже говорилось выше, мировой опыт показывает: только 8–10 лет первый руководитель (если, конечно, он не гений, как Франклин Рузвельт, Дэн Сяопин или Ли Куан Ю) способен на креативную и активную деятельность. Потом его потенциал угасает, он обрастает личными и групповыми интересами, нередко злоупотребляет властью и под влиянием своего окружения уже не работает, а думает о том, как сохранить свой пост. Практически везде консервация власти ведет к расцвету фаворитизма, nepотизма, коррупции, произвола и беззакония и, соответственно, к консервации самого развития. В этой области есть многочисленные примеры, начиная с Л. Брежнева в тоталитарном СССР, Х. Мубарака в авторитарном Египте и С. Берлускони в демократической Италии.

Не случайно уже не только в развитых, но и в развивающихся странах (Индонезия, Филиппины, Аргентина, Бразилия и др.) президентский срок составляет 4–5 лет. И возможны только два таковых, но не подряд, как то, как говорят, в последний момент было записано в проект Конституции, который разрабатывала ельцинская команда после «расстрела парламента». При этом президенты реально избираются в ходе острой конкурентной борьбы. Мы же оказались позади даже тех стран, которые еще недавно называли отсталыми.

Ротация высших руководителей нужна и для того, чтобы открыть путь приходу во власть силам нового поколения, способным отвечать на вызовы времени. Иначе может начаться новая мощная волна эмиграции наиболее образованных, социально активных и свободолюбивых людей, не готовых жить в отсутствие реальной политической жизни, в затхлой атмосфере коррупции, произвола и беззакония. Непрекращающаяся «утечка умов» может привести к дезинтеллектуализации России, и мы не сможем создавать не только новые машины и оборудование, но и оружие XXI века.

Наконец, при монополизации власти не возникнет сильной конструктивной оппозиции, которая смогла бы взять власть при крахе нынешнего режима. Я имею в виду действительно ответственную, конструктивную и влиятельную в обществе оппозицию, которая в случае прихода к власти знала бы, что делать, а не наделала бы новых ошибок. К митингам на Болотной площади и проспекте Сахарова (в декабре 2011 г. и марте 2012 г.) я отношусь с известным скептицизмом. То, что московская интеллигенция, проявив гражданское мужество, заявила о необходимости изменений в политической системе,

заслуживает уважения. Но то, что она не отмежевывалась от левых радикалов и экстремистов, говорит о ее политической незрелости. Об этом же говорит и присоединение к протестующим депутатов Государственной думы от партии «Справедливая Россия». Вместо того, чтобы укреплять левоцентристскую партию с перспективой прихода ее в каком-то будущем к власти и, наконец, образования двухпартийной системы как гаранта нормального развития страны, они стали подрывать ее влияние в обществе. И непонятно, зачем надо было обострять отношения с действующей властью, которая уже пошла на уступки по вопросам выборности губернаторов и более справедливой регистрации политических партий. Надо было поблагодарить ее за это и все силы бросить на реализацию достигнутого.

Несколько лет назад в одной из своих статей я написал, что если В. Путин и вернется в Кремль, то это будет уже другой Путин. И в самом деле, с возрастом и опытом умные люди способны меняться, что блестяще доказал Дэн Сяопин. В. Путин дает повод думать, что он еще многое может сделать для России. В конце 2012 — начале 2013 гг. он стал делать акцент на необходимости возрождения промышленности, строительства современных дорог, назначил своим экономическим советником антипода либеральным экономистам академика РАН С. Глазьева и, судя по некоторым данным, разочаровался в тех разработках и концепциях будущего развития России, которые ему готовили основные центры российского либерализма — НИУ ВШЭ и РАНХиГС. В. Путин усилил социальную политику, инициировал более решительную борьбу с коррупцией и казнокрадством.

Только в промышленном и технологическом отношении мы настолько отстали от передовых стран, что нужны кардинальные изменения, чтобы слились воедино воля власти и интересы народа, ставя задачу если и не наверстать упущенное, то хотя бы не увеличивать отставание. Однако сделать это невозможно и без смены экономического курса, привлечения в команду реформаторов талантливых экономистов-государственников и удаления из нее «монетаристов», которых продолжают обслуживать давно обанкротившиеся неолиберальные экономисты, все еще следующие предписаниям «Вашингтонского консенсуса». Но это требует и смены социальной политики государства, которая в глазах большинства россиян воспринимается как крайне несправедливая, больше отвечающая интересам богатых, чем бедных. При этом россияне оказывают высокий рейтинг доверия В. Путину, который как глава государства определяет его политику, в том числе кадровую. И это парадокс!

Демократия или развитие: что первично?

Я никогда не был певцом демократии ради демократии и всегда считал, что развитие торит дорогу демократии, а не наоборот. Так было в Южной Корее, на Тайване, да почти во всех «новых индустриальных странах». Но Индия еще только совершает промышленный переворот, и тем не менее,

там есть реальная многопартийность, свобода прессы, выборы, позволяющие оппозиции прийти к власти, есть суды, действующие по закону, а не по указке властей. Иначе говоря, есть реальная политическая конкуренция и есть государственные институты, построенные на основе закона, а не произвола (хотя его тоже немало в провинции, особенно в районах проживания низших каст и племен). И это в конечном итоге избавило Индию от массовых политических репрессий и обеспечило ей быстрый экономический рост. Но поставим вопрос: кто в Индии стал носителем демократии? Народ? Конечно, нет! Массовая неграмотность и нищета — это не лучшие условия для развития демократии. Им стала элита, интеллигенция, осознавшая свою ответственность перед страной. Увы, наша интеллигенция, расколовшаяся после реформ Петра Великого на западников и почвенников (славянофилов), даже в кризисные периоды национальной истории действует рассогласованно. Западники рвутся вперед, а почвенники выступают охранителями существующих устоев, причем не столь важно, какой социальной и политической направленности. А еще появилась «офшорная аристократия» — те, кто хорошо зарабатывают и даже обогащаются в России, но связывают свое будущее с Западом. И вообще, за годы постсоветских реформ интеллигенция сильно ослабла, потеряла свой былой статус. «Дикий капитализм» наибольший удар нанес по рабочему классу и интеллигенции. Но если рабочий класс без новой индустриализации не восстановить, то интеллигенция еще может возродиться. Например, известный артист и писатель Сергей Юрский считает, что нынешняя интеллигенция не способна играть ту роль, которую она традиционно играла в России, ибо «частью разложилась, частью — вымерла, частью продалась»⁶².

И сознание народа остается расколотым, что мешает достичь консенсуса по базовым ценностям, чего уже давно достигли европейские страны пост-социализма. Так, социолог член-корреспондент РАН Ж. Тощенко приводит следующие данные по состоянию на 2008 г. Рыночную экономику предпочитают 31% россиян, государственную плановую — 51%; выиграли от рыночных реформ — 36%, проиграли — 37%; страна после августа 1991 г. пошла по правильному пути (по данным на 2009 г.) — 42%, в неправильном направлении — 39%; пресса (по данным на 2009 г.) свободна в России — 44%, находится под контролем государства — 48%⁶³.

И тем не менее, для России проблема наличия демократических институтов и социального государства приобретает особое значение еще и потому, что ни культурная традиция, ни политическая культура, ни даже религия не обязывают имущие классы заботиться о народе и быть ответственным перед ним, как это, например, имеет место в странах другой культуры и традиции. Как уже отмечалось выше, в конфуцианстве есть тезис, что если правитель слаб или не заботится о народе, то народ вправе его прогнать, что и не раз бывало в истории Китая. В исламе есть обязательство богатых перед бедными, выраженное понятием «закят» (что в переводе с арабского означает «очищение», «умножение»). Это один из столпов ислама и в то же

время социально-экономический институт, призванный способствовать достижению справедливости в обществе. В соответствии с «закятом» состоятельные люди в обязательном порядке отчисляют определенный процент от своих доходов в специальный фонд, предназначенный для оказания помощи нищим, бедным, больным и т.д. В богатых нефтью арабских странах, как правило, высокий жизненный уровень людей обеспечивается еще и тем, что там сохранились племенные традиции заботы о ближнем.

А в странах Запада и закон, и общественное мнение заставляют богатых делиться с бедными посредством перечисления средств в общественные фонды и прогрессивного налога по принципу: чем выше доход, тем больше процент отчислений, так сказать, в общую копилку. Таким образом накапливаются средства, идущие на социальные цели.

Приведу такой пример. С наступлением в США финансово-экономического кризиса самые богатые люди страны — на тот момент Билл Гейтс (53 млрд долл.) и Уоррен Баффет (47 млрд долл.), обратились с призывом к американским мультимиллионерам отдать большую часть своего состояния на благотворительность. И тут же 40 известных в стране миллиардеров заявили, что они отдадут, как минимум, половину своих состояний на нужды общества. Билл Гейтс в созданный в 1994 г. благотворительный фонд уже перевел 28 млрд долл.⁶⁴ А Джордж Лукас, продюсер «Звездных войн», по американским меркам, не самый богатый (3 млрд долл.), заявил: «Я обязуюсь, пока в моем распоряжении есть средства, делать все, чтобы образование стало более доступным для студентов всех возрастов. Я отдам большую часть своего состояния на улучшение образования»⁶⁵.

Прогрессивный подоходный налог никто в западных странах не ставит под сомнение, а если и возникают дискуссии, то только по его процентам к доходу. В декабре 2012 г. телеканал РБК транслировал интервью У. Баффета американскому журналисту. И тот четко сказал, что прогрессивный налог справедлив и не подлежит обсуждению: больше имеешь дохода, больший процент с него и платишь на общие нужды.

Известно, что президент Франции Франсуа Олланд инициировал идею обложить самых богатых налогом до 75%, что, наверное, слишком много.

И тем не менее, во французском обществе осудили актера Жерара Депардье, который уехал на постоянное жительство в Бельгию, поскольку там более низкий подоходный налог. Потом он ринулся в Россию — сразу в Мордовию и Чечню, в последней даже получил бесплатно пятикомнатную квартиру, словно он самый бедный человек на планете Земля. Допустим, Депардье овладела то ли жадность, то ли бравада — гражданство в Бельгии, прописка в Мордовии, а квартира в Чечне... Но зачем властям России поощрять тех, кто в тяжелые периоды истории своих стран проявляет такой эгоизм? Не иначе как для оправдания собственного нежелания платить нормальный для цивилизованных стран прогрессивный подоходный налог. Из всех цивилизованных стран только в России высокооплачиваемые чиновники и богатые не хотят делиться с бедными и платят те же 13% от до-

хода, что и люди, живущие на грани нищеты. Жадность проявляют прежде всего высокие чиновники, рассказывающие народу сказки, что такой налог привлекателен для иностранных вкладчиков капитала и не вынуждает бизнес уходить в теневую экономику. Во-первых, иностранный капитал скорее от нас уходит, чем приходит, и наш 13% налог его не удерживает. В других странах, например, в Китае, он чувствует себя более комфортно, хотя там подоходный налог с богатых в несколько раз выше, чем у нас. Во-вторых, если чиновники налоговых служб не могут собрать налоги, значит, они не на своем месте и их надо менять. Можно не сомневаться, что как только высокие чиновники начнут сами платить подоходный налог по прогрессивной шкале, бизнесмены тут же за ними последуют. Я вспоминаю, что как только был арестован за неуплату всех налогов М. Ходорковский, то в бизнес-сообществе тут же заговорили: пусть власть установит четкие правила уплаты налогов, и мы будем их платить. Только наказывать надо за неуплату или неполную уплату налогов как «чужих» (представителей оппозиции), так и своих (людей во власти или близких к ней).

Заставить российский правящий класс делиться с народом общественными благами, не создавать все новых миллиардеров за народный счет, не тратить деньги на третьестепенные и псевдоимперские цели может только демократическая политическая система, пусть даже и не очень развитая, но с реальным, а не имитационным принципом разделения властей. Если бы Николай II прислушался к советам более умных людей из своего ближайшего окружения и вовремя пошел на преобразование абсолютной монархии в конституционную, то, скорее всего, не было бы ни Первой русской революции 1905–1907 гг., ни Февральской и Октябрьской революции 1917 г. Да и наш реальный социализм, как и Советский Союз, могли бы существовать и поныне, если бы руководство КПСС хотя бы ввело ротацию высших партийных и государственных руководителей, как это сделал в Китае Дэн Сяопин. Нет у наших правящих элит чувства исторического времени, им всегда кажется, что они будут править вечно.

¹ Ясин Е. Тектонический сдвиг // Радио «Эхо Москвы». 01.11.2010.

² Овчинников В. «Пятая модернизация». Политические реформы создали современный Китай // Российская газета. 27.09. 2005.

³ Попов В. Выступление в фонде «Либеральная миссия» // www.sps.ru/?id=216623.

⁴ Овчинников В. Китайцы по-прежнему любят Великого кормчего // Российская газета. 28.09.2007.

⁵ Выступление генерального секретаря ЦК КПК на праздновании 90-летия со дня создания Коммунистической партии Китая // Правда. 05.07.2011.

⁶ Цзян Цзэминь. О тройном представительстве // china.worlds.ru/info/factbook/communism.html.

⁷ Китайский информационный интернет-центр // По материалам газеты «Жэньминь Жибао». 08.11.2002.

⁸ Овчинников В. Пятая модернизация // Российская газета. 27.10.2005.

⁹ Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой // Памятники исторической мысли. М., 2004. Т. 2.

¹⁰ Цит. по: Карлусов В.В. Развитие частного предпринимательства в Китае. М., 1996. С. 24.

¹¹ Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 1988. С. 32.

¹² Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой // Правда. 05.07.2011.

¹³ Макгрегор Р. Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая // stm6671350.narod.ru/party/party_frag.htm.

¹⁴ Бережных В. Личные впечатления о 18-м съезде Компартии Китая // www.pribaikal.ru/obl-events/article/16340html.

¹⁵ Джонатан А. Экономический рост и государство в Китае. Лекция Джонатана Андерсона // forum.vif2.ru/showread.php?t=711.

¹⁶ Rise of China by Fareed Zakaria // Newsweek 2010 [2010.newsweek.com/essay/the-age-of-terror-has-passed.html].

¹⁷ Роберт Л. Кун (Robert L. Kuhn) О китайских лидерах // www.vesti.ru/doc.html?id=953560&cid=9.

¹⁸ Овчинников В. За взятку — к высшей мере // Российская газета. 25.06.2009.

¹⁹ Овчинников В. За взятку — к высшей мере // Российская газета. 25.06.2009.

²⁰ Британское издание Daily Telegraph сообщило, что Цзян Вэйбин, журналист из города Далянь провинции Ляонин (где Бо Силай был губернатором), заявил американским СМИ: «Я считаю, что если сказать, что у него (Бо Силая. — А.К.) было 100 любовниц, то это будет крайне сдержанное предположение. У него было огромное влияние. Кроме своих личных подруг, он также использовал женщин как товар, предоставляя их другим чиновникам».

Китайская блогосфера полнится догадками и предположениями по поводу того, кто же входит в список женщин Бо Силая. Очень многие известные личности стали мишенью бурных обсуждений и недвусмысленных намеков. Некоторые из тех, кого еще не тронула людская молва, поспешили заявить, что они никогда не были в Чунцине и Ляонине, где властвовал Бо.

²¹ См.: Лузянин С. Китай меняет политику // voprosik.net/kитай-меняет-политику-2.

²² Овчинников В. За взятку — к высшей мере // Российская газета. 25.06.2009.

²³ Макгрегор Р. Борьба с коррупцией по-китайски // Forbes 08.11.2012 [m.forbes.ru/article.php?id=62897].

²⁴ Макгрегор Р. Борьба с коррупцией по-китайски // Forbes 08.11.2012 [m.forbes.ru/article.php?id=62897].

²⁵ Терентьев-мл. А. Хрупкая супердержава // www.odnako.org/magazine/material/hrupkaya-superderzhava.

²⁶ Терентьев-мл. А. Хрупкая супердержава // www.odnako.org/magazine/material/hrupkaya-superderzhava.

²⁷ McGregor R. 5 Myths About the Chinese Communist Party // www.foreignpolicy.com/articles/2011/01/02/5_myths_about_the_chinese_com.

²⁸ Народный политический консультативный совет Китая // russian.cri.cn/chinaabc/chapter2/chapter20202.htm.

²⁹ Компартия Китая... Какая судьба ожидает съезд и партию в целом? // www.discred.ru/news/kompartija_kitaja_kakaja_sudba_ozhidaet_sezd_i_partiju.

³⁰ Карнеев А. Беседа на тему: «Сближение Москвы и Китая: надолго ли?» // Радио «Свобода». Передача «Грани времени». 11.12.2012.

³¹ Овчинников В. Куда идет Китай? // [RUS.KG](http://rus.kg). Общероссийский народный фронт 09.11.2012.

³² Славин Б. Made in China. Продукция с этим клеймом покоряет мир // Столетие.ру. 22.05.2008.

³³ См. подр.: Кива А.В. Россия и Китай: сходное прошлое, но разное настоящее // Социологические исследования. 2012. № 6.

³⁴ Хайлман С. О реформах в Китае и судьбе компартии // IIAS (International Institute for Asian Studies). Leiden, the Netherlands. 24.02.2001. P. 50.

³⁵ Цит. по: Соломатин Ю. Современный Китай: кто есть кто? // Альманах «Восток». 2004. № 9 [www.situation.ru/app/j_art_534.htm].

³⁶ McGregor R. 5 Myths About the Chinese Communist Party // www.foreignpolicy.com/articles/2011/01/02/5_myths_about_the_chinese_com.

³⁷ McGregor R. 5 Myths About the Chinese Communist Party // www.foreignpolicy.com/articles/2011/01/02/5_myths_about_the_chinese_com.

³⁸ McGregor R. 5 Myths About the Chinese Communist Party // www.foreignpolicy.com/articles/2011/01/02/5_myths_about_the_chinese_com.

- ³⁹ Пак Чон Хи. Возрожденная Корея: модель развития // lib.ru/MEMUARY/SINGAPUR/korerebom.txt.
- ⁴⁰ Цит. по редакционной статье: Либерализм в Америке: замечание для европейца // Интернет-журнал «Геополитика» [geopolitica.ru/Articles/282].
- ⁴¹ Полтерович В. Выступление в фонде «Либеральная миссия» // www.sps.ru/?id=216623.
- ⁴² Примаков Е. Мир без России? М., 2010 // www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=192047.
- ⁴³ См.: Тоценко Ж.Т. Раскол общественного сознания — угроза преобразованию России // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 175–201.
- ⁴⁴ Тоценко Ж.Т. Раскол общественного сознания — угроза преобразованию России // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 175–201.
- ⁴⁵ Тоценко Ж.Т. Раскол общественного сознания — угроза преобразованию России // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 175–201.
- ⁴⁶ Тоценко Ж.Т. Раскол общественного сознания — угроза преобразованию России // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 175–201.
- ⁴⁷ Полторанин М. Президенту везет, а Россия страдает // Независимая газета. 14.11.1998.
- ⁴⁸ Годин Ю. России требуется новый экономический проект создания социально ориентированной модели развития // Интернет-журнал «Геополитика». 27.11.2012 [geopolitika.ucoz.ru].
- ⁴⁹ Швейцер П. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря // lib.ec/b/164579/read.
- ⁵⁰ Олбрайт М. Задача США — управлять последствиями распада советской империи // Независимая газета. 16.10.1998.
- ⁵¹ Олбрайт М. Задача США — управлять последствиями распада советской империи // Независимая газета. 16.10.1998.
- ⁵² Черномырдин В. Все, что сделано в стране, сделано не без меня // Независимая газета. 31.12.1998.
- ⁵³ В частности, нынешний председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко в бытность губернатором Санкт-Петербурга публично высказывалась в том смысле, что появление в министерствах служб и ведомств лишь усложняет работу на местах.
- ⁵⁴ Щенкова Т. Модернизация с китайской спецификой. Часть 2 // Международная жизнь [interaffairs.ru/print.php?item=8127].
- ⁵⁵ Кива А.В. Реформы команды В. Путина в историческом контексте. Сравнительный анализ. М.: Корона Медиа, 2011. С. 318.
- ⁵⁶ Симпсон М. Правда о Б. Ельцине // The Guardian. 27.04.2007.
- ⁵⁷ Коржаков Ал. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: ИД «Интербрук», 1997. С. 332.
- ⁵⁸ Алданов С. Коржаков о Ельцине // aldanov.livejournal.com/66772.html.
- ⁵⁹ Коржаков Ал. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: ИД «Интербрук», 1997. С. 367.
- ⁶⁰ Коржаков Ал. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: ИД «Интербрук», 1997. С. 368.
- ⁶¹ То, что А. Коржаков рассказал, к каким мерам наши чиновники могут прибегать ради сохранения власти, безусловно, ценно для общества и полезно для оппозиции, чтобы у нее не было иллюзий. Но с другой стороны, публикуя все это в открытой печати, сознавал ли он то, что некоторые его действия подпадают под Уголовный кодекс?
- ⁶² Юрский С. Интеллигенцию надо возрождать заново! // Аргументы и факты. 2010. № 10. С. 3.
- ⁶³ Тоценко Ж.Т. Раскол общественного сознания угроза преобразованию России // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 196–199.
- ⁶⁴ Американские миллиардеры решили поделиться своим богатством с обществом // news.mail.ru/society/4215392.
- ⁶⁵ Американские миллиардеры решили поделиться своим богатством с обществом // news.mail.ru/society/4215392.

РАЗДЕЛ V

Крупные проекты и научно-технический прогресс

В Советском Союзе, как известно, сооружение гигантских объектов, как, например, крупнейших в мире ГЭС, называлось великими стройками. В частности, создание ядерного оружия и баллистических ракет, противоракетного щита вокруг Москвы, как и освоение космоса в мирных целях, нельзя назвать стройками. Поэтому удачно осуществленные грандиозные начинания, наверное, уместнее называть великими проектами. Доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества В. Иноземцев говорит: «Все те страны, которые проводили ускоренные модернизации на протяжении последнего полувека — азиатские страны, страны Латинской Америки, другие регионы мира, — так или иначе прибегали к большим, масштабным проектам, которые способствовали развитию их экономики. Это было во всех странах... В СССР был БАМ и освоение целины, то же самое происходило и в Южной Корее, и в Китае, и во многих других государствах»¹. Грандиозными проектами Иноземцев называет программу президента США Ф.Д. Рузвельта по выходу страны из Великой депрессии, создание Европейского союза и ряд других. От себя добавлю, что такими проектами были и программа «Аполлон», позволившая американцам высадить астронавтов на Луну и таким образом навестать отставание от СССР в освоении космоса, и создание странами Евросоюза «Аэробуса», способного конкурировать с американским «Боингом». А гигантскими высокотехнологичными прорывными проектами наших дней, вне сомнения, являются Большой адронный коллайдер на границе Франции и Швейцарии, представляющий собой гигантское кольцо около 27 км в длину и 8,5 км в диаметре, и американский марсоход Curiosity, созданный Европейским космическим агентством межпланетный космический аппарат «Розетта», сумевший закрепить зонд на комете Чурюмова—Герасименко.

Что дают стране большие проекты? Самые сложные, наукоемкие из них требуют концентрации огромных интеллектуальных и профессиональных сил ученых и специалистов разного профиля, но так или иначе имеющих отношение к заданному объекту. Они требуют новых теоретических решений, новых материалов, новых технологий и т.д. В процессе «мозгового штурма» на стыке наук часто рождаются новые идеи и новые способы решения уже существующих сложных проблем, не имеющих прямого отношения к проекту, но важных для государства. А еще при этом приобретает-

ся ценный опыт для коллективного решения самых сложных проблем на других направлениях. Если бы в СССР до войны с гитлеровской Германией как одной из наиболее развитых стран мира не было крупных проектов, мы не смогли бы создавать оружие, сопоставимое по качеству с тем, что имели войска вермахта. Не смогли бы в очень сжатый срок создать ядерное, а затем и ракетное оружие, для чего были привлечены лучшие физики, математики, инженеры, химики, технологи, специалисты многих других профессий и тысячи промышленных предприятий. Это стало возможным только потому, что в довоенный период была создана промышленность и мощная научно-техническая база.

Или пример из наших дней. Над проектом марсохода Curiosity в течение 8 лет трудились тысячи лучших умов Америки, и наверняка в процессе работы появилось немало ноу-хау, которые могут быть использованы и при реализации других крупных проектов, включая военные. Наверняка вышел на новый уровень знаний и мастерства инженерно-технический персонал, высококвалифицированные рабочие. Как в свое время говорили в американских экспертных кругах, работа над проектом «Аполлон» обеспечила США новациями на многие годы, закрепив за ними лидирующее положение в научно-технической сфере. Иначе говоря, реализация крупных проектов является двигателем экономического и научно-технического прогресса.

Но крупные проекты — это еще и «кузница кадров». Именно на крупных стройках, в ходе реализации масштабных проектов выявляются и набираются опыта талантливые организаторы производства, инженеры, другие специалисты. Многие талантливые советские управленцы союзного уровня (Н. Косыгин, П. Ломако, Е. Славский, А. Завенягин и др.) заявили о себе в ходе строительства крупных объектов и умелого руководства важными для государства производствами. Примерно таким же образом формируется кадровый состав высшего звена и в Китае. Но поскольку там губернаторы и мэры крупных городов (они же чаще всего и партийные секретари) еще и отвечают за выполнение пятилетних планов развития, то наиболее успешные из них пополняют ряды руководителей КПК и государства. В постсоветской России наступил кадровый голод, если не сказать падение уровня государственного руководства и управления, тогда, когда было разрушено крупное производство, а практика приглашать в высшие органы власти талантливых и опытных руководителей республик и областей уступила место формированию команд из «своих» — бывших сокурсников, сослуживцев, лояльных, лично преданных и часто занимающих высокие должности не по профессии и опыту работы, а также людей из бизнеса, который у нас еще не стал цивилизованным.

ГЛАВА 14

Китай поражает мир

Китай уже давно ориентируется на то, что он неизбежно станет мировым лидером, и поэтому с каждым годом инициирует все более крупные и сложные для решения проекты. Они так или иначе являются производным от «мегапроекта» «реформа и открытость». Укажу на наиболее значимые из них по мере усложнения.

1. Свободные или специальные экономические зоны (СЭЗ). Они давно появились во многих странах, но нигде не дали такого результата, как в Китае. Если прав Ленин, считавший, что достаточно найти ключевое звено, чтобы с его помощью вытащить всю цепь, то СЭЗ, поистине, и стали таким звеном. Тут, наверно, сошлись воедино и сыграли синергетическую роль сразу несколько факторов. Во-первых, глубоко продуманное разнообразие и местоположение СЭЗ. С наиболее развитой инфраструктурой, наиболее грамотным населением, по возможности приятным климатом, как можно ближе к морским путям, а пограничные зоны — к странам, богатым природными ресурсами. Во-вторых, Китай развернул индустриализацию, и появились огромные возможности для приложения иностранного капитала, технологий, менеджмента, накопленного высокоразвитыми странами опыта. В-третьих, команда Дэн Сяопина сумела убедить соотечественников, после революции бежавших в другие страны, в том числе соседние, вернуться со своим капиталом на историческую родину, дав гарантию не только его неприкосновенности, но и лучших условий для его приумножения. В-четвертых, сыграли свою роль и масштабы Китая, а, соответственно, и масштабы нового строительства, масштабы рынка и, естественно, размеры прибылей.

2. Крупномасштабное развитие инфраструктуры, где тоже есть свои крупные проекты. В их числе создание за сравнительно короткий срок широкой сети скоростных многополосных шоссеиных дорог, которые по протяженности уступают только дорогам США. Таким же проектом является и развитие сети скоростных железных дорог, по протяженности которых Китай вышел на первое место в мире. А пустив в конце 2012 г. скоростные поезда по маршруту Пекин — Гуанчжоу (третий по численности населения мегаполис после Пекина и Шанхая и важнейший торгово-финансовый центр), он вышел на первое место и по протяженности прямого скоростного железнодорожного сообщения — 2200 км.

3. Строительство второй очереди самой высокогорной в мире Цинхай-Тибетской железной дороги протяженностью 1142 км от города Голмуд, что в провинции Цинхай, до столицы Тибетского автономного округа Лхасы. Частично об этом уже говорилось выше. Здесь же хочется еще раз подчеркнуть невероятные трудности реализации этого проекта. Строительство шло не только в безлюдных местах высокогорья и на значительной протяженно-

сти в зоне вечной мерзлоты. Приходилось строить многочисленные мосты и пробивать тоннели в твердых скальных породах и на большой высоте. Так, тоннель Фэнхошань длиной 1338 м проходит на высоте 4900 м и является самым высокогорным в мире тоннелем, а Куньлуньский тоннель — на высоте 4600 м, и это самый длинный в мире тоннель в условиях высокогорной вечной мерзлоты. А, например, станция Гангла находится на высоте 5068 м над уровнем моря.

При строительстве Цинхай-Тибетской дороги приходилось решать сразу три непростые задачи: обеспечить устойчивость железнодорожного полотна в условиях вечной мерзлоты, но при сильном прогревании верхнего слоя почвы в летнее время; создавать для строителей приемлемые условия работы при недостатке кислорода и в условиях безлюдья; сохранить окружающую среду. Многие проблемы не имели аналога в мире и требовали поиска собственных решений. В итоге появилась «идущая в небо» современная железнодорожная магистраль. Большинство станций обслуживается автоматически. А виды из окон вагонов производят неизгладимое впечатление на пассажиров.

4. Еще недавно самый длинный в мире мост протяженностью 36 км, который пересекает залив Ханчжоу в Восточно-Китайском море и реку Цяньтан в дельте великой Янцзы. Мост очень красивый, имеет шесть автомобильных полос с двумя разделенными направлениями (что создает впечатление двух спаренных мостов) и разрешенную скорость до 100 км/ч. Он на 120 км сократил путь от Шанхая до крупного города Нинбо. Несмотря на сложные условия строительства, связанные с неоднородной структурой дна залива и пересекающим маршрут сильнейшим течением, мост был сдан в эксплуатацию через 4 года. Это стало результатом того, что он сооружался круглосуточно, сразу с двух сторон и, как это стало в Китае практикой при возведении крупных сооружений, с максимально возможным применением готовых блоков. Однако вскоре самым длинным в мире мостом стал мост Циндао длиной 42,5 км. Он соединил через залив Цзяочжоу Желтого моря город Циндао в провинции Шаньдун (Восточный Китай) с промышленно развитым пригородным районом Хундао. Мост построен всего за четыре года. Как утверждают его проектировщики, мост Циндао устойчив к землетрясениям, сильным штормам и цунами, иначе говоря, любым природным катаклизмам.

5. Строительство еще более длинного, 50 километрового моста, который должен связать шоссейной дорогой два автономных административных района — Гонконг (Сянган) и Макао (Аомынь), имеющих важное значение для Пекина как мощного источника «закачивания» в страну валюты. Планируется завершить строительство в 2016 г.

6. Международные аэропорты Пекина, Шанхая, Гонконга, Гуанчжоу, которые тоже можно отнести к великим стройкам, а на фоне российских аэропортов они выглядят последним словом техники. Однако по пассажиропотоку пекинский аэропорт уступает аэропорту США в Атланте (более 90 млн пассажиров в год). Но Китай стремится во всем быть первым. Поэтому власти решили построить самый большой в мире аэропорт — Beijing Daxing

International Airport на расстоянии 50 км к западу от Пекина. Он будет иметь 10 взлетно-посадочных полос с пропускной способностью от 120 до 200 млн пассажиров в год. В эксплуатацию он должен войти, по одним источникам, в 2015 г., по другим — в 2017 г. Со столицей новый пекинский аэропорт будет связан высокоскоростными автомобильными и железнодорожными магистралями.

7. Проект строительства самого высокого в мире небоскреба. Небоскрегов за годы реформ в Китае построено столько, что он скоро обгонит по этому показателю США. Даже в небольшом городке чаще всего есть свой небоскреб. По количеству небоскребов раньше лидировал Шанхай, но в гонку по их строительству включились практически все крупные города. Шанхайский всемирный финансовый центр в 101 этаж и 492 м высотой построен в 2008 г. Возведенный в 2010 г. Международный коммерческий центр в Гонконге имеет 108 этажей, только 482 м высотой. Однако Китай не может смириться с тем, что построенный еще в 2005 г. в Тайбэе (Тайвань) небоскреб, хотя и имеет только 101 этаж, по высоте обошел небоскребы материка — 509 м. Что же касается 150-этажного «Бурдж Халифа» в маленьком Дубае высотой 643 м по крыше и 828 м по шпилью, то это уже было вызовом грядущей второй в мире сверхдержаве. И вызов был принят. Китайские власти решили построить в 7-миллионном зеленом южном городе с высокоразвитой экономикой Чанше небоскреб высотой 838 м, который будет иметь 220 этажей. Это будет самое высокое сооружение в мире и, вполне возможно, таковым останется еще долго. Строительство такого небоскреба с коммуникациями и сервисом потребует не только немалых финансовых средств, но и новых материалов, инженерных решений, участия специалистов многих направлений, а еще и высококвалифицированных строителей. Однако на момент завершения работы над монографией судьба этого моста по неведомым причинам не ясна.

8. Но самым грандиозным проектом в истории реформируемого Китая стало строительство гидроэлектростанции «Три ущелья» на реке Янцзы. О масштабах этой стройки говорит уже одно то, что из затопляемой зоны при создании гигантского водохранилища площадью более тысячи квадратных километров было переселено 1,2 млн человек и под воду ушло два города, не считая многочисленных деревень. Строительство было начато в 1992 г., в 2003 г. первый введенный в строй гидроагрегат начал давать ток, и полностью оно завершено было только в июле 2012 г. Всего же ГЭС имеет 32 гидроагрегата совокупной мощностью 22,5 ГВт и будет вырабатывать до 100 млрд кВтч в год. До этого самыми крупными были две ГЭС в Бразилии — соответственно 14 и 8,3 ГВт, одна в Венесуэле — 10,30 ГВт, и Саяно-Шушенская ГЭС (6,4 ГВт) до катастрофы в августе 2009 г. Общая стоимость проекта составила 29 млрд долларов. Упреки некоторых наших экспертов в адрес российских властей в том, что Россия не сумела выиграть тендер на строительство этой ГЭС, несостоятельны, поскольку это уже было нам не по силам. И дело не только в развале экономики после начала шоковой терапии.

К тому времени мы уже сильно технологически отставали в гидроэнергетике. Это, кстати, было не по силам и любой другой стране. В строительстве «Трех ущелий» участвовали компании шести стран — США, Британии, Германии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, и две компании Китая.

Реализация проекта «Три ущелья» решила несколько задач. Во-первых, получена солидная прибавка к потребляемой в стране электроэнергии и, соответственно, уменьшилось потребление загрязняющего окружающую среду угля, который в Китае все еще является основным энергетическим ресурсом. Во-вторых, обуздан «суровый нрав» реки Янцзы, которая нередко выходила из берегов и наносила большой ущерб миллионам китайцев и стране в целом. В-третьих, увеличились водные ресурсы для орошения. И в-четвертых, благодаря строительству шлюзов по реке стали ходить крупнотоннажные суда.

Есть ли риски и негативные последствия? Теоретически самое страшное может случиться, если не выдержит система дамб и будет затоплена огромная часть страны с населением около 300 млн человек. Но это маловероятно, учитывая, с каким запасом прочности сооружались дамбы. Определенный ущерб нанесен рыбным ресурсам реки и лесу в районе «Трех ущелий». Только надо иметь в виду, что в Китае развернуты крупномасштабные лесопосадки общей площадью 62 млн гектаров и что по этому показателю Поднебесная лидирует в мире. Притом что площадь лесов за период 2003–2008 гг. увеличилась на 20,54 млн гектаров². И, кстати сказать, вообще в последние годы в Китае многое делается для улучшения экологической ситуации. Так, были закрыты загрязняющие окружающую среду многие малые тепловые электростанции, чугуноплавильные, сталеплавильные и цементные заводы и т.д.³

9. Еще одной грандиозной стройкой по праву считается проект переброски вод с избыточных водными ресурсами юга в засушливые северные районы, включая Пекин и мегаполис Тяньцзинь. Идея возникла еще у Мао Цзэдуна, но толчок к ее реализации на практике дала сама жизнь. По мере индустриального развития Китая и роста производства продовольствия все более острой становилась проблема не только нехватки воды для орошения, но и для домашнего потребления, которая еще больше усугублялась в периоды засух⁴. «Китай — страна с серьезным дефицитом водных ресурсов, — писала официальная газета «Жэньминь Жибао» — Средний объем воды на душу населения составляет всего 2 тысячи 700 кубометров, или одну четвертую часть среднемирового показателя. Кроме того, распределение водных ресурсов в нашей стране далеко от рационального. Южные районы богаты водными ресурсами, сток в этих районах составляет примерно 80% общего стока всех рек страны. И наоборот, северные районы принадлежат к засушливым и полусушливым. В этих районах не хватает воды. Возьмем, к примеру, Пекин. Количество воды, приходящейся на одного пекинца, составляет менее одной восьмой от среднего показателя в стране и всего одну тридцатую от среднемирового уровня»⁵. (Замечу, что обе великие китайские реки — Янцзы и Хуанхэ — берут начало в восточной части Тибетского нагорья на высоте 5600 и 4000 м над уровнем моря соответственно.)

Проект «поворота рек» общей стоимостью более 77 млрд долларов был утвержден в 2002 г. и предусматривал строительство трех каналов — Восточного, Центрального и Западного — по переброске стока вод Янцзы, Хуайхэ, Хуанхэ, Хайхэ на север страны. При этом пришлось переселить на новое место сотни тысяч людей. Восточный канал вступил в строй в конце 2013 г., Центральный — в конце 2014 г. Что же касается Западного канала, то сроки его ввода в строй пока не определены, что связано с необходимостью строительства гигантских плотин и тоннелей. Но еще до завершения реализации проекта, предусматривающего также «очистку сточных вод, утилизацию отходов, защиту почвы от эрозии, борьбу с загрязнением окружающей среды отходами сельского хозяйства и металлургии», в Пекин уже с 2008 г. стала осуществляться переброска воды с юга страны⁶.

Это гидротехническое сооружение, называемое «Санься», потребовало немало оригинальных инженерных и экологических решений. В частности, был найден способ заставить воду рек течь вверх по течению, прокладывая путь каналам через широкие реки и озера, а очистку воды осуществлять с помощью водорослей.

(В данном случае автор не рассматривает те проблемы, которые возникают для сопредельных стран, включая Россию, с использованием Китаем вод рек, берущих начало на его территории, как Иртыш (Черный Иртыш), Или, а в известной мере, Амур и Уссури. Они уже возникают, а в дальнейшем ситуация может только усугубиться, в частности, для Западной Сибири и озера Балхаш в Казахстане. При этом надо учитывать, что психология нашего восточного соседа такова, что он, как правило, склонен считаться только с собственными интересами.)

10. Важнейшим проектом стала подготовка специалистов для реализации программы «Реформа и открытость». Когда Дэн Сяопин стал реальным руководителем страны, ситуация с кадрами была критическая и грозила сорвать даже самые гениальные начинания. Ведь в разгар «культурной революции» студенты вузов и старшие школьники по призыву Мао «бить по старому и расчищать дорогу новому» вначале травили своих преподавателей и учителей, надевали им на головы шутовские колпаки, водили по улицам, приказывали становиться на колени и читать вслух цитатники «Великого кормчего», а нередко и до смерти забивали, а потом сами «перевоспитывались» в глухих деревнях, но только не учились. Вернуть молодежь в школы и университеты было лишь первым шагом, вторым же стала массовая отправка студентов на учебу в лучшие западные и прежде всего американские университеты, а молодых специалистов — туда же на стажировку. И этот проект, который на советский манер можно было бы назвать «Кадры решают все!», вполне удался. Так, в статье китайского автора, ссылающегося на доклад Центра глобализации (CCG) и Академии общественных наук КНР, сказано, что, «начиная с конца 1970-х гг. более двух миллионов китайских студентов проходили обучение за пределами своей страны»⁷. Поскольку статья опубликована в сентябре 2012 г., то, вероятнее всего, эти данные бы-

ли на 2011 г. В этой же статье говорилось о том, что в 2011 г. число китайских студентов, обучающихся за рубежом, достигло почти 340 тысяч. Какая-то часть студентов учится в Японии и Австралии и некоторых других странах, основная же масса — в США. Когда российские ученые читают лекции в американских университетах, то им бросаются в глаза две вещи: в профессорско-преподавательском составе много выходцев из бывшего СССР, а среди студентов — китайцев. В научных кругах США родилась даже шутка: «Что такое американский университет? Это учебное заведение, в котором российские профессора учат китайских студентов». Поскольку в Китае появилось много богатых и состоятельных людей, то в последние годы многие студенты, если не большинство, сами оплачивают свое обучение за рубежом.

Но проект «Кадры решают все!» имел и другую сторону: привлечение для чтения лекций в китайских вузах иностранных преподавателей. В какие-то годы их было огромное число. Но это потребовало оснащения китайских лабораторий современным оборудованием. Академик РАН В.Е. Захаров пишет: «Когда в 1999 г. меня пригласили прочесть курс лекций в Пекинском университете, он производил весьма скромное впечатление. Но в 2007 г. я поехал туда снова, на весьма элитную конференцию по интегрируемым системам и увидел прекрасные современные здания, полностью оснащенные самым лучшим оборудованием. Китайские руководители не жалеют денег для развития науки, прикладной и фундаментальной. В Китае один за другим проходят крупные международные конгрессы и конференции»⁸.

11. Ядерный проект. Как военный проект он был решен еще в годы правления Мао Цзэдуна. «Крестным отцом» китайской атомной бомбы считается китайский ученый-физик Цянь Саньцян, который еще задолго до Второй мировой войны учился во Франции и состоялся там как ученый, работая в лаборатории лауреатов Нобелевской премии по химии супругов Фредерика Жолио-Кюри и Ирен Жолио-Кюри. Сразу же после окончания войны он уехал в Китай и стал заниматься ядерными исследованиями. Под его руководством и был создан первый ядерный заряд, который был взорван в 1964 г. (Хотя в этом есть немалый вклад и советских ученых, с которыми тесно взаимодействовали китайские физики до разрыва советско-китайского сотрудничества в начале 1960-х гг.) Что же касается водородной бомбы, которая появилась в Китае в 1967 г., то она была создана под руководством физика Дэна Цзясяня, который учился и работал в элитных университетах США и даже принимал участие в проекте «Манхэттен» (создание первой атомной бомбы), но в годы разгула «маккартизма» в первой половине 1950-х гг. вынужден был уехать из США.

А на направлении «мирного атома» велись активные работы при использовании опыта и лицензионных технологий стран, которые строили в Китае атомные электростанции (АЭС), — США, Франции, России и Канады. Согласно американским источникам, на 29 декабря 2012 г. на материковой части Китая функционировало 16 ядерных реакторов, около 30 были на стадии строительства или подготовки к строительству. Китай планирует в

ближайшей перспективе сооружать самые передовые в мире атомные электростанции с тем, чтобы довести их мощности до 70–80 ГВт к 2020 г. и 200 ГВт к 2030 г.⁹ При этом западные фирмы при строительстве ядерных реакторов в КНР нередко создают консорциумы. Так, например, американская фирма “Westinghouse Electric” строила АЭС с энергоблоком AP-1000 совместно с японской фирмой тяжелого машиностроения Mitsubishi heavy Industries и находящейся в США британской компанией Shaw Group Inc., имеющей в Китае свое производство. Последняя отвечала за проектные и строительные работы и за поставку немалой части оборудования. В соответствии с принятой в КНР программой локализации 70% оборудования и строительных работ должны осуществляться местными предприятиями.

АЭС в Китае строят и французы, и американцы, с которыми тесно сотрудничают китайцы вплоть до получения от них полной интеллектуальной собственности на производство ядерных реакторов. Участвует в развитии ядерной энергетики Китая и канадская фирма CANDU. Что касается России, то АЭС ЗАО «Атомстройэкспорт» уже построил два энергоблока типа ВВЭР-1000 на Тяньваньской АЭС (в провинции Цзянсу, на берегу Желтого моря). Достигнуто соглашение о сооружении еще двух блоков на этой же АЭС, рассчитанной на 8 блоков. Велика вероятность, что и строительство остальных блоков может остаться за Россией, поскольку введение в строй каждого последующего энергоблока обходится значительно дешевле. После аварии на АЭС «Фукусима-1» правительство Китая ввело запрет на утверждение новых проектов в сфере атомной энергетики и распорядилось провести тщательную проверку действующих в стране АЭС на предмет их безопасности, однако уже 24 октября 2012 г. оно сняло запрет и объявило о восстановлении нормального строительства АЭС. С китайской стороны атомной энергетикой занимаются Китайская национальная ядерная корпорация (CNNC) и Китайская государственная корпорация ядерной энергетики провинции Гуандун (CGNPC). (Гуандун — это наиболее развитая провинция на юге страны, вклад в китайский ВВП которой составляет 10%.)

«В результате проводимых мер, — пишет исследователь Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан Руслан Изимов, — сегодня Китай по количеству строящихся реакторов значительно опережает остальные ядерные державы, в том числе Россию и Индию. Более того, КНР активно осваивает новые технологии в атомной промышленности. Так, к примеру, в августе 2011 г. китайские СМИ сообщили о создании своего первого ядерного реактора четвертого поколения. По сообщению Китайского института атомной энергии, экспериментальный реактор на быстрых нейтронах, который разрабатывался в течение 20 лет, позволит сократить в десятки раз количество радиоактивных отходов.»¹⁰ Согласно китайским источникам, первый в мире высокотемпературный реактор с газовым охлаждением, то есть реактор четвертого поколения, будет сооружен в Жунчэне, что в восточной провинции Шаньдун, но он, по прогнозам, вступит в строй не ранее 2020 г.

В последнее время китайские власти стали ориентироваться на реакторы третьего поколения, и эксперты выносят суждения о предпочтительном реакторе. Как сообщает американский источник «Ядерная энергетика в Китае», из представленных французских (EPR-1000), российских (ВВЭР-1000) и американских (AP-1000) реакторов преобладающее большинство китайских экспертов (из 200 человек) проголосовали за AP-1000.¹¹ США 25 лет не строили новых атомных реакторов, правда, постоянно их модернизировали, доведя мощность АЭС с 240 млрд киловатт-часов в год до 750 миллиардов, но, опираясь на мощный научно-технический и промышленный потенциал, сумели очень быстро вырваться вперед. Так, реактор AP 1000 от других реакторов отличается экономичностью, сильной пассивной системой безопасности и использованием модульных конструкций. Пассивная система безопасности более эффективна, она многократно сокращает число клапанов, трубопроводов, кабелей, насосов, зданий, рассчитанных на высокую сейсмическую активность, а модульное проектирование и параллельное возведение блоков резко сокращает сроки строительства АЭС. И при этом, естественно, вырабатывает электричество более низкое по себестоимости, чем другие реакторы¹².

Специалисты из Всероссийского научно-исследовательского института по эксплуатации атомных электростанций В.Н. Нуждин и А.А. Просви́рнов констатируют: «Наступила пора по-новому взглянуть на проект АЭС как на единую систему и выстроить концепцию конструкции унифицированного блока, оптимальной по всем параметрам. Для этого необходимо использовать современные PLM технологии проектирования (синхронная технология моделирования. — А.К.) и системно-аналитический подход к процессу проектирования. России необходим конкурентный проект блока с ВВЭР-1000, в противном случае существует риск, что площадки АЭС «Куданкулам» и «Тяньвань» останутся единственными площадками с российскими проектами АЭС на таких перспективных рынках, как Индия и Китай, а российский инвестор предпочтет строить в России AP-1000 как более экономичный и безопасный»¹³.

К сожалению, если придерживаться объективности, то Россия, потерявшая за годы либеральных реформ большую часть промышленности, высоких технологий и научных кадров, не сможет конкурировать на равных с высокоразвитыми странами. Не уверен насчет Индии, но Китай наверняка в скором будущем откажется от сотрудничества с Россией в области ядерной энергетики и сам будет производить ядерные реакторы новых поколений. Притом что уже сейчас представляется сомнительной выгода «Атомстройэкспорту» при строительстве в Китае АЭС, учитывая то, что 70% оборудования и строительно-монтажных работ осуществляет китайская сторона. Показателен пример строительства двух следующих блоков на Тяньваньской АЭС. Как сообщало агентство «Интерфакс-Китай», «китайцам удалось сбить цену больше чем вдвое: изначально заявленная российской стороной сумма в 3,5 млрд евро в итоге сократилась до 1,3 млрд евро...»¹⁴. И дело

здесь совсем не в дешевой рабочей силе: сейчас зарплата китайских рабочих вполне сопоставима с российской. Но в Китае действует принципиально другая бизнес-модель, предполагающая полный производственный цикл и низкие административные издержки, объясняют эксперты по Китаю. Там все работает в единой цепочке. Кроме того, государство регулирует тарифы на транспорт и электроэнергию, и они значительно ниже, чем в России. От себя добавлю: в Китае и практика наших «откатов» если вообще не искоренена, то имеет ограниченный характер.

Какой напрашивается вывод? За Россией, конечно же, в ближайшие годы на мировом рынке останется ниша для строительства АЭС. Далеко не все страны имеют возможности для локализации в ходе строительства АЭС. Так, например, сооружаемые нами АЭС в Турции и Болгарии не только окупаемы, но и дадут прибыль «Атомстройэкспорту». Однако после трагедии на «Фукусима-1» в мире усилилась тенденция отдавать предпочтения наиболее безопасным, современным и, понятно, более дешевым ядерным проектам. А вот заявления наших чиновников о том, что мы вместе с Китаем будем строить АЭС в третьих странах — если не иллюзия, то ставший второй натурой наших многих высоких чиновников пиар. Еще Дэн Сяопин выдвинул лозунг, что в экономическом и научно-техническом развитии Китай должен ориентироваться на самое передовое в мире. Россия страной передовых технологий не только не является, но и сама приобретает их у наиболее развитых стран. А то, что еще пользуется в мире спросом, как правило, рождено еще в СССР, в лучшем случае — модернизировано в постсоветской России.

Но проблема безопасности давно построенных АЭС становится чрезвычайно актуальной и для России. Вот, например, что пишет эксперт в области радиационной, экологической и промышленной безопасности, член Комиссии при президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики России, депутат Госдумы VI созыва Максим Шингаркин: «В России из 32 работающих реакторов на АЭС к 2013 г. 19 реакторов вырабатывают свой срок. Усилиями подчиненных Кириенко часть из них уже получила разрешение на продление срока эксплуатации, а документы остальным российским «фукусимам» подготовят в ближайшие два года»¹⁵. М. Шингаркин предупреждает власти и общество об опасности такой практики. Тем более что мы хорошо знаем, что означает продление срока эксплуатации израсходовавших установленный производителем ресурс гражданских самолетов: они падают или совершают вынужденную посадку нередко сразу же после очередного продления им срока службы.

12. Космическая отрасль в Китае тоже зародилась еще в годы правления Мао Цзэдуна, и «отцом китайской космонавтики» считается ученый Цянь Сюэсэнь. Он родился в 1911 г., в 1936 г. уехал учиться в США, в 1939 г. ему была присуждена ученая степень доктора аэронавтики, и вскоре он состоялся как крупный специалист в области ракетостроения. А в 1955 г. он вернулся в Китай и возглавил работы не только в ракетно-космической, но и ядерной области. (Кстати сказать, он ушел из жизни в 2009 г. в возрасте 98 лет.)

Первый спутник Земли был запущен еще в 1970 г., а в 1976 г. в Китае была создана технология возвращения спутников. Однако известные всему миру достижения КНР в области космонавтики произошли уже в период реализации модели развития «реформа и открытость». Так, в 2003 г. Китай стал третьей в мире космической державой, имеющей собственную пилотируемую космонавтику; в 2007 г. создал противоспутниковые ракеты; в 2011 г. запустил первую орбитальную станцию и произвел первую стыковку; в 2012 г. осуществил первый пилотируемый полет на национальную орбитальную станцию и создал, наряду с США, Россией и Евросоюзом, национальную спутниковую систему навигации «Бэйдоу»¹⁶.

13. В числе крупных достижений в научно-технической области следует назвать созданный в КНР самый быстродействующий в мире компьютер, который, согласно китайским данным, работает в два раза быстрее, чем американский компьютер «Ягуар», намного быстрее японского TSUBAME 2.0 и немецких и французских суперкомпьютеров.

Достижения Китая в ядерной, космической и высокотехнологической области были бы невозможны без успехов в сфере образования и науки. Поскольку по этому поводу недоброжелатели китайских реформ и завистники их успехам строят много разного рода небылиц, я приведу высказывание по вопросу образования в Китае заместителя директора Института Дальнего Востока Андрея Островского, хорошо знающего эту тему. «Уровень охвата образованием в Китае, — пишет он, — стабильно растет. По охвату средним образованием из заканчивающих начальную школу 99% переходят в среднюю школу, из средней школы первой ступени в полную среднюю школу (в Китае образование 6+3+3) — то есть после 9 классов в следующие 3 класса (до 12) переходят 88%; и из полной средней школы в вузы поступает 77%. Такой высокий уровень поступлений и низкий уровень отсева означает, что где-то через 10 лет средний уровень образования в Китае будет очень высоким. Причем в Китае срок получения полного высшего образования (12+4+2) будет составлять 18 лет: с 6 до 24 лет.

Сегодня в Китае средняя продолжительность обучения составляет 7,5 лет — это неполное среднее образование, ожидаемое — 11,4 года. Пока Китай отстает от Америки. Там средняя продолжительность обучения составляет 12,4 года, ожидаемая — 15,7 лет. Это довольно высокий показатель. Выше США на сегодняшний день только Норвегия и Новая Зеландия (12,5), в Германии средняя продолжительность обучения составляет 12,2 года. В России средняя продолжительность обучения составляет 8,8 лет — это ниже, чем в 90-х гг., то есть люди не заканчивают даже среднюю школу. Ожидаемая продолжительность — 14 лет»¹⁷.

Весьма показательны и данные Международной программы образовательных достижений учащихся (PISA). Лидерами по уровню грамотности стали школьники Шанхая. По 1000-балльной шкале они набрали 556 баллов по показателю читательской грамотности, 600 баллов — по уровню математической грамотности и 575 баллов — по естественно-научной гра-

мотности, в то время как российские школьники соответственно — 459 баллов, 468 баллов и 478 баллов¹⁸. Конечно, Шанхай — не весь Китай, но это мегаполис с 22 миллионным населением. А если учесть, что следом за Шанхаем по результатам достижений школьников идет Гонконг (Сянган), то это уже 30 миллионов, притом и в других китайских мегаполисах наверняка высокий уровень школьного образования. Стоит, однако, разъяснить, что под чтением здесь понимается не просто умение прочитать текст, а способность школьников читать плавно и правильно произносить слова, расшифровывать незнакомые слова, иметь достаточный словарный запас для понимания прочитанного и его пересказа. А под естественно-научной грамотностью понимается способность человека осваивать и использовать естественно-научные знания, объяснять естественно-научные явления и пр.

Что же касается науки, то ее развитие идет неправдоподобно быстрыми темпами. Так, за период с 2000 по 2010 г. число исследователей выросло в 2,3 раза, достигнув 3,18 млн человек.¹⁹ При этом быстро растет и число научных публикаций. Если в 1996 г. США по публикациям (292 513 научных статей в год) в 10 раз обгоняли Китай, то в 2008 г. этот разрыв сократился в 7 раз, когда Китай опубликовал 184 080 научных статей, в то время как США увеличили число публикаций до 316 317²⁰. Некоторые британские ученые уже бьют тревогу: если эта тенденция сохранится, то Китай, с каждым годом наращивая инвестиции в НИКР на 20% и уже расходуя на науку 100 млрд долл. в год, по числу публикаций быстро догонит и перегонит США. Некоторые другие им возражают: дескать, публикации публикациям рознь, лидерство в науке еще долгие годы будет сохраняться за США и следующей за ними Британией. Так, доцент Ноттингемского университета доктор наук Конг Као говорит, что высокий уровень публикаций в Китае не должен никого удивлять, поскольку в КНР, по его словам, «миллионы аспирантов, и все они обязаны публиковать результаты своих исследований... Понадобятся годы, для того чтобы качество этих работ достигло западного уровня»²¹.

В научных кругах США беспокойство вызвало то, что американские школьники по программе PISA по всем трем позициям далеко отстали от школьников Шанхая, Сингапура и Гонконга и даже школьников многих других западных стран. Однако и в их кругах нашлись люди, которые считают, что, несмотря на проблемы в школьном образовании в США, сила научного потенциала страны измеряется не школьными тестами, а реальными достижениями в научно-технической сфере и числом лауреатов Нобелевской премии по естественным наукам, чем не может похвастаться даже Япония, не говоря уже о Китае. При этом они признают, что 70% докторских степеней в США получают не американцы. Сила Америки, дескать, в том, что, благодаря развитой научной инфраструктуре, высокой оплате труда ученых и быстрой реализации на практике их перспективных проектов ее научное сообщество и дальше будет пополняться талантливыми людьми из разных стран мира. А еще и напоминают, что именно зарубежные ученые, в первую очередь Альберт Эйнштейн, Эдвард Теллер, Лео Сциллард,

Вернер фон Браун, внесли решающий вклад в создании в США ядерного и ракетного оружия. (Да и Роберт Оппенгеймер имеет германские корни.)

Да, действительно, до Второй мировой войны в Америке была развита прикладная наука, чего не скажешь о фундаментальной науке. В ней была сильна Германия, но после прихода к власти нацистов около тысячи самых талантливых ученых уехали из страны. И, между прочим, Германия до сих пор не смогла восстановить свой былой научный потенциал, что дает о себе знать по числу нобелевских лауреатов и университетов мирового уровня. Ситуация меняется, и меняется, на мой взгляд, не в пользу США. Впервые, сами американские ученые жалуются на недостаток финансирования науки и, соответственно, возможностей реализовать свой потенциал. Так, в опубликованной американской газете Washington Post выпускник Гарвардского университета, доктор биологических наук, работающий в Массачусетском технологическом институте, Мэтью Стремлау (Matthew Stremlau) пишет: «Двадцать лет назад большинство научных сотрудников-кандидатов наук (postdoctoral fellows) в области молекулярной биологии могли рассчитывать на лабораторию в университетах страны. Эти лаборатории и позволили США быть конкурентоспособными в мире. Сегодня, однако, лишь немногие из моих друзей могут рассчитывать иметь свою лабораторию. Из-за этого одни из них уходят в сферу промышленности, другие — в консалтинговые фирмы, третьи покидают науку вообще. Поскольку государственное финансирование науки и техники сокращается, то молодому исследователю действительно стать ученым в Америке становится делом трудным. Поэтому когда моя коллега, недавно получившая докторскую степень в области молекулярной биологии, не смогла найти работу по профилю и обратилась ко мне за советом, то я сказал ей: надо уезжать в Китай... Я провел почти два года в Китае, работая в Национальной лаборатории агробиотехнологии при Пекинском университете. Китайское руководство серьезно относится к науке. Государственные расходы на НИОКР каждый год увеличиваются на 20%, в том числе в годы мирового кризиса... Китайские лаборатории оборудованы по последнему слову техники и являются своего рода плавильным котлом интеллектуального ресурса Востока и Запада. Стоит отметить, что китайские университеты агрессивно работают на привлечение иностранных ученых, предлагая им выгодные условия. Вполне возможно, что в будущем работа в Китае станет лучшим вариантом для тех ученых США, которые не смогут найти себе достойное место на родине»²².

Во-вторых, если в свое время США, грубо говоря, переманивали ученых со всего света, предлагая им неизмеримо лучшие условия, чем те имели у себя на родине, то почему же Китай, накопивший громадные валютные резервы, не может действовать таким же образом?! Притом год от года его научно-технический потенциал будет расти, как и улучшаться благоустройство страны и уровень жизни граждан. Китай, как и США, огромная, разнообразная по климатическим условиям и очень красивая страна, в которой есть даже тропики (остров Хайнань).

В-третьих, обучение в университетах Китая для иностранных студентов стоит в несколько раз дешевле, чем в США и Великобритании. И это является привлекательной стороной для многих зарубежных студентов и аспирантов, которых в КНР, по некоторым данным, насчитывается уже несколько сот тысяч. Но правда и то, что стоимость обучения в престижных университетах КНР с каждым годом становится все дороже.

А в том, что научно-технический потенциал Китая будет неуклонно повышаться, вряд ли стоит сомневаться. Так, в рейтинге лучших вузов мира, опубликованном британской газетой «Таймс» и агентством Рейтер, в 2012 г. в список 100 лучших университетов мира с доминирующим числом американских и британских университетов вошли три университета континентального Китая и два — Гонконга, но не было в нем ни одного российского университета²³. Однако как могло случиться, что в рейтинге, опубликованном указанной выше газетой и агентством в начале 2013 г., МГУ им. Ломоносова вдруг поднялся на 50-ю строчку? За один год такого качественного роста быть не могло. МГУ в число лучших университетов вошел и в 2014 г. Значит, раньше где-то была допущена ошибка.

Поэтому, на мой взгляд, имеет смысл ориентироваться не на шанхайский или британский рейтинги, в той или иной мере несущие на себе печать страновых предпочтений, а на данные рейтинга лучших университетов мира от независимого агентства Quacquarelli Symonds (QS). Но сначала укажем на принципы, которые легли в основу оценок качества университетов: а) академическая репутация вуза (составляющая 40% от общей оценки); б) отношение работодателей к выпускникам вуза (соответственно 10%); в) уровень цитируемости публикаций сотрудниками вуза (20%); г) соотношение числа студентов и преподавателей (20%); д) численность в вузе иностранных студентов (5%); е) численность в вузе иностранных преподавателей (5%). Так, в рейтинге QS 2011/2012 в список из 300 лучших университетов мира вошло 14 китайских университетов (вместе с университетами Гонконга) и только два российских университета. Четыре китайских университета вошли в список 100 сильнейших вузов. Это Университет Гонконга — 22-е место, Китайский университет Гонконга — 37-е место, Пекинский университет — 46-е место, Университет Цинхуа — 47-е место, Фуданьский университет (Шанхай) — 91-е место. МГУ им. М.В. Ломоносова занял 112-е место, а Санкт-Петербургский университет — 251-е место²⁴. А вузы некоторых стран, в которых еще недавно царила неграмотность и науки как таковой вообще не было, не только вошли в число 300 лучших вузов, но и в первую сотню. Это, например, Сеульский национальный университет — 42-е место, Корейский институт науки и технологии — 90-е место, Пусанский университет науки и технологии — 98-е место, Национальный университет Сингапура — 28-е место, Технологический университет Сингапура — 58-е место. А в число 200 лучших вузов вошли университеты Таиланда, Малайзии и Саудовской Аравии²⁵. (Это весьма серьезный повод для того, чтобы российские власти задумались о том, какая судьба ждет великую страну, в которой чахнет наука.)

К слову сказать, широко рекламируемый у нас Государственный исследовательский университет — Высшая школа экономики, принимающая активное участие в разработке экономических программ для правительства, в рейтинге от QS оказалась на 542-м месте²⁶.

Однако уточним: что такое быть университетом мирового уровня? Это значит иметь высокопрофессиональный преподавательский состав, в том числе — что желательно, но не обязательно — лауреатов Нобелевской премии, выдающихся ученых собственной страны, пользующихся авторитетом в международном научном сообществе. Если это имеет место, то в таком вузе обязательно будет большое число иностранных студентов и аспирантов, будут читать лекции и преподаватели из престижных зарубежных вузов. А еще у него должна быть богатая библиотека.

В качестве примера возьмем основанный в 1898 г. Пекинский университет (Бэйда). По данным на 2012 г., в нем было 30 колледжей и 12 факультетов, при университете функционировало 216 исследовательских институтов. В местной библиотеке насчитывалось более восьми миллионов книг и десять тысяч наименований китайских и иностранных журналов. Студентов и аспирантов было более 35 тысяч, примерно в равной пропорции. Много обучалось иностранных студентов из Европы, Северной Америки, Австралии и Азии. По количеству профессоров, научных руководителей докторантов, академиков Академии наук Китая, Академии инженерно-технических наук Бэйда занимает первое место в стране²⁷. (По более ранним данным, в университете работало 5513 преподавателей, из них было 1488 профессоров, 1889 доцентов, 52 члена Китайской академии наук, 7 членов Академии инженерно-технических наук.) Что же касается чтения курсов иностранными «светилами», то об этом много пишется, только следует иметь в виду и то, что таковыми являются и многие китайские профессора, недавно вернувшиеся на родину из США и других западных стран.

Несколько слов по вопросу об аспирантах. В отличие от России, где не имеющий состоятельных родителей аспирант, чтобы не умереть с голоду, вынужден подрабатывать на стороне, в университетах мирового уровня он должен заниматься научными исследованиями и выкладываться, как говорится, по полной программе и, как правило, в течение не трех лет, как у нас, а пяти. Ведь именно в юном возрасте нередко рождаются оригинальные идеи и делаются выдающиеся открытия в области естественных наук. В таких учебных заведениях государственная стипендия позволяет аспиранту существовать без приработка. Даже в бедной Португалии она составляет около 1000 евро в месяц. Что же касается частных университетов, как, например, Гарвардский университет, то там талантливые студенты из неимущих семей получают деньги на обучение от благотворительных фондов, коих в США огромное множество, притом что Гарвард сам имеет солидный фонд. Существует и практика брать на обучение деньги в банке. Кстати сказать, и уже остепененные научные сотрудники работают в полную силу в своем университете, а не в разных местах, правда, и платят им не по рос-

сийским стандартам, даже в той же бедной Португалии. (Но об этом пойдет речь ниже.)

Эксперты в области образования указывают на то, что в лучших вузах доля студентов магистратуры и аспирантов из общего числа обучающихся, например, в Гарвардском университете, составляет 59%, в Стэнфордском — 64%, в Массачусетском технологическом институте — 60%. Это говорит, во-первых, о сильном составе студентов и, во-вторых, о том, что их активно привлекают к научной работе и дают им возможность уже на ранних этапах задействовать их талант в исследованиях и разработках.

Далее, университет мирового уровня имеет опытно-конструкторскую базу и, как правило, обрастает технопарками, технополисами и ориентированными на их ноу-хау производствами. Именно возникновение вокруг Стэнфордского университета пояса высокотехнологичных компаний и предприятий, производивших инновационную продукцию, и «произвело на свет» «Силиконовую долину».

Остается только задать риторический вопрос: много ли в России таких вузов? Да и нужны ли они сырьевой экономике?

Китайские «кремниевые долины» как «мегапроекты»

Понятие «силиконовая долина» (или «кремниевая долина») ныне фигурирует во многих странах, и появилось оно после феноменальных успехов в научно-техническом прогрессе технопарка, превратившегося в комплекс университетов, лабораторий, опытно-конструкторских и опытно-технологических бюро и предприятий в Калифорнии. А название «Кремниевая долина» (“Silicon Valley”) обязано открытию кремниевых полупроводников, за что американский изобретатель Вильям Шокли (William Shockley) в соавторстве с двумя коллегами получил Нобелевскую премию и в 1957 г. основал «Полупроводниковую лабораторию им. Шокли» в районе Сан-Франциско. Но первое упоминание “Silicon Valley” появилось в СМИ только в 1971 г.

Ныне свои «кремниевые долины» имеют Япония (на острове Кюсю), Швеция («Медиконовая долина» в районе Скане), Индия (Бангалор), Тайвань («Кремниевый остров») и ряд других стран. Есть мощный кластер и в странах Евросоюза: около 10 технопарков, куда входят 14 университетов и более 300 компаний, там работают многие тысячи ученых и специалистов и учатся более 150 тысяч студентов²⁸. Но, пожалуй, больше других понятию «силиконовая долина» отвечают по своим масштабам китайские «силиконовые долины» Шэньчжэнь и Чжунгуаньцунь. Ведь что такое американская «силиконовая долина»? «Она занимает полосу в 56 км в длину и 16 км в ширину, протянувшуюся с северо-запада на юго-восток. Долгое время Кремниевой долиной называли пять небольших городов... Сегодня Кремниевой долиной называют всю экономическую зону от Сан-Франциско до Сан-Хосе включительно... “Силиконовая долина” стала символом мирового

научно-технического прогресса, одной из мировых столиц микроэлектроники, цитаделью компьютерной революции... родиной всемирно известных компаний Intel, AMD, Oracle, Apple, Cisco, Yahoo!, eBay»²⁹. Переехавший в 1994 г. на постоянное жительство в США российский ученый и изобретатель Степан Пачиков, многие годы работающий в инновационных центрах «Силиконовой долины», пишет: «Не последнюю роль в успехе Кремниевой долины сыграл великолепный климат. Полупроводникам все равно, а людям он очень нравится. Долина отделена с запада от холодного воздуха Тихого океана горной грядой Санта-Крус, а с восточной стороны горы Сьерра-Невада отделяют долину от горячего воздуха пустыни. До океана 45 минут на машине, и хотя мало кто купается — вода 14 — 16 градусов круглый год из-за холодного арктического течения — великолепных пляжей, на которых можно загорать, много, и места всем хватает. Поездка на океан — любимое времяпрепровождение сотрудников Кремниевой долины. В четырех часах езды в другую сторону расположено великолепное горное озеро Тахо — калифорнийское озеро Рица — с дюжиной фешенебельных горнолыжных курортов»³⁰.

От себя добавлю: американская «Силиконовая долина» стала кузницей кадров и пересадки на национальную почву передовых технологий для многих стран, включая Японию, Индию и Китай.

А теперь посмотрим на то, что представляет собой китайская «силиконовая долина» Шэньчжэнь. Начнем с географии. Шэньчжэнь расположен в дельте реки Жемчужной (Чжунцзян) на юге страны и граничит с Гонконгом. На северо-западе находится город Дунгуань (расстояние между центральными частями обоих городов составляет около 60 км), северо-восточнее — город Хойчжоу. Дунгуань отделяет Шэньчжэнь от столицы провинции Гуандун города Гуанчжоу (расстояние от центра Шэньчжэня до центра Гуанчжоу около 100 км). Площадь Шэньчжэня составляет около 2000 км². Город расположен в субтропической зоне Китая. Из-за влияния Южно-Китайского моря зима в этом регионе мягкая и относительно сухая, а заморозки бывают крайне редко. Одним словом, Шэньчжэнь занимает огромную территорию с приятным для жизни климатом, имеет развитую инфраструктуру, находится недалеко от крупных промышленных и торговых центров вблизи морских путей и сам является крупнейшим морским портом.

Чем обязан бывший малопримечательный рыбацкий поселок уезда Баоань (переименованный потом в Шэньчжэнь) своему взлету? Тем, что он находится недалеко от высокоразвитого Гонконга, чему тот во многом обязан талантливому администратору — последнему британскому губернатору Крису Пэттену. Когда встал вопрос о создании здесь свободной экономической зоны (1979), то судьба Гонконга еще не была решена. Он был нужен команде Дэн Сяопина как источник валюты и высоких технологий. Дело в том, что после завершения Первой опиумной войны (1840–1842) по мирному договору морской порт Гонконг передавался Китаю в вечное владение Великобритании («навечно присоединенным к Великобритании»). Руководство КНР настаивало на том, что этот мирный договор был силой навязан

Китаю, и Гонконг должен перейти под его юрисдикцию. Однако только в 1982 г. между двумя странами было достигнуто соглашение о том, что Соединенное королевство в 1997 г. передаст Гонконг КНР с условием, что до 2047 г. там сохранится существующий социально-экономический строй. И тогда присоединение бывшей британской колонии Гонконг к материковому Китаю родило формулу: «одна страна — две системы». Гонконг стал называться «Особым административным районом Сянган» с широкой автономией во всех областях, кроме обороны и внешней политики, и между ним и материковым Китаем существует таможенный контроль.

Официально Шэньчжэнь стал СЭЗ в марте 1980 г.³¹ И вот что говорит о нем адвокат из Гонконга Виктор Вао: «В 1990 г. мы смотрели на соседний Шэньчжэнь и усмехались. У нас — офисы банков, высотные здания, скоростные автостреды. Там — убогие деревушки, горы рыбьих потрохов, копошатся люди, одетые в лохмотья. А сейчас... Гонконг по сравнению с соседом выглядит бедным родственником»³². Беседовавший с гонконгским адвокатом корреспондент еженедельника «Аргументы и факты» Георгий Зотов констатирует: «Трудно не согласиться — Шэньчжэнь образца 2011 года действительно потрясает воображение. Тут легко заблудиться среди небоскребов, шикарные рестораны переполнены, в воздух бьют фонтаны, деревья украшены неоновыми гирляндами. Не верится, что 20 лет назад здесь не было НИЧЕГО, кроме рыбацких хижин»³³. Посещающие Шэньчжэнь иностранцы восторгаются сотворенным за такой поразительно короткий срок и называют его городом-садом из-за обилия зеленых насаждений, которые составляют 50% его территории.

Но не меньшее удивление вызывает и то, как фантастически быстро росло население Шэньчжэня. В конце 1970-х на территории нынешнего Шэньчжэня проживало 360 тысяч человек, а в 2010 г. — 10 380 тысяч, вместе с мигрантами — 13,22 млн человек. Китайская «силиконовая долина» на юге страны как магнит стала притягивать к себе активных и креативных людей не только из Китая, но и из-за рубежа. Здесь невероятная концентрация ученых и специалистов разных профилей. Здесь работают более 20% китайских докторов наук, огромное число высокопрофессиональных инженеров, технологов и т.д. Здесь разместились сотни филиалов западных научно-исследовательских центров и дочерних кампаний мировых корпораций. В частности, в Шэньчжэне располагаются штаб-квартиры некоторых крупнейших китайских компаний — производителей телекоммуникационного оборудования и средств связи ZTE, TP-Link, BYD Electronic, G'Five International, производителей компьютерной техники: Hasee Computer и NORCO, производителей бытовой электроники и электронных комплектующих Konka Group, Skyworth, Netac Technology, JXD, Dingoo Technology, Absen, Topband Auto, Shenzhen Auto-Poniso Industrial (SAPI), HB Science & Technology, HomeLead Industry и Longterm Electronics, производителя транспортного оборудования China International Marine Containers, производителя аккумуляторных батарей BYD Company, автомобильной компании BYD Auto, стекольной компа-

нии CSG Holding, химической компании Sunrise Science & Technology, производителя медицинского оборудования Shenzhen Goldway Industrial, производителя кабельной продукции Shenzhen Hope Technology, энергетической компании Shenzhen Energy, интернет-провайдера Tencent, торговой сети Maoye International, гостиничной сети 7 Days Inn, операторов недвижимости Vanke, Fantasia Holdings и China Merchants Property, авиакомпаний Shenzhen Airlines, Jade Cargo International и Shenzhen Donghai Airlines, железнодорожной компании Guangshen Railway Company, логистических компаний China South City Holdings, Shenzhen International Holdings, Tempus и S.F. Express, производителя конференц-систем Taiden, производителя электронных сигарет Shenzhen Joye Technology. Тут размещаются и филиалы крупнейших производителей принтеров и персональных компьютеров, таких как Legend Group, TCL, Compaq.

Иностранный капитал представлен тайваньскими, американскими, французскими, японскими, британскими, немецкими, голландскими, швейцарскими, корейскими, итальянскими, бельгийскими, сингапурскими, индийскими, филиппинскими и даже вьетнамскими компаниями. И очень слабо представлен российский капитал — производством светодиодной продукции Vantex Electronics³⁴. А любители электронных аппаратов непременно скажут, что в Шэньчжэне производятся айфоны, айпеды и айподы, разного рода «девайсы» и «гаджеты». По данным на 2010 г., в Шэньчжэне обосновалось около 30 тыс. иностранных предприятий. Есть тут и совместное с американской Motorola предприятие — Шэньчжэньская группа Huawei Technologies — которое производит продукцию GSM и оказывает услуги на территории Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона. (Кстати говоря, мой компьютер на даче уже несколько лет работает при помощи модема от этой фирмы.) Шэньчжэнь по праву считается важнейшим центром электроники, опережая по многим ее видам Пекин и Шанхай.

Шэньчжэнь — город молодых людей, средний возраст — около 30 лет, в том числе 8,5% — до 14 лет, 88,4% — от 15 до 65 лет и только 1,2% — старше 65 лет.³⁵ Но население разделено на две большие группы: высокообразованные, высококвалифицированные и высокооплачиваемые, с одной стороны, и малообразованные и с низким доходом работники — с другой. И тем не менее, здесь самый высокий в Китае доход на душу населения (более 14,6 тыс. долларов в 2010 г.) и самая высокая минимальная зарплата при средней зарплате в размере 46,7 тыс. юаней (при обменном курсе юаня в 2010 г. 1\$ = 6,83 юаня и в несколько раз больше по ППС))³⁶. Но в действительности и доходы на душу населения, и оплата труда высококвалифицированных специалистов и рабочих в таких крупнейших китайских мегаполисах, как Пекин, Шанхай и некоторые другие, сопоставимы, а иногда по этим показателям мегаполисы меняются местами.

В заключение можно сказать: американцы утверждают, что по научно-техническому потенциалу «силиконовой долине» в Калифорнии нет равных в мире. Пока это действительно так. Но вот живущие в США россияне говорят, что большинство жителей Калифорнии сейчас являются выходцами

из Мексики и других латиноамериканских стран, многие из которых не желают ассимилироваться, изучать английский язык, перенимать американскую культуру. А среди мексиканской молодежи даже раздаются голоса, что надо вернуть Мексике принадлежавшие ей до 1848 г. штаты Калифорния, Аризона, Нью-Мексико и Техас. Пока это утопия, но реальностью является то, что бывший «золотой штат» Калифорния из-за наплыва туда латиноамериканской бедноты уже не может сводить концы с концами, и многие состоятельные американцы из-за высоких налогов покидают этот штат.

А чем еще славна СЭЗ Шэньчжэнь? Как говорят сами китайцы, это дверь между Китаем и остальным миром. Его порт располагает связью со 106 международными контейнерными маршрутами, а аэропорт имеет 148 внутренних маршрутов и 111 международных линий, а с Гонконгом он связан железной дорогой³⁷.

«Кремниевая долина» Чжунгуаньцунь появилась по другой схеме. Если Шэньчжэнь возник по гениальной задумке гениального Дэна, то появление технопарка на одной из улиц Пекина под названием Чжунгуаньцунь явилось делом случая. Побывавший в «силиконовой долине» США любознательный научный сотрудник Китайской академии наук по имени Чэнь Чунсянь загорелся идеей последовать примеру пионеров «первородной долины» и решил открыть на этой улице частную компанию, специализирующуюся на разработке технологий, связанных с исследованием плазмы. А «отец-основатель» этой «силиконовой долины» (ныне уже ушедший из жизни) был ученым-физиком и, к слову сказать, во второй половине 1950-х гг. стажировался в Москве³⁸. Его примеру последовали другие, и дело, как говорится, пошло. И пошло стремительно — вскоре Чжунгуаньцунь стали называть «электронной улицей». Ведь в этом районе Пекина сконцентрировано 39 вузов, Академия наук КНР, более 200 НИИ, много ведущих лабораторий и экспериментальных баз. А еще надо учитывать и мощный научно-технический и промышленный потенциал расположенного всего в 96 км от Пекина мегаполиса Тяньцзиня (которого ныне со столицей соединяет скоростная железная дорога), являющегося к тому же и крупнейшим морским портом на берегу Бохайского залива, связанного с великими китайскими реками Янцзы и Хуанхэ. Если на месте рыбацких деревень, на которых вырос Шэньчжэнь, все приходилось делать практически с нуля, то здесь уже были материальные и людские ресурсы для быстрого развития технопарка, превратившегося в крупнейший научно-технический и производственный центр Китая.

Описывать рост Чжунгуаньцуня с той же подробностью, с какой я старался показать поистине чудеса мысли, дерзости и упорного труда китайцев, за двадцать лет создавших высокотехнологичный и один из красивейших городов мира, вряд ли имеет смысл. К тому же крупные научно-технические центры есть и в Шанхае, да практически во всех больших городах Китая. Поэтому я ограничусь некоторыми статистическими данными. По данным на 2012 г., на той территории, что входит в зону технопарка Чжунгуаньцунь, располагались более 12 тыс. инновационных компаний с числом сотрудников в 500 тыс. Там представлены крупнейшие междуна-

родные хай-тек компании, в том числе Google, Intel, AMD, Oracle, Motorola, Sony, Ericsson и др. По данным на 2010 г., Чжунгуаньцунь — это 10 промышленных парков, 27 тысяч компаний, в том числе 18 тыс. из числа крупнейших в мире. Это годовой доход в 227 млрд долл., притом что правительство ставит задачу к 2020 г. довести его до 1,5 трлн долл. Но уже в 2013 г. доход вырос до 406 млрд долларов. В 2014 г. Пекин и Тяньцзинь подписали соглашение о создании научно-технологического парка Биньхай-Чжунгуаньцунь на территории особой экономической зоны, что еще больше увеличит технологическую и производственную мощность этой китайской «кремниевой долины». (Биньхай — это приморский район Тяньцзиня.)

Научную базу этой «кремниевой долине» обеспечивают 140 вузов и 39 колледжей, в которых обучается более 400 тыс. студентов и аспирантов, а общая численность сотрудников давно перевалила за один миллион³⁹.

Но, наверное, лучше всего судить по результатам работы не только двух названных, пусть и самых крупных, но и всех научно-технических и производственных центров Китая. И они видны как по тому, насколько широко сами китайцы пользуются персональными компьютерами, Интернетом, мобильной связью и пр., так и по структуре китайского экспорта. В аналитическом документе ИДВ РАН, подготовленном сотрудниками Центра экономических и социальных проблем, возглавляемого А. Островским, говорится: «В 2010 г. в товарной структуре китайского экспорта машиностроительная продукция составляла 933,4 млрд долл. (или 59,2% объема экспорта), продукция новых и высоких технологий — 492,4 млрд долл (31,2% объема экспорта)»⁴⁰. Много это или мало? Очень много, если учесть, что в общей стоимости экспорта нашей страны продукция высоких технологий (включая военную технику) уже много лет не выходит за рамки 4–5%.

ГЛАВА 15

Россия ищет свои пути технического прогресса

Образование и наука

В мире четко прослеживается тенденция: каково качество высшей школы, такова и элита общества — политическая, научно-техническая, военная и пр. В высокоразвитых демократических странах, как, например, США и Великобритания, рассадником политической элиты являются Гарвард и Оксфорд соответственно. В постсоветской России ее высший слой формировался в школах КГБ и военных училищах.

Но начнем с образования. По уровню грамотности мы движемся не вперед, а пятимся назад. Если в советские годы Россия входила в число наиболее образованных стран, то ныне у нас есть миллионы неграмотных и снизился уровень общей грамотности. Так, министр внутренних дел Рашид Нургалиев сообщал, что в 2005 г. в России было 2 миллиона неграмотных подростков, но в следующем году их стало уже 2,5 миллиона, и с каждым годом это число увеличивается. Это беспризорные и безнадзорные дети неблагополучных семей, которых, по данным министра, на тот период было 6 миллионов, и дети так называемым гастарбайтеров в основном из Центральной Азии, которых, по оценкам, в стране около 10 миллионов⁴¹. А по уровню школьной грамотности Россия в 2009 г. заняла 43-е место из 65 возможных. Мы даже не дотянули до уровня стран, входящих в ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), то есть по этому показателю не вошли в число развитых стран.

Высшее образование тоже понесло потери. Выпускники многих слабых школ поступают в такие же слабые вузы. Но, согласно статистике, все вроде бы хорошо. По некоторым подсчетам, доля лиц с высшим образованием в численности населения России составляет чуть более 20%, что ниже, чем в США (30%) и ряде других стран, но выше, чем, например, в Британии (18,6%) и Германии (13,4%). Действительно, в постсоветские годы в несколько раз увеличилось число вузов и студентов, только уровень высшего образования резко понизился, притом что доминируют выпускники гуманитарных профессий. Понизился и уровень защищаемых диссертаций. Как пишет известный российский экономист, профессор Новосибирского государственного технического университета Г.И. Ханин, «деградации высшего образования в постсоветский период способствовало то, что огромный прирост вузов и студентов в этот период ограничивался гуманитарными специальностями, т.е. как раз теми, по которым уровень преподавательского состава в СССР был наиболее низким»⁴². (Когда он рассказывал о том, что на его глаза попала докторская диссертация, выполненная на крайне низком уровне и на основе компиляций, мне как-то не хотелось верить этому. Но когда в Московском педагогическом государственном университете были выявлены многочисленные факты фальсификаций в уже давно защищенных кандидатских и докторских диссертациях, это был уже доказанный факт. Вызывало сомнение и присуждение чиновникам, никогда не работавшим в сфере науки, докторских степеней по общественным наукам. Потом стало известно, что руководитель Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ (ВАК) оказался замешанным в криминальных деяниях.)

То, что общественные науки в СССР были подчинены идеологическим установкам КПСС и во многом носили пропагандистский характер, хорошо известно. Новые явления в мировом общественном процессе советскими идеологами априори считались буржуазными и, стало быть, ненаучными. Соответственно, и в названиях многих диссертаций и книг по обществен-

ным наукам должны были содержаться слова «критика буржуазных теорий, концепций, взглядов...». В постсоветский период многие преподаватели научного коммунизма стали читать курсы лекций по новейшей истории, политологии, социологии, а политэкономы социализма — по экономической теории. И все-таки в сфере гуманитарных наук защитить докторскую диссертацию в советское время было практически невозможно, если соискатель степени доктора наук не был хорошо известен в кругу ученых, занимающихся данной проблемой, и если он не имел по крайней мере одной опубликованной фундаментальной работы.

В постсоветское время ситуация изменилась. Все ведь идет по цепочке: понижение уровня обучения в школе ведет к понижению уровня образования в вузе, это практически неизбежно ведет к понижению требований к кандидатским и докторским диссертациям, по крайней мере, в сфере общественных наук. Понижению уровня высшего образования способствовал и ряд других факторов. Нет отбора в вузы лучших — более половины выпускников школ поступают в вузы, в большинстве из которых нет условий для получения учениками качественного образования. По данным Г. Ханина, на 1000 жителей у нас в пять раз больше выпускников школ поступают в вузы, чем было в Китае в 2005 г.⁴³ На отсутствие отбора лучших выпускников в вузы обращают внимание и другие аналитики. Но это еще не вся проблема. Самые сильные выпускники школ стараются уехать на Запад или стать в собственной стране управленцами, финансистами, юристами, но не физиками и инженерами. СМИ не раз сообщали, что на инженерные факультеты вузов у нас самый низкий конкурс, и они вынуждены принимать троечников. Стало быть, в обозримой перспективе мы не получим ни новых Королевых, Туполевых, ни новых Курчатовых, Ландау... Только корень проблемы, наверное, в том, что нищенскую зарплату, даже по сравнению со многими развивающимися странами, получают у нас учителя, вынужденные подрабатывать где-то еще, а преподаватели вузов стали «многостаночниками» — читают лекции сразу в нескольких вузах. В результате ни у тех, ни у других не остается времени для саморазвития, и поэтому живут на старом багаже. А с учетом того, что каждые десять лет информация в мире удваивается, то оказаться в числе отсталых можно очень быстро.

Приведу имеющиеся данные по оплате труда учителей и ученых. По данным на 2008 г., годовичная зарплата учителя по ППС в США составила 34 500 долларов, в Великобритании — 30 172, в Канаде — 30 341, в Австралии — 32 406, в Швейцарии — 48 386, в Германии — 47 936, в Испании — 38 533, а в России — 5 120 долларов⁴⁴. В Москве и некоторых других мегаполисах учитель может получать и 30 тысяч рублей в месяц и даже больше, но в провинции — 68– тысяч. Допустим, в последние годы несколько повысилась зарплата учителей, преподавателей и исследователей. Но ведь повысилась и стоимость жизни за счет высокой инфляции. Притом, подчеркиваю, существует большой разрыв в оплате труда работников умственного труда в столице и некоторых других крупных центрах, с одной стороны, и в остальной России — с другой.

Примерно такое же соотношение в оплате труда ученых. Так, по данным на 2012 г., в пересчете на ППС начинающие ученые в Канаде получали 5733 доллара в месяц, профессора — 9485, в США — соответственно 4950 и 7358 долларов, профессора в Италии — 9118, в Южной Африке — 9330, Саудовской Аравии — 8524, Великобритании — 8369, Малайзии — 7864, Австралии — 7499, в Индии — 7433 доллара. Начинаящий свою карьеру ученый в беднейшей Эфиопии получал 864 доллара в месяц⁴⁵. В России должностной оклад начинающего исследователя (без надбавки за научную степень), по данным на 2012 г., составлял 14 тысяч рублей. Впрочем, должностной оклад директора академического института (и тоже без надбавки за научную степень) был чуть больше 30 тысяч рублей. Члены-корреспонденты академии РАН еще получают за звание соответственно 10 и 20 тысяч рублей, что в общей сложности не больше того, что с надбавками и премиальными получает клерк банка или работающий в сырьевой компании мелкий государственный чиновник. В научном мире господствует точка зрения, что наука будет успешно развиваться в тех странах, в которых учитель получает в полтора раза больше среднего заработка по стране, а профессор — в два раза больше зарабатываемого учителем. В России же учитель получает меньше среднего заработка, а зарплата профессора едва до него дотягивает. В мировом научном сообществе сложилось мнение, что низкая зарплата профессора говорит «о негативном развитии системы образования в целом»⁴⁶.

Директор Института США и Канады РАН, академик РАН С.М. Рогов дает безрадостную картину состояния российской науки. Так, за годы либеральных реформ «резко сократилось бюджетное финансирование НИОКР, уменьшилась почти в 3 раза численность научных исследователей, произошла утрата целых научных школ... В этих условиях чуть ли не единственным уцелевшим оплотом науки в нашей стране оказалась Российская академия наук, главной задачей которой является осуществление фундаментальных исследований. Но и РАН понесла немалые потери. Не секрет, что уже на протяжении многих лет академия фактически ведет борьбу за выживание. В 2009 г. бюджет составлял всего 46 млрд, или 1,5 млрд долл.»⁴⁷. Это бюджет одного американского, причем среднего, университета, коих там многие сотни. Соответственно и расходы на НИОКР в России от мировых расходов на эти цели составляют 2% против 35% США, 12,6% Японии, 11,2% Китая. Неудивительно поэтому, что удельный вес России в глобальном экспорте наукоемкой продукции не превышает 0,3%⁴⁸.

По некоторым оценкам, в последние полстолетия 50% прироста ВВП достигались передовыми странами за счет инноваций. Только откуда же взяться инновациям при таких мизерных расходах на НИОКР и на российского исследователя, которые, конкретизирую, в 5 раз меньше, чем в США и Германии, в четыре раза меньше, чем в Великобритании, Франции и Японии и в 3 раза меньше общемировых расходов⁴⁹. При таком положении дел «утечка умов» будет продолжаться, притом что страна за годы либеральных реформ уже потеряла от 100 до 250 тыс. ученых⁵⁰.

А что значит потерять хотя бы часть наиболее талантливых ученых страны? Выше уже говорилось о том, насколько негативно сказалась на науке Германии потеря ученых, эмигрировавших из страны после прихода к власти нацистов. Академик В. Захаров пишет: «В начале XX в. германские университеты были лучшими в мире. Сейчас, через 64 года после войны, несмотря на то что Германия является одной из самых богатых и успешных стран в мире, несмотря на приложенные огромные усилия, ее университеты находятся на одном месте с Австралией, которая в начале XX в. была страной довольно отсталой. Восстанавливать разрушенное несравненно труднее, чем разрушать»⁵¹. Только в Германии была и осталась высокоразвитая промышленность и прикладная наука, был и остался сильнейший в мире инженерно-конструкторский корпус, чего нет в нынешней России.

И уже можно принять за крик отчаяния заявление вице-президента РАН Александра Некипелова, который сказал: «Российская наука выжила в 1990-е годы, но сейчас рискует исчезнуть. Беспокоит и то, что проделана «большая» работа по дискредитации науки в глазах общества»⁵². Если сейчас правительство РФ не обратит внимания на академическую науку, то в конечном счете «никакой серьезной науки в стране не останется»⁵³. Он же подчеркнул, что в девяностые годы высшая школа лишилась науки и быстро создать ее не получится. А что касается низкой цитируемости российских ученых, то она, по словам А. Некипелова, прямо пропорциональна доле финансирования науки в общемировом масштабе.

Но что самое удивительное, вице-президент РАН назвал сумму помощи науке в размере 15 млрд рублей. Да мы на развитие одного только футбола тратим во много раз больше! Даже при существующем порядке вещей, чтобы поднять уровень цитирования, надо хотя бы большим тиражом публиковать научные журналы, сборники и книги, направлять их в библиотеки, как это было в советские годы, а лучшие из них — переводить на английский язык и распространять в зарубежных странах. Пока же вся эта продукция выходит ничтожными тиражами, как правило, не переводится на английский язык. Из-за скудости финансирования нередко сами научные сотрудники вскладчину вынуждены издавать свои работы. В Китае многие исследователи могут писать научные работы на английском языке. (*Для сотен тысяч репатриантов он является вторым родным языком. Достаточно сказать, что они составляют 81% общего состава Китайской академии наук и 54% Китайской инженерной академии*) Чтобы и наши исследователи могли писать научные работы на английском, нужен мощный стимул, которого на деле нет. Научные командировки в зарубежные страны сокращены до минимума, некогда практиковавшиеся надбавки за знание иностранных языков давно отменены.

Беспокойство вызывает стремление наших властных неолибералов, ухудшая финансирование РАН, сознательно принижая ее роль в научно-техническом развитии страны, заменить ее университетской наукой. (Говорят, что активным сторонником этой идеи является министр образования и

науки — бывший высокий чиновник этого ведомства, а потом ректор Национального технологического университета стали и сплавов (МИСиС) Дмитрий Ливанов.) Академик РАН В. Захаров, который, кстати сказать, ныне в основном живет в США и преподает в американском университете и поэтому может судить объективно о роли в России как университетской, так и академической науки, подчеркивает: «Академическая наука находится в бедственном состоянии, а заменить ее нечем. Для исторически сложившейся в России формы организации и управления научным сообществом с помощью академических структур в настоящее время не просматривается альтернативы. Взятый же правительством курс — закупать новые технологии за рубежом и отсюда же приглашать на работу специалистов — убьет российскую науку окончательно... Нет альтернативы Академии наук и как органу, способному провести серьезную научную экспертизу. Пренебрежительное отношение правительства к академической науке уже дает свои плоды — поток лженауки захлестнул страну»⁵⁴.

Развитие науки в университетах в странах Запада (возраст многих из которых исчисляется сотнями лет) шло одновременно с преподавательской деятельностью. В наших же вузах профессорско-преподавательский состав был нацелен на подготовку специалистов, а исследования имели необходимый, но, если можно так сказать, дополнительный характер. Часто дело ограничивалось публикацией циклов лекций и статей в вузовских изданиях и сборниках, не имевших широкого хождения в научной среде. И лишь в нескольких вузах велись серьезные исследования и имелась опытно-конструкторская база как обязательное условие университета мирового уровня. Только и она была потеряна в 1990-е гг. Быстро изменить эту ситуацию невозможно. Если мы обратимся к опыту Китая, то увидим, что, несмотря на наличие там многих сильных университетов нового типа, никто не ставит под сомнение роль Академии наук КНР. Более того, все проекты, касающиеся развития страны, сначала проходят экспертизу в Академии наук, потом передаются в Инженерную академию и Академию общественных наук. Или другой пример: ведущие технологические компании Чжунгуаньцуня Lenovo и Founder «произрастают» из Академии наук КНР и Пекинского университета соответственно⁵⁵. А те попытки, которые принимаются нашими властями для поднятия уровня исследований в российских вузах, пока не дали желаемых результатов. С этой точки зрения заслуживает внимания публикация «Университеты Китая: уроки младшего брата» за подписью ученых либерального направления — ректора НИУ ВШЭ Ярослава Кузьмина и профессора этого вуза Марии Юдкевич. Они неплохо знают работу западных университетов, но их особо интересовал Китай, который, имея ту же структуру образования и науки, что и СССР, за очень короткий срок сумел вывести около дюжины университетов (по Шанхайскому рейтингу) на мировой уровень. Особо пристально они изучали Фуданьский университет в Шанхае. При этом они исходили из того, что и российские власти, следуя примеру других стран, пытаются создавать исследователь-

ские университеты в качестве локомотивов развития инновационного сектора. В частности, пишут они, «в 2006–2008 гг. в России были реализованы двухлетние программы развития 68 так называемых инновационных университетов, позднее сформированы три группы ведущих университетов: МГУ и СПбГУ, семь федеральных и 14 национальных исследовательских университетов, которым оказывается специальная поддержка»⁵⁶. Эту инициативу наших властей они сопоставляют с тем, что делается на этом направлении в Китае, и на основе их опыта сделали целый ряд выводов, назвав их уроками. Они действительно заслуживают внимания, только на корню подрываются нашей реальностью. Так, например, чтобы повысить уровень университетской науки, нам надо было бы увеличить расходы на высшее образование с 0,75% ВВП до 1,5%, то есть довести до среднего показателя по ОЭСР.

Но, в отличие от Китая, в котором ежегодно растут расходы на науку, у нас имеет место обратная тенденция — снижение государственных расходов по этой статье с 547,2 млрд рублей в 2012 г. до 454,5 млрд рублей в 2014 г.⁵⁷ Поэтому и итоговый вывод авторов рассматриваемой публикации, по сути, созвучен тому, что говорят академики РАН А. Некипелов, В. Захаров и многие другие крупные ученые: альтернативы Российской академии в настоящее время нет. Но вот что Я. Кузьминов и М. Юдкевич, в частности, пишут: «Россия, казалось бы, идет тем же путем. (Что и Китай. — А.К.) 14 вузов получили статус национальных исследовательских университетов. Обещана долгосрочная, на пять лет, финансовая поддержка (по сравнению с инновационной образовательной программой, рассчитанной на два года, это большой прогресс). Однако, если обратиться к деталям, картина не столь оптимистична: победители конкурса национальных университетов могут рассчитывать на ежегодное дополнительное финансирование в размере 200–400 млн руб. в год (что составляет в среднем не больше 15% от суммарного годового бюджета этих вузов). А в списке статей разрешенных трат присутствует повышение квалификации преподавателей, разработка учебно-методических материалов, закупка оборудования. Собственно исследований в этом списке нет. Отсутствует и повышенное финансирование зарплаты преподавателей, без чего странно вообще ставить вопрос об обновлении кадров»⁵⁸.

Что же касается инициированного властями в 2013 г. объединения трех академий — Российской академии наук (РАН), Российской академии медицинских наук (РАМН) и Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН), лишения их собственности и подчинения государственному органу в лице Федерального агентства научных организаций (ФАНО), то только время покажет, насколько целесообразным было такое решение. Что же касается самих ученых, то в своем преобладающем большинстве они считают его ошибочным. Однако об этом еще речь пойдет ниже.

Наиболее известные российские проекты

При всем моем здоровом (то есть не шапкозакидательском) патриотизме и желании быть объективным в отношении собственной страны я не могу назвать ни одного крупного проекта, который бы продвигал ее экономическое развитие и научно-технический прогресс. Как не могу назвать и научное открытие, которое было бы известно если не в мире, то хотя бы в России. Когда в Советском Союзе, а ныне в Китае начиналась реализация какого-то крупного проекта, то об этом знала вся страна. Слова «целина», «БАМ», «Красноярская ГЭС» и другие были у всех на слуху, как в Китае — высокогорная дорога в Тибет, электростанция «Три ущелья», переброс в засушливые районы севера вод великих рек, создание широкой сети современных автострад и скоростных железнодорожных путей и т.д.

В конкретно сложившихся в России условиях, когда основные доходы мы получаем от продажи энергоносителей, только условно можно считать крупными проектами строительство трубопроводов, по которым нефть и газ идут на мировые рынки. Условно потому, что их строительство не создает условий для концентрации ученых и высококласных специалистов для новаторских решений, открытий в смежных областях. Ведь сложное оборудование и технологии, как правило, закупаются в высокоразвитых странах.

Однако никак нельзя назвать такими проектами строительство высокозатратных спортивных сооружений, как, например, горнолыжный курорт в Сочи. С моей точки зрения, против этого проекта работает все — даже без учета ущерба экологии этого дивного края. Во-первых, тратить такие огромные средства на создание инфраструктуры для проведения зимней олимпиады в субтропическом городе, где и зимой редко выпадает снег, не вкладывается в рамки здравого смысла. Если и проводить в России зимнюю олимпиаду, то логично было бы создавать для этого инфраструктуру там, где есть настоящая зима и популярен зимний спорт. А таких мест в России много, причем они находятся гораздо ближе к центру страны и на важных транспортных артериях, а не отшибе, как курортный район Сочи. Защитники этого проекта говорят, что созданная для проведения зимней олимпиады в Сочи инфраструктура будет служить интересам развития в стране конькобежного и горнолыжного спорта. Но поддержка ее в рабочем состоянии в субтропической зоне будет обходиться государству слишком дорого, и пользоваться ею может только избранное число людей. Это не говоря уже о том, что бывший национальный здравницей курорт Сочи станет не по карману большинству россиян.

Во-вторых, расчеты чиновников на то, что победа российских спортсменов на международных соревнованиях будет поднимать в народе дух патриотизма, могут оказаться ошибочными. Да, так случилось после успеха наших спортсменов на зимней олимпиаде в Сочи, когда поднялся рейтинг первых лиц государства. Но такой патриотизм, как правило, недолговечен. Тем более что в состязании по самому популярному в стране зимнему спорту — хоккею мы позорно проиграли еще в отборочных матчах. И уж тем более нельзя считать

крупным проектом создание дорогостоящей инфраструктуры для проведения первенства мира по футболу в 2018 г.⁵⁹ Если в хоккее мы традиционно были сильны и нередко выигрывали на международных соревнованиях, то в футболе, за редкими исключениями, были на редкость слабы. Готовясь к 2018 г., мы стали вкладывать в футбол столько, сколько, наверное, не вкладывали в науку. И каков итог? Оказавшись в группе откровенно слабых команд на чемпионате мира по футболу в Бразилии (12.06–13.07.2014), наша команда не прошла и оборочного этапа и, как говорится, не солоно хлебавши досрочно вернулась домой. Как писал спортивный обозреватель Роман Иванченко, «патронируемый олигархами российский футбол позорно провалился в Бразилии»⁶⁰. В-третьих, в стране, как известно, остро не хватает дорог и на грани развала находится немалая часть жилищно-коммунальной инфраструктуры. Большинство наших дорог двухполосные, и выезд на встречную полосу при обгоне неизбежен, из-за чего у нас часто происходят ДТП с человеческими жертвами. В периоды снежных бурь и туманов ДТП становятся скорее правилом, чем исключением. В свою очередь, из-за изношенности рельсов и вагонных тележек то и дело сходят с рельсов товарные поезда с горючим и химикатами, что, помимо прочего, наносит большой вред экологии. Из-за обветшалости жилищно-коммунальной инфраструктуры у нас часто лопаются трубопроводы, и в суровую стужу многие люди практически каждую зиму оказываются в неотапливаемых домах. А невероятно частые пожары с человеческими жертвами у нас возникают из-за обветшалости электрооборудования.

С учетом всего этого и дорогостоящее обустройство острова Русский, приуроченное к саммиту АТЭС, нельзя считать хорошо продуманным проектом. Официальная версия, как и следовало ожидать, кажется вполне здоровой. Возрождая пришедший в упадок в постсоветские годы край, надо возрождать и науку. И частности, превратить только что созданный Дальневосточный федеральный университет (ДвФУ) в вуз мирового уровня и даже в ближайшие годы войти в топ-300 Шанхайского рейтинга исследовательских университетов. И хотя в Шанхайском рейтинге учитываются такие важные показатели, как наличие в университете лауреатов Нобелевской и Филдовской премий, а также сотрудничающих с ними ученых, уровень цитируемости, публикаций в таких журналах, как Nature и Science, рейтинги отдельных университетов не считаются мировым научным сообществом адекватно отражающими уровень того или иного вуза. С одной стороны, они часто отдают предпочтение отечественным вузам, а с другой — менее требовательны. Если, скажем, МГУ в рейтинге от QS занимало 116-е место, то в Шанхайском рейтинге — 80-е. ДвФУ создается по образцу университетов мирового уровня, но при этом на базе существующих Государственного Дальневосточного университета и Дальневосточного технического университета, которые ничем не выделяются из сотен других провинциальных вузов. Кстати говоря, в передовых странах уже появилась тенденция отказываться от кампусов, отдавая предпочтение университетам, находящимся в самом центре городов и тесно связанным с жизнью общества.

Чем вызвано критическое отношение многих аналитиков, в том числе знающих этот край, к идее создания дорогостоящего университета на острове Русский? Во-первых, выбрано крайне неудобное место для учебы, работы, жизни человека. Когда проходил саммит, могла быть хорошая погода, потому что ранняя осень в тех краях бывает теплой, а лето — жарким. Но в остальное время — проливные дожди, сильные ветры, зимой — снежные штормы и пронизывающий (из-за высокой влажности и ветра) холод. Тем более что покрывавший остров лес почти полностью исчез в ходе создания кампуса и прочих построек. В тех краях я трижды бывал и верю тем, кто говорит, что в ветреную погоду трудно удержаться на мосту, соединяющем Владивосток с островом. А чтобы ДвФУ соответствовал мировым стандартам, помимо прочего, нужны иностранные студенты, которых его отцы-основатели намерены приглашать из жарких стран — Вьетнама, Индонезии и некоторых других. Уже одно это вызывает вопросы.

Во-вторых, понятно, что без усиления научно-исследовательского коллектива ДвФУ за счет ученых из центральных областей университетом мирового уровня он не станет. Но из Дальнего Востока и Восточной Сибири в постсоветские годы из-за развала производства уехало большинство образованных и социально активных людей. Чем ныне можно привлечь туда талантливую молодежь и крупных ученых из центральной России? В советское время было просто: езжай туда, куда партия прикажет, или — партбилет на стол, что означало конец карьере. И это работало. Было немало и тех, кто сам охотно уезжал в те края в расчете на более высокие заработки, быстрый карьерный рост, прекрасную рыбалку, охоту и т.д. Ничего этого там сегодня нет. Даже уровень жизни ниже, чем в крупных центрах. Поэтому решусь утверждать: сформировать сильный научно-исследовательский центр на отшибе страны не удастся. Если созданием ДвФУ властью ставится задача продемонстрировать миру, что мы придаем большое значение развитию Дальнего Востока, то это можно лишь принять к сведению.

В-третьих, мы, как всегда, многое начинаем не с того конца. Сначала надо было бы оживить промышленность на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, создать современную инфраструктуру, а потом уже и учреждать исследовательские университеты. Или, по крайней мере, делать это параллельно. Допустим, в ущерб существующим научным центрам мы бросим огромные средства в развитие ДвФУ, в несколько раз повысим зарплату отечественным ученым, студентам и аспирантам и во много раз — зарубежным исследователям и добьемся того, что университет будет давать какие-то ноу-хау. Но что мы будем с ними делать, если не изменится нынешняя политика, в том числе экономическая? У нас не создан механизм: идея — доведение ее до опытного образца — постановка на конвейер готового продукта — его реализация. Денег на это чаще всего не находится. Минфин склонен скорее сокращать, нежели увеличивать расходы на науку, а крупные и богатые корпорации — а это производители сырья — предпочитают не вкладываться в инновационное развитие, а машины и оборудование при-

обретать за рубежом. Кто-то условно подсчитал, что стоимость идеи десятикратно возрастает при ее доведении до опытного образца и в сто раз — до постановки продукта на конвейер.

Показателен пример создания графена. Идея, как известно, появилась тогда, когда российские ученые Андрей Гейм и Константин Новоселов работали в «Черноголовке» (ныне это подмосковный Институт проблем микроэлектроники и особо чистых материалов РАН), но довести ее до опытного образца в России было трудно, если вообще возможно в нынешних условиях, и они уехали за рубеж, став в итоге лауреатами Нобелевской премии. Но первыми готовый продукт стали производить китайцы.

Быстро создать современную производственную базу на Дальнем Востоке и Прибайкалье практически нереально. Для этого нужны крупные средства, кадры инженерно-технических специалистов и даже квалифицированных рабочих. А плохие дороги и отсутствие развитой строительной индустрии плюс коррупционная составляющая будут резко удорожать реализацию промышленных проектов. И это не все. Необходимо производить конкурентоспособную с китайскими товарами продукцию, которой заполнены рынки и прилавки на нашем Востоке. Какими бы хорошими ни были российско-китайские отношения, но объективно в национальных интересах нашего могучего соседа сохранять наш Восток как сырьевую базу для своей промышленности и рынок сбыта для своих товаров. Тем более что мы им сами помогали в этом, когда соглашались продавать необработанную древесину и закупать готовые изделия из нее, в частности мебель. Успешно конкурировать с Китаем в производстве товаров широкого спроса нам практически уже не по силам, тем более после вступления России в ВТО. Производить же высокотехнологичную продукцию, которую не выпускает Китай, мы вряд ли сможем: он давно опередил нас в области научно-технического прогресса. В этих условиях велика вероятность того, что созданные в ДвФУ инновации будут уходить в Китай, Южную Корею и Японию, туда же будут уезжать и наиболее талантливые ученые и даже студенты.

Но есть и другая проблема. Известно, что автомобильная промышленность во всех странах является важным потребителем инноваций. «Если у вас нет автомобильной промышленности, — говорит президент Центра стратегических разработок (а в прошлом заместитель министра Минэкономразвития) Михаил Дмитриев, — то многие ваши технологические разработки просто негде применить. У нас в России уже в массовом порядке возникают проблемы, когда есть неплохие научные коллективы, они создают отличные научные идеи типа нового вида экрана компьютерного или какую-то новую технологию тонкой очистки топлива или что-то еще, а потом выясняется, что у нас давно уже не производят те узлы, комплектующие, на которые можно эти изобретения устанавливать. И соответственно, поскольку нет приложения для таких инноваций, то спрос на инновации сужается. В результате целые блоки инновационных предприятий фактически не находят применения»⁶¹. Следовательно, если инновации у нас не находят

применения, то они уходят из страны. Что же касается появившихся у нас предприятий сборочного характера (или, как говорят, «отверточных технологий»), то они живут на зарубежном ноу-хау и даже на важных зарубежных комплектующих, поскольку мы не можем сами производить их на надлежащем уровне.

Что же касается инновационного центра «Сколково», то к нему отношение большинства российских ученых и специалистов весьма скептическое. Практически во всех странах «кремниевые долины» или, выразимся скромнее, технопарки создавались как свободные (или специальные) экономические зоны с присущими им правилами и льготами и в наиболее благоприятных условиях с точки зрения климата и инфраструктуры. Причем если они создавались с нуля, как «Сколково», то, подчеркиваю, в самых благоприятных для работы и жизни ученых, специалистов, другого персонала и с учетом возможности дальнейшего расширения их территории. Так росла американская «силиконовая долина», так рос и Шэньчжэнь. «Сколково» же разместилось на небольшом «пятачке» дорогой московской земли. Сочи — вот идеальное место для инновационного центра, при условии наличия современных дорог. Даже Лазурный берег Франции, край традиционного виноградарства и Мекка для туристов, имеет свой технополис «София — Антиполис». Причем он превратился в один из крупнейших инновационных центров не только Франции, но и Европы. Рядом море, поблизости международный аэропорт Ниццы, скоростная железная дорога и автострада Ницца — Париж. Причем сделано это стараниями департамента Приморские Альпы, административным центром которого является знаменитый курортный город Ницца. Только во Франции нет нашей сковывающей все живое вертикали власти, и департаменты имеют и полную свободу действий, и средства, которые им оставляет Париж на развитие. В «Софию — Антиполис» потянулись ученые и специалисты из разных стран континента. В самом деле, кому не хочется работать и жить на благодатном Лазурном Берегу!

А у нас все наоборот! Сочи, точнее, Большие Сочи, как лучшее в стране место на теплом морском побережье для создания технополиса, превращается в курорт для богатых и чиновников (отдых которых оплачивает государство), а особые экономические зоны нередко создаются в самых суровых для жизни людей местах, как, например, Чукотка (Чукотский автономный округ), и не дают ожидаемого результата, более того, порой используются для ухода от налогов.

В бытность СССР в России были созданы наукограды со своей научной и опытно-конструкторской инфраструктурой, со связями с производством. Только наша централизованно-плановая экономика, закрытая от внешней конкуренции, была слабо восприимчива к новациям, кроме, пожалуй, ВПК. В наследство от СССР России досталось несколько сот наукоградов. Что они являются собой? В материале «Наукограды России» говорится: «Наукоград — это, во-первых, город, естественное образование, а не искусственное. Во-вторых, это полный цикл от научной идеи (не обязательно проекта) до продукта. В-третьих, это

центр образования, подготовки кадров. В-четвертых, это место жительства, а не только место “приложения” знаний... Модель современного наукограда — это полный цикл производства наукоемкой продукции. Это путь от научной идеи до конкурентоспособного продукта. Это площадка, организационно объединяющая научную, проектную и производственную деятельность. Наукоград — это центр генерации, накопления и передачи знаний. Наукограды должны быть не объектами, а городами, обладающими всем комплексом возможностей для полноценной жизни человека»⁶².

В РФ закон о наукоградах был принят в 1999 г., в 2004 г. в него были внесены изменения, и первым официально признанным наукоградом стал известный в стране и мире Обнинск, ведущий исследования в области мирного атома. В 2009 г. Государственная дума приняла поправки к закону «О статусе наукограда в РФ». Только эти поправки не улучшили положение наукоградов. Их финансирование сократилось до 1,44 млрд рублей, что поистине капля в море. И что самое удивительное, даже эти мизерные средства власти не разрешили тратить на развитие науки и новых технологий, а только на дорожную и инженерную инфраструктуру. На практике это часто означало, что наукоград строил в деревне дорогу и проводил туда водопровод. В интернет-журнале S&TRF (Наука и технологии РФ) присутствовавшая на заседании в Госдуме депутат Алтайского краевого Законодательного собрания (где находится самый крупный по численности населения наукоград Бийск) Наталья Быкова писала: «Стоит ли наукоградам в ближайшее время рассчитывать на перемены, способствующие бурному расцвету в них науки и инноваций, вопрос риторический. Парламентариев эта тема вчера не особо вдохновила. Здорово погорячившись во время обсуждения бюджетных вопросов, депутаты подошли к науке подостывшими и единогласно, без лишних баталий, проголосовали за поправки к ФЗ «О статусе наукограда РФ»... Означает ли это, что научные проблемы остаются для власти проблемами второго или даже третьего плана? Вполне возможно, особенно если учесть, что и на предыдущих заседаниях Думы при обсуждении как формальных, так и существенных вопросов о науке законодатели не проявляли, по крайней мере внешне, большого интереса. Почему наука и инновации никак не попадут в число приоритетных вопросов думской повестки дня — тема отдельного большого разговора»⁶³.

В то время заместитель председателя Комитета Государственной Думы пятого созыва по вопросам местного самоуправления, а ныне (шестого ее созыва) председатель Комитета по делам национальностей доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН Гаджимет Сафаралиев уточняет проблему: «Главная беда — из нового закона выпала программа развития. Определены критерии: кто может быть наукоградом, четко прописано, из чего складывается налогооблагаемая база, а положение о программе убрали. Но оно необходимо, чтобы было ясно, как город будет развиваться, и как его финансирование сопряжено с программами финансирования градообразующего предприятия или института на его территории.

Мы пробивали поправку, закрепляющую программу развития наукограда, разработанную депутатами нашего Комитета и Комитета по науке и образованию. Но так как у нас в стране всем рулит Минфин и чиновников этого ведомства не перешибить, поправка не прошла. (И сколько же бед стране принес А. Кудрин, который, пользуясь близостью к высшему руководству страны, сводил до минимума расходы на экономическое и научно-техническое развитие России. — *А.К.*) Наукоград — это концентрация научного и технического потенциала для достижения новых высот в науке и технике. В том числе и в обороне, большинство советских наукоградов решало в первую очередь оборонные задачи. В тяжелейшие 30-е годы, в войну и послевоенную разруху страна шла на огромные затраты, создавая эти города. На развитие науки давали деньги, ей предоставляли такие льготы, что она легко могла сама содержать город: была своя система питания, здравоохранения, пансионаты и дома отдыха, дворцы культуры и спорта. Сейчас ничего этого нет. Наукоград может выжить как самодостаточное муниципальное образование. И тогда колоссальный научно-технический, кадровый потенциал, который за десятилетия был собран в этих городах, может послужить точкой роста в развитии страны, стать стартовым моментом модернизации России»⁶⁴.

Как и в развитии науки, так и в создании инновационного сектора власти, на мой взгляд, пошли по ложному пути. Вместо того чтобы укреплять научными кадрами и кадрами специалистов существующие наукограды, увеличивать их финансирование, они стали вкладывать огромные средства в строительство почти на пустом месте технополиса в Сколково, громко именуемого «Российской силиконовой долиной». В конце 2012 г. официально было заявлено, что только на строительство объектов теплоснабжения, водопровода, дождевой канализации и телефонной канализации для спецсвязи инновационного центра «Сколково» будет выделено 4,5 миллиарда рублей⁶⁵. СМИ сообщали, что Министерство финансов РФ представило в правительство проект развития технополиса Сколково, в котором запланированы расходы на уровне 100,5 млрд рублей.

При этом «Сколково» именуют то пилотным проектом, то полигоном для испытания новой экономической политики, что на деле означает и возможный провал этого проекта. Однако напомним, что 28 сентября 2010 г. президентом РФ Д. Медведевым был подписан Федеральный закон «Об инновационном центре «Сколково». Завершение строительства первых объектов было намечено на 2012 г., а основная программа строительства должна быть выполнена в 2015 г. Разработано 5 направлений работы «Сколково», называемых кластерами: кластер биомедицинских технологий; кластер информационных и компьютерных технологий; кластер космических технологий и телекоммуникаций; кластер энергоэффективных технологий; кластер ядерных технологий. В «Сколково» также будет функционировать технопарк. Среди компаний-партнеров «Сколково» называют Nokia, Siemens, Networks, Microsoft, Boeing, Technopark Zurich, Cisco, Intel, BM, MIT. Только будут ли

они на деле работать на развитие в России инновационного центра, это еще большой вопрос. Притом эти планы строились еще до введенных Западом против России санкций и затухания темпов роста экономики.

Стоило бы нашим властям учесть опыт Китая. Во-первых, он с нуля создавал инновационный центр в районе, ставшем известным как Шэньчжэнь, исходя из близости его к Гонконгу и к удобным для экспорта-импорта морским путям. И, кстати говоря, из Гонконга в Шэньчжэнь шли не только капиталы, многие тамошние ученые вложили немалый вклад в развитие его научно-технического потенциала. А научно-технический и производственный центр Чжунгуаньцунь, как уже говорилось выше, формировался уже на существующей научно-технической и производственной базе и по объему выпускаемой продукции обогнал Шэньчжэнь. Во-вторых, китайское руководство не делало ставку только на Шэньчжэнь и Чжунгуаньцунь. Практически во всех крупных городах созданы и успешно функционируют научно-технические и производственные центры не ниже того уровня, которого должно достичь (если достигнет?) Сколково. В-третьих, в Китае чрезвычайно быстро росла промышленность, в том числе производства новой и высокотехнологичной продукции, мировые корпорации создавали дочерние компании, а научно-технические центры — свои филиалы, поскольку был большой спрос на инновации. Не случайно в развитие НИОКР в Китае 70% средств вкладывает не государство, а компании. У нас же продолжается деиндустриализация, а об инновациях только идут разговоры...

И наконец, последнее. На какую научную базу будет ориентироваться будущий инновационный центр «Сколково»? Как я понимаю, этот вопрос остается открытым. Ведь многие из тех, кто стоят за созданием «Сколково», недоброжелательно относятся к Российской академии наук, где в реальности только и ведутся исследования. В самом «Сколково» есть только созданная в 2006 г. и в 2009 г. принявшая несколько десятков учеников небольшая бизнес-школа (Московская школа управления «Сколково»). В бизнес-школе лекции читают только иностранные преподаватели. Но заезжие профессора и даже лауреаты Нобелевской премии прочтут лекцию-другую, пусть даже курс, и уедут, они не будут корпеть над поисками новых идей и открытий. А те ученые-россияне, которые могут предложить себя «Сколково» после того, как по возрасту уже не могут больше работать в западных университетах, свой научный потенциал, как правило, уже истратили. Можно, конечно, вербовать талантливых студентов и молодых ученых в других странах, но только и платить им надо так, как платили бы им в престижных западных университетах — раз в 5–10 больше, чем нашим исследователям, а еще и предоставить им возможность работать в оборудованных по последнему слову техники лабораториях и продвигать к конечному продукту их открытия, если таковые будут, дабы они не повторили пример А. Гейма и К. Новоселова. Но даже если в Китае к более высокооплачиваемым китайским ученым-репатриантам местные ученые часто относятся недоброжелательно, называя их «морскими черепахами», то у нас такой подход к оплате труда «чужих» и «своих» может вызвать серьезные конфликты.

Проект «Сколково» критикуют с разных сторон. Вот, например, что о нем говорил академик РАН Н. Петраков: «Сколково — довольно странный проект. Как его делать при том, что у нас из года в год сокращаются расходы на науку и образование? Я был в американской Силиконовой долине в 1989 году в первой и последней советской делегации — раньше не пускали, а потом не стало СССР. Меня заинтересовал вопрос: а как у них вообще это получилось? Идея там очень интересная. По уставу университета Беркли все, что изобрел тот или иной ученый, становится его собственностью, интеллектуальной. Только оборудование, на котором он работал, принадлежит университету. Получается, что ученый — полноправный участник рынка... Допустим, я что-то изобрел — это становится собственностью Сколковского центра? Второй момент — у нас целый ряд ученых обвиняли в шпионаже. Они что-то изобретали, открытия в собственной стране были не востребованы. Тогда продавали их, скажем, Китаю. Тут же выяснялось, что это собственность российского государства, и ФСБ обвиняло в шпионаже. У нас все перевернуто, схема Сколково скорее похожа на сталинские «шарашки». А что делать с иностранными учеными, которых собираются в Сколково приглашать? Если они будут работать с нашими талантливыми молодыми специалистами, им же никто не запретит вывозить совместно придуманные технологии, никто не обвинит их в шпионаже? Вообще — если ты хочешь делать какой-то прорыв, то надо все «секретить», потому что промышленный шпионаж никто не отменял»⁶⁶.

Директор Института глобализации и социальных движений Борис Кагарлицкий пишет: «Маниловщина российских правительственных чиновников опасна тем, что они готовы без колебаний реализовать любой свой каприз — за наши деньги. И никакие аргументы, никакие попытки апеллировать к здравому смыслу, к правилам арифметики или даже фактам географии не могут оказать здесь ни малейшего влияния. В самом худшем случае, если какое-либо профессиональное сообщество или, того хуже, общественное мнение начинает создавать уже слишком много шума, они за те же бюджетные деньги поднимут собственных экспертов. А те, получив соответствующее вознаграждение, докажут и обоснуют вам все, что угодно, хоть квадратную форму Земли, хоть целесообразность и эффективность проекта «Сколково»... Достаточно просто выделить очень большие деньги, и наука «образуется» сама собою. Наши высшие чиновники уверены: люди, независимо от их специальности, интересов, планов и убеждений, слетятся на запах денег, как мухи на запах варенья... Затея изначально бессмысленна и даже вредна, поскольку отвлекает ресурсы от решения реальных проблем. Средства могли бы вкладываться в существующие научные коллективы, в восстановление и развитие уцелевших отечественных наукоградов, в развитие инфраструктуры или хотя бы в приобретение технологий, необходимых для перевооружения отечественной промышленности. Увы, все эти совершенно «не амбициозные» задачи не могут привлечь внимания начальства. Только нечто грандиозное, звучное и откровенно бессмысленное может за-

хватить министерское воображение. И ни в коем случае нельзя предлагать проекты экономные и рационально просчитанные. Это уже проверено. Подобная мелочность вызывает отвращение и гарантирует отказ»⁶⁷.

Завершу эту главу повторением того, что сказал хорошо известный в научном мире математик и физик академик РАН В. Захаров: «Времени для спасения российской науки почти не осталось. Еще несколько лет — и произойдет полный разрыв связи между поколениями ученых! Если не дать возможности еще оставшимся в живых профессионалам передать свой научный опыт и не открыть перед молодыми учеными перспективу, на российской науке можно поставить крест»⁶⁸. Еще более тревожно звучат его следующие слова: «С упадком образования придется распрощаться с надеждой развивать у себя новые технологии — для этого нужны высококвалифицированные кадры. Более того, даже поддержание уже имеющейся технически сложной инфраструктуры станет проблемой и техногенные катастрофы, вроде той, что случилась на Саяно-Шушенской ГЭС, станут обыденным делом. Страна, не способная идти в ногу с техническим прогрессом, довольно скоро станет беспомощной в военном отношении. Через 10–15 лет произведенное нами оружие будет относиться к будущим стандартам, как арбалет к автомату. На ядерное оружие надеяться не стоит. Для его воспроизводства и обслуживания тоже нужны высококвалифицированные специалисты. И мы вряд ли окажемся способны производить высокоточное роботизированное тактическое оружие. Или правительство надеется покупать также и военные технологии?»⁶⁹

Статья В.Захарова вышла в 2010 г., а написана была, возможно, еще в 2009 г., но уже в 2012 г. бывший министр обороны РФ Анатолий Сердюков стал публично говорить об устарелости нашей тяжелой военной техники и предлагать закупать, например, танки и даже бронемашину в странах Запада. Во Франции мы уже размещали заказ на строительство двух военных судов («Мистралей»), способных нести на палубе вертолеты. Но судьба этого проекта требует отдельного рассмотрения. А то, что из-за неразвитости электроники мы для военных самолетов покупаем авионику во Франции и Израиле, хорошо известно. По этой же причине мы одно время хотели закупать за границей и беспилотные самолеты.

Так что предупреждение ученого о возможных тяжелых последствиях для страны гибели большой науки отнюдь не является гиперболой. При ухудшении отношений России с Западом администрация США уже приняла целый ряд санкций против России, направленных на то, чтобы до минимума сократить продажу нам высокотехнологичной продукции, что, безусловно, скажется и уже сказывается на функционировании ряда служб и производств в первую очередь оборонного характера. Заявления некоторых наших должностных лиц о том, что мы можем американскую высокотехнологичную продукцию заместить собственной, отдают больше риторикой, чем реальной возможностью осуществить это на практике — с учетом плачевного состояния инновационного сектора, машиностроения, практиче-

ской потери станкостроения, резкого сокращения научно-технических кадров и высококвалифицированных рабочих. Даже прекращение поставок военной техники и техники двойного назначения из Украины, торговый оборот с которой в 2013 г. составил около 40 млрд долларов, притом что 39,2% нашего импорта занимают машины, оборудование и транспорт, по мнению компетентных специалистов, не удастся быстро компенсировать⁷⁰. Страны Евросоюза, сильно зависящие от поставок российского газа и имевшие с нашей страной в 2013 г. товарооборот в размере 417,5 млрд долларов, сами несут серьезные потери от введенных санкций и идут на них под сильным давлением Белого дома. Америка же имеет с Россией сравнительно небольшой торговый оборот — 28 млрд долларов в 2013 г. Вместе с тем надо учитывать, что внешнеторговый оборот России в 2013 г. составил весьма солидную сумму — 867,6 млрд долларов. Иначе говоря, у России остаются серьезные торговые партнеры.

С учетом ухудшившейся для России мировой конъюнктуры, когда на повестку дня может встать проблема импортозамещения, власти заговорили о промышленной политике. Как говорится, лучше поздно, чем никогда, только с промышленной политикой мы запоздали как минимум на 20 лет. Много, однако, будет зависеть от политической воли первых лиц в государстве, ибо для этого нужен поворот экономической политики с сырьевой ориентации в сторону реиндустриализации, восстановления прикладной науки и новое отношение государства к фундаментальной науке. А это потребует не только другой финансовой политики, но и других людей в экономическом блоке правительства, ибо нужна новая модель экономического развития. Что, конечно же, вызовет сопротивление со стороны тех, кого вполне устраивает сырьевая ориентация экономики страны.

¹ *Иноземцев В.* // Радио «Эхо Москвы» [www.echo.msk.ru/programs/dozor/611706-echo.phml].

² Китай — лидер по площади искусственных лесонасаждений // www.kitaichina.com/se/txt/20101-0/20/content_305079.htm.

³ Китай — лидер по площади искусственных лесонасаждений // www.kitaichina.com/se/txt/20101-0/20/content_305079.htm.

⁴ Вообще, когда специалисты говорят о проблемах Китая, то в первую очередь называют три ключевые: земля, вода и воздух. То есть нехватка пригодной для обработки земли, воды и тяжелая экология, особенно в мегаполисах. Руководство страны все это понимает и действительно многое делает для решения этих жизненно важных проблем. Хотя мало об этом говорится, по масштабам восстановления лесов Китай занимает первое место в мире. Но когда по видеоканалам показывают, как порой в Пекине и некоторых других городах люди закрывают лицо масками или платками, то это следствие песчаных бурь, которые, по некоторым данным, за последние 50 лет участились в 6 раз. См.: www.kitaichina.com/se/txt/20101-0/20/content_305079.htm.

⁵ Жэньминь Жибао. 27.09.2003.

⁶ Деловой журнал про Китай // www.chinaPRO.ru/rubrics/1/8693.

⁷ Джон Ван. Великая эпоха // www.epochtimes.ru/content/view/6658814.

⁸ *Захаров В.Е.* Наука в России и современном мире // Неэкономические грани экономики. Незнание взаимовлияние. М., 2010. С. 505.

⁹ Ядерная энергетика в Китае // translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&ei=sdTnUP6eBlrm4QTc.

¹⁰ *Изимов Р.* Китай лидирует по числу строящихся АЭС // www.regnum.ru/news/polit/1546980.html.

- ¹¹ Ядерная энергетика в Китае // translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&ei=sdTnUP6eBlrm4QTc.
- ¹² Ядерная энергетика в Китае // translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&ei=sdTnUP6eBlrm4QTc.
- ¹³ *Нуждин В.Н., Просвирнов А.А.* Новые технологии проектирования АЭС // www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=895.
- ¹⁴ Китай выторговал АЭС // Интерфакс-Китай [ryazgres.ru/kitay-vytorgoval-aes].
- ¹⁵ *Шингаркин М.А.* Ядерная катастрофа Земли // www.Liveinternet.ru/users/4195245/post15944126.
- ¹⁶ См. подр.: Космическая программа Китая — неопознанный космос // eliteastronomy.narod.ru/pr_china.htm.
- ¹⁷ *Островский А.* Будущее Китая решится в ближайшие две пятилетки // www.kapital-rus.ru/articles/article/181983.
- ¹⁸ *Муравьева М.* По уровню школьной грамотности Россия на 43-м месте. Наука и технологии РФ // www.strf.ru/material.aspx?Catalog=221&d_no=35624.
- ¹⁹ Динамическое регулирование инновационного процесса // egzt.ru/science/science_84.html?template=88.
- ²⁰ Британские ученые: Китай догоняет Америку в науке // Русская службаBBC [www.bbc.co.uk/russian/science/2011/03/110329_china_science.shtml].
- ²¹ Британские ученые: Китай догоняет Америку в науке // Русская службаBBC [www.bbc.co.uk/russian/science/2011/03/110329_china_science.shtml].
- ²² *Стремлау М.* Работа в Китае может стать лучшим вариантом для молодых американских ученых // Washington Post [translate.googleusercontent.com/translate_?depth=1&ei=c_yUKPwCMqL4A].
- ²³ См. подр.: Аргументы и факты. 2012. № 12. С. 38.
- ²⁴ Рейтинг лучших университетов мира 2011/2012 от Quacquarelli Symonds (QS) // e-educ.ru/240-reyting-luchshih-universitetov-mira-20112012-ot-quacquarelli-sy.
- ²⁵ Рейтинг лучших университетов мира 2011/2012 от Quacquarelli Symonds (QS) // e-educ.ru/240-reyting-luchshih-universitetov-mira-20112012-ot-quacquarelli-sy.
- ²⁶ См.: Российская газета. 11.09.2012.
- ²⁷ Пекинский университет (Бэйда) // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%E5%E8%E9%E8%E9_%F3%ED.
- ²⁸ Силиконовые (кремниевые) долины в странах Мира // www.rian.ru/economy/20100322/215804007.html.
- ²⁹ Силиконовые (кремниевые) долины в странах Мира // www.rian.ru/economy/20100322/215804007.html.
- ³⁰ *Пачиков С.* Кремниевая лихорадка // www.ogoniok.com/archive/1997/4486/034-24-3.
- ³¹ См. подр.: Шэньчжэнь // Shenzhen-club.ru/Shenzhen.
- ³² Цит. по: *Зотов Г.* Сердце дракона. Какой ценой Китаю достаются успехи в экономике? // Аргументы и факты. 2011. № 28. С. 13.
- ³³ Цит. по: *Зотов Г.* Сердце дракона. Какой ценой Китаю достаются успехи в экономике? // Аргументы и факты. 2011. № 28. С. 13.
- ³⁴ См. подр.: Свободная энциклопедия о Шэньчжэне // wikipedia.org/wiki/%D8/FD%FC%F7%E6%FD%ED%FC.
- ³⁵ См. подр.: Свободная энциклопедия о Шэньчжэне // wikipedia.org/wiki/%D8/FD%FC%F7%E6%FD%ED%FC.
- ³⁶ См. подр.: Свободная энциклопедия о Шэньчжэне // wikipedia.org/wiki/%D8/FD%FC%F7%E6%FD%ED%FC.
- ³⁷ См.: Шэньчжэнь Китай. — http://www.businessplus.ru/shenzhen_china.php.
- ³⁸ См.: *Зюзин А.* Чжунгуаньцунь — новый «Великий поход» Китая // www.kitairu.net/rus/articles/zuzin/8.
- ³⁹ *Соловьев Е. (Пекин).* Силикон по-китайски // Российская газета. 14.02.2011.
- ⁴⁰ *Островский А.* Китай у ворот // Экспертный портал Высшей школы экономики [www.opec.ru/1360274.html].
- ⁴¹ Безграмотность в России // www.tula-oblast.ru/news229.
- ⁴² *Ханин Г.И.* Высшее образование и российское общество // econom.nsc.ru/economy/archiv/ReadStatii/2008/Hanin/index.htm.

- ⁴³ Ханин Г.И. Высшее образование и российское общество // econom.nsc.ru/eco/archiv/ReadStatiy/2008/Hanin/index.htm.
- ⁴⁴ Источник: Education at a Glance 2009: OECD Indicators — OECD // www.education-medelle.com/articles/srednyaya-zarplata-uchitelej-v-raznikh-stranakh-mira.html.
- ⁴⁵ Как и где ценят ученых // Вопросник [voprosik.net/kak-i-gde-cenyat-uchenyx].
- ⁴⁶ Сколько зарабатывают профессора в Голландии // www.eurogates.ru/news/a/8101/zarplata-professora-v-gollandii.
- ⁴⁷ Рогов С.М. Российская наука: жертва рыночных реформ или движущая сила модернизации? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М.: ИНЭС, 2010. С. 488.
- ⁴⁸ Рогов С.М. Российская наука: жертва рыночных реформ или движущая сила модернизации? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М.: ИНЭС, 2010. С. 488–489.
- ⁴⁹ Рогов С.М. Российская наука: жертва рыночных реформ или движущая сила модернизации? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М.: ИНЭС, 2010. С. 492.
- ⁵⁰ Рогов С.М. Российская наука: жертва рыночных реформ или движущая сила модернизации? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М.: ИНЭС, 2010. С. 492.
- ⁵¹ Захаров В.Е. Наука в России и современном мире // Неэкономические грани экономики. Непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 513.
- ⁵² Некипелов А. Российская наука долго не протянет // forum.for-ua.com/read.php?1,940038,940357.
- ⁵³ Некипелов А. Российская наука долго не протянет // forum.for-ua.com/read.php?1,940038,940357.
- ⁵⁴ Захаров В.Е. Наука в России и современном мире // Неэкономические грани экономики. Непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 512.
- ⁵⁵ Щукин А. Технопарк догоняющего развития // nanonewsnet.ru/article/2010/tekhnopark-dogonyayushchego-razvitiya.
- ⁵⁶ Кузьминов Я., Юдкевич М. Университеты Китая: уроки «младшего брата» // www.examen.ru/main2/news_and_articles/articles/Chinese-Universities.
- ⁵⁷ Кречетников А. Российские ученые предупреждают о стагнации в науке // www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/10/111013_russia_science_funding.shtml.
- ⁵⁸ Кузьминов Я., Юдкевич М. Университеты Китая: уроки «младшего брата» // www.examen.ru/main2/news_and_articles/articles/Chinese-Universities.
- ⁵⁹ Некоторые аналитики утверждают, что строительство спортивных и иных престижных проектов улучшает статистические данные по развитию реального сектора экономики, который у нас находится в плачевном состоянии.
- ⁶⁰ Иванченко Р. Биржевый лидер // *Новости России* 09.06.2014.
- ⁶¹ Дмитриев М. // *Радио «Эхо Москвы»*. Передача «Кредит доверия». 30.07.2009.
- ⁶² Наукограды России // www.webkursovnik.ru/kartgotrab.asp?id=63534.
- ⁶³ Быкова Н.А. Наукоградам подправили статус // S&TRF (S&TRF — Наука и технологии РФ). 02.07.2009..
- ⁶⁴ Гаджимет Сарафалиев Г.К. От наукоградов — к технопаркам // www.marsiada.ru/357/723/765/2743.
- ⁶⁵ Комсомольская правда. 23.12.2012.
- ⁶⁶ Петраков Н.Я. Интервью «Свободной прессе» // www.onsmi.net/akademik-petrakov-oligarxi-stali-glavnymi-byudzhetnikami.
- ⁶⁷ Кагарлицкий Б. Маниловщина XXI века // *Столетие.ру*. 20.02.2013.
- ⁶⁸ Захаров В.Е. Наука в России и современном мире // Неэкономические грани экономики. Непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 513.
- ⁶⁹ Захаров В.Е. Наука в России и современном мире // Неэкономические грани экономики. Непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 515.
- ⁷⁰ См. подр.: *Никольский А.* Президент Порошенко запретил экспорт в Россию любой украинской военной техники // Vedomosti.ru. 18.06.2014.

РАЗДЕЛ VI

Китай и мир

Было бы даже странно, если бы фантастически быстрый рост Китайской Народной Республики остался без пристального внимания мировых политиков, экономистов, финансистов, политологов и СМИ. Как характер и душевные качества человека наиболее ярко проявляются в моменты тяжелых испытаний, так и жизнеспособность экономики страны и политической системы проходят проверку в период мировых катаклизмов. И то, что не бросалось в глаза до нынешнего мирового финансово-экономического кризиса, то стало очевидным с его наступлением. Например, Германия, имеющая самую мощную экономику на континенте, стала задавать тон в Европейском союзе, а ставший второй экономикой мира Китай, имеющий к тому же огромные валютные резервы, стал рассматриваться в западных столицах как страна, от которой почти в такой же мере, как и от Соединенных Штатов, зависит состояние мировой экономики. Во всяком случае, стоит Китаю в какой-то месяц снизить темпы роста, как тут же начинает лихорадить мировые биржи.

ГЛАВА 16

Что думают в России о Китае и его модели реформ

Насчет того, что думают россияне о Китае и тем более его модели реформ, существует большой разброс. Если говорить о большинстве россиян, то их представление о Китае рождается через товары, которые они покупают на рынках и в магазине, притом что товары с каждым годом становятся все более разнообразными и высокотехнологичными. Так, если в магазине компьютерной техники спросить, где произведены процессор, материнская плата или видеокарта, то продавец сначала посмотрит на тебя как на с луны свалившегося, а потом с иронической улыбкой скажет: «А где же еще? — В Китае!» При этом постепенно уходит в прошлое ошибочное, однако широко распространенное представление о том, что китайские товары низкого качества. И виновны в этом прежде всего наши «челноки», которые на китайских рынках выбирали (да и сейчас нередко выбирают) все, что подешевле, и что нередко производится кустарным или полукустарным способом.

Помнится, из Германии еще в далеком 1992 г. я привез летние кроссовки и не мог не отдать должное немцам за их высокое качество и удобную колодку. Но как-то случайно, отвернув «язычок», я увидел слова “Made in China”. А в 1997 г. в магазинах Шанхая и Пекина я уже видел одежду и обувь, мало чем уступающую по качеству немецкой, хотя и далеко не дешевую. Но правда и то, что, как это было в свое время с японской техникой, китайская техника под собственными брендами еще часто уступает по качеству той же японской или немецкой. Но это дело временное, поскольку китайцы очень быстро наращивают качество высокотехнологичной продукции собственных марок. *Попутно скажу об истории автозавода FAW (First Automobile Works — что значит «Первый автомобильный завод»)), который был построен с помощью СССР в 1953 г. в г. Чанчунь и который после глубокой модернизации теперь строит сборочные заводы в России и других странах, и производимые им легковые автомобили, грузовики, самосвалы, тягачи и другая спецтехника мало чем уступают японским и западным аналогам. Мы же собственное автомобилестроение фактически теряем. И вот парадокс истории! «Старший» (СССР) и «младший» (КНР) «братья» поменялись местами: он нам продает изделия промышленности и продукцию высоких технологий, а мы ему — в основном сырье и в постоянно сокращающихся объемах вооружения и технологии для «мирного атома», от которых он скоро вовсе откажется.*

Но наиболее полное представление о Китае имеют россияне приграничных с ним регионов, которые едва ли не чаще посещают Поднебесную, чем китайцы Россию. Об отношении китайцев к россиянам красноречиво говорит тот факт, что многие российские семьи, включая пенсионеров, продают свои квартиры и переезжают на постоянное жительство в приграничные китайские города, поскольку жизнь там намного дешевле. Дешевле продукты питания, квартиры, квартплата, транспорт и т.д. И при этом не жалуются на плохое отношение к ним китайцев. И уже немало россиян, в основном из приграничных регионов, успешно занимаются бизнесом в различных районах Китая.

Если же говорить о тех, кто в той или иной мере влияет на формирование образа Китая в России, то тут дело гораздо сложнее. Во вступительной части этой работы, а кое-где и по тексту я бегло говорил об отношении к Поднебесной некоторых наших авторов, здесь же я постараюсь дать более полную картину. Не касаясь, однако, политиков, поскольку политика РФ в отношении КНР вполне устоялась. В 2001 г. РФ заключила с КНР «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», мы являемся стратегическими партнерами, входим в ШОС и БРИКС, имеем обоюдную заинтересованность в развитии сотрудничества в экономической и гуманитарной сферах, в стабильных и долговременных добрососедских отношениях.

Большинство российских Китаеведов, и прежде всего ученых Института Дальнего Востока РАН, Института востоковедения РАН и ряда других центров синологии, о Китае говорят как о дружественной нам стране, с которой волею геополитического положения России мы обязаны иметь хоро-

шие добрососедские, если не дружеские, отношения и, по возможности, взаимовыгодное сотрудничество. Но в то же время указывают и на место Поднебесной в мире, и на особенности китайского менталитета. Во-первых, КНР как вторая в мире по экономической мощи держава, которая уже в ближайшие годы может догнать по этому показателю США, став по факту сверхдержавой, вряд ли будет сырьевую страну, какой по факту стала Россия, считать себе равной. Она будет стремиться и уже стремится быть самодостаточной во всем и, соответственно, не заинтересована вместе с нами разрабатывать новую военную или любую другую сложную технику, на что тщетно надеются некоторые наши чиновники. Во-вторых, в торгово-экономической сфере Китай способен упорно торговаться, пока не добьется решения в свою пользу. А если это сразу не удастся, то он будет ждать, пока, как говорится, плод не созреет. Так, повторюсь, он уже много лет ждал, пока мы не снизим цену на газ до выгодного для него уровня, хотя первоначально предложенная им цена фактически была ниже рентабельности. А китайцы ждать умеют, как уже говорилось выше, для них время не убывает, а прибывает, и ставить задачи они могут по не свойственным европейцам масштабам — на 50 и даже 100 лет вперед. Так, например, Дэн Сяопин в ходе беседы с представителями иностранных деловых кругов 3 октября 1984 г. сказал, что, начиная реформы, китайское руководство поставило задачу в четыре раза увеличить ВВП к концу XX века, а лет через 30–50 приблизиться к уровню развитых стран мира¹.

В-третьих, некоторые утверждают, что Китай использует международные организации, в том числе те, в которые входит Россия, прежде всего в своих целях. Утверждение небесспорное, но оно имеет место быть. Так, известный китаевед Вилия Гельбрас на вопрос корреспондента «Новой газеты» о целях создания ШОС ответил: «Китай добивается скорейшего превращения ШОС в единое интегрированное экономическое пространство. Для Китая ШОС — один из методов экономического отвоевывания тех пространств, которые, как Китай считает, ему принадлежали и раньше. То есть все вплоть до Балхаша. Этого же в Китае никто и не скрывает — внедриться туда, где они были. Утвердиться на Дальнем Востоке — во всем Приморском крае, на Сахалине... Китайцы считают это своей территорией. А также Казахстан и Киргизию. Согласитесь, Чингисхан, который провозглашен чуть ли не отцом нации, по разным преданиям, похоронен где-то у Байкала»².

А на вопрос корреспондента о том, кто кого потеснит там, где сталкиваются китайские и американские интересы, профессор Гельбрас ответил так: «У китайцев столько межличностных связей внутри, сколько у англосаксов никогда не будет. Что такое Китай? Если мы с вами встречаемся долгое время, общаемся, возникает особый элемент отношений — элемент полного доверия. Когда и я, и вы знаете, что в тяжелую минуту жизни есть неформальная организация, которая не даст вам пропасть. Такова китайская традиция — сообщества окружены тайной, проникнуть в которую нельзя. С этим невозможно тягаться. Разве англосаксы способны с подобным сравниться?»³

А с этим, наверное, можно и согласиться. Как говорят специалисты по Монголии, американский капитал там предпочитает действовать посредством китайских предпринимателей. Между прочим, я от российских предпринимателей слышал, что совместное с китайским предприятие раньше или позже станет китайским.

В-четвертых, как уже говорилось выше, если китайцы в чем-то не согласны с позицией своих партнеров, то они не обязательно сразу скажут «нет», а могут промолчать, кивнуть головой, и другая сторона может принять это за их согласие. Как говорят работающие в Китае наши предприниматели, подобную политику китайцы проводят и по отношению ко многим странам Африки и Латинской Америки, внимательно выслушивая «местных» и как бы соглашаясь. Часто последние принимают ее за поддержку, а то и за солидарность. Однако это просто «торговый трюк», позволяющий китайцам одинаково хорошо находить выгодную почву для сотрудничества со многими режимами, часто совершенно противоположными. В этом, возможно, как раз и проявляется стратагемный стиль мышления китайцев, на что обратил внимание известный китаевед академик РАН Владимир Мясников. «Само понятие “стратагема” (по-китайски чжимоу, моулюе, цзюэ, фанлюэ), — говорит он, — означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Интересна сама семантика этого понятия: бином “чжимоу”, например, одновременно означает и сообразительность, и изобретательность, и находчивость. Стратагемность зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной и дипломатической борьбы... На протяжении тысячелетий китайские полководцы составляли стратагемы для взятия крепостей и достижения успеха в военных кампаниях»⁴. И далее: «Стратагемы составляли не только полководцы. Политические учителя и наставники царей были искусны и в управлении гражданским обществом, и в дипломатии. Все, что требовало выигрыша в политической борьбе, нуждалось, по их убеждению, в стратегическом оснащении»⁵. Ученый приводит и некоторые изречения стратагемного характера: «извлечь нечто из ничего», «скрывать за улыбкой кинжал»; «в покое ожидать утомленного врага»; «на Востоке поднимать шум, а на Западе нападать»⁶. Ну и широко известное изречение Мао Цзэдуна: «Пусть два тигра дерутся, а обезьяны будут наблюдать за ними с холма».

Многие исследователи так или иначе затрагивали проблему стратагем. А сранителью недавно была даже защищена кандидатская диссертация по этой проблеме. Ее защищала Регзенова Дулма в Бурятском государственном университете (Улан-Удэ), и называется она «Исторический опыт стратагемности и принципа “мягкой силы” в социально-экономических реформах Китая»⁷. Из 36 известных стратагем она находит те, которые, по ее мнению, применялись при проведении реформ в той или иной области. При этом она указывает на примеры применения стратагем в сочетании как с «мягкой силой», так и «жесткой силой». «Жесткой силой» пользовался Мао Цзэдун и правитель Китая Цинь Шихуанди (250–210 до н.э.),

который объединил шесть воюющих между собой царств в единое централизованное государство, основал династию Цинь и стал именоваться императором. Он сделал для страны много хорошего: при нем строились дороги, каналы, современный облик приобрела Великая китайская стена, была введена стройная система управления государством. Но при этом он деспотично правил, был крайне жестоким. Он не ценил жизнь людей, приказал заживо похоронить 460 последователей Конфуция и сжечь конфуцианскую литературу. Цинь Шихуанди отмерил жизнь учрежденной им династии в 10 тысяч поколений, однако она приказала долго жить почти сразу после его смерти. Частая судьба деяний, основанных на костях людей!

Дэн Сяопин, по мнению Дулмы Регзеновой, пользовался стратегемами в сочетании с «мягкой силой». На мой взгляд, было и то и другое. Так, например, когда он принял решение применить войска для подавления выступлений студентов и молодежи на площади Тяньаньмэнь в начале июня 1989 г., это соответствовало стратегеме № 19 «вытаскивать хворост из-под котла» (то есть подавить бунт, мятеж и пр., пока он не разрастется). Но в действительности вряд ли Дэн Сяопин при этом ориентировался на ту или иную стратегию — стратегемный стиль мышления является частью национальной ментальности, а скорее даже архетипа (коллективное бессознательное). Поэтому пытаться привязать действие политика, дипломата или военного деятеля к той или иной стратегии скорее является натяжкой.

И все же большинство серьезных российских китаеведов считают Китай стратегическим союзником России и призывают других аналитиков не пугать россиян исходящей от него угрозой. Среди них — и уже упоминавшийся ученый ИВ РАН А. Кобзев, и весьма авторитетный российский китаевед, доктор исторических наук Яков Бергер. Его опубликованная в газете «Московский комсомолец» беседа с журналистом Михаилом Ростовским была названа «Нестрашный Китай». Там же были приведены слова великого реформатора нашего времени, превратившего перевалочный морской порт Сингапур в процветающее государство, Ли Куан Ю, который в ответ на вопрос МК о том, что можно ожидать от Китая, заявил: «В ближайшие 100 лет Китая не стоит бояться. Ему не нужны ни новые территории, ни конфликты с Америкой, Россией и вообще с кем-либо. Китай будет полностью сосредоточен на своем внутреннем развитии»⁸.

При всем уважении к Ли Куан Ю, давать прогнозы о политике того или иного государства — Китая, США или какой-то другой страны, которая может резко вырваться вперед в своем развитии, — на такой большой срок не представляется возможным. Так, стоявшая в стороне от мировых событий Япония, которая до революции Мэйдзи (1866–1869) фактически не имела промышленности, а основным оружием ее были лук, меч и конь, меньше чем за три десятилетия превратилась в сильное военное государство, вставшее на путь внешней агрессии.

То, что Россия и Китай являются дружественными странами, подчеркивалось и в ходе работы международной научной конференции, посвящен-

ной 30-летию реформ в КНР. Она проводилась в октябре 2008 г. в Москве в Институте Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН) при участии ученых крупнейших научных центров двух стран, общественных организаций, представителей властных кругов и бизнес-структур РФ, ее участниками также были ученые США, Германии и ряда других стран⁹. Там же состоялся «круглый стол» на тему «Путь Китая в будущее». Подводя итоги его работы, председательствовавший на нем заместитель директора ИДВ РАН А.В. Островский согласился с мнением большинства его участников, что китайская экономика более устойчива к нынешнему кризису и что будущее развитие мира во многом будет зависеть от будущего развития Китая¹⁰. (О развитии российско-китайского стратегического партнерства можно прочесть в работе нашего коллеги китаеведа Юрия Чудодеева «На глазах меняющийся Китай»¹¹.)

Некоторые российские авторы постоянно пугают наших сограждан Китаем, и это оказывает воздействие на какую-то часть населения, особенно в приграничных с КНР районах. Тот же В. Гельбрас на вопрос Русского журнала, верно ли утверждение известного американского политолога Сэмюэла Хантингтона, что Китай и Россия никогда не поймут друг друга и на стратегический союз не пойдут, ответил: «Хантингтон был совершенно прав... Китайцы нам многое в истории не простили и не простят. Китайцы прекрасно знают, что еще в царской России существовали планы раздела Китая... Железную дорогу строили исключительно для укрепления своих стратегических позиций. Китайцы все это прекрасно знают. Они помнят и то, что даже в Гражданскую войну между белыми и красными существовали идеи, как заставить Китай подчиниться. Была же идея завоевания Китая кавалерийскими корпусами»¹². И все в таком же духе.

Откровенно говоря, странно слышать подобное от китаеведа с большим стажем, который не может не знать, как вели себя по отношению к Китаю великие державы Запада и Япония, какие последствия имело насильственное распространение Британией опиума в Китае, с одной стороны, и кто активно содействовал появлению на политической карте мира централизованного и сильного государства — Китайской Народной Республики, с другой. Если следовать логике Гельбраса, то китайцы «не простили и не простят» практически все великие державы, в той или иной мере чинившие произвол на китайской земле. Да и нет в Китае антирусских настроений! Антияпонские — есть, о чем свидетельствуют и массовые антияпонские митинги, прокатившиеся по всему Китаю после возникновения конфликта вокруг спорных островов Дяоюйда (Сенкау)¹³. Там хорошо помнят о преступлениях японской военщины и не забыли о «нанкинской резне». Даже Бжезинский признал, что после распада СССР как наследника царской России у китайцев нет чувства мести к нашей стране. *(Были, конечно, и черные страницы в нашей истории, как, например, преступно организованная царскими чиновниками депортация китайцев из Благовещенска в 1900 г.)*¹⁴ Не свойственное русским людям антигуманное при этом поведе-

ние по отношению к жившим с ними рядом китайским семьям можно объяснить разве что животным страхом перед возможностью появления на русской территории отличавшихся особой жестокостью бойцов секты «ихэтуань» («Боксерское восстание»),громивших христианские храмы и нападавших на иностранцев.)

Журналист радио «Свобода» Михаил Соколов в ходе беседы с китаеведом, членом-корреспондентом РАН Василием Михеевым процитировал слова полковника в отставке, директора Института политического и военного анализа Александра Шаравина: «Совсем недавно, допустим, та же наша дружественная Китайская Народная Республика проводила совершенно беспрецедентные учения в приграничных округах — Пекинском и Шэньянском, в которых были задействованы мощные наступательные группировки войск, причем с переброской тылов и так далее. Они у нашей границы отрабатывали стратегическую наступательную операцию. Вот кто-нибудь хоть какую-нибудь реакцию наших властей видел по этому поводу или нет, хоть одно слово? Полная тишина. И я считаю, что это совершенно ненормальная ситуация, потому что на подобные вещи надо реагировать... Тезис о китайской экспансии совсем не безобиден и его как раз вполне можно было бы нашему обществу предъявить. Тем более, речь идет ведь именно не о военной угрозе, а вообще в целом об этой угрозе, и об угрозе утраты части нашего суверенитета, что вполне становится реальным в нынешней ситуации. Вообще-то Китай, практически, даже в последнем столетии, не один раз воевал со всеми своими соседями: Индия, Вьетнам, с нами даже два конфликта было. Любым этим провокациям всегда могла противостоять продуманная внешняя политика, которая позволила бы сделать из этого соседа действительно доброго соседа, а не страну с какими-то экспансионистскими устремлениями»¹⁵.

В ответ В. Михеев назвал вероятные мотивы проведения КНР таких учений, в том числе в северных районах страны. Во-первых, совершенствование вооруженных сил всегда проходит через учения, маневры и т.д. Имели место и российско-китайские учения, в целом Китай провел совместные военные учения более чем с десятью странами. Во-вторых, Китай беспокоит ситуация в Северной Корее, с которой он имеет 900-километровую границу, опасается за судьбу ядерного оружия в случае ухудшения там ситуации¹⁶.

Но, как мне представляется, военная угроза России со стороны Китая в данное время — это за рамками здравого смысла. И не только потому, что у Китая совершенно другая стратегия. Но и потому, что ракетно-ядерный потенциал России, по оценкам и наших, и зарубежных специалистов, как минимум раз в десять мощнее китайского. Специалист по военной проблематике академик РАН Алексей Арбатов, выступая по ТВ, допустил, что Китай в принципе мог бы в течение примерно десяти лет резко нарастить свой военный потенциал, но делать он этого не будет, в том числе и потому, что это сорвало бы его быстрый рост. Если серьезно и говорить об угрозе со стороны Китая кому бы то ни было, то это угроза «мягкой силы», военная тоже может быть, но в каком-то далеком будущем.

А вот что по поводу угрозы России со стороны Китая на вопрос корреспондента «Газеты» сказал заместитель директора Института российско-китайского стратегического взаимодействия Андрей Девятков: «Можно сказать, что Китай всегда представлял угрозу. Можно сказать, что никогда. Всегда — потому что это огромная страна с огромным населением, с чуждой цивилизацией, которая 300 лет спала. А теперь явно проснулась и демонстрирует свою совокупную мощь, с которой Россия не знает, как управляться. Когда Китай не спал, то есть до XVIII века, Россия потеряла целое Албазинское воеводство на китайском берегу Амура... Пока Китай спал, Россия отвоевывала Приамурье и Приморье, что Китай считает несправедливым»¹⁷. А на вопрос «У Китая есть стратегия возвращения Приамурья и Приморья?» Девятков ответил: «Нет, у Китая сейчас и на обозримую перспективу есть стратегия мирного освоения тех ресурсов, которые нужны для процветания китайского государства... Стратегия — это захват будущего. У Китая она есть. У него вершиной военного искусства является решение стратегических задач без применения военной силы. Поэтому китайская стратегия — это отдание противника в объятия дружбы, без применения силы, в мирное время. Китай так относится ко всем странам — и к России, и к США»¹⁸.

Можно соглашаться и не соглашаться, однако прислушаться к следующим словам А. Девятова, по-моему, стоит: «Нерчинский договор (договор от 1689 г., подписанный Московским царством в условиях окружения сравнительно небольшого русского военного гарнизона маньчжурской конницей, сыгравшей важную роль в завоевании Китая. — А.К.) проводит границу по Становому хребту. В сознании китайцев все то, что к югу от него: БАМ, Удокан, Чара и их природные богатства от нефти и газа до руд и леса, — все это пребывает в стратегических границах китайских интересов. Стратегия Китая предполагает, что эти ресурсы следует считать надежным ресурсом китайской фабрики XXI века. Но так, чтобы избежать положения, при котором сегодня Россия хочет поставлять, а завтра не захочет»¹⁹.

И в подтверждение сказанному выше делается предположение, что Китай скоро откажется от закупок нашей военной техники. «Военно-техническое сотрудничество свертывается, — говорит Девятков. — Что хотели, они уже получили: космическую программу, пилотируемый корабль за 80 млн долларов при стоимости по меньшей мере 80 млрд долларов... Китайцы уже собрались на Луну. Все это советские технологии, отданные за гроши»²⁰. А вот тут, на мой взгляд, немалая доля преувеличения — китайцы добились такого уровня в инновационной сфере, что уже могут делать много такого, чего не можем делать мы, поскольку уже более двадцати лет живем в основном на советском наследии, которое уже окончательно иссякает.

Ну и нельзя не сказать об Александре Храмчихине, заместителе директора Института политического и военного анализа (то есть А. Шаравина). Он нас пугает постоянным ростом военных расходов Китая. И какие цифры он приводит? В 2001 г. они составляли 17,4 млрд долларов, а к 2009 г. дос-

тигли 70,2 млрд долларов. Но, во-первых, указанная сумма составляет менее одной десятой военных расходов США, численность населения в которых более чем в четыре раза меньше, чем в Китае, и примерно равна нынешним военным расходам России, население которой в десять раз меньше, чем в Китае, а ВВП по ППС — в 5–6 раз меньше. (В 2012 г. ВВП по обменному курсу в Китае составил 8,28 трлн долларов, а в России — около 2 трлн долларов.) А ведь США уже давно объявили своим потенциальным стратегическим соперником КНР. Как говорит директор Института США и Канады РАН академик РАН Сергей Рогов, «у Китая есть МБР, но пока мало: штук 50–75. Обама нам не слишком угрожает, по крайней мере в настоящее время, а Китаю — очень сильно. Стратегические перехватчики ПРО США размещаются на Тихом океане, на Аляске и в Калифорнии. Там же 90% американских кораблей, оснащенных ПРО морского базирования. Там же — 8 из 14 стратегических подводных лодок. Это против кого? Конечно же, против Китая»²¹.

Но Китай учится у истории, понимая, что чем выше военные расходы, тем ниже темпы роста производства страны и — наоборот. Поэтому он не пытается сравняться по военному потенциалу с Америкой, а придерживается «принципа достаточности»²². «Экономическое чудо» в Западной Германии и Японии произошло не в последнюю очередь потому, что их военные расходы составляли в пределах 1% ВВП. Тот же С. Рогов говорит, что темпы роста США напрямую зависели от роста военных расходов. При президенте Клинтоне они снизились с 6 до 3% — и экономика пошла в гору, увеличились при президенте Буше-младшем до 5% — и в экономике стали накапливаться проблемы, приведшие к финансовому кризису²³.

Есть значительная часть россиян, прежде всего из интеллигенции демократических и либеральных взглядов, которые в упор не хотят видеть феноменально быстрый прогресс Китая. Одних пугает давно потерявшее подлинный смысл словосочетание «коммунистический Китай», другие по своей ментальности «западноцентричны». Последних вообще не интересует Восток, и, даже будучи видными экономистами или финансистами, они практически никогда не обращаются за опытом и к его самым успешным странам. Даже такой трезвомыслящий человек, как Михаил Хазин, которого я часто цитирую, уходит от того, чтобы в чем-то сравнивать развитие России и Китая. А его коллега по компании экспертного консультирования НЕОКОН экономист Олег Григорьев даже позволяет себе дискредитирующие его самого высказывания, которые, возможно, имеют какое-то отношение к советской экономике, но не имеют никакого отношения к экономике Китая. Говоря якобы о тяжелом положении экономики Китая с наступлением мирового финансово-экономического кризиса, он говорит: «Ну смотрите. Мы можем поддерживать производство, да, мы можем работать на склад. Мы можем месяц работать на склад, у нас производство будет расти. Да, по отчетности у нас будет расти производство. Второй месяц работать на склад, третий месяц работать на склад, да? Ну, до тех пор, пока не кончатся деньги, пока не кончатся запасы полуфабрикатов. Все. После

этого мы прекратим работать на склад. Дальше встанет вопрос: а что делать с тем, что накопилось на складе? Если мы начнем это распродавать, то мы долго будем это распродавать... Вот то, что происходит в Китае, это не удивительно, и я бы тут особого энтузиазма по этому поводу не проявлял. Да, они пытаются. Но, на самом деле, Китай ждет: вдруг что-нибудь произойдет, вдруг Америка восстановится, вдруг еще кто-то восстановится»²⁴.

И очень жаль, что и люди, душой болеющие за нынешний упадок России, не понимают, как много ценного в деле создания условий для нормального социально-экономического и научно-технического развития нашей страны они могли бы получить, изучая особенности переходного периода Китая, Индии, Южной Кореи, других успешных стран Востока. Такого опыта не найти на Западе! Они переходный период давно завершили, а люди тех поколений уже не у дел или ушли на вечный покой, а нынешние поколения, насколько я могу судить по опыту общения с их представителями, думают, что то, что у них есть сегодня, было всегда. На опыте Японии, Южной Кореи и Китая стало бы ясно, что только крупные корпорации, а в первых двух странах — промышленно-финансовые группы, способны совершить прорыв в новое качество экономики. И только потом откроется перспектива роста для малого и среднего бизнеса. Имеющие сильное влияние в определении экономической позиции России либералы хотели бы ликвидировать крупные корпорации, ссылаясь на то, что в западных странах господствующие позиции занимает средний и малый бизнес. Что тоже неверно, поскольку, если взять только США, то никуда не делись такие гиганты, как General Motors, Caterpillars, Chrysler, General Electric, IBM, Boeing, Dow Chemical и многие другие.

Картину китайских реформ в кривом зеркале дают либералы-западники, прямо либо косвенно причастные к разрушительным российским реформам. Их логика понятна. Они пытались и до сих пор пытаются доказать российскому обществу, что начатые командой Е. Гайдара — А. Чубайса радикально-либеральные реформы были единственно возможным путем перевода государственно-плановой экономики России на рельсы рыночного развития, и пример Китая для них, прошу прощения за грубость, подобен красной тряпке для разъяренного быка. Так, в статье под названием «20 потерянных лет. Памяти академика Д.С. Львова» академик РАН Сергей Глазьев писал: «Если бы не китайское экономическое чудо, наивным людям можно было бесконечно “вешать на уши лапшу” о безальтернативности нынешней экономической катастрофы в России. Но китайские реформы почти в точности соответствовали рекомендациям российских академиков. Там тщательно изучали не только причины провалов СССР и СНГ, но и работы российских ученых, которые были частыми гостями в китайских научных институтах и коридорах власти. В Пекине к ним относились куда с большим вниманием, чем в Москве... Примитивные постулаты Вашингтонского консенсуса: либерализация, приватизация, стабилизация путем жесткого административного ограничения денежной массы — стали «символом веры» рос-

сийских реформаторов... Пора признать очевидное — проводившаяся все постсоветские годы политика реформ основывалась на утопических идеях рыночного фундаментализма, который по своей сути не что иное, как наукообразная религия, современный культ Золотого тельца»²⁵.

Не требующий представления Евгений Примаков подчеркивает, что наши либералы, точнее, псевдолибералы, не только не признали свою вину за развал экономики и бедствия, которые при этом понес народ, а продолжают восхвалять реформы 90-х. Либералами, как он пишет, «отвергалось буквально все — не только то, что подлежало отторжению, но и целый ряд механизмов для научно-технических и экономических достижений, позволивших мобилизовать ресурсы для решения задач модернизации. В начале 90-х гг. псевдолибералы призывали государство вообще уйти из экономической жизни. Это привело к тому, что появилась группа лиц, присвоивших при антинародной приватизации природные богатства страны, ее экономический потенциал и претендовавших на власть в России. В результате российская экономика потеряла за 90-е гг. больше, чем за время Второй мировой войны»²⁶. Что же, однако, наши либералы говорят о китайских реформах?

Во-первых, они не признают рыночного характера китайской экономики и утверждают, что КНР в принципе не может создать инновационную экономику. Наиболее ярким представителем этого направления является бывший министр экономики России начала 90-х гг., научный руководитель Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), президент фонда «Либеральная миссия» профессор Евгений Ясин. В своих передачах «Тектонический сдвиг» на радиостанции «Эхо Москвы» и по другим СМИ он убеждает слушателей (а иногда и телезрителей) в том, что в Китае нет конкуренции, а та, что есть, идет по приказу сверху и так же легко может быть свернута властями. Что Китай не сможет создать инновационную экономику, потому что «на сегодняшний день свойства китайской культуры таковы, что к самостоятельному производству инноваций, серьезных, крупных, страна не готова. И это связано, с моей точки зрения, с традициями бюрократического управления в Китае. Которые пытался разрушить Мао Цзедун посредством культурной революции (sic!), но в конце концов сегодня это все восстанавливается»²⁷. И это несмотря на то, что выступающий его оппонентом хорошо знающий Китай Я. Бергер доказывает ему обратное. Это при том, что при той же конфуцианской культуре разоренная войной бывшая японская колония Южная Корея вошла в число развитых стран, как Сингапур и Тайвань.

Об этих более чем странных представлениях о Китае и конфуцианской культуре явно давно отставшего от жизни профессора можно было бы и не говорить, если бы он посредством СМИ не вводил в заблуждение людей, не знающих реальной обстановки в Китае. Впрочем, может быть, дело тут не столько в незнании, сколько в предвзятости президента фонда «Либеральная миссия», который вознамерился доказывать нашим гражданам, что только возврат к политике 90-х может открыть перед Россией будущее.

Не случайно по телеканалу либеральной ориентации «Совершенно секретно» в январе 2013 г. несколько раз повторялась его передача, в которой среди всех реформаторов новейшего времени самым выдающимся он назвал Е. Гайдара, а о Дэн Сяопине сказал вроде того, что его модель реформ была основана на нашем нэпе. Не случаен и пиетет в адрес соратника Гайдара по шокowym реформам А. Чубайса. Так, когда речь зашла о нанотехнологиях, возможных применения которых в не имеющей ни современной промышленности, ни развитого инновационного сектора России, весьма ограничены, Ясин сказал: «У меня, честно говоря, такое ощущение, что у нас пока есть единственная надежда — это нанотехнологии, и то только потому, что за это дело взялся Чубайс»²⁸.

Во-вторых, либералы предрекают неизбежный крах китайского режима, если он не станет на путь демократии, естественно, западного образца. Так, в интервью газете «Комсомольская правда» руководитель Института современного развития (куратором которого стал тогда президент М. Медведев) Игорь Юргенс посетовал на то, что в России есть мощные силы, сопротивляющиеся модернизации. А когда ему сказали, что есть разные модели модернизации, например, китайская, то он ответил: «Зачем нам чужая? Китайская повторяет сталинскую, у нее просто несколько другой человеческий облик. Да, при культе личности государство делает рывок вперед. Какой ценой, не будем обсуждать (хотя цена чудовищная!). Но личность уходит. Приходят серенькие люди. Без гражданских институтов они закупоривают систему, и она падает. Это произошло с СССР, боюсь, произойдет и с КНР»²⁹. На деле произошло бы гораздо раньше, если бы взяла верх политика «китайского Горбачева» — тогдашнего генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяняна, направленная на демократизацию политической системы.

То, что Юргенс говорит о ситуации в нынешней России, когда построенная бывшими силовиками, не имеющими большого опыта государственного управления, властная вертикаль блокирует нормальное развитие страны, больших возражений не вызывает. (*Хотя цена радикально-либеральных реформ в конечном итоге может оказаться еще страшнее.*) Но что касается суждений о Китае, то они обнажают его полное незнание реальной обстановки в этой стране и большой дефицит знаний исторического и общественного характера. Дэн Сяопин сумел заложить основы функционирования государства, когда практически невозможен ни культ личности, ни приход во власть «сереньких людей», от чего, между прочим, не застрахованы и старые демократии. Их немало в нынешней Европе, не сумевшей вовремя предотвратить углубление финансово-экономического кризиса, что привело к разрастанию безработицы и неизвестным мирному времени бедствиям миллионов людей. Да и президент США Буш-младший, инициировавший две плохо продуманные, по сути, провальные военные операции в Ираке и Афганистане, был отнюдь не титаном мысли.

Но дело даже не в этом. Юргенс, как и многие его либеральные коллеги, к большому удивлению, не понимают, что представительная демократия —

это институт довольно высокого уровня развития общества. В обществе, массовое сознание которого носит авторитарный и вождистский характер, как и в бедной и нищей стране, демократия с трудом приживается, если приживается вообще. Причем даже там, где уже были созданы гражданские институты: многопартийность, свободная пресса, свободные выборы и т.д., как в России в начале 90-х. Наши либералы, очевидно, даже не задаются вопросом: почему ключевые посты во власти в постсоветской России заняли бывшие работники КГБ, других силовых структур, которых учили чему угодно, но только не демократии?

Ответ лежит на поверхности. Потому что демократические силы России оказались очень слабыми, они сделали ставку на бывшего карьерного партократа Бориса Ельцина, который в конечном итоге их предал. Для основной же массы населения демократия еще не стала, да, пожалуй, и не могла стать приоритетной ценностью в условиях голодных 90-х. Притом грабительские реформы, проходившие под флагом борьбы за демократию, сильно дискредитировали само слово «демократия». *(Так, в июле 2009 г. Институт социологии РАН провел всероссийский опрос населения. Лишь у 10,4% (!) опрошенных слово “демократия” вызвало положительные чувства. У подавляющего большинства населения оно оказалось синонимом воровства, коррупции, национального унижения, а либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной в общественном сознании населения нашей страны, что уже к концу 1990-х годов масштаб эмоционального неприятия либеральных ценностей создал реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму³⁰.)* Можно напомнить, что в развитой Германии в годы Веймарской республики (1919–1933) существовали гражданские институты, но в условиях кризиса и массовой нищеты они не помешали приходу к власти Гитлера. А И. Юргенс пеняет китайскому руководству за отсутствие демократии западного типа, очевидно, не зная, что к началу реформ китайское общество на 70% было крестьянским и до крайности нищим — по словам Дэн Сяопина, ВВП на душу населения в 1980 г. составлял всего 250 долларов в год.

Вообще-то, неплохо бы многим нашим либералам пройти курсы ликбеза, чтобы узнать, что становление демократии — это долгий и сложный процесс. Что исторически не демократия тортила путь социально-экономическому развитию, а как раз наоборот. Так, и после принятия демократической конституции в США в 1787 г. еще около 100 лет афроамериканцы находились в рабстве, а на родине парламентаризма, в Англии, после Великой английской революции (1642–1649) еще около 200 лет демократия была «куцей», поскольку избирательное право резко ограничивалось имущественными, образовательными и другими цензами. В XIX в. правом избирать и быть избранным в парламент пользовалось менее 10% взрослого населения. А женщины вообще еще долгое время были лишены права участвовать в выборах, в Швейцарии, например, они его получили лишь в 1959 г. И только на довольно высоком уровне развития производительных сил,

роста жизненного уровня граждан, изменения характера массового сознания и многолетней борьбы передовых сил общества демократия стала принимать тот облик, который она имеет сегодня.

Есть свежие примеры того, как выросшая на эмоциях борьба за демократию может отбросить страну в прошлое. Так, борцы против авторитарных режимов в Тунисе и Египте, добившись ухода со своих постов президентов-диктаторов, стали требовать немедленной смены всех существовавших властных структур и проведения уже в ближайшее время «честных выборов» в новые органы власти. В чем их активно поддерживали либералы Евросоюза. Но история свидетельствует: резкий разрыв с прошлым редко идет на пользу народу и стране. Знали бы они вещи слова российского философа Николая Бердяева, что революция ничего не меняет в сложившихся в веках устоях, для этого требуется длительный период просветительской работы лучших умов общества с целью изменения характера массового сознания, возможно, вели бы себя по-другому. Хотя вряд ли — нужен собственный опыт. При этом деятели «арабской весны» свое влияние в обществе сильно переоценивали, а настроением основной массы населения, похоже, и не интересовались. И когда в ходе «честных выборов» за них проголосовало незначительное число избирателей, а преобладающее большинство голосов получили исламистские партии, они пришли в ярость, а потом и развернули массовые движения протеста. Молодые арабские революционеры, по-видимому, не знали, что родившееся в Древней Греции слово «демократия» означает власть народа и, следовательно, без народа ее построить нельзя. С этой точки зрения более рациональным и исторически прогрессивным был бы путь борьбы за демократизацию существовавших светских режимов, а не требования их ухода с политической арены без учета того, кто им придет на смену. А в Египте, наверное, им не следовало бы воевать и с армией, которая была гарантом существования светского режима. (В конечном итоге она им и стала, когда в июле 2013 г. свергла дискредитировавший себя в глазах народа исламистский режим Мохаммеда Мурси. Кстати сказать, и в Тунисе пришедшая к власти как следствие «жасминовой революции» исламская партия «Ан-Нахда» на парламентских выборах в октябре 2014 г. потерпела поражение, уступив место светской партии «Нидаа Тунис». И в ходе президентских выборов в декабре того же года президентом страны стал светский политик Беджи Каид Эс-Сибси.) Как показывает исторический опыт, авторитарные как светские, так и военные режимы способны эволюционировать в сторону демократии в универсальном ее понимании, в то время как «идеологические режимы» (основанные на абсолютизации религиозного, национального или социального начала) имеют гораздо большую устойчивость, поскольку у них есть своя модель общественного устройства. Что же касается исламистов, то они нередко стремятся навязать обществу средневековые устои.

Увы, политический утопизм — это не только удел арабской революционно настроенной молодежи. Институт современного развития (ИНСОП) соз-

давался для того, чтобы своими разработками помогать президенту Медведеву осуществлять объявленный им курс комплексной модернизации страны. Однако то, что выходило из-под пера команды Юргенса, не только не помогало президенту, но и вызывало протест в научном сообществе и политическом классе и не увеличило сторонников президента, а скорее множило число его противников. Так, в подготовленном в ИНСОР докладе за подписью Юргенса и экономиста Евгения Гонтмахера «Россия XXI века: образ желаемого завтра» были четко обозначены пиетет в адрес «героев» 90-х и извечная мечта либералов-западников сделать Россию копией нынешнего Запада. Но не было рекомендаций по части путей, методов, средств и последовательности принимаемых мер для проведения модернизации. И уже просто удивляет требование авторов доклада сначала создать демократические институты, а потом проводить модернизацию. Ибо встает вопрос: кто это будет делать, если такая политика не находит поддержки большинства и в правящем классе, и в обществе? И конечно же прав академик В. Полтерович, когда говорит, что всех предпосылок для проведения модернизации можно и не дожидаться, надо делать то, что можно реализовать в данный момент.

В заключение отметим следующее. Если оставить в стороне тех, кто не приемлет реформы в Китае по политическим или идеологическим соображениям, а говорить об испытывающих страх перед нашим восточным соседом-колоссом, то было бы неправдой утверждать, что все это только плод чьих-то болезненных фантазий, фобий и пр. Или злых умыслов наших «профессиональных западников», которые, пугая общество Китаем, хотели бы направить внешнюю политику России исключительно в сторону Запада и в первую очередь США. На деле многих россиян пугает то, что Китай фантастически быстро растет, а Россия продолжает деградировать. Когда спросили одного нашего предпринимателя, имеющего бизнес в Китае, что на него производит наибольшее впечатление в этой стране, он, не задумываясь, ответил: огромная масса людей. Другие живущие в Китае или часто там бывающие говорят о невероятно быстром росте страны: то, что у нас строится годами, у них создается за несколько месяцев. Заводы, фабрики, технопарки и целые города вырастают, как грибы после дождя. Китайцы гордятся тем, что заняли первое место в мире по протяженности скоростных железных дорог и второе место — по шоссейным дорогам, что в рекордный срок построили имеющие большое хозяйственное значение высокогорную дорогу в Тибет и самые длинные мосты через китайские заливы. Наша же официальная пропаганда предметом гордости страны считает то, что Россия стала хозяйкой зимней олимпиады в Сочи и мирового первенства по футболу в 2018 г., в то время как по опросам, проведенным в конце 2012 г. «Левада-Центром», 67% респондентов приоритетными считают социальные проекты, 62% — экономические и лишь 15% — престижные³¹.

Удручающее впечатление на жителей приграничных с Китаем районов производит контраст между возникшими практически на голом месте утопающими в зелени современными городами, прекрасными дорогами на ки-

тайской стороне и убожеством всего и вся на нашей стороне. И кардинально изменить эту ситуацию в обозримой перспективе практически невозможно, поскольку наш Восток в постсоветские годы не только деградировал в промышленном отношении и в области инфраструктуры, но и практически безвозвратно потерял наиболее образованную и активную часть населения. При нынешнем дефиците кадров и подмене мобилизующего народ социального идеала культом денег рассчитывать на компенсацию потерь специалистов и квалифицированных рабочих в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке за счет центральных районов страны нереально.

Однако создается впечатление, что власти не вполне осознают масштабыности и трудности решения задачи возрождения и дальнейшего развития этого региона. Только в мае 2012 г. было создано Министерство РФ по развитию Дальнего Востока, а в ноябре президент уже отчитывал его работников за медлительность в развертывании деятельности. В начале 2013 г. Минэкономразвития подготовило государственную программу «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», которая предполагала бюджетные расходы в размере 5,7 трлн рублей. Председатель правительства Д. Медведев, однако, поручил исключить из программы «фантастические суммы» и привести расходы в соответствие с бюджетными лимитами. В результате на первые пять лет было выделено 586,5 млрд рублей. Если разделить эту сумму на 5 лет и выразить ее в долларах (по курсу на начало марта 2013 г.), то получится весьма скромная сумма — примерно 3,8 млрд долларов на каждый год. На такие средства можно было бы лишь поддерживать уже созданную промышленную базу и инфраструктуру огромного региона. Ведь на одну дорогу из Сочи до горнолыжной базы на Красной поляне ушло 10 млрд долларов и в несколько раз больше — на обустройство острова Русский для проведения саммита АТЭС.

Выше я уже писал о тревожных сигналах относительно ситуации на Дальнем Востоке, которые звучали в ходе дискуссии ученых и специалистов в «Парламентской газете». С тех пор прошло несколько лет, а практически ничего не изменилось, а если и изменилось, то, скорее, в худшую сторону. Вот видение ситуации на исходе 2012 г. известного китаеведа доктора исторических наук Алексея Маслова. В сущности, он указал на то, что было многим из нас известно и раньше. «Я не увидел здесь надежды на будущее в бытовом сознании людей, — констатирует он. — Все на уровне собственного выживания. Самое страшное, что нет видения, как будет выживать регион... Колоссальное превалирование частных интересов над государственными. Это прослеживается в работе таможенных российско-китайских переходов, в деле строительства моста через Амур. Поражает колоссальное количество частного бизнеса, которым нафаршированы российско-китайские отношения. Частный бизнес хорош на уровне небольших контрактов и перевозки товаров. Но контроль за всем этим должен быть государственным. То, что происходит с Благовещенской таможней, это вооб-

ще — нонсенс. Таможня арендует служебные помещения у частного лица. Это, на мой взгляд, разрушение идеи границы и логики развития государства. Таможня в частном помещении — это страшно... Государство сдало то, что нельзя категорически... Что получается? На китайском берегу Амура присутствуют государственные интересы и государственная поддержка, на нашем берегу картина иная. Наши предприниматели противостоят нажиму государственной машины Китая. Ситуация просто невозможная... Беда в том, что благосостояние многих жителей Благовещенска зависит от благосостояния китайского города Хэйхэ, а не от процветания родного Благовещенска. Так выстроена модель пограничной жизни. Начиная от общепита — русского борща в Благовещенске поесть проблематичней, чем китайской кухни. И заканчивая бизнесом, который у многих завязан на Китае»³².

Так ведь это прямое следствие многолетней экономической политики наших властвующих либералов, которые исповедовали принцип: есть бизнес и есть рынок, они и разберутся, что строить и где строить. Понятно, что создавать производства за тысячи километров от центральных регионов России, да еще и при отсутствии нормальной инфраструктуры, бизнесу не выгодно, он их и не создавал, но успешно занимался экспортом необработанной древесины, другого сырья, рыбной продукции и пр. А. Маслов прав и тогда, когда говорит, что «люди всегда стремятся туда, где выгодней и где больше денег. Винить их в этом глупо. Если приграничный китайский санаторий стоит в несколько раз дешевле, чем в Хабаровском крае, большинство, конечно, поедут туда, где дешевле. А тот факт, что электроэнергия и нефть, например, продаются в Китае дешевле, чем на российском рынке, говорит о том, что России нужно прорваться в Китай. Но прорыв ради прорыва смешон. Какие политические дивиденды мы получаем от этого? Никаких! ... Нам нужно максимально демпинговать для своего дальневосточного потребителя. Это невыгодно экономически? Может быть. Но если мы хотим сохранить регион, то это делать необходимо. Дороже будет, когда сюда в массовом порядке пойдет китайское население. Категорически нельзя получать выгоду из россиян, которые живут здесь, на Дальнем Востоке. Надо делать так, чтобы здесь электроэнергия и коммуналка были значительно дешевле»³³. Ну а то, что везде царит запустение, простите, бедлам и неуважение к собственным гражданам, — так на этот счет есть немало свидетельств.

Маловероятно, что на восток России пойдет наш промышленный частный бизнес. Как маловероятно и то, что Китай будет помогать нам создавать там промышленный потенциал. Он готов вкладываться только в наше сырье, а несколько совместных проектов в области высоких технологий были созданы только потому, что не мы, а он был заинтересован в лазерных и некоторых других наших технологиях. По вопросу о том, как лучше развивать тот регион — посредством Министерства РФ по развитию Дальнего Востока или государственной корпорации — генеральный директор «Экономической экспертной группы» Александр Андряков говорит: «Можно и без дополнительных структур решать задачи, если их четко осознать. Ос-

новая проблема региона — удаленность и оторванность от европейской территории России и концентрация китайцев на Дальнем Востоке и как нации, и как бизнеса»³⁴. От себя добавлю: удаленность и оторванность нашего Востока от центральной России произошла оттого, что мы тратили огромные средства не на строительство скоростных шоссейных и железных дорог, как делал и делает Китай, а на третьестепенные и далекие от интересов народного большинства цели. Может быть, еще не поздно начать строить современные дороги с запада на восток нашей страны?

Где на это найти деньги? Ответ дают организации, занимающиеся проблемой коррупции. Если действительно начать серьезную борьбу с коррупцией, оборот которой у нас держится на уровне 300 млрд долларов в год, то вороватые чиновники несколько убавят свой аппетит, а госбюджет получит десятки миллиардов долларов. У нас ведь едва ли не каждая крупная госбюджетная стройка обрастает коррупционными скандалами и обходится раза в два дороже, чем аналогичный объект в странах Запада, и во много раз дороже, чем в Китае. Ответ давал и академик Н. Шмелев: «У нас ни один серьезный инвестор, как говорится, «не нагнется», ежели ожидаемая прибыльность его бизнеса будет ниже 100% годовых, а в ряде важнейших отраслей, она, бывает, достигает и 500 и более процентов в год... От конечной продажной цены добытой нефти король Сауд (т.е. государство) получает 90%, добывающим компаниям идут лишь остальные 10%, и они счастливы. В Норвегии государству идут 80%, компаниям — 20%, и они тоже счастливы. У нас же это соотношение хотя и колеблется, но все время, похоже, имеет тенденцию к смещению в пользу компаний»³⁵. А еще надо вводить прогрессивный налог и сокращать расходы на непомерно раздутый, но крайне неэффективный государственный аппарат и положить конец баснословно высоким доходам высших управленцев государственных компаний.

Что думают в Китае о России — эта проблема автором данной работы не исследована. Если, однако, сказать очень коротко, то в Поднебесной сейчас мало знают о России, несмотря на регулярное проведение «Года России в Китае» и «Года Китая в России», «Года русского языка в Китае» и «Года китайского языка в России», «недель культуры», разного рода выставок и т.д. Все это направлено на создание благоприятного образа России в Китае и Китая в России. Из того поколения китайцев, которое училось в СССР или проходило производственную практику и воспитывалось на дружбе двух народов и двух стран, мало осталось в живых. Но у оставшихся нередко остались и теплые чувства по тем временам. Например, Цзян Цзэминь, инженер-электрик по образованию, проходивший производственную практику на Автомобильном заводе им. Лихачева в Москве в 1955–1956 гг., не только хорошо говорит по-русски, но и знает русские песни и при случае может их прекрасно спеть, благо природа его наградила хорошим голосом и музыкальным слухом. О нем говорят не только как о выдающемся политике, но и как о высокообразованном человеке, знающем несколько иностранных языков, играющем на многих музыкальных инст-

рументах. О нем как о яркой личности говорили встречавшиеся с ним руководители наших СМИ в передаче на «Эхо Москвы». Об этом же говорил и доктор исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН С. Лузянин.

О нынешней России китайцы мало знают потому, что она не представлена тем, с чем ежедневно сталкиваются китайцы, — товарами широкого спроса. Там нет практически ничего с торговой маркой «Сделано в России». Ныне не славится наша страна ни высоким уровнем образования, ни достижениями в медицине, ни тем более в сфере высоких технологий. Мы в глазах большинства китайцев — отсталая по сравнению с Западом страна. Молодежь стремится овладеть английским языком и при первой же возможности поехать учиться в США, Великобританию, Австралию, Канаду. Резко сократилось число факультетов в вузах, где раньше изучали русский язык. Как это ни при­с­корбно признавать, мы китайцам стали малоинтересны.

Уже не раз упоминавшийся Владимир Невейкин, которого в СМИ представляют как директора программ «Восточная школа» ИВ РАН, в статье «Что думают китайцы о современной России» пишет: «Начнем с того, что большинство китайцев (особенно молодого и среднего поколения) о России вовсе не думает. Для них «внешний мир» — это США, Западная Европа, Латинская Америка и даже Африка, но никак не Россия и другие страны СНГ. На вопрос о России некоторые могут вспомнить о СССР (социализм!). Или о военной технике (Ми Гал). А так в сознании большинства китайцев нынешняя Россия находится на какой-то периферии мирового развития и видной роли в нем не играет. Она (Россия), по большому счету, им не интересна. Ни как генератор новых научно-культурных ценностей, ни как источник социально-экономического опыта. Распространению позитивного отношения к России не способствуют и те граждане КНР, которые вовлечены в тесное экономическое сотрудничество с нашей страной. Да, как рынок их товаров и услуг Россия им интересна (практически все готова покупать, так как ничего сама не производит, кроме нефти и газа). Но как цивилизационный феномен вызывает у них сильное отторжение. Практически все уверены, что в России нет государства в общечеловеческом понимании этого слова. А в стране «правят» криминальные группы, которые внешне пытаются походить на государственных чиновников»³⁶. Китайцы называют многочисленные места, где их наши «государевы люди» и разного рода жулики обирают. А когда говоришь им, отмечает Невейкин, что наши власти обо всех этих безобразиях осведомлены, только не знают, «как все наладить правильно», то китайцы недоумевают: по их мнению, «для цивилизованных народов, владеющих основами государственного строительства, «наладить» работу чиновников и соответствующих служб на приемлемом уровне хотя и сложная, но совсем не исключительная задача»³⁷.

Есть и критические высказывания по поводу наших «уникальных» реформ и плачевного состояния нашей экономики со стороны ученых, прежде всего из Гонконга. Так, например, профессор школы экономики и финансов Гонконгско-

го университета Сюй Чэнган заявляет, что созданная в России система подавляет конкуренцию, не способна навести порядок в обществе, развращает молодое поколение, порождая в нем «низменные желания материального благополучия и удовольствий», и с этим трудно не согласиться. Он считает, что в России нет современной промышленности, и если бы у нее не было нефти, то она «была бы одной из наиболее нищих стран мира»³⁸. И то, что мы, вместо строительства современных дорог, портов, аэропортов, модернизации старых производств и сооружения новых для повышения имиджа России в мире вкладываем огромные средства в создание не имеющих отношения к производству проектов, вызывает в китайских образованных кругах только недоумение.

И правильно говорят те, которые считают, что повышать имидж России в мире надо в самой России, а не созданием за счет госбюджета разного рода пропагандистских структур, результативность которых при внутреннем бедстве равна нулю. (Некоторые говорят, что между собой китайцы называют Россию страной-неудачницей, но скорее с сожалением, нежели со злободством.) Конечно, есть в Китае и злобные выпады против России, но в основном в Интернете.

ГЛАВА 17

Что думают о быстром росте Китая на Западе

На Западе — а это по большей части в США и Великобритании — о Китае думают во многом то же самое, что и в России, только в иной последовательности и с иным акцентированием. На первое место, безусловно, следует поставить страх перед с каждым годом становящимся все мощнее восточным гигантом. Страх этот еще больше усилился в годы кризиса, когда Китай растет примерно в три раза быстрее, чем Америка. Вдруг многие вспомнили о Наполеоне, который будто бы говорил о Китае как о гиганте, который спит, но который не стоит будить, ибо когда он проснется, мир сотрясется. Вспомнили и о том, что бывший в конце XIX века государственным секретарем США Джон Хей (John Hay) якобы сказал, что Китай будет играть ключевую роль в мировой политике в течение нескольких сотен лет.

Дело, очевидно, в том, что для США, которые перехватили господствующие позиции в мире у Великобритании, потом в противоборстве с Советским Союзом добились победы над ним в «холодной войне», став единственной в мире глобальной державой, возникшая за каких-то десять последних лет новая ситуация в раскладе сил на мировой арене стала неожиданной, а неожиданное, как известно, часто пугает.

С этой точки зрения интерес представляет статья Майкла Шумана (Michael Shuman) «Почему нас пугает поднимающийся Китай?» (Why do we fear a rising China?)³⁹. М. Шуман — американский экономист, писатель, предприниматель, много лет проработавший в Китае и других странах Азии и публиковавший статьи в ведущих изданиях США, включая журнал «Тайм». С одной стороны, пишет он, быстрый рост Китая является плюсом для мировой экономики. Население в 1,3 млрд человек покупает больше товаров, производимых в других странах. Для некоторых из них, как, например, для Австралии, у которой Китай закупает много сырья, такая ситуация поистине является благом: именно благодаря этому в Австралии не произошел спад производства после начала мирового финансово-экономического кризиса. И тем не менее, австралийцев, говорит Шуман, беспокоит сильная экономическая зависимость их страны от Китая. Что же касается американцев, то они отмечают, что активно поддерживаемая государством китайская экономика демонстрирует свои преимущества в конкурентной борьбе с западными экономиками, бросая тем самым вызов экономической философии Запада. Что китайская финансовая политика выстроена таким образом, что в торговле с другими странами китайцы получают преимущества, думая при этом только о собственной выгоде. Американцев тревожит то, что у США большие долговые обязательства перед КНР; что китайцы поддерживают враждебные Америке режимы, как, например, северокорейский; что в КНР не соблюдаются права и свободы граждан. Но больше всего американцев беспокоит то, как поведет себя Китай, если станет сверхдержавой. Пока он является бедной страной, его руководство концентрирует свои усилия на внутренних проблемах, но не изменится ли политика Китая, когда он станет богаче? «Мы этого не знаем», — признает автор статьи⁴⁰. Когда глобальное лидерство было за Америкой, то, как считает он, человечество могло надеяться, что США будут продолжать отстаивать идеалы свободной рыночной экономики и демократии, а с усилением мощи стран Востока не известно, какое направление примет развитие мировой цивилизации. «Это, возможно, больше всего нас и беспокоит», — заключает статью Майкл Шуман⁴¹.

Но вот о чем писал еще в вышедшей в 1997 г. и наделавшей много шума книге «Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегическая перспектива)» маститый американский политик и политолог Збигнев Бжезинский. «Распространенная житейская мудрость, что Китай — это следующая мировая держава, рождает паранойю по поводу Китая и способствует развитию в Китае мании величия. Страхи перед агрессивным и антагонистическим Китаем, которому суждено вскоре стать еще одной мировой державой, в лучшем случае преждевременны, а в худшем — могут стать самосбывающимся пророчеством»⁴². И Бжезинский приводит контраргументы относительно скорого превращения Китая в сверхдержаву. В частности, он напоминает, как в свое время в США боялись Японии, которая, согласно прогнозам, сделанным на основе линейного развития, вскоре должна была догнать и перегнать Америку в экономической и научно-технической

области, превратить ее во второстепенную державу. Перед Китаем, рассуждал Бжезинский, стоит много трудноразрешимых проблем: бедность, противоречия между быстро развивающимися и депрессивными регионами, между экономической и политической системой, наконец, проблема построения демократии, которой будет требовать быстро растущий средний класс. И надо, дескать, не пугать американцев Китаем, а действовать в духе китайского стратега Сунь Цзы («победа без боя»). «Втягивание Китая в более широкое международное сотрудничество и предоставление ему статуса, которого он жаждет, — уточнял он, — может иметь эффект притупления более острых моментов национальных амбиций Китая. Важным шагом в этом направлении было бы включение Китая в ежегодный саммит ведущих стран мира, так называемую «большую семерку», особенно потому, что Россию тоже пригласили туда»⁴³.

А вот что по этому поводу говорилось в фонде «Либеральная миссия». Журналист Владимир Роменский заметил: «Выступая перед конгрессом, президент США Барак Обама только одно государство упоминал несколько раз. Именно Китай. И он говорил, что, в общем, надо равняться на Китай. Китай имеет более быстрые поезда, не медлит с модернизацией своей экономики. Сетую на слабость американского экспорта, Обама отметил, что нам необходимо искать новые рынки более агрессивно, как это делают наши соперники. По мнению некоторых, он намекал именно на Китай. Почему Америка, которая является лабораторией мира, где сосредоточены все инновации, почему она смотрит в рот Китаю?» Ему отвечает Я. Бергер: «Я думаю, что Обама очень точно отразил не столько надежды, сколько страхи Америки. Недавно в общественное мнение была вброшена идея G-2. Это значит, две сверхдержавы, которые будут управлять миром. Это Бжезинского идея, Китай официально отверг эту идею, но само по себе ее появление чрезвычайно симптоматично. Действительно, из всех стран мира только Китай может надеяться на то, что он станет вровень или обойдет США. И то, о чем говорил Обама, — сверхскоростные поезда — это абсолютно верно. Сейчас ставится задача создания такой инфраструктуры, которая свяжет Пекин со всеми региональными центрами сверхскоростными поездами. То есть поезда будут идти не сутки, а часы. Территория Китая как бы сожмется. Совершенно точно говорится о поисках новых рынков. Китай чрезвычайно активно, если не сказать агрессивно, ищет новые рынки и внедряется и как покупатель, и как поставщик товаров, и как поставщик рабочей силы и технологий. Известно, что, например, Россия заимствовала у Китая технологию скоростного движения»⁴⁴.

(Попутно отмечу, что, по мнению доктора экономических наук, заместителя директора Института Дальнего Востока Андрея Островского, станет или не станет Китай второй в мире сверхдержавой, решится уже в ближайшие годы, если ему удастся решить следующие проблемы: сохранить высокие темпы роста; поддерживать постоянный рост доходов населения и уменьшать социальное неравенство; решить проблему избытка

*рабочей силы в сельской местности; высокими темпами развивать науку и сектор высоких технологий и успешно решать некоторые другие, хотя и не самые главные проблемы. Но из анализа А. Островским ситуации на всех основных направлениях китайского бытия однозначно вытекает вывод: Китаю под силу успешно решить все эти проблемы*⁴⁵.)

На Западе, и прежде всего в США, имеет место и сознательное нагнетание страха перед Китаем в интересах создания «образа врага», к чему за годы холодной войны привыкли американцы и что позволяет Пентагону и стоящим за ним крупным производителям оружия добиваться от Конгресса одобрения высоких военных расходов. Не назвавший своего подлинного имени в Твиттере американский автор в 2010 г. писал, что тамошние СМИ пестрят пугающими заголовками о Китае: «На сегодняшний день есть только один источник опасности, который угрожает самому существованию США, — Китай». «Все опасаются, что китайцы (перекупив крупнейшую канадскую компанию по производству удобрений) начнут поставлять этот ценный товар в Китай, тем самым оставив другие страны без удобрений». «Нельзя допустить, чтобы Китай обогнал нас в какой-либо области исследования, добычи или использования полезных ископаемых». «Неужели мы допустим, чтобы китайцы завладели крупнейшей в мире компанией по производству удобрений?» «Если для вас безразлично, будет ли мир завтра обеспечен продуктами питания, вас не может не волновать судьба этой сделки».

И неназванный автор объясняет причины. «Ответ простой: да просто потому, что кто-то в США когда-то давно решил, что народу нужны «страшилки». На протяжении многих десятилетий эту роль благополучно играл Советский Союз. Благодаря СССР оправдать можно было что угодно — от космической гонки (что есть хорошо) до вмешательства в дела других стран (что есть плохо) и до создания чудовищных орудий массового убийства (что уже совсем никуда не годится). Потом, когда Советского Союза не стало, освободившееся место занял радикальный ислам... Китайская Народная Республика, тем временем, быстро и без шума двигалась ко все новым и новым достижениям... То-то порадовались ветераны холодной войны, когда по телевизору показывали парад Народно-освободительной армии! Вот они, злые, опасные китайцы, да еще и в формате высокого разрешения! На каждом экране, в каждом доме! А то, что по сравнению с военным бюджетом США военные бюджеты следующих десяти стран, в том числе и Китая, выглядят каплей в море, — это, конечно, никого не волнует. Ну и, естественно, практически все американские газеты в этом месяце кричали о том, что Нобелевская премия мира в этом году присуждена китайскому диссиденту Лю Сяобо»⁴⁶.

С этой точки зрения представляет интерес книга Ф.У. Энгдала «Полный спектр доминирования: тоталитарная демократия в новом мировом порядке» (Frederick William Engdahl, “Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order”)⁴⁷. В разделе «Китайская военная угроза?» он пишет: «Недавний анализ, проведенный в статье ВВС “Китай, расши-

ряющий военную досягаемость”, типичен для освещения западными СМИ военной программы Китая. “Первый китайский авианосец начнет ходовые испытания в конце этого года. В конце прошлого года были получены первые изображения опытного образца нового пекинского истребителя по технологии “стелс”. И американские военные эксперты полагают, что Китай начнет разворачивать первую в мире баллистическую ракету дальнего радиуса действия, способную поражать движущиеся цели в море”... Китай официально потратил 10% от той суммы, которую тратят на свою оборону США — приблизительно 90 миллиардов, или, если включить связанный с обороной импорт оружия и другие затраты, возможно, 111 миллиардов долларов в год... Американский оборонный бюджет не просто безусловно крупнейший в мире. Он доминирует над всеми остальными абсолютно независимо от любой военной угрозы... В 2011 году военные расходы США составили ошеломляющие 46% от общего объема расходов всех государств мира и территорий, почти половина общемировых расходов на оборону»⁴⁸.

Что касается Китая, то он, полагает Ф. Энгдаль, «действует отнюдь не с позиции агрессора, а всего лишь реагирует, чтобы суметь противостоять довольно реальным угрозам его будущему суверенитету»⁴⁹. И далее Энгдаль делает вывод: «Ясно, что при всей своей риторике о миссиях по поддержанию мира и поощрении «демократии» Пентагон преследует то, что его стратеги именуют как «Полный спектр доминирования» — полный контроль над всем мировым воздушным пространством, землей, морскими водами, космосом и теперь — киберпространством. Пентагон, очевидно, полон решимости использовать свои вооруженные силы, чтобы обеспечить мировое господство или гегемонию. Никакая другая интерпретация невозможна... Китай становится для Пентагона новым «образом врага», или противником, заменяя уже бесполезный «образ врага» в лице ислама, введенного в оборот правительством Буша—Чейни после 11 сентября 2001-го, чтобы оправдать глобальное проецирование мощи Пентагона»⁵⁰.

Некоторые западные аналитики утверждают, что в Китае может вскоре произойти революция. Причем подобное утверждает не падкий на сенсации молодой журналист, а ученый муж, декан одного из колледжей Оксфордского университета и один из руководителей Лондонской школы экономики (the Governor of the London School of Economics) Уилл Хуттон (Will Hutton). Так, отвечая на вопрос ведущего австралийского радио Али Мура (Ali Moore), не произойдет ли и в Китае «жасминовая революция», подобная той, что прокатилась по арабским странам, он заявил: «Да, я думаю, что в один прекрасный момент мы проснемся с таким же большим удивлением, с каким мы проснулись с началом Арабской весны, и на этот раз мы будем свидетелями событий в Китае подобно тем, что происходили в Северной Африке. И это, понимаете, может случиться и через 10 лет, и через несколько месяцев»⁵¹. Чем же объясняет этот британский «высоколобый», выражаясь языком классика, созревание в Китае революционной ситуации? Тем, что правящую партию охватила паранойя в связи с деятельностью китайских

диссидентов, с одной стороны, и скандала, возникшего вокруг дела Бо Силая, — с другой. Это такая же несуразица, как и утверждение некоторых известных российских политиков и даже писателей, что «реакционный путинский режим» через два-три года развалится. Свое «глубокое знание» Китая Хуттон обнаружил, когда стал утверждать, что «Китай боится народной революции», и что следует помнить, что «20 лет назад случились события на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Я имею в виду то, что тогда произошло крупномасштабное восстание почти в 200 городах Китая»⁵². Далее идет нагромождение якобы трудноразрешимых проблем, с которыми Китай, конечно же, не справится, что и станет спусковым крючком для революции.

Вот где действительно проявилась паранойя, так это в ликовании в широких западных кругах по поводу «арабской весны» и непосредственное участие некоторых западных стран в войне в Ливии на стороне оппозиции. И тут, действительно, «они проснулись» и неожиданно увидели, что на смену автократии Муамара Каддафи пришла не демократия, а хаос. Трудно контролируемая новыми властями огромная территория страны стала базой для подготовки исламистских боевиков, перевалочным пунктом для переправки мигрантов со всей Африки в Европу. Я отнюдь не отношу названные «арабской весной» события в арабских странах к случайным, но виновными считаю не политически незрелую оппозицию, которая руководствовалась эмоциями, а диктаторов-правителей, вознамерившихся не только пожизненно править, но и на свое место сажать своих детей. Но западные политики — а политика, как известно, построена не на эмоциях, а на трезвом расчете — должны были предвидеть, как будет развиваться ситуация в тех или иных странах. Отголоском «арабской весны» уже стала ситуация на севере Мали, где власть захватили исламские террористы, и Франции пришлось посылать туда экспедиционный корпус, чтобы восстановить суверенитет Бамако. (При этом не лишне напомнить, что свергнутый с помощью той же Франции режим Муамара Каддафи жестко пресекал деятельность «Аль-Каиды» и с помощью военного подразделения «Пустынной стражи» контролировал небольшую часть территории Сахары.)

Еще в 2006 г. американская журналистка Сара Шафер (Sarah Schafer) в Newsweek International опубликовала статью «Бунт китайского среднего класса» (“China’s Middle-Class Rebels”), в которой рассказывала о якобы нарастающем недовольстве среднего класса коммунистическим правлением, хотя и признавала, что многие преуспевающие китайцы вполне довольны своей жизнью. Она называла имена конкретных людей, которые становились на путь борьбы с режимом, выступая против коррупции, зажима прессы, цензуры в Интернете, за права ВИЧ-инфицированных и т.д. Рассказывала о судьбе отдельных людей, включая диссидентствующих, однако никакого бунта китайского среднего класса из ее статьи не вытекало⁵³. Нет его и по сей день...

Идея о возможности «китайской весны» настолько овладела западными либералами, что американский писатель, политолог, профессор Фрэнсис

Фукуяма, написавший книгу-бестселлер «Конец истории и последний человек» (1992), столь же популярную в свое время, сколь и глубоко ошибочную по своей концепции, опубликовал статью под названием «Логика модернизации: ждать ли революции в Китае»⁵⁴. При этом задним числом Фукуяма фактически опровергает сам себя. Ведь еще в 1989 г. в статье «Конец истории...» он утверждал, что с неизбежным крушением мировой социалистической системы в мире прекратится политическая борьба, поскольку восторжествует либеральная система; могут не принять либеральную идеологию лишь маргинальные страны, которые не в состоянии оказывать существенного влияния на ход мировой истории. (Потом он издал еще несколько книг, тоже имевших влияние в либеральных кругах, причем не только США.) На деле либерализм не победил не только в «коммунистическом Китае», но и в капиталистической России, а построенная на принципах неолиберализма экономика стран Евросоюза познала кризис, сравнимый с мировым кризисом 1929 г., и вообще, либеральная идеология скорее отступает, чем наступает.

(Как не без иронии отмечал уже упоминавшийся британский аналитик и писатель Ричард Макгрегор, «развитие и преобразование ряда азиатских государств (Сингапур, Малайзия, Индонезия, Южная Корея) вслед за процессом деколонизации, начавшимся после Второй мировой, сыграли роль подъемника для всего региона. Что же касается Японии, то этот экономический гигант потряс Запад и бросил ему вызов. А экономическое преобразование Китая, страны с одной пятой населения планеты, является и вовсе беспрецедентным глобальным событием. Китай — это подлинный мегатренд, феномен, способный перекроить всемирную экономику сектор за сектором. А возглавляет его коммунистическая партия, что только усугубляет раздражение Запада, который лишь несколькими годами ранее упивался идеей «конца истории» и окончательного триумфа либеральной демократии»⁵⁵).

На сей раз американский профессор (Фукуяма) смотрит на вещи более реалистично. Сравнивая ситуацию в странах «арабской весны» и Китае, он находит общее: быстрый рост числа образованных людей, среднего класса, наличие социального недовольства в обществе и ущемление человеческого достоинства. «Наиболее типичные примеры ущемления человеческого достоинства в современном Китае, — пишет он, — это инциденты, когда местные власти в сговоре с частными девелоперами сгоняют крестьян и бедных рабочих с земли, которую нужно освободить для новых грандиозных построек; это случаи безнаказанного сбрасывания промышленных отходов в системы водоснабжения городов, партийные боссы которых наживаются на этом. Хотя уровень коррупции в Китае не достигает грабительских масштабов некоторых африканских и ближневосточных стран, коррупция здесь широко распространена. Фильм «Аватар» пользовался в Китае таким шумным успехом отчасти из-за того, что многие рядовые китайцы ассоциировали себя с туземцами, чьи земли пыталась отнять гигантская безликая корпорация»⁵⁶.

Фукуяма указывает и на рост социального неравенства. Вместе с тем он указывает и на серьезные различия между ситуацией в Китае и в прошедших через общественные потрясения арабских странах. Во-первых, в Китае ведется решительная борьба с коррупцией. Во-вторых, нет пожизненных руководителей, они сменяются через каждые десять лет. В-третьих, жители Поднебесной пользуются плодами рекордного экономического роста. В-четвертых, большинство китайцев убеждены, что уже живут при демократии, и вполне довольны положением дел⁵⁷. В-пятых, в Тунисе и Египте армия отказалась поддерживать президентов, соответственно Бен Али и Хосни Мубарака, в Китае же, подчеркивает Фукуяма, «армия считает себя оплотом китайской национальной идентичности... и крайне сложно предположить, что она переметнется на сторону каких-либо гипотетических сторонников демократии»⁵⁸.

Следовательно, логичен вывод Фукуямы: «в ближайшем будущем Китай не подхватит ближневосточную болезнь»⁵⁹. Но в то же время, однажды допустив провальный просчет в своем прогнозе, он оговаривается, что «все наши теоретические размышления о причинах социальных революций имеют ограниченную ценность... Множество экспертов, основываясь на глубоком знании региональной специфики, отрицали способность «арабской улицы» к политической активности. И они были правы из года в год — пока не наступил 2011-й».⁶⁰

Есть на Западе и авторы, которые принижают достижения Китая и даже предрекают крах китайской модели развития. Так, уже упоминавшийся американский автор Майкл Шуман (Michael Schuman) в статье «Почему Китай поразит экономический кризис» (Why China Will Have an Economic Crisis) пишет, что получившее широкое распространение в мире представление о том, что Китай даже в годы кризиса быстро развивается и неизбежно перегонит США, является ошибочным⁶¹. Шуману нельзя отказать в знании ситуации в Китае, как и в законах развития экономики... на принципах «рынок сам все расставит по местам». Он работал не только на журнал The Time, но и на The Wall Street Journal. В чем методологическая (если не идеологическая) ошибка Шумана, предрекающего неизбежный крах экономики Китая, если кардинально не изменится экономическая политика? Во-первых, он считает, что экономическая модель Китая является производной от японской модели государственного капитализма, что неверно. Во-вторых, он, как и многие его коллеги, не видит разницы между Японией и Китаем. На деле Поднебесная не только имеет более чем в 10 раз превосходящее население, но и «многоярусную экономику»: в прибрежных районах и мегаполисах — почти высокоразвитую, в более отдаленных районах — более или менее развитую, а в северо-западных районах — слабо-развитую, а то и неразвитую. Следовательно, внутренний рынок Китая несопоставим с рынком Японии, а ведь совсем недавно ее ВВП был равен ВВП Китая. Нобелевский лауреат Пол Кругман специально занимался проблемой японской экономики и пришел к выводу, что японцы — бережли-

вый народ, и когда в стране нет инфляции, то они не спешат расставаться с деньгами, притом что дорогая йена негативно сказывается на экспорте⁶². Возможно, поэтому в начале 2013 г. йена резко подешевела по отношению к доллару и, соответственно, евро.

В-третьих, Шуман к Японии «пристегивает» и Южную Корею как пример коллапса экономики в результате «плохих долгов» и паралича банковского сектора. Да, во время финансового кризиса в Азии в 1990-е гг. Южная Корея имела серьезные проблемы, однако быстро с ними справилась и ныне является единственной слаборазвитой страной, кроме, пожалуй, Сингапура, которая совершила экономический прорыв. А то, что ее темпы роста снизились, так это естественно для высокоразвитой экономики. Только они и в годы нынешнего кризиса значительно выше, чем в большинстве стран Запада. Так, в 2010 г. ее ВВП вырос на 6%, в 2011 г. — на 3,6%, в 2012 г. — на 2%, а в 2013 г. — на 2,8%. В-четвертых, конечно, Пекин не сможет постоянно вкладывать в развитие экономики 40% ВВП и более, но он расходует огромные средства на развитие образования и науки и создает мощную базу для инновационной экономики, параллельно с этим расширяя внутренний рынок за счет повышения покупательной способности граждан. И когда темпы роста снизятся — что практически неизбежно — то, скорее всего, в Китае уже будет новая экономика. Кстати сказать, и при низких темпах роста и государственном долге более 200% японцы в своем преобладающем большинстве не бедствуют и живут дольше жителей других стран. Хотя мировой кризис дает о себе знать и в Японии, поскольку сокращается экспорт. Но пугать Китай примером Японии (которая, кстати, в самые последние годы добилась положительного роста ВВП) и Южной Кореи при тех бедствиях, которые ныне переживают миллионы граждан стран Евросоюза, следующие той модели, которую отстаивает М. Шуман, теряя не только работу, но нередко и крышу над головой, явно не ко времени.

Американский советник Государственного департамента Кен Миллер (Ken Miller) в статье под названием «Что если китайские пузыри лопнут?» ('What if the China Bubbles Bursts?')⁶³ на основе своей поездки в Китай сделал сенсационное открытие: в основе-де «экономического чуда» Китая лежит бум недвижимости — строительство аэропортов, жилья, офисных помещений, скоростных железных и шоссежных дорог, мостов, тоннелей и пр. При этом он видел много домов и даже городов, в которых ночью не светились окна, и называет «город-призрак» Кангбаши (Kangbashi) во Внутренней Монголии. А если недвижимость резко упадет в цене, то ведущие бизнес в Китае международные корпорации понесут тяжелые потери, и в Америке может снова наступить рецессия. Мысль ясна: не стоит американским корпорациям вести дело с Китаем.

И посещающие Китай россияне отмечают, что многие дома и целые кварталы в китайских городах не заселены. Только это происходит по разным причинам. В том числе и потому, что в Китае очень быстро возводят каркас дома, но гораздо больше времени занимает его внутренняя отделка. И в Москве сплошь

и рядом можно видеть, как построенный многоэтажный дом еще долго по ночам не горит огнями, что, однако, не значит, что он не найдет жильцов. Но дело не в этом. Утверждение Миллера, что в основе китайской экономики лежит недвижимость, безосновательно. Если бы экономика Китая была построена только на недвижимости, а недвижимость, как известно, не экспортируется, то откуда тогда у Поднебесной такие огромные валютные резервы? Это раз. А два — это тот факт, что по объему промышленного производства, согласно данным международных агентств, Китай уже в 2012 г. догнал США.

Не говоря уже о том, что дороги, мосты, порты, аэропорты — это кровеносные сосуды экономики и общественной жизни. Наша страна как раз сильно страдает оттого, что не имеет современной транспортной системы. Изношенность железнодорожной колеи и подвижного состава (и не в последнюю очередь тележек) настолько велика, что товарные поезда, в том числе перевозящие жидкое топливо и химикаты, то и дело сходят с рельсов, а катастрофы в гражданской авиации случаются в десять раз чаще, чем в западных странах.

Несколько слов о «финансовых пузырях». Это излюбленная тема западных аналитиков, только они склонны накладывать матрицу западных реалий на китайскую действительность. Да, в США кризис спровоцировали ипотечные банки, которая часто раздавали ничем не обеспеченные кредиты, а в целом ряде стран Евросоюза высокий уровень жизни поддерживался за счет суверенных долгов. Только в Китае экономическая и финансово-банковская система устроена так, что она не допускает массового бегства из страны капитала, а доверие бережливых китайцев к государственным банкам настолько велико, что их депозиты в них достигают многих триллионов в долларовом эквиваленте. Об этом писал и ныне живущий в Китае дальневосточник И. Путилов⁶⁴. (Утверждение Миллера, что процент по депозитам бывает ниже инфляции, не соответствует действительности — он всегда, пусть и не намного, но выше инфляции. В том числе и на этом зиждется доверие граждан к государственным банкам.) Китайская модель развития — это отнюдь не продолжение японской модели и не копия южнокорейской. Когда в 1967 г. случился «азиатский финансовый кризис», он сильно ударил по многим странам, но Китай от него несколько не пострадал.

Распространено на Западе и такое мнение, что если даже Китай и догонит США по объему ВВП, то его качество еще многие годы будет несравнимым с качеством ВВП Америки. Научно-технический прогресс в США, дескать, настолько далеко ушел вперед, что КНР не сможет догнать их в обозримой исторической перспективе. При этом часто приводится число Нобелевских премий по естественным наукам, полученных американцами, гражданами других стран и гражданами Китая. И это действительно впечатляет. В области научных открытий, в разработке новой продукции высоких технологий Америка является неоспоримым лидером. Как долго такая ситуация будет продолжаться, мнения расходятся. Одни считают, что ситуация изменится в обозримой исторической перспективе, другие —

что в середине текущего века, а третьи — никогда. Наиболее брутальную оценку возможностей Китая в научно-технической сфере дает уже упоминавшийся британский экономист Уилл Хуттон, который, вопреки хорошо известным в мире китайским брендам, утверждает, что Китай сам ничего не изобретает, а лишь копирует, и так будет продолжаться лет 200. Впрочем, он и другим странам Азии, кроме Японии, отказывает в возможности революционных открытий, очевидно, не ведая, какие новые технологии появляются в Южной Корее, на Тайване и даже в маленьком Сингапуре. Поэтому вступать с ним в дискуссию не имеет смысла. Так, например, причисляя Японию к тем странам, что имели монополию на изобретения в течение последних 300 лет, г-н Хуттон явно многое перепутал. Во-первых, Япония 300 лет была в изоляции, и до последней трети XIX века в мире о ней знали мало. Она не только не имела мировых достижений в научно-технической сфере, но и промышленности. Но образованным людям было известно, что еще тысячи лет назад в Китае уже были порох, компас, бумага, машина для книгопечатания, шелк, фарфор, парашют, подвесной мост. Высокоразвитыми были философия, медицина, военная стратегия, система государственного управления и т.д. Во-вторых, как раз о Японии в 1950–1960-х гг. говорили, что она является талантливым копировальщиком западных технологий. Некоторые даже отказывали японцам в творческом даре. В-третьих, недооценка возможностей Китая поразительно быстро наверстывать потери в социально-экономическом развитии за последние сто с лишним лет приводит к тому, что западные аналитики то и дело ошибаются в своих прогнозах. На ранней стадии начатых Дэн Сяопином реформ многие из них предвещали им скорый крах⁶⁵. Потом ошибались в темпах роста Китая, оправдываясь, однако, тем, что КНР развивается быстрее, чем это вытекает из научных расчетов. Потом свои ошибки в прогнозах стали объяснять метафорой: Китай, дескать, это не просто другая страна, а другая планета и там живут особые люди.

Что касается возможностей быстро наращивать научно-технический потенциал, то у Китая больше преимуществ, чем было у Японии в послевоенные годы. Во-первых, китайцы лучше знают английский, чем японцы (что, кстати, и для меня было большой неожиданностью, когда я дважды посещал эту страну), и это позволяет им сравнительно легко входить в англоязычную научную и бизнес-среду. Во-вторых, Китаю активно помогает многомиллионная китайская община («хуацяо») высокоразвитых стран. В-третьих, у Китая несопоставимы с японскими масштабы рынка, что, как магнит, притягивает к себе крупнейшие мировые корпорации, которые стали создавать в Поднебесной не только производства, но и научно-технические центры, лаборатории и пр. Более открытый миру, нежели Япония, имеющий огромные валютные резервы, Китай может привлекать в страну — и уже привлекает! — ученых со всего света, как это делала и до сих пор делает Америка. Фундаментальную науку фактически «привезли с собой» иммигранты, они же, напомним, внесли и решающий вклад в создание ракетно-ядерного потенциала. В-четвертых, фантастически быстрое развитие КНР побудило мно-

гих этнических китайцев, давно состоявшихся в странах Запада в качестве крупных ученых и специалистов, возвращаться на свою историческую родину, чтобы принять участие в возрождении былого величия Поднебесной. Это не говоря уже о том, что в Японии сильно стареет население. И все же, как представляется, в технологическом отношении Китай еще не скоро догонит и тем более перегонит США.

Серьезные аналитики задаются и серьезными вопросами и ищут на них адекватные ответы. Так, американцы Джон Помфрет и Джон Коуэн в газете The Washington Post пишут об обеспокоенности американцев снижением авторитета США по мере роста Китая. «Столкнувшись с безработицей и экономическими проблемами, — отмечают они, — большинство американцев стали склоняться к мнению, что США будут играть менее значительную роль в мировой экономике в ближайшие годы... Многие считают, что если XX век был «веком Америки», то XXI век будет принадлежать Китаю. Таковы результаты опроса Washington Post-ABC News, проведенного в период значительных противоречий между Вашингтоном и Пекином. «Китай растет, — утверждает 56-летний отставник американских ВВС из Техаса, принявший участие в опросе в числе 1004 случайно отобранных участников. — Я не беспокоюсь о веке Китая, но хотел бы знать, как это скажется на трех моих сыновьях». При ответе на вопрос, станет ли это столетие скорее «веком Америки», чем «веком Китая», мнения американцев разделились примерно поровну (41% заявил, что это будет век Китая, и 40% — что это будет веком США). При этом большинство заявило, что это будет век Китая с точки зрения мировой политики (43% высказались в пользу Китая и 38% — в пользу США). Эти результаты совпадают с недавними опросами Gallup и Pew Research Center и других организаций, выявившими значительную общественную обеспокоенность растущей ролью Китая на мировой арене по мере того, как его экономика заняла второе место в мире. В 2000 г., когда американская экономика росла, 65% американцев, опрошенные Gallup, заявили, что США — сильнейшая экономика в мире. Но к прошлому году США и Китай сравнялись в этом вопросе»⁶⁶. Заметим, что статья написана в 2010 г., а с тех пор китайская экономика показывает еще более высокие темпы роста, нежели американская.

Представляет интерес и статья Анатоля Калецки (Anatole Kaletsky), редактора экономического отдела ведущей британской газеты «Таймс» (“The Times”). Как он пишет, один из ведущих американских дипломатов сказал ему: «Чтобы справиться с Китаем, нам нужен капитализм нового рода»⁶⁷.

«С тех пор как разразился кризис, развивающиеся страны утратили заинтересованность в Вашингтонском консенсусе, через посредство которого распространялась демократия и либеральная экономическая система. Теперь, куда бы я ни отправился, и государства, и крупный бизнес только и говорят что о новом пекинском консенсусе, о китайском пути к власти и богатству. Запад должен создать новую модель капитализма, сообразную нашим политическим ценностям. Или мы перестроим собственную идентичность, или проиграем»⁶⁸.

Высказывая собственную точку зрения, Калецки указывает на два подхода на Западе к этой проблеме: первый — это прямое отрицание наличия такой проблемы; второй — «притворство по поводу того, что китайская и западная модели капитализма якобы не очень-то отличаются друг от друга. В конце концов, бизнесом занимаются для того, чтобы делать деньги, так что в главном — разногласий-то и нет. Таких взглядов придерживаются все предприниматели, сделавшие крупные вложения в Китай, в особенности Билл Гейтс из фирмы «Майкрософт» и подобные ему деятели, радующиеся, что их конкурентов Пекин душит политикой. Такова официальная линия и китайского государства, и западных: обе модели могут процветать в мирном сосуществовании и при взаимном уважении»⁶⁹.

Все дело в том, что Запад стал сильно зависим от того, насколько успешно развивается экономика Китая. И не только от вложенных в его банки и ценные бумаги китайской валюты, но и во многих других областях. Так, например, если Китай с началом кризиса стал меньше экспортировать в США, то он значительно увеличил импорт из США. А если бы немецкие автомобилестроители в свое время не стали активно строить свои филиалы в Китае, то они бы имели примерно те же трудности, с которыми в период кризиса столкнулся французский автопром, — перепроизводством автомашин. Хотя Калецки видит и оборотную сторону торгово-экономического сотрудничества между Западом и Китаем: «Решимость Китая сохранять громадное положительное сальдо внешнеторгового баланса и заниженный курс валюты позволяет Америке и Европе, с одной стороны, иметь дешевые потребительские товары, а с другой — обрекает на безработицу и на вечный рост внешнего долга»⁷⁰.

Сетования Калецки на то, что Китай отвергает западную демократию и все больше утверждается в правильности своей авторитарной политики и государственного управления экономикой, я опускаю как не заслуживающие внимания. Но дальше Калецки ставит серьезный вопрос: «Перед Западом стоит выбор: или мы уступим и признаем, что Китай, как свидетельствует пять тысяч лет изученной истории человечества, показал себя более успешной и долговечной культурой, нежели Америка или Западная Европа, и теперь возвращает себе естественное положение мирового лидера, или же перестанем отрицать факт соперничества между китайской и западной моделями и начнем всерьез думать о том, как можно реформировать западный капитализм, чтобы у нас было больше шансов на победу»⁷¹.

Что можно сказать? Весьма здравая мысль. Как показал мировой финансово-экономический кризис, пришедшая на смену кейнсианской неолиберальной модели экономики, похоже, себя исчерпала. О «новом капитализме» говорил и экс-президент Франции Николя Саркози, но пришедший ему на смену социалист Франсуа Олланд скорее готов говорить о «новом социализме», хотя эту идею выдвинул еще лет двадцать назад английский лейборист Тони Блэр. Труднее реализовать, скажем так, новое прочтение как социализма, так и капитализма. В Евросоюзе с началом 2013 г. активизировались разговоры о необходимости создания зоны свободной торговли между Европой и Америкой. В том

числе ради того, чтобы успешнее конкурировать с быстро развивающимися странами Азии и прежде всего, разумеется, с Китаем. Вот тут бы и обсудить то, что предлагает Калецки, а именно: «Сейчас перед общественной мыслью Запада стоит насущная проблема создания четвертой разновидности капитализма на основе лучших элементов классической, кейнсианской и тэтчеровско-рейгановской модели, адаптированной к потребностям XXI века и, главное, к ситуации соперничества с динамичной, самоуверенной авторитарной системой Китая. Возможно ли это вообще — вопрос открытый...»⁷².

Скорее, невозможно. Во-первых, уже прошло достаточно времени для того, чтобы высказанные А. Калецки мысли обрели какую-то политическую форму, чего на деле нет. Во-вторых, две ведущие экономики Евросоюза, Германия и Франция, никак не могли найти общий язык по вопросу, что первично, а что вторично. Германия настаивала на том, что восстановлению экономик должно предшествовать решение проблемы долгового кризиса, а Франция делала акцент на необходимости подъема экономик. Президент США Барак Обама, применивший, по сути, кейнсианский (он же и рузвельтовский) принцип государственного регулирования, за короткий срок добился оздоровления банковской системы и модернизации автопрома и раньше Европы вывел страну по крайней мере из острой фазы кризиса. Руководство же Евросоюза, главным образом из-за приверженности экономическому неолиберализму финансовых властей ФРГ, не смогло вовремя принять меры по недопущению углубления кризиса, что обернулось социальной катастрофой для целого ряда стран ЕС. Так что власти Китая могут спать спокойно — никакая суперконкурентоспособная экономическая модель Запада, скорее всего, в ближайшие годы не появится.

Еще один рецепт отношения Запада с Китаем дал уже упоминаемый хорошо известный в США как талантливый аналитик и публицист Фарид Захария. В статье «Будущее принадлежит Китаю?» он излагает восприятие американцами Китая⁷³. Многие годы в их сознании Китай представлялся далекой и загадочной, но очень бедной страной, которую посещали в основном миссионеры и бизнесмены. Он объективно описывает, какие бедствия Китай познал в годы внутренних раздоров и как поступали с ним великие державы. И так же, на мой взгляд, объективно говорит о китайской модели реформ: «Есть много критиков китайского пути развития. Темпы роста Китая вот уже более 25 лет составляют около 9%, что является мировым рекордом для такой большой экономики. За этот период Китай 300 миллионов людей вывел из нищеты и в четыре раза увеличил средневзвешенные доходы китайцев. Вот уже целое десятилетие эти критики дают прогнозы: «Это не может продолжаться, Китай рухнет, этому придет конец». Пока, однако, ни один из этих прогнозов не сбывлся. И хотя перед Китаем стоит много проблем, у него есть нечто такое, за что любая страна «третьего мира» готова была бы отдать голову на отсечение, — высокий стабильный рост»⁷⁴.

Быстрый рост Китая, говорит Захария, вызывает у американцев вопрос: действительно ли кошмар китайской угрозы реален? Дав характеристику Китая

как страны с чрезвычайно быстро растущей экономикой, большими валютными резервами, огромной армией, расходы на которую ежегодно увеличиваются более чем на 10%, Захария вместе с тем говорит, что для мира и, в частности, для Америки китайский рост идет во благо. Так, американцы за счет дешевого импорта из Китая экономят многие сотни миллиардов долларов. Во многом благодаря мощному росту китайской экономики США избежали экономического кризиса в 2000–2001 гг. как следствия падения фондового рынка.

Многие в США и Европе, продолжает он, жалуются на то, что наплыв из Китая текстиля и других товаров повседневного спроса разорил местные компании. Как справиться с этой проблемой? Захария отвечает: делать так, как того требует глобальная экономика, — не квоты вводить, а повышать конкурентоспособность собственных товаров и делать ставку на производство продукции и услуг в тех сферах, в которых Запад занимает особо сильные позиции. А на международной арене, считает он, США должны действовать сообразно возникающей ситуации. Если, скажем, Китай будет угрожать своим соседям, то такие страны, как Россия, Япония, Индия и Соединенные Штаты, вполне смогут ограничить его влияние. Но велика вероятность, что он делать этого и не будет. С учетом фактора ядерного сдерживания, скорее всего на международной арене будет использоваться «мягкая сила», «тихая борьба» за ресурсы, рынки и влияние в мире. При этом Америка и Китай в одном случае будут друзьями, в другом — соперниками, сотрудничать в одном регионе, соревноваться — в другом...

Иначе говоря, в быстро растущем Китае Захария не видит угрозы для Запада. Только заметим, что его статья была опубликована в 2005 г., а данные о размере ВВП и золотовалютных резервах (ЗВР) Китая могли быть известны только за предыдущий, то есть 2004 г., когда они составляли 1,8 трлн. долларов и 609,9 млрд долларов соответственно. Но с тех пор, как говорится, много воды утекло, причем Китай развивается быстро и в годы мирового кризиса. Именно в годы кризиса мир реально оценил экономическую мощь и растущее политическое влияние Китая. К месту отметить, что, когда занимаешься Китаем, надо постоянно сверять цифры роста ВВП, ЗВР, экспорта-импорта, выпуска автомашин и т.д., иначе рискуешь оперировать устаревшими данными.

И в заключение приведу мнение главного редактора немецкой газеты «Хандельсблатт» («Handelsblatt») Габора Штайнгарта (Gabor Steingart) о разных типах отношения людей к деньгам и разных финансово-экономических стратегиях в США и Китае, которое он высказал в статье «У китайцев есть план, а у американцев его нет» (China Has a Plan, America Doesn't), опубликованной в немецком журнале «Шпигель» («Der Spiegel»)⁷⁵ «Американцы, — пишет Г. Штайнгарт, — бездарно тратят деньги, занятые у китайцев... Китайцы не одалживают, а копят. Копят они с таким же усердием, с каким американцы — транжируют. Обычный китаец откладывает на банковский счет сорок процентов своей зарплаты, а средний американец — максимум три процента... Америка до сих пор не может положить конец антикризисной политике, основанной на долгах... Китайская Народная Республика втихую приобретает пакеты акций

едва ли не всех региональных банков развития в мире. Подобно миниатюрной версии Всемирного банка, Китай помогает укреплять финансово нестабильные страны в Латинской Америке, Африке и Азии. Также Китай на пятьдесят миллиардов долларов повысил свою ставку в Международном валютном фонде. Специалисты по финансам из Китая (а не солдаты китайской армии, как можно было подумать) захватывают мир — незаметно и эффективно... Ни один автор учебника по экономике и представить не мог, что централизованная экономика (на деле китайская экономика уже «получетрализованная»!) — *А.К.* может функционировать настолько эффективно.

Бывший канцлер и министр экономики Германии Людвиг Эрхард (Ludwig Erhard) писал, что мир плановых экономик — это «полностью парализованный, искусственно искаженный псевдопорядок, не способный ни на что реагировать». Признанный многими автор послевоенного немецкого «экономического чуда» считал, что этот порядок «развалится, как колода карт». Будь Эрхард жив, он бы точно изменил свое мнение, поглядев на то, к какому успеху пришла Азия. А все потому, что у китайцев есть план, а у американцев, судя по всему, его нет»⁷⁶.

Ни одна из высказанных точек зрения по вопросу о том, как поведет себя Китай, став первой экономикой мира, — что может случиться уже скоро — не обладает монополией на истину. Но, вместе взятые, они по крайней мере могут дать несколько вариантов не оторванного от реальности прогноза.

¹ См.: *Дэн Сяопин*. Основные вопросы современного Китая // www.skmr.ru/library_files/dxp.htm.

² *Гельбрас В.* Интервью Новой газете // politkovskaya.novayagazeta.ru/pub/2005/20050-55.shtml.

³ *Гельбрас В.* Интервью Новой газете // politkovskaya.novayagazeta.ru/pub/2005/2005-055.shtml.

⁴ *Губарев В.* Академик Владимир Мясников: Секретное оружие Востока // www.lgz.ru/archives/html_arch/1g202003/Tetrad/art11_5.htm.

⁵ *Губарев В.* Академик Владимир Мясников: Секретное оружие Востока // www.lgz.ru/archives/html_arch/1g202003/Tetrad/art11_5.htm.

⁶ *Губарев В.* Академик Владимир Мясников: Секретное оружие Востока // www.lgz.ru/archives/html_arch/1g202003/Tetrad/art11_5.htm.

⁷ *Резенова Д.* Исторический опыт стратегичности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая // www.dissers.ru.

⁸ *Бергер Я.* Нестрашный Китай: К 2039 году по объему ВВП Поднебесная может переогнать Америку // Московский комсомолец. 30.09.2009.

⁹ См. подр.: Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы // www.ifes-ras.ru/old/conf/2008/17china_conf.htm.

¹⁰ Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы // www.ifes-ras.ru/old/conf/2008/17china_conf.htm.

¹¹ *Чудодеев Ю.В.* На глазах меняющийся Китай. М., 2008. С. 115–159.

¹² *Гельбрас В.* Китайцы нам многое в истории не простили и не простят // www.centrasia.ru/newsA.php?st=1245182640.

¹³ О том, какие тенденции складываются в китайско-японских отношениях, см.: *Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г.* Японский национализм (идеология и политика). М., 2012.

¹⁴ См.: *Дятлов В.* Благовещенская трагедия: историческая память и историческая ответственность // Дружба народов. 2012. № 11 [www.istpravda.ru/digest/762].

¹⁵ *Мухеев В.В.* Становится ли Россия сырьевым придатком Китая? [www.svoboda.org/content/transcript/1930202.html].

¹⁶ *Мухеев В.В.* Становится ли Россия сырьевым придатком Китая? [www.svoboda.org/content/transcript/1930202.html].

- ¹⁷ Девятков А. Интервью // Gazeta.ru. 11.01.2010.
- ¹⁸ Девятков А. Интервью // Gazeta.ru. 11.01.2010.
- ¹⁹ Девятков А. Интервью // Gazeta.ru. 11.01.2010.
- ²⁰ Девятков А. Интервью // Gazeta.ru. 11.01.2010.
- ²¹ Рогов С. Американские горки // Мир перемен. 2012. № 4. С. 123.
- ²² Принцип достаточности» означает отказ от гонки вооружений, но в то же время предполагает наличие арсенала оружия массового поражения, который будет сдерживающим фактором для любого потенциального агрессора.
- ²³ Рогов С. Американские горки // Мир перемен. 2012. № 4. С. 113.
- ²⁴ Григорьев О. Передача «Кредит доверия» // Радио «Эхо Москвы». 30.06.2009.
- ²⁵ Глазьев С. 20 потерянных лет. Памяти академика Д.С. Львова // zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/10/849/21.html.
- ²⁶ Примаков Е. Современная Россия и либерализм // Российская газета. № 5964.
- ²⁷ Ясин Е. Тектонический сдвиг // Радио «Эхо Москвы». 08.02.2010.
- ²⁸ Ясин Е. Тектонический сдвиг // Радио «Эхо Москвы». 11.01.2010.
- ²⁹ Юргенс И. Не хотите модернизоваться? Тогда не стоните, как в 90-х... // Комсомольская правда. 16.02.2010.
- ³⁰ См.: Симонян Р. Реформы 1990-х годов: общественно-политические результаты. К 20-летию экономических преобразований в России // magazines.russ.ru/continent/2011/147/html.
- ³¹ «Левада-Центр» о приоритетах россиян // Vedomosti.ru. 11.02.2013.
- ³² Маслов Алексей: сегодняшняя власть провалила политику на Дальнем Востоке // www.daokedao.ru/2012/12/28/aleksej-maslov-segodnyashnyaya-vlast-provalila-...
- ³³ Маслов Алексей: сегодняшняя власть провалила политику на Дальнем Востоке // www.daokedao.ru/2012/12/28/aleksej-maslov-segodnyashnyaya-vlast-provalila-...
- ³⁴ Андрияков А. На Дальнем Востоке обнаружены провалы // www.gazeta.ru/business/2012/11/29/4873141.shtml.
- ³⁵ Шмелев Н. Здравый смысл и будущее России: да или нет? // Россия и современный мир. 2012. № 4. С. 16.
- ³⁶ Невейкин В. Что думают китайцы о современной России // www.echo.msk.ru/blog/nevejkin/814689-echo.
- ³⁷ Невейкин В. Что думают китайцы о современной России // www.echo.msk.ru/blog/nevejkin/814689-echo.
- ³⁸ Чжан Сюй. Заблуждения России, и в чем уроки для Китая (Misreading Russia, and Why China Should Care) // view.yandex.net/?url=http%3A%2F%2Fwebattach.mail.yandex.net%2Fmessage...
- ³⁹ Шуман М. Почему нас пугает поднимающийся Китай? // business.time.com/2011/06/07/why-do-we-fear-a-rising-china.
- ⁴⁰ Шуман М. Почему нас пугает поднимающийся Китай? // business.time.com/2011/06/07/why-do-we-fear-a-rising-china.
- ⁴¹ Шуман М. Почему нас пугает поднимающийся Китай? // business.time.com/2011/06/07/why-do-we-fear-a-rising-china.
- ⁴² Бжезинский З. Великая шахматная доска (господство Америки и его геостратегическая перспектива) // btrezkin.info/wp-content/upload/2011/02/brzezinsky.doc.
- ⁴³ Бжезинский З. Великая шахматная доска (господство Америки и его геостратегическая перспектива) // btrezkin.info/wp-content/upload/2011/02/brzezinsky.doc.
- ⁴⁴ Бергер Я. Выступление в фонде «Либеральная миссия» // www.liberal.ru/anons/4691.
- ⁴⁵ См. подр.: Островский А.В. Будущее Китая решится в ближайшие две пятилетки // www.kapital-rus.ru/articles/article/181983.
- ⁴⁶ Обзор иностранной прессы // www.inosmi.ru/usa/20101020/163720255.html.
- ⁴⁷ Энгдаль Ф.У. Полный спектр доминирования: тоталитарная демократия в новом мировом порядке (Frederick William Engdahl. Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order) // www.slavic-europe.eu/index.php/comments/31-wordl-comments/108392-0121-...
Ф.У. Энгдаль — американский экономист, независимый журналист, писатель и политолог, автор ряда книг по геополитическим проблемам, ныне живет в Германии.
- ⁴⁸ Энгдаль Ф.У. Полный спектр доминирования: тоталитарная демократия в новом мировом порядке // www.slavic-europe.eu/index.php/comments/31-wordl-comments/108392-0121-...

- ⁴⁹ Эгдаль Ф. У. Полный спектр доминирования: тоталитарная демократия в новом мировом порядке // www.slavic-europe.eu/index.php/comments/31-wordl-comments/108392-0121-...
- ⁵⁰ Эгдаль Ф. У. Полный спектр доминирования: тоталитарная демократия в новом мировом порядке // www.slavic-europe.eu/index.php/comments/31-wordl-comments/108392-0121-...
- ⁵¹ Will Hutton. China fears peoples revolution: analyst // www.abc.net.au/lateline/content/2011/s3195026.htm.
- ⁵² Will Hutton. China fears peoples revolution: analyst // www.abc.net.au/lateline/content/2011/s3195026.htm.
- ⁵³ Sarah Schafer. China's Middle-Class Rebels // www.eastlaw.net/democracy/middlerebels.htm.
- ⁵⁴ Фукуяма Ф. Логика модернизации: ждаты ли революции в Китае // Ведомости. 18.03.2011.
- ⁵⁵ МакГрегор Р. (McGregor Richard) Выдержки из книги «Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая» // stm6671350.narod.ru/party/party-frag.htm.
- ⁵⁶ Фукуяма Ф. Логика модернизации: ждаты ли революции в Китае // Ведомости. 18.03.2011.
- ⁵⁷ Фукуяма Ф. Логика модернизации: ждаты ли революции в Китае // Ведомости. 18.03.2011.
- ⁵⁸ Фукуяма Ф. Логика модернизации: ждаты ли революции в Китае // Ведомости. 18.03.2011.
- ⁵⁹ Фукуяма Ф. Логика модернизации: ждаты ли революции в Китае // Ведомости. 18.03.2011.
- ⁶⁰ Фукуяма Ф. Логика модернизации: ждаты ли революции в Китае // Ведомости. 18.03.2011.
- ⁶¹ Schuman M. Why China Will Have an Economic Crisis // business.time.com/2012/02/27/why-china-will-have-an-economic-crisis.
- ⁶² См. подр.: Бушнев К. Японская ловушка: что это такое // fincake.ru/d/magazines/95/articles/2942.
- ⁶³ Ken Miller. What if the China Bubbles Bursts? // www.time.com/time/magazine/article/0,9171,2096345,00.html.
- ⁶⁴ См.: Путилов И. Социализм с китайской спецификой // blogs.amur.info/putilov/5327.html.
- ⁶⁵ Как рассказывал работавший в Китае ныне ректор Дипломатической академии МИД РФ Евгений Бажанов, западные коллеги уверяли его, что идея реформы и открытости — это мертворожденный проект.
- ⁶⁶ Помфрет Дж., Коуэн Дж. Опрос: американцы обеспокоены снижением авторитета США по мере роста Китая // www.inopressa.ru/article/26Feb2010/wp/china.html.
- ⁶⁷ Калецки А. Чтобы Запад не утратил всякую значимость, государства должны активнее управлять экономикой // inosmi.ru/wordl/20100204/157984132.html.
- ⁶⁸ Калецки А. Чтобы Запад не утратил всякую значимость, государства должны активнее управлять экономикой // inosmi.ru/wordl/20100204/157984132.html.
- ⁶⁹ Калецки А. Чтобы Запад не утратил всякую значимость, государства должны активнее управлять экономикой // inosmi.ru/wordl/20100204/157984132.html.
- ⁷⁰ Калецки А. Чтобы Запад не утратил всякую значимость, государства должны активнее управлять экономикой // inosmi.ru/wordl/20100204/157984132.html.
- ⁷¹ Калецки А. Чтобы Запад не утратил всякую значимость, государства должны активнее управлять экономикой // inosmi.ru/wordl/20100204/157984132.html.
- ⁷² Калецки А. Чтобы Запад не утратил всякую значимость, государства должны активнее управлять экономикой // inosmi.ru/wordl/20100204/157984132.html.
- ⁷³ Zakaria Fareed. Does the Future Belong to China? // www.fareedzakaria.com/articles/newsweek/050905.html.
- ⁷⁴ Zakaria Fareed. Does the Future Belong to China? // www.fareedzakaria.com/articles/newsweek/050905.html.
- ⁷⁵ Gabor Steingart. China Has a Plan, America Doesn't // www.zip.org.ua/2010/03/%d183-%d0%ba%d0%b8%d1%82%d0%b0%d0%b.
- ⁷⁶ Gabor Steingart. China Has a Plan, America Doesn't // www.zip.org.ua/2010/03/%d183-%d0%ba%d0%b8%d1%82%d0%b0%d0%b.
- Габор Штайнгарт — влиятельная фигура в немецких СМИ, именно он был в числе главных редакторов иностранных изданий, которые в начале марта 2012 г. были приглашены тогда еще главой правительства В. Путиным на встречу в Ново-Огарево.

Заключение

При сравнении результатов реформ в России и Китае невольно возникает вопрос. Почему сильно отстававший в экономическом и научно-техническом отношении от России Китай стал второй экономикой мира, а наша страна по многим важнейшим показателям развития откатилась далеко назад? В самом деле, за первые 30 лет реформ (начиная с 1979 г.) ВВП Китая увеличился в 15 раз, а промышленное производство — более чем в 20 раз. Внешнеторговый оборот вырос более чем в 100 раз. Совершена индустриализация и создана мощная база для решения поставленной XVII съездом КПК (2007) задачи превратить Китай из «мировой фабрики» в «фабрику знаний». Рост Китая продолжился и в кризисные годы. В 2009 г. прирост ВВП составил 9,2%, в 2010 году — 10,3%, в 2011 г. — 9,2%, в 2012 г. — 7,6 %, в 2013 г. — 7,7, в 2014 г., по оценкам, — 7,6%. Объем ВВП по номиналу в 2012 г. достиг более 8 трлн долларов, в 2013 г. — 9,3 трлн долларов и ожидаемый ВВП в 2014 г. — 10,5 трлн долларов и по ППС сравнялся с американским ВВП. Золотовалютные резервы в 2013 г. составили 3,8 трлн долларов, внешнеторговый оборот — 4,2 трлн долларов. Фантастически быстро росло производство автомашин. В дореформенный период (1978) было выпущено 149 тыс. автомашин, а в 2010 и 2011 гг. — по 18 млн, что больше, чем в любой другой стране мира, а в 2012 г. — 19,3 млн и в 2013 г. — 20 млн. Такими же впечатляющими стали и достижения Китая в развитии науки и высоких технологий. Доля высокотехнологичной продукции в китайском экспорте колеблется в пределах 25–30%. Как видим, не сбылись предсказания многих аналитиков либерального толка о «мягкой посадке» Китая и даже вступление в полосу кризиса.

А что мы можем поставить себе в заслугу? У нас за период 2000–2011 гг. реальный ВВП (с учетом инфляции) вырос на 67%, что позволило поднять опустившийся на самое дно жизненный уровень россиян и решить ряд других острых проблем. (Если бы не кризис, то ежегодные темпы роста ВВП составили бы 7,3%.) Но на деле то был «рост без развития». ВВП рос в основном за счет роста цен на мировых рынках на экспортируемое невосполнимое сырье, но мало что строилось в сфере реального сектора экономики и даже производственной инфраструктуры, не считая прокладки трубопроводов для экспорта нефти и газа. Мы проедали не только советское наследие, но и достояние будущих поколений.

Обычно называют много причин такого редкого в мире феномена, чтобы довольно развитая страна в мирное время, не пережившая природных и техногенных катастроф, имея к тому же большие запасы валюты, шла бы не вперед, а пятилась назад. Если искать причины, то следовало бы на первое место поставить качество элиты. Реформаторская элита Китая — и не в по-

следнюю очередь благодаря яркому таланту и огромному опыту в деле государственного управления инициатора реформ Дэн Сяопина — оказалась сильной, в целом сплоченной, мотивированной идеей восстановления былого величия страны и с мощным креативным потенциалом. Оригинальными стали модель реформ, модель отношений КНР со странами Запада, способы привлечения в страну капитала, новых технологий и современного менеджмента (различного типа открытые экономические зоны), пути подготовки национальных кадров специалистов. Правильно были выстроены приоритеты в экономическом развитии. Оригинальной явилась модель отношений континентального Китая с бывшей британской колонией Гонконг (Сянган) и португальской Макао (Яомэнь): одна страна — две системы.

Реформаторская элита Китая нашла и оригинальный путь проведения реформ: постепенно, без разрушения политического, экономического и государственного строя и руками самой компартии. Оптимальным представляется и выдвинутый китайской элитой новый социальный идеал — социализм с китайской спецификой на начальной стадии развития, также было дано новое толкование социализма. Это позволило властям наполнять «социализм с китайской спецификой» несвойственным марксистско-ленинскому социализму содержанием. А генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Си Цзиньпин в ноябре 2012 г. выдвинул идею «китайской мечты». Которая, как он заявил, является квинтэссенцией многовековых мыслей и чаяний китайского народа о построении справедливого общества, общества, в котором граждане страны будут жить в достатке, а также о месте Китая на мировой арене, которое бы соответствовало достигнутому этим государством успехам в экономике и политике и отражало бы существенно возросшую военную мощь¹. При этом китайский лидер фактически напрямую связал «китайскую мечту» с «великим возрождением китайской нации»².

Но и в теории, как и в экономике и политике, господствующим стал принцип градуализма. Решение о реформах («реформа и открытость») было принято 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., и они по своему содержанию не сильно отличались от объявленной Лениным новой экономической политики (НЭП). В 1983 г. Дэн Сяопин выдвигает тезис о необходимости «поощрения достижения частью людей зажиточности раньше других». В 1986 г. 6-й пленум ЦК КПК 12-го созыва закрепил положение о том, что при социализме необходимы «многообразные экономические уклады», а в документах XIII съезда КПК (октябрь-ноябрь 1987 г.) говорится о допущении существования и развития в стране частного хозяйства и использования наемного труда без ограничения численности работников на одном предприятии. На XIV съезде КПК (октябрь 1992 г.) была принята концепция «социалистической рыночной экономики». На XV съезде КПК (1997) принимается теория Дэн Сяопина о строительстве «социализма с китайской спецификой». Летом 2001 г. генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь выдвигает идею «о тройном представительстве в партии» («передовых производительных сил»; «передовой китайской культуры», «боль-

шинства китайского народа»), а в 2002 г. XVI съезд закрепляет эту теорию в уставе партии и она становится составной частью государственной идеологии КНР. Тем самым дорога в партию была фактически открыта представителям всех слоев общества, включая миллионеров.

(При этом я хотел бы отметить, что Цзян Цзэминь не случайно участвовал в работе XVIII съезда КПК. Как и не случайно в докладе уходящего с поста генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао было сказано, что КПК руководствуется в своей деятельности марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и теорией трех представительств Цзян Цзэминя. На деле Цзян Цзэминь был соратником Дэн Сяопина в выработке стратегии реформ. В какой-то момент развитие Китая, как в свое время и СССР в период НЭПа, подошло к той точке, когда надо было или идти вперед, или возвращаться назад. Выдвинутая Цзян Цзэмином концепция «тройного представительства» позволила Китаю идти вперед. С одной стороны, она открыла двери компартии представителям буржуазии и превратила ее по факту в партию всего народа. А с другой стороны, расчистила путь для формирования в Китае капиталистических укладов и появления долларовых миллиардеров, по числу которых, если верить шанхайскому рейтинговому агентству Hurun, Китай еще несколько лет назад обогнал Россию (хотя они и не имеют таких огромных состояний, как наши богачи). Так, в 2012 г. в Китае насчитывался 251 миллиардер (что, правда, на 20 человек меньше, чем в предыдущем году, из-за падения цен на недвижимость). А по данным журнала «Форбс», в 2011 г. в континентальном Китае было 115 миллиардеров. По официальным данным (агентство Синьхуа), в 2013 г. в континентальном Китае было 157 миллиардеров, в Гонконге (Сянган) — 75 миллиардеров³. Однако не известно, сколько их в Макао (Яомэнь), где в 2007 г. построен самый крупный в мире игорный дом, а точнее, создана огромная игорная индустрия, приносящая миллиарды долларов прибыли. В общей сложности, по данным того же Hurun, в 2013 г. в Китае было 315 долларовых миллиардеров. (Китайский журнал «Хужунь» подсчитал, что в США 440 миллиардеров, в Европе — 324, а в Азии — 608 миллиардеров.⁴)

Когда читаешь выступления Дэн Сяопина периода 1980-х гг., то в них часто поднимается тема о недопустимости буржуазной модернизации. Более того, он говорил о том, что иностранный капитал «не размоет у нас устои социализма», «мы твердо придерживаемся социалистического принципа и не допустим поляризации»⁵. Он также говорил, что «цель социализма не в создании поляризации, а в том, чтобы сделать зажиточным весь народ. Если наша политика вызовет поляризацию, то это будет означать, что мы *проиграли*. Если у нас появится какая-то новая буржуазия, то это будет означать, что мы действительно свернули на ошибочный путь»⁶.)

Но, как говорил Ленин, реальная жизнь богаче даже самых совершенных схем. Перед каждым новым лидером возникали новые проблемы, и они требовали творческих, порой революционных решений. Но в основе даже

самых глубоких общественных изменений лежала, подчеркиваю, политика градуализма, исключая шоковые методы, характерные для России 90-х гг. От съезда к съезду, от пленума к пленуму правящей партии (с непродолжительным временным откатом после событий весны 1989 г.) становились все более масштабными задачи по развитию страны. Менялись названия экономического строя, его содержание, и, разумеется, менялась не только экономика, но и социальная структура общества. Менялась партия и сама страна. Без «шоков», без больших потрясений, без развала государства, экономической разрухи и невероятных бедствий миллионов людей, как это происходило в нашей стране.

Менялись и стратегические цели, и объединяющие общество идеи. Фактически каждый лидер нового поколения руководителей выдвигал какую-то основополагающую идею. Что касается лидера первого поколения руководителей Мао Цзэдуна, то он правил страной долго, и у него было много основополагающих идей — как конструктивных, так и сугубо негативных, вроде «большого скачка» и «культурной революции». Лидер второго поколения руководителей Дэн Сяопин стал автором поистине революционной идеи построения «социализма с китайской спецификой» и многих других идей, раскрывающих и уточняющих это понятие. Лидер третьего поколения руководителей Цзян Цзэминь, как уже говорилось выше, выдвинул идею «тройного представительства», реализация которой изменила социальный облик правящей компартии, ее идеологию, а во многом и цели. Лидеру четвертого поколения руководителей Ху Цзиньтао пришлось считаться с ситуацией, объективно возникшей при проводимой прежними руководителями политике, направленной на создание условий для максимально быстрого экономического роста. Иными словами, с сильным расслоением общества, появлением нового класса в лице богатых людей, большого разрыва в доходах между городом и деревней, а также между процветающими преимущественно приморскими провинциями и провинциями глубинки, в первую очередь на северо-западе страны. Поэтому не случайно главной идеей Ху Цзиньтао стало построение «гармоничного социалистического общества», преодоление большого разрыва между богатыми и бедными, консолидация общества. А на XVII съезде КПК (2007) по его инициативе было принято решение о построении к 2020 г. общества средней зажиточности («сяокан»), когда, напомним, у каждого китайца будут, скажем так, приемлемые условия жизни. Ну а лидер пятого поколения Си Цзиньпин, как отмечалось выше, пустил в оборот идею «китайской мечты». Однако он только в октябре 2012 г. стал руководителем страны, и, вполне возможно, у него появятся еще и другие идеи.

В России сложилась иная ситуация. После развала СССР многие крупные государственные деятели и политики оказались не у дел. В демократическом же движении лидеров, способных справиться с задачей кардинального изменения политического и экономического строя в огромной стране с милитаризированной экономикой, не оказалось. Борис Ельцин обладал волей, решительностью, безмерным властолюбием, но не государственным

умом и знанием законов переходного периода. Что касается российской реформаторской элиты, то она оказалась на редкость слабой, расколотой, лишенной творческого потенциала, подражательной, не имеющей стратегического видения последствий принимаемых решений. Она не смогла создать собственную модель реформ, а заимствовала ее у Америки. Будь она более зрелой и самостоятельной, на смену реальному социализму она выдвинула бы идею построения демократического социализма скандинавского типа, а не модели американского капитализма, который в наших условиях не мог не стать диким и грабительским. И все то худшее, что есть в нашей жизни — достигшая невероятных масштабов коррупция, организованная преступность, глубокое социальное расслоение, падение духовности и нравственности, разложение государственного аппарата, разрастание пьянства и наркомании, бедности и нищеты, бездомные взрослые и беспризорные дети, «сверхсмертность» и «демографическая яма», — все это корнями уходит в порожденный реформами радикал-либералов «дикий капитализм».

Но и с приходом на лидирующие позиции во власть бывших работников спецслужб Россия не вышла на путь здорового общественного и социально-экономического развития. Западные коллеги порой спрашивают, почему россияне, которые боролись против коммунистического режима, репрессивным орудием которого был КГБ, передали власть его бывшим работникам? Они ведь не участвовали в демократическом движении и не имели опыта ни в общественной, ни в хозяйственной сфере деятельности. Вот какой ответ дает доктор социологических наук Ренальд Симонян: «Дискредитация демократии и создание реальных предпосылок к авторитаризму — главный общественно-политический результат деятельности российских реформаторов в 1990-х годах. В этом их историческая вина и перед российским народом, и перед российским государством. Нынешнее свертывание демократических свобод, насаждение «политической вертикали» — прямое следствие деятельности реформаторов 1990-х годов. Как ни горько, следует признать, что ориентация и установка нынешней власти на свертывание демократических институтов, возникшие с приходом В. Путина, вполне отвечают потребностям значительной части общества. Владимир Путин, с его курсом на возвращение к советскому прошлому, вовсе не упал с луны. Как «жесткая рука» он был востребован большинством населения России»⁷. Проблема еще и в том, что «герои» 90-х и их последователи навязали бывшим силовикам все тот же губительный неолиберальный экономический курс. И как результат, в деле устройства общества реформаторская элита как 90-х, так и нулевых годов ничего своего, оригинального, отвечающего реалиям Россия и интересам россиян, предложить не смогла.

И как же политически наивны те наши либеральные политики и деятели культуры, которые после протестных движений либерально настроенной интеллигенции 2012–2013-х гг. уже отмерили короткий срок жизни «путинскому режиму»! Но если бы даже существующий режим пал, то есть ли у нас сильная и конструктивная оппозиция, которая могла бы создать более

прогрессивный режим? Увы, такой оппозиции нет. Значит, она еще должна сформироваться. Представители оппозиции, однако, утверждают, что чиновники стараются помешать появлению в стране сильной и конструктивной оппозиции и выходу на политическую сцену потенциально сильных политиков, поскольку немалая их часть (чиновников) погрязла в коррупции и злоупотреблении властью и боится любых изменений существующего порядка вещей. В этом утверждении, возможно, есть какая-то доля правды. Но, с другой стороны, и утверждать, что Россия не готова к демократии вследствие тяжелого прошлого — ордынского господства, периода крепостничества и репрессивного большевистского правления, тоже нельзя. По уровню общественного и культурного развития наша страна стоит отнюдь не ниже Индии, Индонезии или Бразилии. А ведь в них проходят вполне демократичные выборы в органы власти, президенты не пересаживаются в кресло премьера, а премьеры — в кресло президента, а, отслужив отведенные им конституцией, как правило, два срока, уходят в отставку. Долгое пребывание первых лиц во власти приводит к потере ими творческого потенциала и чувства времени и ведет к деградации государственного управления, что явилось одной из причин распада СССР.

В то же время в срыве нормального демократического развития нельзя винить только исполнительную власть, которая, конечно же, без сдержек и противовесов везде и всюду стремится подмять под себя другие ветви власти. Не готовыми жить по законам демократии оказались не только многие простые граждане, но и немалая часть творческой интеллигенции и бизнес-сообщества. В 90-е, как известно, начались беспощадные информационные войны между возникшими олигархическими группировками, в частности, между кланом Бориса Березовского, с одной стороны, и кланом Владимира Гусинского — с другой. Они заставили служить прессу не народным и государственным интересам, а своим собственным, и немалая часть творческой элиты охотно на это шла. В итоге олигархи фактически подчинили себе государство, принудив его аппарат обслуживать их интересы. Понятно, что в таких условиях нормальное развитие государства и общества невозможно.

В демократических кругах не было понимания и того, что на исполнительной власти, особенно в переходный период, лежит наибольшая ответственность, и с нею надо не воевать, как это пытались делать отдельные олигархи и их окружение, а сотрудничать и помогать ей в создании благоприятных условий для прогрессивного развития. Но в этих же кругах не было и понимания особенностей такой огромной, многонациональной и разноуровневой по развитию страны, как Россия, в которой роль государства объективно должна быть велика. Оказавшиеся же у власти либералы, явно равняясь на политически стабильные небольшие по территории европейские страны, вновь и вновь повторяли, что государство не только должно уйти из экономики, но и чем его будет меньше вообще, тем будет лучше для общества. А между тем даже крупный американский историк и политолог, «кремлевед» и, кстати, русофоб Ричард Пайпс на вопрос о том, почему в России с та-

ким трудом приживается демократия, отвечал, что видит причину в том, что Россия очень большая и сложная во многих отношениях страна.

В России, несомненно, больше политических свобод, чем в Китае, но власть малоэффективна, потому что нет в ней обязательной ротации, а в высшие эшелоны органов госуправления часто отбор идет не из лучших, как в Китае, а из «своих», преданных, лояльных, а нередко и случайных лиц. И как бы в подтверждение поговорки «беда, когда пироги печет сапожник, а сапоги тачает пирожник», у нас Министерством здравоохранения и социального развития одно время руководил инженер, Минсельхозом — врач, Министерство обороны возглавлял специалист по мебельному делу и т.д. С одной стороны, реформаторы «первой волны» проводили экономические реформы по американскому сценарию и даже позаимствовали американскую структуру президентской власти. С другой стороны, подкорректировали ее в сторону единовластия. Как заявил, выступая по телеканалу «Совершенно секретно» в январе 2013 г., видный «демократ» из ельцинской команды Е.В. Савостьянов, именно он настоял на том, чтобы у президента РФ власть была такая же, как у русского царя. То есть без реального разделения властей, без сдержек и противовесов. И если в США каждый подобраный президентом кандидат на министерскую и иную высокую должность в обязательном порядке должен быть одобрен Сенатом, то в России он может быть назначен одним человеком — президентом РФ. Президентской властью фактически определяются и приоритеты государственных расходов. Отсюда редкий в мире феномен, когда при упадке промышленности и научно-технической сферы, при отсутствии в стране современных дорог, при крайнем износе жилищно-коммунальной инфраструктуры у нас гигантские средства тратятся на престижные проекты, о которых выше уже не раз говорилось.

Невольно приходят на память слова одного из самых глубоких знатоков российской истории и русского национального характера философа Николая Бердяева. «В русской политической жизни, в русской государственности, — писал он, — скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма, оно не поддается никаким рациональным объяснениям. Действие этого иррационального начала создает непредвиденное и неожиданное в нашей политике, превращает нашу историю в фантастику, в неправдоподобный роман»⁸. В самом деле, зачем было Б. Ельцину и его команде работать на развал СССР? Разве модернизация политического и экономического строя не могла происходить в рамках СССР? Например, в Индии проживают десятки народов, Конституцией признаны государственными 15 национальных языков и английский, но это не мешает ей модернизироваться и иметь демократическую политическую систему. Притом что именно Россия была собирательницей земель русских и связанных с нею многими узами народов. Понимали ли эти «демократы», какие беды ждут русских, оставшихся за пределами России, и целые народы, века жившие бок о бок с русским народом? Неужели было не ясно, что

сама по себе Россия уже никогда не будет глобальной державой, а развал СССР обрушит существующий с послевоенных лет миропорядок и откроет путь для господства и произвола на мировой арене Америки как единственной сверхдержавы? И абсолютно прав был президент Путин, когда сказал, что распад СССР был самой большой геополитической катастрофой XX века. Тогда и Россия не потеряла бы свои исконные земли, и Украина не оказалась бы на грани развала, не было бы и проблемы с Крымом, Приднестровьем и т.д. Крым, конечно же, исторически никак не связан с Украиной. Россия пробивала себе путь к теплым морям нередко большой кровью, и наши победы над противниками в Крыму овеяны славой и запечатлены в стихах великих русских поэтов. Только правда ведь в том, что именно Ельцин как политик, как председатель Верховного Совета РСФСР, а затем и как первый президент России сделал больше для развала СССР, чем руководители других советских республик, вместе взятые. И именно он вместе с украинским президентом Л. Кравчуком и белорусским руководителем С. Шушкевичем прямо из Беловежской пущи (где проходила встреча трех руководителей, страны которых в свое время были основателями СССР) обратились к мировому сообществу с заявлением о ликвидации СССР и образовании Союза независимых государств (СНГ) в составе бывших союзных республик в существующих границах. И это было одобрено парламентом в лице Верховного Совета РСФСР. В годы правления Б. Ельцина (1994) Россией, наряду с США и Великобританией, был подписан «Будапештский меморандум», гарантирующий Украине ее суверенитет и территориальную целостность. В этом-то и состоит уязвимость нашей позиции в отношении Крыма. Формально мы нарушили международное право.

Обращает на себя внимание и такой парадокс. Либералы (или, как называют их Е. Примаков, квазилибералы) не просто провалили реформы, они обрушили всю систему жизнеобеспечения, что имело неисчислимые негативные последствия. Многие люди голодали, женщины перестали рожать детей, старики раньше времени уходили из жизни, поскольку не могли перенести разрушение того, что строили своими руками. И возникает законный вопрос: почему же экономисты либерального направления до сих пор определяют экономическую политику государства? Но именно либеральные экономисты из Российской академии народного хозяйства и государственного управления (РАНХиГС) и Национального университета — Высшая школа экономики (НУ ВШЭ) создавали и обновляли долгосрочную программу развития России «Стратегия-2020». Тут что: правая рука не знает, что делает левая? Возможно, так и есть, однако главное состоит, очевидно, в том, что немалая часть российских «сильных мира сего» состоялись именно в «лихие 90-е». Шоковая терапия и «грошовая» приватизация общественной собственности одних обездолила, а других обогатила.

И еще. Откуда появилась идея, что победа наших спортсменов на международных соревнованиях может способствовать сплочению народа и повышению престижа России в глазах мирового сообщества? Ведь именно с

расчетом на это мы тратили и продолжаем тратить огромные средства на создание инфраструктуры для зимних и летних спортивных игр. Может создаться впечатление, что многие наши чиновники живут реалиями середины прошлого века. Сегодня престиж страны измеряется не достижениями в спорте, а в науке и новейших технологиях, а также высоким качеством жизни граждан. Именно сюда в первую очередь должны были идти доходы от экспорта энергоносителей, чего на деле не было. Трудно поверить, что кто-то из высоких чиновников думает, что мы сможем наверстать упущенное в сфере создания напигованных электроникой машин и оборудования, роботов, биороботов, нанороботов; совершить рывок на ряде других направлений технологической революции, достижения которой в считанные годы могут совершить переворот не только в экономике, но и в военной сфере. На самых перспективных направлениях технологического прогресса лучшие умы в США, Японии, Германии, Франции и ряда других стран, а также уехавшие из бывшего СССР талантливые ученые и специалисты работают уже десятки лет. Причем при щедром финансировании и в оборудованных по последнему слову техники и технологии лабораториях. И, заметим, при высочайшем престиже профессии ученого. Нашим ученым и не снились подобные условия.

А между тем перед Россией стоят серьезные угрозы. Во-первых, это проблемы, связанные с сырьевым характером нашей экономики. Понятно, что чиновники и сами «сырьевики» будут утверждать, что нефть и газ будут кормить нас до скончания века. На деле уже через несколько лет мы можем лишиться немалой части доходов от экспорта энергоносителей, которые нечем будет заменить. В чем новизна нынешней ситуации? В том, что страны Запада как важнейшие потребители российских углеводородов уже активно работают над созданием новой экономики, не загрязняющей окружающую среду и, соответственно, не использующей минеральное топливо, то есть нефть и газ. Притом в среднесрочной перспективе в России себестоимость добычи нефти будет увеличиваться, а запасы ее рентабельной добычи сравнительно невелики. И есть опасность в обозримой перспективе превратиться из страны-экспортера нефти в ее чистого импортера, как это случилось вначале с Китаем, а потом и с Индонезией. На газовом рынке ожидается усиление конкуренции, притом себестоимость добычи газа у нас будет возрастать. В то же время огромные, легкодоступные и низкие по себестоимости запасы природного газа имеются в Катаре, а США по новым технологиям добились крупных успехов в добыче сланцевого газа и через несколько лет планируют в сжиженном виде экспортировать его в Европу. К экспорту сланцевого газа готовятся Канада и Австралия. Есть запасы горючих сланцев в Польше и ряде других европейских стран. Но самые большие в мире запасы горючих сланцев имеются в Китае.

На создание даже не инновационной, а индустриальной экономики, судя по опыту Японии, Южной Кореи, Китая и ряда других стран, уходит не менее 20 лет. К инновационной экономике лежит путь через реиндустриали-

зацию, но после вступления России в ВТО ее трудно осуществить. Государство не может выступать в качестве инвестора, иностранный капитал не заинтересован помогать России восстанавливать ее промышленный потенциал, а крупный отечественный, то есть сырьевой, бизнес стремится вывозить капитал из страны. Но есть и трудности другого рода. Как писал академик РАН, директор Института Европы РАН Николай Шмелев, «в ближайшей перспективе вполне возможно, что остройшей проблемой для страны может стать именно наше участие в ВТО, которое в определенном смысле будет своего рода «принуждением» России, вернее, значительной части ее экономики к открытой и жесткой международной конкуренции. Готова ли она к этому? Пока, похоже, не готова. И ей предстоит, ради повышения эффективности ее экономики, столкнуться с новым раундом банкротств, ростом безработицы и умиранием раздавленных международной конкуренцией многих ее производств и целых населенных пунктов»⁹. При этом академик подчеркивал, что налицо тенденция, когда легальное и нелегальное бегство российских капиталов на Запад никак не уравнивается встречным притоком в нее капиталов извне¹⁰. И он был прав. В 2013 г. из страны «убежало» 63 млрд долларов, а в 2014 г. отток капитала составил 151 млрд долларов. Но если капитал уходит из страны и нет должного притока инвестиций извне из-за плохого инвестиционного климата и тем более при неблагоприятной для нас международной конъюнктуре, то не может быть и роста экономики. А ситуация уже сейчас тяжелая. Начавшееся еще в 2012 г. замедление темпов роста обернулось снижением ВВП до 1,3%, промышленного производства — до 0,3%. В 2014 г. рост ВВП, по предварительным расчетам, составит 0,3–0,5%. Санкции Запада против России в связи с событиями на Украине и присоединением Крыма могут только ухудшить условия для развития нашей экономики. На момент, когда завершается работа над этой рукописью, социально-экономическая ситуация в стране остается стабильной, чему в немалой мере способствуют накопленные валютные резервы. Но в последующие несколько лет ситуация может усугубиться. И дело не только в ценах на нефть и санкциях.

Едва ли не главной причиной является то, что доходы от высоких цен на экспортируемые энергоносители перестали служить локомотивом роста экономики, и виной тому является ущербная экономическая модель. О ее смене говорят уже давно, причем если не на самом высоком, то на министерском и экспертном уровне, но на практике ничего не делается. И не делается, очевидно, потому, что, как уже отмечалось выше, экономическую политику правительства возглавляют люди, близкие по взглядам первой команде реформаторов во главе с Е. Гайдаром и А. Чубайсом, все еще делающие ставку на «невидимую руку рынка», которая сама все расставит по местам.

Многие ученые указывают на очень опасный в истории России период, когда доходы от экспорта энергоносителей упадут или совсем иссякнут, а иных источников пополнения государственной казны из-за неразвитости реального сектора экономики не окажется. Именно в этом временном про-

межутке развитие страны может пойти по катастрофическому сценарию, о чем давно предупреждали власти и общество академики РАН Л. Абалкин, Р. Нигматулин, Т. Заславская и многие другие ученые и специалисты.

Во-вторых, стране реально грозит потеря науки. Нищенское финансирование привело, с одной стороны, к ее упадку и потере целых направлений, а с другой стороны, к отъезду из страны талантливых ученых и специалистов самого работоспособного возраста. В результате у нас остались ученые старше 60 лет, пришла небольшая часть молодежи, а ученых среднего возраста, которые играют решающую роль, в частности в естественных науках, нет или почти нет. Престиж ученого в новой России упал до небывало низкого уровня, и пока он не поднимется на ту высоту, которую он (ученый) имеет, скажем, в США, или имел в СССР, в науку будут идти лишь единицы из талантливой молодежи страны. Вот что говорил по этому поводу академик РАН Н. Шмелев: «Что нас может ожидать в ближайшие 15–20 лет? Без резкого, принципиального изменения отношения к науке, равносильного тому, которое произошло в Советском Союзе практически сразу после Второй мировой войны, без восстановления социального статуса науки, образования, ученых и преподавателей отставание России и постепенный переход ее на обочину мирового развития неизбежны. Уже нанесенный за последние 20 лет ущерб этой сфере в России вряд ли может быть компенсирован раньше, чем через два-три поколения. Соответственно даже в лучшем случае на этот срок может отложиться и возвращение России в ранг ведущих научных держав мира»¹¹. А реформа в сфере науки (слияние трех академий разной направленности в одну), по мнению большинства ученых, скорее ухудшит, чем улучшит ситуацию. Возможно, если Запад в рамках принимаемых санкций будет стремиться лишить Россию доступа к своей инновационной продукции, наши власти пересмотрят свое отношение к науке. Только это не даст скорых положительных результатов, поскольку слишком много потеряно во всей научно-технической сфере.

Мы уже сейчас производим мало высокотехнологичной техники. У нас возникают большие проблемы с запусками ракет, с доведением до нужной кондиции даже сборочного среднемагистрального гражданского самолета «Сухой Суперджет-100». Пройдет немного времени, и мы не сможем создавать не только современные машины и оборудование, но и современную военную технику. Еще раз приведу слова академика РАН Владимира Захарова, который сказал, что без науки в обозримом будущем производимое нами оружие будет относиться к будущим стандартам, как арбалет к автомату¹². Ведь войны в XXI веке, в каких бы масштабах они ни велись, это войны не моторов, как было во Вторую мировую войну, а войны технологий.

Российско-китайские отношения переживают сейчас лучшие времена за последние несколько десятилетий. И начало их улучшению положил Дэн Сяопин. Как заявил директор Института Дальнего Востока РАН академик РАН Михаил Титаренко, «Дэн Сяопин был активным сторонником нормализации отношений с Россией... Причину наших отношений в 60–70-е

годы он видел в том, что стороны наговорили много лишних и пустых слов. Тогда Дэн мудро предложил «закрыть прошлое и открыть будущее»... Этому совету Дэна стоит следовать и сегодня, в развитии стратегического партнерства между Россией и Китаем»¹³. Прошли те времена, когда, как пишет доктор исторических наук В.Я. Белокреницкий, «геополитически Китай чувствовал себя окруженным СССР, который сконцентрировал на своем Дальнем Востоке мощную группировку сухопутных и военноморских сил, имел партнера в лице дружественной Индии и союзника в лице социалистического Вьетнама»¹⁴.

Не следует, однако, преувеличивать значения установленных между Россией и Китаем отношений стратегического партнерства. Они, несомненно, более тесные, чем отношения стратегического партнерства Китая с Индией и США. Что касается участия России и Китая в ШОС и БРИКС — это, безусловно, положительный для нас факт. Однако не так уж далеки от истины те специалисты, которые говорят, что Китай будет входить в эти организации, отстаивая при этом собственные интересы, пока это ему выгодно. Ведущие китаеведы говорят, что Россия во внешней политике Китая занимает четвертое место после СНГ, США и ЕС, а как деловой партнер она стоит после США, ЕС, Юго-Восточной Азии, Японии и Ближнего Востока. Российская доля во внешнеторговом обороте КНР растет с каждым годом, достигнув в 2013 г. около 90 млрд долларов. Однако, как говорится, все познается в сравнении: в 2013 г. товарооборот Китая с ЕС составил 559 млрд долларов, с Америкой — 521 млрд, с Японией — 312 млрд, с Кореей — 197 млрд, с Австралией — 136 млрд долларов.

Но правы и авторы, утверждающие, что Китай нуждается в мире на своих границах с Россией, заинтересован в российском сырье, в каких-то технологиях, в ее емком рынке, поэтому у него есть резон иметь с нею хорошие отношения. И Россия, понятно, заинтересована в хороших отношениях с Китаем. В то же время прогнозировать, как поведет себя Китай, когда станет второй сверхдержавой и первой по мощи экономикой мира, я бы не решился. Этого не знает и знать не может никто, включая самих нынешних китайских руководителей. Причем проблемой может стать не столько сила Китая, сколько слабость России вообще и, в частности, ее неспособность освоить районы нашего Востока, на которые когда-то распространялось влияние Цинской империи и на которые претендовал в последние годы жизни Мао Цзэдун. Евгений Бажанов, в прошлом советник посольства СССР в КНР, а ныне ректор Дипломатической академии МИД РФ, отвечая на вопрос о том, как может повести себя Китай, когда станет первой в мире сверхдержавой, вначале указал на сложнейшие проблемы, которые стоят перед Китаем. Это загрязнение окружающей среды, ведь 70 процентов энергии дает уголь, недостаток собственных ресурсов, неразвитость многих регионов, большой разрыв в доходах богатых и бедных и т.д. Он и будет занят их решением. А затем сказал: «...Мы с вами знаем из истории человечества, что любое государство, когда становилось сильным, начинало вы-

думывать теорию о том, что оно должно лидировать и что это нужно не только ему, а и другим. Начиная с Древнего Рима, эпохи колонизации, политики Советского Союза. И логично ожидать то же самое от Китая, тем более что в прошлом Китай, когда был сильнее других стран, считал себя не только центром земли, а остальных варварами, но и вассалами. То есть все остальные, кто приезжали в Поднебесную как послы, воспринимались как вассалы. То есть неравными. Но это не значит, что надо автоматически бояться Китая и вести себя соответствующим образом»¹⁵.

Но как бы то ни было, собственными силами нам Дальний Восток и Восточную Сибирь не обустроить. Фактически это оказалось не по силам и куда более мощному СССР, когда можно было в эти регионы практически в приказном порядке направлять коммунистов и комсомольцев и строить предприятия и инфраструктуру, выделяя крупные средства из государственного бюджета. Этой точки зрения придерживается и директор Института Дальнего Востока РАН академик РАН Михаил Титаренко. Так, давая интервью корреспонденту «Независимой газеты» Артуру Блинову, он заявил: «Надо понять, что развивать наш Дальний Восток и Восточную Сибирь без всестороннего сотрудничества с Китаем, Японией и Кореей мы не сможем. У нас недостаточно рабочей силы и не хватает капиталов. В Китае есть капиталы и есть избыточная рабочая сила. То же самое в Корее и в Японии (в последней — кроме рабочей силы)»¹⁶. Такой же точки зрения придерживается и Е. Бажанов.

В большом аналитическом материале заместителя директора Института Дальнего Востока РАН доктора исторических наук С.Г. Лузянина «Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс» дается обстоятельный анализ внешней политики Китая в разных вариантах¹⁷. Я, естественно, пересказывать его не буду, только отмечу некоторые места, касающиеся возможной будущей политики, когда и если Китай станет сверхдержавой. «Просматривается (уже сегодня) значительное усиление национально-патриотической мотивации на волне общего успеха. Тут имеем «две стороны медали». Одна, позитивная, — формирование в китайском обществе объединяющей идеи возрождения китайской нации, которая порождает колоссальную энергетику, сплачивает страну, дает перспективу «великого будущего». На это сегодня работают СМИ, литература, кинематограф, другие виды искусства. Другая сторона медали — формирование достаточно опасных для китайского руководства и Китая в целом националистических настроений и взглядов. Часть этих взглядов излагается в китайском Интернете (около 500 млн пользователей) или в различных изданиях бумажной печати. На сегодняшний день национализм не стал системным явлением, охватывающим все этажи китайского общества, государства и тем более КПК. Не просматривается такая перспектива и на период 2012–2017 гг. Но в будущей модели сверхдержавы элементы национального патриотизма значительно усилятся и, возможно, приобретут системный характер»¹⁸.

Представляет, на мой взгляд, интерес и то, как Китай понимает отношения с другими странами и организациями. Перечислив разные виды отно-

шений с ними («совместное развитие», «глубинные изменения», «гармоничный мир», «совместная ответственность», «активное участие» — под которым понимаются двусторонние и многосторонние отношения в рамках ООН, ШОС, РИК (Россия—Индия—Китай), БРИКС, АСЕАН, АСЕАН+1, АСЕАН+3, треугольник «Китай—Южная Корея—Япония» и др., С. Лузянин замечает, что эти формы отношений с другими странами и организациями направлены на решение задачи «преодоления узкого регионализма во внешней политике» и «преодоление комплекса развивающегося государства». ¹⁹ Далее он пишет: «Говоря о первом «преодолении» («узкого регионализма»), следует подчеркнуть, что еще до официальных формулировок, в конце 1990-х — 2000-х годах, Китай стремительно расширяет географию своих национальных интересов, активно осваивая новые глобальные измерения внешней политики. Так, если раньше термин «добрососедство» в китайской политологии трактовался как отношения КНР с 14 сопредельными странами, то сегодня все чаще используется другое понятие — «большое соседское окружение Китая». В него входят не только приграничные страны, но и государства всей Центральной Азии, Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Западной Азии и АТР, включая США, Австралию, Новую Зеландию. И терминологически, и политически просматривается тенденция расширения географических рамок китайской региональной внешней политики»²⁰.

В русле логики вышесказанного следует ожидать, что по мере увеличения экономической мощи и политического влияния в мире Китая будут меняться и приоритеты его отношений с другими странами, включая Россию. Притом нынешний многократный перевес Китая в экономическом потенциале над Россией будет только увеличиваться. Чуда не произойдет! Китай, скорее всего, еще долго будет развиваться быстрыми темпами, ибо, как подчеркивает С. Лузянин, китайская властная вертикаль — это «КПК—государство—общество», отличающаяся управленческой эффективностью, высокой мобильностью и адаптивностью по отношению к меняющимся обстоятельствам, имеющая «набор стратагем для текущей, среднесрочной и долгосрочной внутренней и внешней политики, дающая возможность Китаю сочетать тактическую гибкость со стратегической нацеленностью»²¹.

В принципе перед Китаем в каком-то будущем встанут, на мой взгляд, две крупные проблемы. Первая проблема. Для повышения уровня городского населения и успешного решения социальных проблем он должен быстро расти, как минимум 10, а то и 15 лет. Быстро — не значит 11–12%, как бывало многие годы до мирового кризиса, а 7–8%. С этим, как мне кажется, он может справиться, хотя мы живем в глобальном мире, и многое будет зависеть и от состояния дел в других центрах экономической и научно-технической мощи. Вторая проблема, которая, впрочем, возникнет, как можно предположить, еще не скоро, состоит в следующем. Если по мере роста численности среднего класса начнет усиливаться его давление на власть с требованиями демократизации политической системы, то как власть поступит в условиях продолжающегося роста экономики и — чего

тоже нельзя исключить — при его падении и обострении социальных проблем. На момент завершения работы над этой книгой видятся два пути. Один — власти пойдут навстречу требованиям среднего класса, хотя скорее эволюционно, нежели революционно. Скажем, есть пример Индонезии, которая по уровню развития стоит гораздо ниже Китая, но где уже есть многопартийность и прочие атрибуты демократии. Второй путь — по мере снижения роста производства, ухудшения социальной ситуации в стране и давления на власть уже не столько среднего класса, сколько безработных и наименее обеспеченных слоев населения Пекин будет акцентировать факт достижения былого величия Поднебесной, ее возросшую роль в мире и т.д., используя национал-патриотизм как объединяющую идею для всех слоев населения. Ведь и в условиях массовой нищеты Мао Цзэду удалось сплотить народ на основе коммунистической идеи. Но в принципе этого же можно добиться и на основе идеи величия страны — великоханьской идеи. И не следует при этом забывать, что в Китае есть и немало маоистов. Если в постсоветской России есть сталинисты, то в Китае, где не было развенчания Мао Цзэдуна и дискредитации марксизма-ленинизма, они тем более никуда не делись.

При определенных условиях может произойти и буржуазный переворот, как это произошло в России. В период правления Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина армия была в руках представителей того поколения, которое с оружием в руках боролось за установление в стране власти коммунистов. Практически все самые видные политики в прошлом были командирами (политработниками) Красной армии, за исключением разве только Цзян Цзэминя. Когда в руководстве Китая возникли разногласия по поводу политики в отношении протестующих на площади Тяньаньмэнь, Дэн Сяопин, преодолевая сопротивление генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна («китайского Горбачева») и его сторонников, принял решение применить против них войска, потому что ему по факту подчинялась армия, в которой он к тому же пользовался большим влиянием. Но того поколения руководителей уже нет, хотя статус НОАК в общественной и политической жизни КНР остается высоким. Перед лицом усиливающегося расслоения общества и углубляющейся социальной неоднородности компартии пятое поколение руководителей во главе с Си Цзиньпином, судя по всему, с одной стороны, намерено и впредь держать НОАК под строгим партийным контролем. Генеральный секретарь ЦК КПК, он же председатель КНР, одновременно является главой и Военного совета ЦК КПК, и Центрального Военного совета КНР. А с другой стороны, руководство страны и лично Си Цзиньпин придает большое значение развитию и укреплению вооруженных сил, о чем говорит то внимание, которое новый руководитель начал уделять армии, притом что военные расходы постоянно растут. Хотя, по некоторым данным, в 2013 г. они составили 114 млрд долларов, в то время как одобренные Конгрессом США на 2014-й финансовый год военные расходы достигли 552 млрд долларов.

А на что способна наша властная вертикаль? Если спросить даже высокого чиновника, какова стратегическая цель нашего государства, то он вряд

ли нам ответит. Он даже не сможет объяснить, какими принципами мы руководствуемся при выстраивании отношений с другими государствами: созданием условий для более быстрого и безопасного развития или стремлением во что бы то ни стало доказать, что Россия является глобальной державой? К сожалению, внешняя политика нашей «вертикали» во многом импульсивна, сиюминутна, окрашена личностной вкусовщиной, амбициозностью, игрой в «сверхдержавие» и не просчитана на многие годы вперед. Мы то заклинаем ни в коем случае не признавать самостоятельность Косово, считая его неотъемлемой частью Сербии, то признаем во много раз меньшую по численности населения Абхазию и совсем крошечную Южную Осетию. То, что политый русской кровью Крым воссоединился с Россией, стало восстановлением исторической справедливости. Только дело в том, что до этого мы раз за разом повторяли о необходимости строгого соблюдения всеми государствами международного права и принципа территориальной целостности государств.

Мы сумели поссориться едва ли не со всеми своими соседями, включая кровнородственную нам Украину, с которой, точнее, с Киевской Руси, берет начало Россия. Конечно, вина за государственный переворот и последующую гражданскую войну лежит на Западе, который, преследуя свои геополитические цели вопреки национальным интересам Украины, решил во что бы то ни стало связать ее с Евросоюзом, чтобы не допустить расширения ее экономических связей с Евразийским экономическим союзом. Автор этой работы в статье в интернет-журнале «Столетие.ру» еще на раннем этапе развития трагических событий на Украине высказал мысль о том, что ее ассоциация с ЕС приведет к таким негативным социально-экономическим последствиям, что следующие президентские и парламентские выборы «евроинтеграторы» с треском проиграют²². Но, к сожалению, развитие событий пошло по иному сценарию. Как пишет директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН Руслан Гринберг, «действия Запада на Украине были расценены в Москве как переход «красной черты» и не остались без решительного ответа. На основании референдума полуостров Крым был включен в Российское государство, что означало отказ России от ранее взятого обязательства гарантировать территориальную целостность Украины... В каком-то смысле Запад достиг своей стратегической цели. Установившееся враждебное противостояние между РФ и Украиной сохранится, видимо, на долгие годы, что исключает их объединение в рамках каких-либо постсоветских интеграционных союзов. Только что созданный Евразийский экономический союз даже при условии его успешного развития явно не будет таким мощным, каким бы мог быть, имея в своем составе Украину. Так что же Россия потеряла и что приобрела в ходе украинской смуты? Во-первых, она получила Крым, но потеряла Украину. Во-вторых, украинский кризис обнажил всю глубину противоречий между Россией и Западом, и в первую очередь между РФ и США, и продемонстрировал полный провал политики перезагрузки... Скорее всего, под влиянием событий на Украине

строительство нового мирового порядка претерпит серьезную трансформацию. В первую очередь это приведет к утверждению многополярности, с которой США и Запад должны будут смириться... Напряженность между РФ и США будет длиться, видимо, достаточно долго, и нельзя исключить возникновения, так сказать, второго издания холодной войны, т.е. глобального противостояния. Но в отличие от советского времени ресурсов для ведения такой войны у России маловато, так что последствия для нее в этом случае могут быть весьма тяжелыми»²³.

А вот что говорит по этому поводу президент американского Центра глобальных интересов, наш соотечественник, живущий в США и России, постоянный участник проходящих в нашей стране на высоком уровне форумов профессор Николай Злобин: «Начинает вырабатываться новая политика в отношении России, американская новая политика, западная в отношении России. Если посмотреть, так сказать, в эпицентр этой политики, то Россия начинает всерьез рассматриваться как геополитический противник — то, чего не было на протяжении последних двадцати лет. Как это будет практически — сегодня трудно, наверное, сказать, но Россия не рассматривается больше как часть общей системы безопасности, не рассматривается как часть общей системы международной экономической интеграции со странами Запада, не рассматривается как страна, с которой можно вести партнерские отношения. С ней можно вести и развивать отношения только по конкретным вопросам, где совпадают интересы. Ситуация хуже «холодной войны» на самом деле, потому что даже идеология нас не разделяет, а речь идет о каких-то фундаментальных, гораздо более глубоких ценностях, по которым мы стали расходиться. И то, что Россия себя объявила не членом западного сообщества, не европейской больше страной, на самом деле приводит к тому, что и Запад перестает рассматривать Россию как часть европейского сообщества»²⁴.

Но дело не только в политике Запада. В мире есть немало стран, в которых существует проблема сепаратизма и которые с большой настороженностью относятся к вопросу о нарушении территориальной целостности, какими бы вескими мотивами это ни оправдывалось. Эти проблемы есть и в странах БРИКС, в частности в Индии и Китае. Есть и страны с большим русскоязычным населением, как, например, Казахстан и государства Балтии, в которых среди части населения появилось ничем не оправданное беспокойство в связи с воссоединением Крыма с Россией. При этом нам не удалось убедить мировое сообщество в правоте своей позиции. И это стало очевидно при голосовании по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по Крыму, принятой 27 марта сего года. В пользу поддержки территориальной целостности Украины и непризнания законным референдума по Крыму и его присоединения к России проголосовало 100 стран, 51 воздержалась, включая Китай, и только 11 стран, в основном периферийных, выступили против этой резолюции. При этом на поддержку Китая на международной арене особо рассчитывать не следует. Для него главное состоит в том, что-

бы отношения с Россией, с которой он имеет границу огромной протяженности, оставались стабильно позитивными, и будет выступать с ней заодно на международной арене, если это совпадет с его интересами. А ухудшение отношений России с Западом и с Америкой в особенности Китаю даже выгодно. На вопрос российского политика Владимира Рыжкова, не будет ли Китай вместе с Россией участвовать в новой «холодной войне», Н. Злобин ответил: «Политические разногласия Китая и Америки решаются совсем на другом уровне... Ну, да — будут хорошие отношения у России с Китаем. Ведь никто не мешал Китаю развивать с Россией отношения и раньше. Однако они почему-то не развивались так, как сегодня. Сегодня китайцы отлично понимают — я с ними много общаюсь, — что Китаю очень нужна Россия, но у Китая совсем другие амбиции в отношении России. И они, естественно, воспользуются нынешней ситуацией себе на пользу, а не на пользу России... Отказавшись от некой зависимости от западных покупателей своей энергии, Россия окажется в гораздо большей зависимости, политической, военной, если хотите, а уж тем более экономической, от Китая... Китай будет очень четко проводить свою экономическую линию. Китай, в общем, известен последние десятилетия тем, что потихоньку завоевывает мир и превращается в супердержаву, не входя ни с кем в конфронтацию»²⁵.

В свою очередь хорошо знающий Поднебесную изнутри востоковед Владимир Невейкин говорит: «Китай, конечно, будет продолжать формально подыгрывать России, будет «кивать головой» на речи ее лидеров. В этом есть свой резон. Можно взамен получить серьезные уступки в цене доступа к российским ресурсам, в том числе и к некоторым научно-техническим. Ведь у нас, как говорится, «друзьям все». Такое поведение вполне находится в рамках китайской национальной традиции: попытаться оплатить часть «контракта» за счет доброго и дружеского расположения... Для успешного решения внутренних социально-экономических проблем (а они у него, несмотря на успешность реформ, совсем немаленькие) Китаю необходимо серьезное и качественное своей модели развития, повышение ее общественной эффективности. А для этого ему нужен прямой доступ к опыту передовых стран планеты, к их знаниям и технологиям, умениям и инновациям, не говоря уже о рынках сбыта. К сожалению, Россия не может ничего существенного предложить в этой области»²⁶.

Что же касается торгово-экономических отношений с Китаем, то, вероятнее всего, мы уже скоро окончательно лишимся и без того небольшой доли несырьевого экспорта в КНР, и они все больше будут напоминать отношения колонии с метрополией. В обозримой перспективе мы ничего с этим поделать не сможем. Вот, например, что говорит на этот счет М. Титаренко: «Мы говорим китайским друзьям: “Вы превращаете нас в сырьевой придаток”. В ответ слышим: “Предлагайте готовую продукцию”. К сожалению, мы не можем в полной мере воспользоваться этой возможностью. Наша машиностроительная продукция составляла 20% с лишним, а сейчас — менее 1%. Мы жалуемся, что структура нашего экспорта в Китай для нас не-

выгодна. И слышим: “Предоставьте нам список продукции машиностроения, которую вы можете нам продать”»²⁷. Слишком уж безответственно (а где-то и корыстно) наши верхи распоряжались народными средствами — нефтедолларами, которые шли куда угодно, только не на развитие реального сектора экономики, инфраструктуры, науки и высоких технологий. Жаль только, что расплачиваться придется не верхам, а низам.

* * *

Россия, расположенная на стыке Европы и Азии, далеко не всеми россиянами воспринимается как часть западного сообщества. У нас немало сторонников той точки зрения, что она является евразийской страной. Не случайно Н. Бердяев называл Россию «Востоко-Западом». И до сих пор идут острые дискуссии вокруг идентичности русских как государствообразующего народа. Хотя правда и то, что новая и новейшая история России связана с Европой, ее культурой и научно-техническими достижениями. Но, так или иначе, с учетом географического положения России для нас жизненно важно иметь хорошие деловые отношения как с Западом, так и с Востоком. И хотя целый ряд стран Востока в последние десятилетия добились огромных успехов в промышленном и технологическом развитии, только в странах Запада мы можем получить большую часть современных машин и оборудования и новых технологий. Отсюда задача российской дипломатии, как представляется, сделать все возможное, чтобы не потерять конструктивных деловых отношений если не с Америкой, с которой у нас относительно небольшой объем торгово-экономических связей, то со странами Евросоюза, являющимися нашими основными деловыми партнерами. Притом что страны ЕС сопротивляются нажиму Вашингтона ужесточать санкции в отношении России.

Что же касается стран Востока, то их значение для нашей экономики резко возрастает в связи с решением властей интенсифицировать развитие богатых природными ресурсами Дальнего Востока и Восточной Сибири, а также увеличить экспорт нефти и газа в страны АТР, имея в виду и возможность его сокращения в страны Запада. Это не говоря уже о том, что, как подчеркивал директор института Дальнего Востока РАН академик Титаренко, только при взаимодействии с Китаем, Японией и Кореей мы можем успешно осваивать богатства региона и обулаивать быт людей. Что касается Японии, то она обладает огромным не только промышленным, но и технологическим потенциалом. Однако до сих пор расширение и обогащение делового сотрудничества с ней нагаливалось на так называемые «северные территории». То есть на перешедшие к СССР, а потом и к России после Второй мировой войны острова, на которые претендует Япония. Как пишет участвовавший в переговорах по проблеме «северных территорий» профессор, декан факультета международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС при президенте РФ Юрий Косов, «сотрудничество с Японией рассматривается как возможное дополнение или альтернатива

сотрудничеству с Китаем. Высокие технологии, которыми обладает Китай, до уровня японских еще не поднялись. Кроме того, Китай не хочет делиться своими технологиями с Россией. Для Японии тоже очень важно сотрудничество с Россией. Япония получает основную часть энергоносителей из стран Ближнего и Среднего Востока, из арабских государств. В основном это нефть и сжиженный газ, причем последний покупается по более высокой цене, чем если бы он приходил из России. Все экспортеры стремятся диверсифицировать свои поставки. В Евросоюзе принят закон, по которому он должен получать энергоносители не менее как из трех основных источников, а из одного источника — не более одной трети. Япония — одна из крупнейших экономик мира, которая такую диверсификацию не провела, поэтому сейчас сотрудничество с Россией напрашивается²⁸. Но Япония сильно зависит от США и присоединилась к объявленным Западом санкциям.

И еще очень важное направление нашей внешней политики. Нельзя путать нынешний украинский режим с украинским народом, что нередко имеет место в российских СМИ. Раньше или позже антироссийски настроенная власть сменится, а украинский народ, с которым мы веками жили вместе, останется. У нас общие корни, общая история и общая судьба. В России есть «горячие головы», которые хотят «наказать» Украину за антироссийскую политику, создав ей максимально трудные условия для достижения политической стабильности и социально-экономического развития, прежде всего ужесточить условия получения энергоносителей. Только они «накажут» не власти и не национал-экстремистов из «правого сектора» и ему подобных организаций. Они «накажут» народ и в первую очередь русских и украинцев южно-восточных областей. Известно, что больше всего энергии потребляют не сельскохозяйственные районы и районы с низким уровнем индустриализации Западной Украины, давшие Киеву едва ли не большую часть боевиков, а наиболее промышленно развитые районы юго-восточной Украины, население которых решительно выступило против антинациональной политики Киева.

Возможно, придет время, когда и проблема Крыма, потеря которого, вне сомнения, будет отдаваться болью в сердцах большинства граждан Украины, включая русское население, будет решена «по-китайски». Имеется в виду то, как была решена проблема Гонконга. Пекин оставил за собой оборонную и внешнюю политику, а в остальном Гонконг, или Сянган, сам решает свои дела. Когда у каждой стороны есть своя правда — России Крым принадлежал сотни лет, а Украине, не считая советского периода, когда административные границы мало что значили, он перешел по плохо продуманным Беловежским соглашениям — то компромиссное решение стратегически отвечало бы интересам обеих стран и могло быть принято и мировым сообществом.

Но надо быть готовыми как к лучшим, так и худшим сценариям развития в связи с событиями на Украине. Как пишет директор Института экономики РАН Р. Гринберг, «в условиях теперешнего охлаждения отношений с Запа-

дом здесь, похоже, появляются некоторые новые возможности для импортозамещающей политики и вообще для практических действий в решении задачи новой индустриализации страны. Однако нельзя не считаться и с вполне вероятной перспективой наращивания негативных для нас эффектов от западных санкций в области финансов и торговли. В политической же сфере в случае сознательной политики изоляционизма почти неизбежно укрепление авторитарных начал в управлении страной, которая, конечно же, достойна лучшей судьбы, чем возвращение в “прекрасное прошлое”»²⁹. То, как живут народы в условиях изоляции, хорошо видно на примере Северной Кореи. (Кстати говоря, беды Китая начались тогда, когда он слишком долго жил в условиях изоляции и «проспал» промышленный переворот в передовых странах Запада.) Однако есть все основания надеяться на то, что Россия не окажется в сходной ситуации. У нас куда больше ресурсов, и если ими разумно распорядиться (чего, увы, до сих пор не наблюдалось!), то можно накормить, одеть и обуть наших граждан и жить, скажем, на уровне середины прошлого века. Да и полностью изолировать Россию, тем более все еще имеющую внушительный ракетно-ядерный потенциал, практически невозможно. У нас все равно будут союзники. Но технологическое развитие страны, скорее всего, надолго прекратится. Притом изоляции чаще всего сопутствует диктатура. Стало быть, надо делать все возможное, чтобы избежать изоляции и самоизоляции.

¹ См. подр.: *Куприянов Т.* Китайская мечта // china.ru/48058.

² *Куприянов Т.* Китайская мечта // china.ru/48058.

³ Китай стал второй страной в мире по числу миллиардеров // newsland/news/detail/id/1280639.

⁴ Китай стал второй страной в мире по числу миллиардеров // newsland/news/detail/id/1280639.

⁵ *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая // www.skmrf.ru/library/library_files/dxp.htm.

⁶ *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая // www.skmrf.ru/library/library_files/dxp.htm.

⁷ *Симомян Ренальд.* К 20 летию экономических преобразований в России // Континент.

2011. № 147 [magazines.russ.ru/continent/2011/147/html].

⁸ *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990. С. 54.

⁹ *Шмелев Н.* Здравый смысл и будущее России: да или нет? // Россия и современный мир. 2012. № 4. С. 20.

¹⁰ *Шмелев Н.* Здравый смысл и будущее России: да или нет? // Россия и современный мир. 2012. № 4. С. 26–27.

¹¹ *Шмелев Н.* Здравый смысл и будущее России: да или нет? // Россия и современный мир. 2012. № 4. С. 26.

¹² *Захаров В.Е.* Наука в России и современном мире // Неэкономические грани экономики. Непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 515.

¹³ *Титаренко М.* Дэн Сяопин сделал Китай одной из самых привлекательных стран для иностранных инвесторов // kz.chineseembassy.org/rus/ztbd/dxp/waiguorennyanzhong/t161099.htm.

¹⁴ *Белокреницкий В.Я.* Восток в мирополитических процессах. М., 2010. С. 147.

¹⁵ *Бажанов Е.* Китай: старый новый друг. В круге света // Радио «Эхо Москвы». 15.04.2014.

¹⁶ *Титаренко М.* Сосед, партнер и друг // www.ng.ru/courier/20090–61–5_china.htm.

¹⁷ *Лузянин С.Г.* Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс // www.perspektivy.info/oikumena/politika/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g.

¹⁸ *Лузянин С.Г.* Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс // www.perspektivy.info/oikumena/politika/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g.

¹⁹ *Лузянин С.Г.* Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс // www.perspektivy.info/oikumena/politika/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g.

- ²⁰ Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс // www.perspektivy.info/oikumena/politika/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g.
- ²¹ Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс // www.perspektivy.info/oikumena/politika/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g.
- ²² Кива А. От Майдана к Майдану. Что ждет Украину в ближайшие годы // Столетие.Ру. 07.03.2014.
- ²³ Гринберг Р. Восстановить доверие в треугольнике Запад, Украина, Россия // Vedomosti.ru. 06.06.2014.
- ²⁴ Злобин Н., Колтон Т., Рыжков В. О российско-американских отношениях // Радио «Эхо Москвы». 22.05. 2014.
- ²⁵ Злобин Н., Колтон Т., Рыжков В. О российско-американских отношениях // Радио «Эхо Москвы». 22.05. 2014.
- ²⁶ Невейкин В. К вопросу российско-китайского евразийского союза // www.echo.msk.ru/blog/nevejkin/821604-echo.
- ²⁷ Титаренко М. Сосед, партнер и друг на Востоке. Интервью «Независимой газете» [www.ng.ru/courier/20090-61-5_china.html].
- ²⁸ Косов Ю. Переговоры идут очень сложно // Русская народная линия. 30.04.2013.
- ²⁹ Гринберг Р. Восстановить доверие в треугольнике Запад, Украина, Россия // vedomosti.ru. 06.06.2014.

Резюме

Монография доктора исторических наук, главного научного сотрудника-консультанта Института востоковедения Российской академии наук Кивы Алексея Васильевича «Реформы в Китае и России. Сравнительный анализ» посвящена реформам в двух крупных и влиятельных в мире соседских странах со сходным историческим прошлым в новейшее время. КНР и РФ как наследница СССР строили социализм согласно марксистско-ленинскому учению, хотя адаптировали его применительно к национальным условиям. Но потом пути их разошлись. Власти постсоветской России решительно отказались от социализма в пользу капитализма хорошо известными россиянам шокowymi методами. Пекин же после прихода к власти Дэн Сяопина, не отказываясь ни от социализма, ни от марксизма-ленинизма, но придавая тому и другому новый облик, начал проводить реформы в парадигме градуализма. Без революционной ломки политической и экономической системы и с упором на повышение, а не понижение жизненного уровня граждан.

Данная работа носит компаративистский характер и состоит из введения, шести разделов и заключения. Во введении автор дает обзор источниковедческой базы и называет основные направления своего исследования. Первый раздел посвящен выявлению сходств и различий между китайцами и россиянами, специфике китайского общества и фактору живучести китайской цивилизации, насчитывающей более пяти тысяч лет. Второй раздел — модели китайских реформ, основным ее составляющим, принципам, приоритетам. В третьем разделе рассматриваются социально-экономические преобразования в постсоветской России, качество модели реформ, профессионализм и философия ее исполнителей, их приоритеты и т.д. Четвертая глава посвящена политическим реформам в Китае и России. Особое внимание автор уделяет проблеме фактической смены вектора общественного развития КНР, роли в этой трансформации инициатора реформ Дэн Сяопина и правящей компартии, ее идейно-политической и социальной сущности, дает свое понимание «социализма с китайской спецификой». Что же касается России, то основное внимание автор уделяет проблеме формирования постсоветской политической системы. В пятом разделе речь идет о крупных проектах в той и другой стране, о развитии в них высоких технологий и науки. Шестой раздел посвящен образу Китая в России и мире. В работе, естественно, нашлось место и российско-китайским отношениям. В заключении автор в сжатой форме анализирует достижения двух стран, указывает на стоящие перед ними проблемы и трудности.

Следует подчеркнуть, что автор не смешивает стратегию развития страны и модель социально-экономических и иных реформ, как это часто делается. В Китае стратегией развития является построение «социализма с ки-

тайской спецификой» и его промежуточная цель — создание «общества средней зажиточности» («сяокан»). Это общество, в котором каждый китаец должен быть обеспечен всем необходимым не на очень высоком, но на вполне приемлемом уровне — работой, жильем, возможностью учиться, лечиться и т.д. Из этого вытекает и название — «средняя зажиточность». В то же время не очень афишируемая, но понятная всем китайцам и их объединяющая идея, по сути, национальная идея, — вернуть Китаю его бывшее могущество. Что касается модели реформ, то в Китае она создавалась самими китайцами с учетом опыта нашего нэпа, реформ в Венгрии и соседних быстро растущих стран, в первую очередь Южной Кореи и Сингапура. Ее составной частью было создание в невероятно больших масштабах свободных экономических зон (СЭЗ) для привлечения в страну иностранного капитала, технологий и получения современного управленческого опыта. Это во многом и обеспечило успех китайских реформ.

В России стратегии развития страны не было и до сих пор нет по факту, как и национальной идеи. Модель же реформ была разработана в Вашингтоне на основе неolibеральной теории американца Милтона Фридмана. Ее реализация, начатая командой Е. Гайдара — А. Чубайса при непосредственном участии американских советников, с некоторыми изменениями продолжается до сих пор. Это и предопределило провал реформ и фактическое неразвитие реального сектора экономики, прикрываемое быстрым ростом цен на энергоносители и, соответственно, ростом ВВП. Такая модель востоковедам хорошо известна из опыта развивающихся стран, и называется она «рост без развития». То есть за счет экспорта ценного сырья и роста цен на него на мировых рынках страна получает большие доходы, но расходуются они в малой доле на развитие экономики и инфраструктуры и присваиваются правящей элитой, идут на обустройство столицы, в которой появляются элитные дома, дорогие магазины, фитнес-клубы, ночные клубы, а вокруг нее растут коттеджные поселки для состоятельных граждан. Во избежание политических потрясений какая-то часть средств тратится и на социальные цели. При этом, как правило, идет утечка капитала, да и само государство часто держит свои валютные резервы в странах Запада.

Автор работы указывает на полярные направления приоритетов в ходе проведения реформ в Китае и России. В КНР была сделана ставка на промышленное и научно-техническое развитие через непродолжительный этап «декоммунизации» деревни, что позволило в короткий срок резко увеличить сельхозпроизводство. Посредством экономических, технологических и иных СЭЗ Китай фактически на средства Запада осуществил индустриализацию и создал мощный технологический сектор. В погоне за прибылями при дешевизне рабочей силы и с учетом необъятного рынка едва ли не все крупнейшие мировые корпорации создавали в Китае свои производства, филиалы научно-технических центров, лаборатории. Запад фактически подготовил для Китая и кадры специалистов. В США и ряде других стран получили высшее образование или состоялись там как крупные специали-

сты более 2 миллионов китайцев. Немалая часть из них вернулась на родину. В свою очередь многие западные ученые стали читать лекции или работать в китайских вузах и исследовательских центрах.

В России основная ставка была сделана на энергоносители, что было не лучшим решением, ибо привело к деиндустриализации и деградации технологического сектора. Но поскольку новая экономика практически не создавалась, инфраструктура слабо развивалась, а бюрократические препоны для ведения бизнеса не уменьшались, то не было и притока иностранного производительного капитала. А немалая часть средств, получаемых от экспорта энергоносителей, шла не в экономику, а расходовалась на престижные, прежде всего спортивные проекты. Это, в первую очередь, создание дорогостоящей инфраструктуры для проведения зимней олимпиады в Сочи и мирового первенства по футболу в 2018 г. Немало средств ушло и на обустройство острова Русский, что было приурочено к проведению там саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества.

В монографии много места уделено личности архитектора реформ Дэн Сяопина. Он дал ход частному предпринимательству, сумел соединить план и рынок, указал на ошибки Мао Цзэдуна, но не стал заниматься его разоблачением, превратил компартию в мотор рыночных и, по сути, буржуазных реформ, постепенно меняя ее идеологию и социальный состав. И что очень важно, во избежание появления нового диктатора Дэн Сяопин настоял на введении в конституцию и в партийный устав принципа двух сроков пребывания во власти по 5 лет каждый для первых двух руководителей страны — главы государства и премьера. С тех пор этот принцип неукоснительно соблюдается. Это стало и серьезным противоядием против злоупотребления первыми лицами властью, поскольку после сложения своих полномочий они не имеют иммунитета и, как и другие граждане, могут предстать перед судом за противоправные решения и действия.

Автор дает свой прогноз развития двух стран в обозримом будущем. По его мнению, он более благоприятен для Китая, чем для России, ахиллесовой пятой которой является сырьевая экономика. Пока есть нефть и газ и высокие цены на них на мировых рынках, ситуация в стране будет оставаться стабильной. Но если по тем или иным причинам цены упадут, то государственному бюджету, как и большинству россиян, трудно будет сводить концы с концами. Поэтому ученые, и прежде всего ученые РАН, давно призывают власти сделать акцент на диверсификацию российской экономики и перестать расходовать огромные средства на престижные проекты. Власти, насколько можно судить, услышали голос науки и стали позитивно реагировать на него.

Настоящая работа является одновременно и теоретической, и содержащей большой фактический материал. Она может представить интерес как для обществоведов и специалистов, так и для широкого читателя, поскольку написана не наукообразным, а живым языком.

Summary

The monograph “Reforms in China and in Russia. Comparative Analysis” by Alexey Vasilyevich Kiva, Ph.D, Chief Scientific Researcher-Consultant at the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, focuses on reforms carried out in contemporary history in two big neighbouring countries with vast influence in the world and a similar historical background. The People’s Republic of China and the Russian Federation as a successor to the USSR were both engaged in building socialism according to Marx and Lenin’s teaching, each, however, adapting it to the relevant national conditions. Yet, later on their paths diverged. The authorities of post-Soviet Russia decisively rejected socialism in favour of capitalism, using shock therapy methods which are well-known to Russians. By contrast, after Deng Xiaoping came to power, Beijing started implementing reforms within the paradigm of gradualism, without rejecting either socialism or Marxism-Leninism, but rather giving both of them a new shape and a new lease of life. It was accomplished without a revolutionary demolition of the political and economic system, putting emphasis on an increase rather than a decline in the citizens’ living standards.

– This paper is of comparative nature; it consists of an introduction, six sections and a conclusion. In the introduction the author gives an overview of the source study base and names the major lines of his research. The first section is devoted to identifying similarities and differences between the Chinese and Russians, special features of the Chinese society and the vitality factor of the Chinese civilization, which extends back over five thousand years. The second section deals with the model of Chinese reforms, its major components, principles, and priorities. The third section looks at social and economic transformations in post-Soviet Russia, the quality of the reform model, professionalism and philosophy of its executors, their priorities, etc. The fourth chapter is devoted to political reforms in China and in Russia. The author gives particular attention to the problem of the actual change in the vector of social development of the People’s Republic of China, the role played by the reform initiator Deng Xiaoping and the ruling Communist Party in that transformation, its political-ideological and social essence, and reveals his understanding of “socialism with special Chinese features”. As far as Russia is concerned, the author focuses on the problem of shaping the post-Soviet political system. The fifth section deals with big projects in both countries, covering high-tech and scientific development there. The sixth section is devoted to the image of China in Russia and in the world. Naturally, the paper also incorporates the issue of Russian-Chinese relations. In the conclusion the author gives a brief analysis of the two countries’ achievements, pointing out the problems and difficulties faced by them.

– It should be emphasized that the author does not confuse the development strategy of a country with the model of social-economic and other reforms,

which is otherwise often the case. In China the development strategy is building “socialism with special Chinese features”, whereas its interim objective is to create a “moderately well-off society” (“xiaokang”). It is a society where each Chinese should be provided with all the necessary things at a fairly acceptable level, rather than a high one, including a job, housing, opportunities to study and get medical treatment, etc. Hence the notion — “moderately well-off”. At the same time the idea that is not so much publicly exposed, but is still understandable to all the Chinese and efficient in uniting them, — in fact, the national idea — is to regain the former might of China. As for the reform model, in China it was created by the Chinese themselves, taking into account the experience of our New Economic Policy, reforms in Hungary and rapidly growing neighbouring countries — in the first place, South Korea and Singapore. It involved setting up free economic zones (FEZ) on an incredibly large scale to attract foreign capital and technologies to the country and acquire modern management experience. It largely accounted for the success of the Chinese reforms.

– In fact, Russia has been — and still is — lacking in a strategy for developing the country, as well as a national idea. The reform model, in turn, was developed in Washington based on the neoliberal theory of the American Milton Friedman. Its implementation initiated by the team of Ye. Gaidar — A. Chubais, directly involving American advisers, is still under way today, though with some changes. It doomed the reforms to failure and predetermined actual non-development of the real sector of economy disguised by a quick increase in prices for energy resources and GDP growth, correspondingly. This model is well-known to Orientalists from the experience of developing countries; it is called “growth without development”. That is, due to the export of valuable raw materials and their price rise on the world markets, the country gains high income; however, only its small share is spent on developing the economy and infrastructure, the rest is appropriated by the ruling elite, spent on building relevant facilities in the capital, which gets elite houses, expensive shops, fitness and night clubs, whereas cottage settlements for well-off citizens crop up around the capital. To avoid political upheavals, part of the funds is also spent on social needs. At the same time, as a rule, there is an ongoing capital flight, and the state itself holds its foreign currency reserves in Western countries.

– The author of the monograph points to the polar directions of priorities in the reform-making process in China and in Russia. The People’s Republic of China placed its bets on industrial, scientific and technical development through a short period of village “decommunization”, which made it possible to boost agricultural production within a short period of time. Due to economic, technological and other types of FEZ, China carried out industrialization and created a strong technological sector — actually at the expense of the West. In pursuit of profits due to the cheap workforce and taking into account the enormous market, nearly all major world corporations set up their production facilities, branches of scientific and technical centres, and laboratories in China. In fact, the West also prepared skilled staff for China. In the USA and a number of other countries over

2 million Chinese people got higher education or established themselves as big specialists. Quite a few of them came back to their home country. Many Western scientists, in turn, started delivering lectures or working at Chinese institutes, universities and research centres.

– Russia placed its major bets on energy resources, which was not the best solution, resulting in deindustrialization and degradation of the technological sector. But since there was virtually no new economy in the making, as well as little development of the infrastructure, whereas bureaucratic hurdles for doing business did not reduce in number, there was no influx of foreign productive capital. At the same time a considerable part of the revenues obtained from exports of energy resources did not go into the economy, but was rather spent on prestigious, primarily sports-related projects. In the first place, it was the creation of a costly infrastructure to hold the Winter Olympic Games in Sochi and the 2018 world football championship. Quite some money was spent on providing all the necessary facilities for Russky Island, which was timed to coincide with the Asia-Pacific Economic Cooperation Summit Meeting held there.

– The monograph focuses extensively on the personality of the reform “architect” Deng Xiaoping. He set private enterprise in motion, managed to combine plan and market, pointed out Mao Zedong’s mistakes, but did not get involved in debunking him, turned the Communist Party into a driving force behind market — and essentially — bourgeois reforms, gradually changing its ideology and social composition. Besides, what is very important, in order to avoid getting a new dictator, Deng Xiaoping insisted on introducing the principle of two terms of office, 5 years each, for two country leaders — the Head of State and the Prime Minister — in the Constitution and the Party Rules. This principle has been strictly observed ever since. It has become an efficient antidote to power abuse by country leaders due to the fact that after divesting themselves of authority, they have no immunity and may appear in court for illegal decisions and actions, just like any other citizens.

– The author makes his forecast for the development of the two countries in the foreseeable future. In his opinion, it is more favourable for China than for Russia, whose Achilles’ heel is the resource-based economy. As long as there is oil and gas and their prices are high on the world markets, the situation in the country will remain stable. Should the prices fall for some reason, however, the state budget will have difficulty making both ends meet, just like the majority of Russians. Therefore, scientists, and primarily scientists at the Russian Academy of Sciences, have been calling upon the authorities to put emphasis on diversifying the Russian economy and stop wasting huge amounts on prestigious projects for a long time now. As far as one can judge, the authorities have finally heard the voice of science and come up with a positive response to it.

– The present paper is theoretical though at the same time it contains a vast amount of factual material. It may be of interest to social scientists and specialists, as well as a broad range of readers, as it uses a vigorous style rather than pseudo-scientific language.